

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВТОРОЙ ЦИКЛ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Вновь начало истории, новая государственность
(Вместо введения)

I. Господство соборного идеала («Триумфальное шествие Советской власти»)

II. Господство раннего умеренного авторитарного идеала («Военный коммунизм»)

III. Ранний идеал всеобщего согласия (нэп)

IV. Торжество и падение крайнего авторитаризма
(Сталинизм)

V. Вновь идеал всеобщего согласия («Оттепель»)

VI. Вновь умеренный авторитарный идеал
(«Этап застоя»)

VII. Возврат к соборно-либеральному идеалу
(«Перестройка»)

ВНОВЬ НАЧАЛО ИСТОРИИ, НОВАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

(Вместо введения)

ТОРЖЕСТВО ПРАВДЫ-ИСТИНЫ

В ноябре 1917 года власть была захвачена большевиками — еще несколько месяцев назад маловлиятельной и малоизвестной партией, крайним крылом российской социал-демократии, которое было, «несомненно, самое почвенное из русских революционных движений»¹. Это, как многим тогда казалось, эпизодическое событие на краю цивилизованного мира явилось, однако, поворотным пунктом в истории России, событием мирового значения. Третья в истории страны государственность, возникшая после Великой смуты начала XVI века, развалилась под возрастающим давлением локализма, отказа рядового человека воспроизводить своей повседневной деятельностью социальные отношения большого общества, государственности. *Обратная глобальная инверсия, начавшаяся в результате банкротства крайнего авторитаризма Петра I, дошла до своего логического конца, до противоположного полюса, до массового превращения локализма в высшую ценность. Этот огромной силы рывок привел к национальной катастрофе, к гибели значительной части населения, к дезинтеграции, к гигантской ломке социальных отношений, к разрушительной инверсии в культуре.*

События ноября 1917 года означали, что мощная глобальная инверсионная волна дошла до противоположной крайности, застыла на какое-то время и повернула назад. Точкой этого поворота было возникновение новой, четвертой государственности, приход к власти правительства В. И. Ленина. Новую государственность можно рассматривать как попытку сохранившегося в этом хаосе слабого элемента государственности ответить на разрушительный хаос организацией власти,

¹ Федотов Г. П. Россия и свобода. Нью-Йорк, 1981. С. 53.

соединить локализм с его противоположностью — с интеграцией целого. Однако государственники в последней точке локалистской инверсии не имели ни малейшего шанса создать государство, если не подоспеет соответствующая массовая инверсия.

Страна развалилась на атомы локальных миров, способных вести бесконечную войну друг с другом, обрекая на гибель города, культуру, государство, миллионы людей. Общество, лишенное внутренних интеграторов, не спаянное даже общим торговым интересом, складывалось из множества натуральных хозяйств, интересы каждого из которых не шли дальше собственного огорода. Духовные предпосылки локализма, включая попытку сформулировать, восстановить догосударственный вечевой идеал, приняли характер анархизма. Его теоретик и практик Н. И. Махно мыслил строй, при котором «вся страна покрывается местными совершенно свободными и самостоятельными социально-общественными самоуправлениями тружеников... Через свои районные, областные и общенациональные съезды эти местные хозяйственные и общественные органы самоуправления устанавливают общую схему порядка и трудовой взаимности между собой... Наша трудовая община будет иметь всю полноту власти у самой себя и своей воли, свои хозяйственные и иные планы и соображения будет проводить через свои органы, которые они сами создают, но которые не наделяют никакой властью, а только лишь определенными поручениями»². Этот догосударственный идеал был чистой утопией в условиях большого общества, в условиях его раскола и растущего утилитаризма и не сулил ничего, кроме бесконечных малых конфликтов по самым разным причинам, постепенно перерастающих в большой конфликт. Общество вернулось в догосударственное состояние. Тем не менее, казалось бы, вопреки логике, государство возникло. Что же оно собой представляло?

Государство должно было в этой ситуации разрешить неразрешимые проблемы. Оно должно было соединить несоединимое, объединить в себе разные, исключаящие друг друга ценности. Оно могло рассчитывать на массовую поддержку, лишь воплощая мечты народа и интеллигенции об обществе, созданном на основе Правды, без начальства и буржуазии. Новое общество возникло на основе содержательного стихийного идеала, в котором было буквально все. Он включал представление о народе, который пришел к власти, чтобы воплотить свои вековые мечты. Как будто восторжествовали

² См.: Шубин А. Махновское движение: идеи и люди // Вестник Конфедерации анархо-синдикалистов. М., 1989. 22 мая. С. 4-5.

идеи славянофилов, утверждающие высокую ценность народного духа. Восторжествовали идеи западников, поскольку новый идеал включал ценности западной науки, модернизации. Восторжествовали великие нравственные устремления Аввакума, поскольку единственная высшая Правда воссияла на вершине власти. Восторжествовал идеал апологетов сильной государственности, таких, как К. Леонтьев. Восторжествовала вера Н. Федорова в ничем не ограниченные возможности человека. Восторжествовали интересы рабочего класса во всем мире, поскольку был «прорван фронт мирового империализма в его слабом звене». Восторжествовала исконная мессианская идея русского народа, начало осуществляться его предназначение в мире, предсказанное в той или иной форме старцем Филофеем, западниками, славянофилами, Чаадаевым, Герценом, Достоевским и многими другими русскими мыслителями. Народ раскрылся как высший хранитель Правды, ее носитель и надежда всех угнетенных в мировом и даже космическом масштабе. Власть, которая возникла в этой духовной атмосфере (т. е. советское правительство), «является представителем не только рабочего класса России, но и всего эксплуатируемого человечества», — говорилось в ноте народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина³. Победа нового идеала, уничтожив силы зла, открыв путь творчеству народа, расценивалась им самим таким образом, что обществу, собственно, перестает нуждаться в государстве, медиаторе, организующей силе, так как творческий взрыв народной активности сам себя организует.

Власть, слитая с партийным руководством, сформировала новую правящую элиту, воплотившую в себе высшую Правду народа и истину науки. Она как будто воплощает, организует полное синкретическое слияние народа, партии и государства. В новом обществе личность, как в общине, приобщена к целому, человек осознает себя лишь в процессе партиципации к высшей Правде, воплощенной в правящей элите. Каждый человек, каждый социальный институт осознает себя как частицу целого, страшится отпадения и в этом находит нравственную основу своей жизни. В такой нравственной системе нет начальства, каждый, кто в достаточной степени достигнет высшей Правды, может занять любой пост, т. е. каждый — потенциальный вождь.

Те, кто сейчас эти посты занимают, — вчерашние рабочие и крестьяне, справедливые люди, праведники, которые стоят «за народ». Каждый советский человек горд и велик своей парти-

ципацией к высшему. Он выше человека Запада, который не постиг Правды и, в силу эксплуататорской сущности буржуазного общества, не желает прозреть, погрязнув в ложной жизни. Все общество будет жить по законам большой семьи в соответствии с высшей Правдой, включая, однако, в свою жизнь использование машин, научно-техническое развитие. Нравственный идеал народной Правды получил свое воплощение. Вместе с этим как будто кончились все муки раскола, неправды эксплуататорского общества. Кончилась предыстория человечества и началась действительная история. Над миром вспыхнул факел, осветивший путь к всеобщему освобождению.

Новая власть принимала самые крайние требования масс, исполненных решимости физически истребить кривду во всех формах ее проявления. Началась новая эпоха — эпоха торжества научного социализма, т. е. Правды; свободы, т. е. воли; равенства, т. е. всеобщей уравнительности; братства, т. е. общинных личностных отношений; народовластия, т. е. абсолютной власти на местах, и т. д. Пришедшие в движение древние идеалы стремились создать общество-общину, общество — братскую семью. Все до предела просто, так как все как будто естественно следует народной Правде и одновременно представляет собой научную истину.

Однако во всем этом заключается и нечто непостижимое, так как *по своей сути народная Правда и научная истина, вообще говоря, совершенно разные и даже противоположные явления*. Правда — нравственный идеал традиционного общества, тогда как истина науки — мысль, претендующая на соответствие некоторому объективному содержанию. *Новый идеал, следовательно, нес в себе скрытую антиномию, самоотрицание, нес раскол*. Трудность понимания путей возникновения нового идеала, нового общества заключается прежде всего в отсутствии осмысленного на категориальном уровне исторического прецедента в истории как России, так и за ее пределами. Трудность понимания этих событий заключается в том, что крах господствующего соборно-либерального идеала, сопровождаемый крахом государства, означал, что глобальный модифицированный цикл исчерпал себя, ознаменовав тем самым глубочайший рубеж в истории страны.

ТОРЖЕСТВО ОБЩИНЫ

Окончание глобального цикла в условиях господства инверсионной логики возвращает историю к своему началу, разумеется, в рамках этого цикла. Однако это не означает, что речь идет о возврате всего вплоть до покроя одежды, обычаев и т. д.

Задача науки как раз и заключается в том, чтобы установить уровень абстракции рассмотрения предмета, который соответствовал бы природе глобального инверсионного модифицированного цикла. На этой основе необходимо сформировать точку зрения, которая, с одной стороны, позволила бы не принимать несущественные различия за существенные, а с другой — не позволила бы утопить все в абстрактной тождественности явлений, где вообще исчезают значимые различия. Возврат к исходной точке в данном случае означал лишь господство в обществе древнего менталитета, очищение его от последующих наслоений и закрепление соответствующих форм сообществ, социальных отношений, в частности, господства дорыночных отношений.

О возврате к началу истории можно реально говорить в том смысле, что активизировалась аналогичная социальная ячейка общества, которая могла служить социальной основой для соответствующего нравственного идеала. Государственность в России возникла на основе экстраполяции синкретического вечевоего идеала, сложившегося в древних локальных сообществах. «В глазах простолюдина Россия не государство и не нация, а скорее семья. Этот патриархальный взгляд столь же древен, кажется, как и сама Россия; он... лишь распространился и упрочился»⁴. Остались ли в силе такие представления? В этом нет сомнения, так как новое общество само возникло как результат мощной волны локализма. Она сломала столыпинскую реформу и заняла прочную оборону против большого общества, заставив, в частности, большевиков принять уравнительную земельную политику, органически враждебную частной собственности.

Сельская территориальная община «несла на себе родимые пятна древней родовой патриархальной общины»⁵. Территориальная община возникла на основе общинно-уравнительной культуры как приспособление древних локальных сообществ к вызову истории, т. е. росту «утеснения», ограниченности земли. Она не оставалась единственным институтом древнего традиционализма, так как традиционализм пронизывал все общество, включая синкретическую государственность, а также и все прочие формы жизни: крепостную промышленность, город и т. д. Тем не менее община была определяющей формой социальных отношений, которую приобрел традиционализм в первом глобальном периоде. Это не снимало необходимости рассмотрения и иных форм, которые также были носителями

⁴ Вумме С. Ю. Самодержавие и земство. СПб., 1908. С. 52.

⁵ Зырянов П. Н. Земельно-распорядительная деятельность крестьянской общины в 1907-1914 гг. // Исторические записки. 1988. № 116. С. 107.

традиционных ценностей (например, семья). Община была сообществом, находившимся «между крестьянской семьей и феодальным государством»⁶. В общине не только концентрировалось большинство крестьян, в ней также вечевого идеал сохранился в наиболее последовательной синкретической форме, распадаясь одновременно на соборность и авторитаризм. В новом обществе община продолжала развиваться и укрепляться. При этом она возрождалась в наиболее архаичной форме, т. е. преобладало стремление к распределению земли по едокам⁷. Революция «приостановила распад общины», аграрные реформы привели «к возрождению и развитию общинного землепользования»⁸. При этом события, которые, как многим тогда казалось, перевернули мир, в действительности не могли «изменить сущность общины как соседской организации единичных крестьянских хозяйств»⁹.

Территориальная сельская община всегда была неприступным бастионом локализма. Кровнородственные отношения остались господствующими в семьях, объединение которых составило новый тип локальной организации, специфический локальный мир. Территориальная община возникла еще в процессе перехода к оседлому образу жизни с постоянной пашней, к более эффективным методам хозяйства. Это была лишь новая форма традиционализма, локализма, приспособленная к изменившимся условиям. Древний род сменился союзом семей. «Современная община — продукт разложения такого рода первобытных форм. Этот процесс разложения создавал в одних случаях так называемые семейные общины, в других — общины все менее родовые, все более территориальные — путем создания новых дворов по соседству со старинным; получала начало обыкновенная сельская община»¹⁰. Славянская родовая община превратилась в крестьянскую поземельную общину, которая сохранялась на протяжении всей русской истории. *Это была не просто организация, но элемент массового менталитета. Она формировалась и тогда, когда не бы-*

⁶ Мишенко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979. С. 303.

⁷ Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 108, 109.

⁸ Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1976. Т. 2. С. 77, 79.

⁹ Данилов В. П. Община у народов СССР в послеоктябрьский период // Народы Азии и Африки. 1973. № 3. С. 46.

¹⁰ Кауфман А. А. К вопросу о происхождении русской земельной общины. М., 1907. С. 4; см. также: И. Л. Поземельная община в Западной Европе (раздел I статьи «Поземельная община») // Энциклопедический словарь / Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. СПб., 1898. Полутом 47. С. 186-187.

ло никакой внешней силы, которая ее к этому понуждала, когда крестьяне были свободны в выборе форм отношений¹¹.

Попытки приспособить общину к требованиям государства, к росту денежного обращения не изменили ее природу. Например, введение подушной подати по образцу западноевропейской податной системы, соответствовавшей частной собственности на землю, предусматривало чисто личное налогообложение. Однако этот принцип оказался несовместимым со сложившимися в России общинными отношениями. Подать по-прежнему налагалась на общину в целом и разверстывалась между наличными хозяйствами соответственно числу лиц мужского пола в семье, что стимулировало периодические перераспределения земли в общинах. *Буржуазный принцип налогообложения оказался в России стимулом активизации, стабилизации древних форм общественной жизни. Относительная независимость крестьянского мира от государства помогла миру пережить все перипетии государственности.* Это обстоятельство следует признать особенно важным для страны, где городское население едва превышало два процента. Крестьянский мир не был поколеблен ни господством иноземцев, ни государственным крепостничеством, ни крайними формами авторитаризма. Сила общины состояла в ее стойком сопротивлении любым переменам, в незнании иных форм жизни. О подобной системе у древних кельтов, долматов, германцев писали античные авторы — Диодор Сицилийский, Страбон, Тацит. Раннее сообщение о земельном переделе на Руси относится к 1500 году; в XVII веке масштабы земельных переделов возросли, а в XVIII веке переделы стали господствующей формой крестьянского землепользования. Усиливающееся значение переделов в крестьянской жизни было реакцией синкретического сознания на то, что земля перестала быть в избытке, на возникающую нужду в ней. Крестьянство дало ответ на этот вызов на основе общинных принципов.

Поземельная община — замкнутая локальная организация, для которой мир оканчивается за околицей. Обычно это была деревня в 30-50 дворов, иногда их число достигало сотни. Община выступала как хранительница древних догосударственных ценностей, древних форм социальных связей. Все дела решались сельским сходом, в котором принимали участие главы крестьянских семейств (дворов) и который ничем не отличался от древнего веча. В своих решениях сход всегда стремился к единогласию: «Что миром положено, тому быть так. Что мир порядил, то бог рассудил». Тем самым каждый член

¹¹ См., например: *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925. С. 187.

общины черпал силу в приобщении к внешней силе решения схода, воспринимая его как собственное. Личность растворялась в общине. Эта монологичность не только относилась к принятым на миру решениям, но и распространялась на повседневную жизнь общины, способствуя ее унификации. Интересны в этой связи жалобы одного из крестьян на обезличивающее давление общины: «Каждый крестьянин не то делает с землей, что хочет, а то, что говорит мир. У крестьян заведен порядок: начинать работу вместе, пахать, навоз возить, косить, жать, так что одному не дают какую-нибудь работу сделать... Я посеял бы на своей ниве клевер и пользовался бы им три года; на паровом поле я посеял бы весной, до сеяния ржи, вику; вику снял бы и посеял рожь. Я исправил бы землю и пользовался кормом, но прочие члены общины не согласны. Крот портит луга, я исправил бы их, а прочие говорят, что им некогда: „ладно и так“. На низких местах поля нужно прокопать канавы во избежание отмочек,— говорят: „наши отцы не копали, и мы не будем“. На каждом шагу неудобства — всего не опишешь»¹². В общине царствовал принцип круговой поруки, общей ответственности.

Сход представлял не лиц, а семьи, дворы. Большое влияние там имели старики 60—70 лет, что определялось общей ориентацией на древние обычаи, на господство прошлого над будущим. Решающим доводом при принятии решений была формула: «наши деды так делали». В общине верховодили середняки, которые составляли большинство. Соборный и одновременно авторитарный характер схода проявлялся в подчинении личности целому. Сход мог приговаривать к телесным наказаниям, отдавать «порочных», «нерачительных», «беспокойных» крестьян на поселение, сдавать их в рекруты, вмешиваться в семейные дела. Известны случаи выдачи миром своих людей властям, как якобы виновных в убийстве, с тем чтобы избежать ответственности за обнаруженный на территории общины труп. Здесь общая ответственность синкретически отождествляется с ответственностью одного, который должен «пострадать за мир». Мир вел розыск и творил суд по уголовным делам в общине, исключая некоторые тяжкие преступления. Решая судьбу своих членов, мир следовал общинным идеалам всеобщего равенства. Отсюда особенности рекрутской политики общины — отдача в рекруты беднейших, что способствовало унификации общины.

Мир подавлял личность: «Кто больше мира будет?», «С миром не поспоришь», «На мир и суда нет — мир один бог су-

¹² Чернышев И. Л. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 года. СПб., 1911. С. 5, 8-9.

дит», — говорит общинная мудрость. Полновластие мира базировалось на древних традициях. Государство же и власть помещиков были слишком слабы, чтобы управлять, минуя сход. Один из ближайших к Александру II сановников генерал Я. И. Ростовцев говорил: «Без мира помещик не собрал бы своих доходов ни оброком, ни трудом, а правительство — своих повинностей».

Община оставалась первостепенной, хотя и подспудной силой в обществе. В 1927 году 91,1% земель, находившихся в пользовании крестьян, в том числе 93,6% земель в Сибири и 99,8% на Дальнем Востоке, были общинными¹³. Исчезли вненадельные земли, которые могли служить основой крупных, относительно независимых от гнета общины хозяйств¹⁴. *Новое общество, возникшее после конца глобального инверсионного цикла, было прежде всего победой глубоко архаичных локальных форм социальных отношений и нравственного идеала.*

Социальные силы общин резко возросли. Теперь они владели землями, которые раньше принадлежали казне, помещикам, церкви, монастырям, а также хуторянам и отрубникам. *Крестьянин-общинник укрепил свое положение как почвенный слой общества.* Расширились функции общины. Государство приспособлялось к ней, используя общинный раскладочный механизм, круговую поруку. Община определяла важнейшие параметры жизни людей: механизм получения земли, процесс приписки к обществу, принудительное возвращение ранее выбывших, формы землепользования, выделение на хутора. Укрепление этих форм давало *могущественнейший импульс уравнительности, охватившей все общество.*

Власть в новом обществе, судорожно искавшая опору для соединения государственности и массового сознания, попала прежде всего в зависимость от могучей массовой силы общинного крестьянства. Его сила была не только в численности, в высоком удельном весе в обществе (что делало рабочих жалкой кучкой, не говоря уже о том, что *система ценностей рабочих недалеко ушла от крестьянской*), но и в активном стремлении к локализму. Это нашло свое выражение в уравнительном распределении земли, причем последняя понималась как синоним Правды. Эти люди знали лишь интерпретацию локального вечевого идеала. Поэтому лишь этот идеал мог стать моделью формирования большого общества.

---

¹³ Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917-1927/ ЦСУ СССР. М., 1927. С. 120-121.

¹⁴ См., например: Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. С. 106 и след.

ОБЩИНА И КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Споры вокруг общины в истории России касались не только ее социального и духовного смысла. Возрастало внимание к ней как к хозяйственной ячейке. Специфика крестьянского хозяйства оказалась мало изученной, хотя это звучит несколько странно в стране, где на протяжении почти всей истории именно этот тип хозяйства определял судьбы страны. Наука пыталась изучать сельское хозяйство на основе методов политической экономии, которые были для этой цели непригодны. Что же касается тех исследований, в которых содержались попытки преодолеть этот недостаток, то они с трудом доходили до сознания общественности. После 1917 года эти исследования запрещались, а оставшиеся в живых ученые были уничтожены. За время своей учебы в Московском государственном экономическом институте на факультете экономики сельского хозяйства я ни разу не слышал об этих исследованиях, за исключением некоторых имен, которые упоминались лишь как «враги народа» и «кулацко-буржуазная агентура».

Между тем А. В. Чаянов, который, видимо, впервые в истории науки исследовал хозяйственные механизмы трудового семейного крестьянского хозяйства, показал, что в основе его деятельности лежит особая мотивация, субъективно ощущаемое равновесие между полезностью благ и тягостностью необходимых для их получения затрат. Здесь отсутствует капиталистическое стремление к максимизации доходов, но преобладает желание соблюсти некоторый баланс между затратами и результатами. 90% этих хозяйств не были затронуты капиталистическими отношениями¹⁵. Переворот уничтожил возможности капиталистического развития, тем самым выбрав докапиталистическую альтернативу. Этот выбор был результатом мощного массового давления. Власть, с ее народническими стремлениями, с одной стороны, и модернизаторскими — с другой, оказалась в сложной ситуации. Интересно, что в отличие от Столыпина высшее руководство новой власти никогда официально не выражало своего отношения к необщинному хуторскому землепользованию. Наркомзем же относился к нему как к нежелательному явлению. Выбор политики затруднялся тем, что именно на хуторах и отрубках урожай, как правило, были выше¹⁶. Между тем изменения удельного веса разных форм землевладения всегда вызывали острые дискуссии, в особенности переход к крестьянству земель, принадле-

¹⁵ Чаянов и Восток. М., 1991. С. ПО.

¹⁶ Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С. 76-77.

жащих другим сословиям. Этот процесс внушал страх специалистам. Они видели в нем фактор падения культуры земледелия. «Не разоряйте страны нашей, не превращайте ее в исключительно серое крестьянское царство». Проблема заключалась в том, что в результате скупки общинами земель «культурный землевладельческий элемент с каждым годом тает, сходя на нет». Скупка земель приводит к тому, что «целые уезды совершенно лишены рентных хозяйств и, следовательно, культурного элемента, так как этот элемент представлен в наших сельских местностях исключительно землевладельцами»¹⁷. Инновации практически шли через помещиков, состоятельных хозяев, тогда как «бедняки с недоверием относились к нововведениям: „Мы люди темные, где уж нам, старики так делали“»¹⁸. Вектор динамики воспроизводства шел, отдаляясь от попыток интенсивного воспроизводства, и усиливал экстенсивное. Этот процесс не зависел от суевы политических событий, но, наоборот, сам определял их с возрастающей силой.

В человеческой истории активизация традиционализма не явилась чем-то новым. Силы традиционализма и раньше в истории уничтожали государственность, допустившую чрезмерный для данной культуры рост товарно-денежных отношений, расслоение общества на богатых и бедных, и создавали новую синкретическую государственность, которая, впитав в себя заряд массового ортодоксального традиционализма, возвращалась к относительно сбалансированному обществу традиционного типа. О такой государственности мечтали славянофилы, за такое общество сражался Пугачев и в той или иной степени все поднимавшие восстания крестьяне. Именно в этом направлении шла обратная инверсия прошлого глобального периода, шли основные силы, уничтожившие старую государственность, вступившую на путь модернизации и либерализма.

Новое общество, по своей сути, стремилось отмести все ценности и социальные отношения, идущие от процессов нетрадиционного типа, от всего враждебного синкретической культуре и ее институтам, от форм конструктивной напряженности, которые отклонялись бы от локализма, отходили от статичного воспроизводства. Эта государственность могла опираться на общины и отвергать всякое правовое разделение власти, права личности, модернизацию и т. д.

Сокрушительная мощь локальных миров давала основание предположить, что для этой государственности будет характерна не сильная централизация, но, наоборот, господство ло-

¹⁷ Гурко В. И. Наше государственное и народное хозяйство. СПб., 1909. С. 59, 51, 50 (курсив мой. — А. А.).

¹⁸ Петерсон Н. П. Просвещение. СПб., 1904. С. 17.

кальных миров, возможно среднего уровня, т. е. общество типа Киевской Руси. Уместно вспомнить, что некоторые ставили под сомнение существование в ней государства. И развитие действительно шло в этом направлении.

НЕОБРАТИМЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

История начиналась сызнова, с уровня господства локализма. Однако этот возврат к исходной точке не мог быть полным, так как в массовом сознании имели место необратимые глубокие качественные сдвиги, явившиеся результатом определенного прогресса, медиации. К ним относится, во-первых, существенный рост утилитаризма, причем умеренный утилитаризм, не оторвавшийся еще от синкретизма, приобрел массовый характер. Во-вторых, силами либеральной России был повышен образовательный уровень населения, что расширило возможность распространения абстрактных идей, прежде всего идеи необходимости государственности. В-третьих, рост утилитаризма стимулировал рост веры в технику и науку как в некий тотем, способный быть эффективным средством добычания благ, лечения болезней, создания общества Правды на земле. В-четвертых, в среде русской интеллигенции, непривычной к упорному труду, возник узкий слой, способный к напряженнейшей организационной работе, что явилось результатом роста утилитаризма, влияния либеральной культуры. Одновременно мимо интеллигенции не мог пройти, хотя бы и односторонне истолкованный, исторический опыт катастроф, инверсионных поворотов. В-пятых, усилилась напряженность раскола, т. е. напряженность исключаящих друг друга стремлений: стремления крестьян вернуться к замкнутым локальным мирам, основанным на натуральном хозяйстве, с одной стороны, и стремления к модернизации, обеспечивающей рост потребления, — с другой.

Переворот носил инверсионный характер, он был ярко выраженной антимиацей, своеобразной косою инверсии, которая скосила все, что выходило за рамки санкционированного традиционализмом уровня уравнительности. Тем не менее рост влияния утилитаризма, пусть примитивного, означал, что *погромы и террор не смогли полностью уничтожить достижения медиации*. Одна из причин этого парадоксальным образом заключалась в том, что сами силы инверсии нуждались в достижениях медиации, науки и техники для своей победы. В связи с этим *господствующий идеал уже не мог быть чисто соборным*. Чтобы стать нравственной основой государственности, он должен был подвергнуться существенной интер-

претации. Эта проблема встает перед правящей элитой при любом инверсионном повороте. Однако на этот раз сложность проблемы возросла в исключительных масштабах. Могло ли существовать государство, которое было бы вечевым и одновременно учитывало бы имевшие место необратимые изменения?

Новая власть столкнулась с проблемой коренного расхождения массовых утопических замыслов и реальных социальных культурных возможностей. Не следует забывать, что точно так же, как невозможен вечный двигатель, крылатый слон,— *невозможно преодолеть раскол посредством элиминирования тем или иным путем частей общества, без которых целое существовать не может*. Они неизбежно восстановятся. Новая власть возникла на волне веры, что зло, т. е. нарушение уравнительности, эксплуатация, спекуляция и т. д., может быть уничтожено избием его носителей или, в лучшем случае, посредством осознания носителями зла торжества Правды и перехода на ее позиции. Однако раскол не исчез в результате победы власти советов. Он остался повседневной реальностью политической, хозяйственной, организационной, культурной жизни. Это означало, что *на первый план вышла проблема синтеза расколотых частей общества*, проблема обеспечения организационной и культурной интеграции общества. Основу этой интеграции нельзя было изобрести, необходимо было разыскать ее предпосылки в самой жизни общества. Космическая радикальность переворота, потрясшего мир, не отменяла того, что основы интеграции следовало искать не в туманных революционных мифах нового строя, но в исторически накопленном культурном богатстве. Среди различных вариантов интерпретации этой социокультурной ситуации, выдвигавшихся представителями правящей элиты, выделялась концепция В. И. Ленина, которая и была положена в основу деятельности нового общества.

СОВЕТЫ И ЛЕНИНИЗМ

Исключительное место В. И. Ленина в истории России определяется тем, что он открыл возможность превращения динамики массового сознания в условиях предкагастрофического состояния общества в особый предмет профессиональной деятельности идеологов, состоящих на службе у государства. *Успех Ленина заключался в том, что он открыл существование нравственного идеала, позволяющего объединить массовое сознание и государственность, организовать победы*

носную борьбу за превращение его в господствующий в условиях раскола идеал.

Под его руководством произошел беспрецедентный в истории социальный переворот, который обнажил метафизическую бездну не только российской, но, быть может, и всемирной истории. Кажется, что эта бездна столь глубока, что человечество до сих пор не разглядело ее до дна. Каждая фраза, написанная Лениным, проста и прозрачна, казалось бы, ее может понять любой, самый необразованный человек. Но понять Ленина в целом трудно. Что-то есть неуловимое в его прозрачных построениях. Все, что он писал и делал, пронизано внутренним единством. Но одновременно в этом единстве есть нечто такое, что дает последовательную систему аргументов для прямо противоположных точек зрения. Враги и последователи выстраивали друг против друга полчища цитат, противопоставляя Ленина-либерала Ленину — стороннику авторитарной власти, Ленина-гуманиста — Ленину-реакционеру, Ленина как воплощение высшей Правды — Ленину-грабителю и т. д.

Мнение, что Ленин «прост, как правда», можно понять не только как указание на его простоту, но и как намек на исключительную сложность, даже непознаваемость ленинизма, так как все понимают Правду на свой лад.

Истоки ленинизма следует искать в сфере представлений промежуточного слоя русской интеллигенции, решающей сложнейшую проблему соединения в единую систему массового народного сознания и определенных элементов высокой культуры, жизненно важных для обеспечения государственности. Ленинизм — этап этого культурного движения, приведший к новым исключительным результатам.

Ленин мыслил новое общество инверсионной противоположностью тому, с которым он боролся. Хотя прошлое общество возникло как соборное, тем не менее его дальнейшее развитие позволяло взглянуть на него как на государственное, в значительной степени тяготившее к вотчинной субкультуре и организации. Этому результату развития Ленин противопоставил, вольно или невольно, противоположную идею, тяготившую к древней соборности. Иначе говоря, он искал начало новой государственности в глубоких почвенных силах.

Будучи русским интеллигентом, Ленин на первый план выдвинул массовое народное творчество как некую субстанцию жизни общества. Он следовал основному заблуждению русской интеллигенции: если освободить народ от насилия власти и эксплуатации, то его спонтанные силы сформируют идеальное общество. «Живое творчество масс — вот основной фактор

новой общественности. Социализм не создается по указкам сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм: социализм живой, творческий есть создание самих народных масс»¹⁹. «Ум десятков миллионов творцов создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение»²⁰. Однако пролетариат и беднейшее крестьянство выпрямятся «во весь свой рост лишь тогда, когда власть будет в руках пролетариата»²¹. Идеалом стал социальный низ, имеющий вполне определенное организационное воплощение — советы. Еще в 1905 году Ленин рассматривал советы как форму революционной власти «не интеллигенции, не группы заговорщиков, а рабочих и крестьян»²². Идея советов импонировала Ленину своей спонтанностью, простотой и всеобщим характером. Он писал: «Идея советской организации проста и может быть применена не только к пролетарским, но и крестьянским, феодальным и полуфеодальным отношениям». В стране с господствующими архаичными идеалами такой подход открывал путь активизации древних ценностей. Ленин выдвинул идею советов как власти не только на местах, но и в центре: «В политическом отношении Совет рабочих депутатов следует рассматривать как зародыш *временного революционного правительства*. Мне кажется, что Совет должен как можно скорее провозгласить себя временным революционным правительством всей России или (что то же самое, но лишь в иной форме) должен *создать* революционное правительство»²³.

Ленин сразу отверг политику прямого подчинения советов партии. Это было бы несовместимо с господством соборного идеала. Нецелесообразно «требовать от Совета рабочих депутатов принятия социал-демократической программы» и включения его в РСДРП, сужая тем самым его социальную базу. Отдавая дань антигосударственности, локализму советов, он выдвинул идею, что государство, построенное на основе советов, не является государством в обычном понимании. Оно не будет противостоять обществу, но окажется слитым с ним. Существующий разрыв между обществом и государством носит временный характер и определяется различным уровнем сознания разных слоев населения, а также сопротивлением со стороны бывших эксплуататоров. В начале 1918 года Ленин писал: «Именно теперь мы можем сказать, что мы имеем на деле такую организацию власти, которая ясно показывает пе-

¹⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 57.

²⁰ Там же. С. 281.

²¹ Там же. Т. 30. С. 328.

²² Там же. Т. 12. С. 366-367.

²³ Там же. С. 63-64.

реход к полной отмене всякой власти, всякого государства»²⁴. Народные массы должны были сами составить учреждения «новой власти без всякой регламентации»²⁵. Эти идеи, если забыть об иерархической структуре напряженного псевдосинкретизма, готового к переменам, близки к цитированным выше высказываниям Махно. Предполагалось создание небюрократической системы управления, социальной системы, в которой общество и государство синкретичны. Советы являются формой правления стихийных творческих сил: «Советская власть идет от самих трудящихся масс, она дает не парламент, а собрание трудящихся, которое создает законы, исполняющиеся непосредственно, проводящие в жизнь и ставящие своей задачей борьбу с эксплуататорами»²⁶.

Ленин призывал в 1920 году к «полному уничтожению бюрократизма», т. е. начальства, считая необходимым установить «поголовное участие в управлении самих трудящихся»²⁷. Большую ненависть к бюрократии, большой энтузиазм в деле приобщения масс к власти трудно вообразить. О том, что это не были демагогические фразы, свидетельствуют его многократные настойчивые рекомендации выдвигать на руководящую работу людей из низов. Ленин экстраполировал ценности локализма от общины до масштабов большого общества. Это было продолжением старых идей славянофилов, которые говорили о том, что одним из результатов развития является «единая, обнимающая всю Россию государственная община — последний вид, выражение земского и церковного единства»²⁸.

Итак, *совет выступает как клеточка нового общества, как его сущность*. Он объединяет несоединимое. «Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, массовый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением воле одного лица во время труда»²⁹. Вот где клеточка ленинской методологии. В советах, следовательно, олицетворялась двоякая функция: они, с одной стороны, были метафизической основой нового мировоззрения, идеологии нового общества, политики партии и т. д. и одновременно, с другой стороны, понимались в социальном плане как некоторая общественная реальность, с которой надо было повседневно иметь дело, как практически функциональная

²⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 273.

²⁵ Там же. Т. 12. С. 319.

²⁶ Там же. Т. 33.

²⁷ Ленинский сборник. М., 1975. Т. XXXVIII. С. 338.

²⁸ Самарин Ю. Ф. Сочинения. 1877. Т. 1. С. 52.

²⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 203.

форма революции и новой власти. Кажется, никто не уделил должного внимания этой необычной социальной форме, возникшей в нашей стране и крайне плохо приживавшейся в других странах. А между тем здесь проявляется глубокая вечевая специфика народного движения, что в мистифицированной форме и было схвачено Лениным.

Объективный возврат значительной части народа к архаичным формам управления, существовавшим в древних локальных мирах, в общинах, стал отправной точкой нового общества, новой государственности, новой идеологии. История начиналась сызнова, общество пренебрегло новыми альтернативами.

ПСЕВДОСИНКРЕТИЗМ

Массовая активизация архаичных форм управления, стремление В. И. Ленина рассматривать советы в качестве основополагающей для нового общества формы всенародного творчества, базы политики, воплощающей власть большевистской партии, означали, что новое общество опиралось или, во всяком случае, должно было опираться на синкретизм в его культурной и организационной формах. Однако было ли это возможно в глубоко расчлененном обществе, с далеко зашедшим разномыслием, с потребностью в государстве, науке и т. д.? Опыт существования в прошлом обществ, основанных на гибридных идеалах, свидетельствовал о такой возможности. Возврат к синкретизму, т. е. к культурному и организационному слиянию всего разнообразия, всех различий (например, соборности и авторитарности, диктатуры и демократии и т. д.), был невозможен. Тем не менее это стремление открывало суть целей и ценностей новой идеологии. Она противоречила повседневной реальности, где наличествовала многообразная расчлененность. Кроме того, общество, достигшее определенного уровня расчлененности и рефлексии, принципиально невозможно вернуть в первобытное синкретическое состояние. Тем не менее подобные тенденции, если они опираются на массовое стремление к синкретизму, могут приобрести характер имитации, попыток создать идеологию, трактующую реально расчлененное общество как синкретическое: например, общество, раздираемое конфликтами, — как братское содружество, как спаянное «морально-политическим единством» и т. д. Этот подход к социальной реальности может рассматриваться не как синкретический, а как *псевдосинкретический*.

Псевдосинкретическая идеология оказалась гибким инструментом для попыток решать медиационную задачу, соединять

конкретное содержание массового сознания с интеграцией общества, с поддержкой институтов, обеспечивающих эту интеграцию. Здесь большевизм был преемником русской революционной интеллигенции, включая декабристов. Движущей силой революционной активности было страстное, доходящее до страдания чувство отпадения от народа, потери почвы, чувство своей беспочвенности, вины перед народом. Все это было результатом глубочайшего раскола между народом и интеллигенцией, образованным слоем. Ответ интеллигенции на раскол был достаточно прост. Она пыталась слиться с народом, перенять у него образ жизни, вплоть до отращивания бород, заимствования одежды, форм труда и т. д. Однако интеллигенция, пройдя определенную школу образования, формировала у себя особое интеллигентское мировоззрение, которое, с одной стороны, было интерпретацией все той же крестьянской культуры, а с другой — складывалось под влиянием ограниченного соприкосновения с мировым культурным опытом. Это стимулировало способность оперировать абстракциями, которые не имели непосредственного содержания в крестьянской жизни, включало представления об общей пользе, о борьбе с государством и т. д. Тем самым интеллигенция навязывала крестьянам чуждый и непонятный им образ жизни. Отторжение от народа происходило несмотря на важный идеологический прием, который пыталась использовать интеллигенция. Она исходила из того, что раскол между народом и интеллигенцией не отражает сути их взаимоотношений и может быть относительно легко преодолен революционным актом. Само представление о расколе интеллигенция пыталась всеми силами вдвинуть, как тяжелый шкаф, между народом и властью. Строилась некоторая иллюзорная модель раскола, которая как будто позволяла объединиться народу и революционерам с тем, чтобы этим нерасчленным единством сокрушить власть. *Трагедия революционной интеллигенции в России заключалась в том, что она не смогла преодолеть свой внутренний раскол между освоенными ею крестьянскими представлениями и представлениями, идущими от большого общества, далеко выходящими за рамки непосредственного крестьянского локализма.*

Пришедший на смену народничеству большевизм учел негативный исторический опыт и выдвинул новый, более сложный вариант решения все той же проблемы. Большевизм отказался от прямолинейной, как гвоздь, идеи непосредственного слияния части общества, теоретически дошедшей до осознания необходимости революции, с народом. В. И. Ленин увидел в учении К. Маркса об исторической миссии рабочего класса, о

его способности взять власть и создать в некотором смысле идеальное, справедливое общество открытие реального субъекта истории. Вместо непосредственного слияния с народом, т. е. главным образом с крестьянством, у большевистской интеллигенции возникла идея слияния через деятельность некоторого посредника, через медиатор. Культурные предпосылки и социальное основание большевизма по сравнению с народничеством расширились за счет включения более динамичных и относительно прогрессивных сил, связанных с городом, с современными видами производства, с западной наукой. Во всяком случае, могло казаться, что большевизм унаследовал от народничества не только реальность глубокого внутреннего раскола с народом, мучительное стремление к слиянию с ним, но и представление о том, что, по сути, на первый план выходит конфликт между эксплуатируемым, подавляемым творческим народом и злобной, враждебной народу властью. Здесь, следовательно, с одной стороны, была идея синкретического слияния народа и интеллигенции (у большевиков — партии), а с другой стороны — доведение до крайней манихейской формы оценки раскола между народом и властью как абсолютно антагонистическими субъектами.

Стремление Ленина к крайностям было средством для решения политических задач, а не самоценностью, как в синкретизме. На слова, что его политика крайностей заводит «черт знает куда», Ленин отвечал: «И прекрасно... Это вода на мою мельницу»³¹. «Буржуазная или социалистическая идеология: середины тут нет...»³¹. «Средины нет, середина — пустая мечта мелкобуржуазного демократа»³². Так как буржуазия и другие эксплуататоры, по Ленину, господствовали в обществе, следовательно, общество — сфера зла, против которого выступает носитель добра, т. е. пролетариат, руководимый сакральным центром — партией, ее руководством. Постоянное стремление говорить на всем понятном языке манихейства привело к усилению все той же тенденции сводить все формы раскола к расколу между народом (бедными) и властью (богатыми).

Манихейское отрицание середины проявилось, в частности, в том, как в период назревания переворота Ленин постоянно повторял, что предлагаемые большевиками мероприятия просты, элементарны, что для их воплощения достаточно «одного удара», «декретирования». Иначе говоря, народу предлагалось, слившись с партией, совершить молниеносное чудо. Эта пози-

³⁰ См.: Авторханов А. Г. Ленин в судьбах России// Новый мир. 1991. № 1. С. 176.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 39.

³² Там же. Т. 34. С. 319.

ция отражала не только манихейские представления вождя большевизма, но и массовую веру в чудо инверсии-революции. Господство инверсионного механизма динамики страны предвещало инверсионный, приобретающий катастрофический характер переход от первого глобального периода ко второму.

СКОЛЬКО ЭЛЕМЕНТОВ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ БОЛЬШЕВИЗМА?

Идеологическая модель большевизма, в соответствии с до предела упрощенной манихейской моделью мира, содержит два основных элемента, две находящиеся в непримиримой схватке субстанции, два социальных субъекта всего миропорядка — добро и зло, интерпретируемые в большевизме как социализм и капитализм, бедные и богатые, рабочие и буржуазия и т. д. Однако эта примитивная модель, претендующая на социологическое объяснение бесконечного многообразия как российской, так и мировой реальности, вступила в противоречие с попытками большевизма осмыслить общество как некоторое многообразие. В идеологической модели абсолютно необходимой была фиксация трех основных сил. Это прежде всего буржуазия и пролетариат, что непосредственно укладывалось в манихейскую модель. Третий элемент — это «мелкая буржуазия»³³, фактически крестьянство, которое составляло подавляющее большинство в обществе. Но это сразу ставило проблему: где в этой модели предполагается раскол, куда двигать шкаф?

Отвечая на этот проблемный вопрос, В. И. Ленин создал теорию двойственности крестьянства, которое, согласно его схеме, постоянно колеблется между «Мы» и «Они», между рабочим классом и буржуазией. Крестьянин, по выражению Л. Д. Троцкого, — «Янус в лаптях». Это значит, что раскол проходит внутри крестьянства, даже внутри каждого крестьянина. Подобное развитие идеологической модели влекло за собой ряд важных следствий в концепции ленинизма. Во-первых, появилась возможность дифференциации иных социокультурных групп, истолкования их неоднозначного отношения к основополагающему признаку социальной принадлежности, т. е. возможность всю дифференцированную реальность общества интерпретировать через эту проблемную установку двоичности. Во-вторых, проблемность неизбежно требовала введения в модель фактора, который должен был разрешать эту проблему — определять, кто реально относится

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 41.

к сферам добра или зла. Решение этой задачи совсем не очевидно, и есть немало факторов, которые сдвигали бы колеблющихся либо к «Мы», либо к «Они». Все это весьма усложняло идеологическую модель, открывая возможность вводить в нее неопределенное множество элементов, и прежде всего элемент напряженности, а в конечном итоге — динамизма. Исключительная важность этой модели для понимания сути большевизма требует более детального ее рассмотрения.

ПАРТИЯ НОВОГО ТИПА

На первом плане в идеологической модели большевизма стоит сила, воплощающая высшую Правду и способная «тянуть» за собой все общество, всех, кого большевизм полностью не противопоставил себе. Таким центром тяготения в этой модели является так называемая *партия нового типа*, т. е. организация медиационного типа, главная функция которой заключается в решении медиационной задачи.

В отличие от партии в либеральном смысле, которая завоевывает свое влияние в диалоге, партия нового типа, для того чтобы стать правящей, должна быть монологичной, быть реальным воплощением высшей Правды, быть хранителем ценностей земли. «Партия всегда права», — говорил Л. Троцкий. Она монологична по своей сути, так как ведет народ к единой высшей Правде. Она претендует на крайне важный результат, на то, чтобы стать комфортным монологическим тотемом массового архаичного сознания. Поэтому партия нового типа противоположна партиям либерального типа, которые постоянно спорят друг с другом, уже тем самым вызывая у носителей традиционной культуры дискомфортное состояние. Монологическое сознание абсолютизирует цель и допускает обсуждение средств лишь в рамках, не ставящих ее под угрозу. Отсюда рассмотрение всякого плюрализма, любых организационных форм для постоянного диалога как обмана, как «говорильни», затемняющих совершенно ясное и очевидное лицо Правды либо по глупости, либо в результате злого умысла, подкупа.

В сущности, партия нового типа — не партия в обычном понимании. Это особый социальный феномен медиационного типа. Партия в своем самосознании права даже в том случае, когда ее точка зрения инверсионным образом меняется. Меняясь, она остается неизменной в некоем высшем смысле. Массы могли пойти лишь за вечной, абсолютной, готовой Правдой, не допускающей кривотолков, заумных и непонятных рассуждений. Партия нового типа могла победить, только если она

представала как убежище, обиталище этой единой и единственной самоочевидной Правды.

В мире, где господствует кривда, Партия существует как некоторый оазис. Например, староверы считают себя сообществом, где и «ныне Правда обретается». Различные сообщества, коммуны духовных братьев и «чад Божьих» являлись островками «Царства Божия на земле». Теперь таким оазисом стала партия, которая явилась воплощением Правды и, одновременно, научной истины. Эта модификация была уже подготовлена до Ленина промежуточной интеллигенцией, которая ставила на место праведников себя, «друзей народа», различные партии и группы.

Партия нового типа, следовательно, — организационное воплощение высшей Правды, организация силы Правды, она сама — Правда. Она — тотем, противостоящий антитотему. Люди партии, сливаясь с Правдой, сами становятся ее воплощением.

Важнейшая нравственная обязанность партии состоит в охране каналов информации от проникновения в них кривды. Это и определяет нетерпимость и организационную жесткость партии, не допускающей ни перерастания взаимоотношений партии с народом в полемику по поводу правомерности монолога вообще, ни вторжения конкурирующего монолога. Исключительное чутье Ленина подсказывало необходимость постоянной борьбы за органическое единство организационного и нравственного идеала. Пожалуй, никто до Ленина не ощущал так остро эту связь, не бился с таким ожесточением за организационную форму монолога.

Ленин связывал утверждение своего идеала с массовым взрывом инверсионного типа. Сердцевина этой тактики заключается в стремлении институционализировать энергию масс, ее активное, подчас разрушительное движение, претворить ее в мощный энергетический источник организации медиационного типа, ибо господство псевдосинкретизма возможно лишь на основе особого типа организации, которая способна улавливать массовую социальную энергию, стимулируемую идеологией, и использовать ее для создания государства нового типа. Псевдосинкретизм — это социокультурный феномен.

Для функционирования такой организации необходима определенная группа людей, способная превратить бремя государственных обязанностей, строительства государства в свою собственную цель. Крестьянские восстания прошлого могли в лучшем случае выдвигать вождей, способных управлять государством на основе традиционных ценностей, т. е. ценностей, созданных на культурной основе патриархального сообщества,

экстраполяции его культуры на большое общество. Теперь, однако, нужны были совершенно иные люди. «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918) обвиняли неэлитарную интеллигенцию в безалаберности и неспособности заниматься серьезным трудом. Критики проглядели, что в ней было меньшинство, способное к тяжелейшей организационной работе. Среди него попадались выдающиеся организаторы. Именно эта способность к организационной деятельности создавала определенное сходство между этими людьми и той интеллигенцией, которая находилась на службе у царского правительства и своим трудом строила государство. Новое движение ориентировалось на организаторов государства, которые вели свою традицию, как полагают некоторые, чуть ли не с князя Курбского³⁴. Федотов называл этих людей «русскими европейцами», «строителями империи». Характерно, что именно люди, способные к организационной работе, рассматриваются как европейцы, как западный элемент русской культуры.

Рост небольшого числа неправительственной интеллигенции, способной к организационной работе, был очень важным для страны явлением. Он открывал возможность построения организаций медиационного типа, соединяющих несоединимое, решающих медиационную задачу через использование утилитарных манипуляторских механизмов и идеологии псевдосинкретизма.

В стремлении сделать партию гарантом от кривды, превратить ее в тотем в глазах миллионов — суть ленинизма. Ленин постоянно стремился создать *не партию в обычном понимании этого слова, а особый социальный механизм, улавливающий энергию масс*. Подобная попытка соединить, как заметил Бердяев, Степана Разина и Маркса была, в сущности, труднейшей, мучительной работой по выявлению в окружающем вечевом хаосе крупниц государственности. Это была попытка создать в кризисной ситуации машину, борющуюся с губительным для раскола общества энтропийным процессом, машину, высасывающую социальную энергию из среды и направляющую ее в организационное строительство. Вера в массовое творчество, однако, не мешала Ленину стремиться к созданию организации, которая, не ожидая взрыва энергии, постоянно и повседневно стремилась извлекать из общества ее крупницы. Один из методов решения этой задачи — эффект парусника. Парусник, благодаря определенной конструкции парусов и умелому обращению, может плыть не только прямо по ветру, но и под углом к нему и, прибегая к маневру, — чуть ли не

³⁴ Федотов Г. П. Русский человек// Россия и свобода. Нью-Йорк, 1981. С. 91.

против ветра. Точно так же медиационная организация может расти, используя возбуждение масс, содержание которого подчас весьма далеко от системы ценностей медиатора, от целей государственности.

Партия нового типа, как любая организация медиационного типа, ставила своей непосредственной целью увеличить свое влияние, с тем чтобы возвыситься до масштабов всего общества. В конечном итоге она, в противоположность другим партиям страны, была нацелена на инверсию в ее самой крайней форме. Приход этой партии к власти объяснялся тем, что она единственная в стране была готова к массовой инверсии, к тому, чтобы превратить инверсию в силу власти. Она — единственная, в которой идеально воплотилось манихейство массового сознания. Все иные партии погибли, так как они не учитывали существование гигантского инверсионного маховика, который швырял Россию из одной крайности в другую. Они погибли, пытаясь задержать инверсионную волну, сметавшую все на своем пути. Эти партии не могли, в силу своих принципов, следовать к тому полюсу, куда катилась эта волна. Большевизм был исключением. Ленин говорил: «Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию»³⁵. В основе веры Ленина в партию, в ее способность перевернуть общество лежало не стремление к заговору, как это многие полагают до сих пор, а уверенность в неизбежности мощного инверсионного взрыва (революции), который вдохнет в партию могучую силу.

Псевдосинкретическая идеология и идея создания партии нового типа внутренне глубоко связаны между собой. Псевдосинкретизм внутренне напряжен, он несет в себе конструктивную напряженность большой силы. Его существование оправдано постоянным стремлением подтянуть к вершине, к высшей Правде все без исключения слои общества, сделать всех сознательными, объединить всех в борьбе против кривды. Идея партии нового типа как союза единомышленников, наиболее передового отряда народа означает, что непосредственно руководят, управляют наиболее сознательные, т. е. те, кто ближе всех к высшей Правде, будучи практически способными при этом к организационной работе.

Высший уровень занимает ядро партии, носители основной идеи, т. е. *правящая элита*. Она, в принципе, подчинена монгологу Правды, является воплощением ее нравственной и организационной сути в той интерпретации, которая в данный момент является господствующей в партии. *Руководящее ядро*

³⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 6. С. 127.

правлящей элиты воплощает авторитарный принцип. Это следует понимать как беспрекословное подчинение всех без исключения членов партии и зависимых от партии людей и организаций принятым решениям, которые, однако, не обязательно являются единоличным решением вождя. Следовательно, система псевдосинкретизма включала в себя авторитаризм, но не как абсолютную ценность, противостоящую другим идеалам, а как один из элементов некоторой сложной конструкции. Партия в идеале воплощала этот элемент. Любое значимое колебание в ее рядах, тем более в ее ядре, состоящем из профессионалов-революционеров, грозило утратой высших абсолютных ценностей, потерей тотемической сущности. Партия должна стать скалой в хаосе вечной анархии зла, которое несет буржуазия. В ее твердокаменности — залог возможности сохранить высшую Правду, передать ее народу. Диалог, сохранение меньшинством своего особого мнения, фракций и т. д. могут разрушить единственный путь к Правде, сделать его всего лишь одним из многих путей, что собьет народ с дороги социализма, оторвет авангард от масс.

Необходимость подчинения авторитарному монологу вызывала в партии ожесточенную борьбу. В ней возникло крыло, тяготевшее к либерализму. Его представители, как и Маркс, видели главную задачу партии в стимулировании развития самосознания пролетариата³⁶. Для этого течения была неприемлема авторитарная организация, невозможен отказ от определенных элементов разномыслия внутри партии. Это течение было несовместимо с псевдосинкретизмом.

Другое течение, получившее название меньшевизма, оказалось неспособным преодолеть местную кружковую ограниченность, подняться до понимания интересов целого. Оно оказалось в определенной зависимости от вечевого идеала, унаследовав в какой-то степени его локальную ограниченность.

Поскольку партия нового типа рассматривала себя как носительницу высшей Правды, она выступала как мессианская сила, как коллективный пророк, несущий Правду в массы. Ленин полагал, что партия должна идти во все слои общества и помогать всем двигаться к высшей Правде. Это возможно и необходимо, по мнению Ленина, так как народ инстинктивно тянется к Правде, хотя сам этого в должной степени не осознает. *Ленин был полон веры в существование классового чувства рабочего. В этом можно видеть важнейшую форму основного заблуждения интеллигенции.* По его мнению, «„стихийный элемент“ представляет из себя, в сущности, не что

³⁶ См.: Плеханов Г. В. Сочинения. М., Л., 1926. Т. 15. С. 123.

иное, как зачаточную форму сознательности»³⁷. Вместе с тем он видел в научном коммунизме теоретическое выражение потребностей рабочего класса. *Это позволяло рассматривать массовое сознание как скрытую неразвернутую высшую истину, а научную теорию — как развернутую формулировку Правды народного сознания.* Гарантом Правды выступает классовый инстинкт угнетенного, с одной стороны, и последнее слово науки — с другой. Различия между ними сотрутся в процессе приобщения масс к высшей Правде-истине. Поскольку к высшей Правде через мир зла ведет лишь один путь, то пройти по нему можно лишь с поводырем, который уже знает путь инициации, партиципации.

РАБОЧИЙ КЛАСС

Идеологическая модель большевизма в целом носит иерархический характер, в ней все уровни размещаются на прямой, ведущей от бездны кривды к вершинам (или наоборот). За партией идут рабочие, связанные с городом и машинным производством. Рабочие представляли для Ленина, для партийной интеллигенции особый интерес. В крестьянской стране (в 1897 году в деревне проживало 85% населения) для успеха ленинизма был необходим какой-то более или менее значительный слой населения, который был бы ближе к ценностям высшей культуры, прежде всего к ценностям государственности, ближе к ценностям машинного производства и связанных с ним форм организаций.

Сам рабочий класс не был однородным. К высшему уровню принадлежала «рабочая интеллигенция», передовой отряд рабочего класса, организатор партии и социальная база ее руководства. Близки к этой группе, а подчас и слиты с ней интеллигентные рабочие, способные воспринять «общую идею политической борьбы». За немногочисленным передовым отрядом следуют широкие массы «средних рабочих», которые, по Ленину, «жадно стремятся к социализму», но не в состоянии разобраться в теории. Наконец, «масса низших слоев пролетариата», которым недоступна даже газета. Иерархия уровней развития рабочего класса есть иерархия нравственных задач. Высшие нравственные требования предъявляются рабочей интеллигенции, суть их — в максимальном осознании Правды, поскольку ее миссия — стать выразителем классовых интересов рабочих в целом. Ее задача — «приблизиться к массе, к ее уровню», но ни в коем случае не «потакать предрассудкам и

³⁷ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 6. С. 29-30.

отсталости массы, а неуклонно поднимать ее на уровень все более и более высокий и т. д., и т. п.»³⁸.

Ленин склонялся к определению рабочего класса через эксплуатацию, тем самым приспособляясь к массовому сознанию и одновременно делая границы класса неопределенными. С одной стороны, Ленин рассматривал инженеров как принадлежащих к рабочему классу, с другой же — провозглашал возможность определения беднейшего крестьянства как сельского пролетариата: «К представителям сельского пролетариата должно отнести не менее половины всего числа крестьянских дворов (что составляет $\frac{4}{10}$ населения), т. е. всех безлошадных и большую часть однолошадных крестьян»³⁹. Далее он настаивает на необходимости относить неимущее крестьянство к сельскому пролетариату⁴⁰. Его анализ имел явный крен к определению рабочего класса через схему «бедный — богатый», совпадающую с антитезой добра и зла. Эта русская версия марксизма и внедрялась в сознание масс. «Богатые и жулики — это две стороны одной медали, это два главных разряда *паразитов*, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма»⁴¹. Рабочие, разумеется, их антитеза. Партия могла повести рабочих за собой при одном обязательном условии: необходимо было убедить их, что идеалы, которые несет партия, дают средство для достижения целей, уже созревших в сознании рабочих. Но для решения этой задачи партии предстояло проникнуться ценностями рабочих, убедить их в том, что партия и есть та сила Правды, приобщение к которой вдохнет силу в самих рабочих. В принципе это соответствовало философским основам партийной доктрины, понимавшей партию как специфически рабочую. *В действительности же партия могла идти навстречу потребностям рабочих лишь в той степени, в какой это соответствовало, не противоречило решению медиационной задачи.* Надо было так интерпретировать настроения и действия тех, кого партия на данный момент рассматривала как рабочих, чтобы использовать их социальную энергию для создания государства.

Это требовало постоянной работы над доктриной, корректировки ее в соответствии с изменениями массового сознания, работы по поиску эффективного компромисса. Эта задача решалась в процессе ожесточенной внутривнутрипартийной борьбы против доктринеров, следующих логике теории и угрожающих тем самым взаимопониманию между партией и рабочими, по-

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44.

³⁹ Там же. Т. 3. С. 170.

⁴⁰ Там же. С. 171-172.

⁴¹ Там же. Т. 26.

скольку, углубляя доктрину, они делали ее недоступной пониманию рабочих. Это практически означало, что те или иные доктрины партии не могли навязываться рабочим, но сами доктрины, сами действия партии должны были учитывать систему ценностей рабочего класса. Вот пример. В октябре 1913 года кадетская газета «Речь» подчеркивала, что сочувствием большинства рабочих пользуются большевистские депутаты Думы, но не депутаты социал-демократов, склонные к либерализму. Настроения рабочих толкали депутатов на крайние действия. Рабочие выражали недовольство недостаточно твердым их поведением. Большевики делали все, чтобы максимально сблизить свою систему ценностей с ценностями рабочих. Возможность этого лежала на путях перехода к более крайним действиям и требованиям, на путях поведения инверсионного типа, манихейской идеологии. Невозможность для слабой партии управлять рабочими авторитарными методами, необходимость идти навстречу их системе ценностей требовала от руководства партии основывать свое отношение к ним на идеале общего согласия. Руководство партии должно было работать над проблемой компромисса своей концепции Правды с реальными рабочими. *Таким образом, псевдосинкретизм включает в себя второй уровень иерархии, ориентированный на специфический социальный слой (рабочий класс) и несущий особый идеал, который в идеологической модели выступает не как самостоятельный, а в качестве необходимого элемента псевдосинкретизма как целого.*

КРЕСТЬЯНСТВО

Следующий уровень иерархии идеологической модели — крестьянство. Именно оно в конечном итоге решало судьбу страны, что постепенно поняли Ленин и его окружение. Уже вскоре после переворота было констатировано, что влияние в обществе массовых ценностей крестьянства было столь велико, что «рабочая по форме революция по существу была еще крестьянской; глухая стена деревенской диктатуры сковывала нас на каждом шагу»⁴². Для вовлечения крестьянства в орбиту деятельности революционной организации существовали на первый взгляд непреодолимые препятствия: во-первых, его система ценностей была чужда ценностям прогресса; во-вторых, локалистское мировосприятие противоречило ориентации на государственность; в-третьих, умеренный утилитаризм постоянно рождал развитие его формы, что было смертельно

⁴² Ларин Ю. У колыбели// Народное хозяйство. 1918. № 11. С. 21.

опасно для всей системы псевдосинкретизма. Возможности для формирования аппарата партии в деревне были совершенно незначительны. Удельный вес крестьян в партии вырос с 1905 по 1917 год с 4,7 до 7,6%. Учитывая, что общая численность членов партии до свержения монархии составляла менее 24 тысяч, влияние партии на крестьянство было мизерным. Оставалось ждать, следить за событиями, выдвигать лозунги, тесты и ожидать реакции масс, а главное — постараться в самой системе ценностей крестьян найти какие-то элементы, которые могли бы быть положены в основу системы коммуникаций с ними.

Для решения этой проблемы Ленин разработал учение о союзе рабочего класса и крестьянства. Его смысл заключался в необходимости через рабочих распространить влияние партии на основную часть населения. «Доверьтесь рабочим, товарищи крестьяне», — призывал Ленин⁴³. Он разработал концепцию революции в России, предусматривающую максимальное сближение партии с крестьянством.

Судьба буржуазной революции определялась, по мнению Ленина, колебаниями крестьянства между либеральной буржуазией и пролетариатом, что ставит перед пролетариатом задачу перетянуть крестьян на свою сторону и установить с ними союз, основу *будущей революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства. Возможно, это самый безумный теоретический ход ленинизма.* Необходимо было любой ценой избежать конфликта с крестьянством, нужно было стать своими для него. Но для этого требовалось включить в саму доктрину партии определенные крестьянские ценности. В сущности, от этого зависело все. *Ленин был вынужден признать ценности крестьянства, перейти на его позиции, практически усвоить вечернюю точку зрения.* В 1894 году Ленин писал: «Социал-демократы безусловно примыкают к требованиям полного восстановления крестьянства в гражданских правах, полной отмены всяких привилегий дворянства, уничтожения бюрократической опеки над крестьянством и предоставления ему самоуправления»⁴⁴. В дальнейшем с нарастанием кризиса в стране Ленин выдвигает все более смелые, многообещающие лозунги соединения партии с крестьянством. В 1902 году он заявил: «Мы верим, что ввиду того, что социал-демократия выступила теперь на борьбу за крестьянские интересы, мы в будущем будем считаться с фактом, что крестьянская масса привыкнет смотреть на социал-демократию

⁴³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 34. С. 116.

⁴⁴ Там же. Т. 1. С. 300.

как на защитницу ее интересов»⁴⁵. Ленин выступил в защиту общины. Надежда на поддержку со стороны крестьянства основывалась на убеждении в способности партии указать беднейшему крестьянству причины его бед, отыскать реальных виновников.

Своего апогея подобная ориентация достигла на следующий день после установления советской власти. Известный декрет «О земле» и приложенный к нему в качестве руководства по осуществлению земельных преобразований крестьянский наказ о земле, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов, представляют собой торжество архаичных идеалов. О значении этого важнейшего события еще будет идти речь. Ленин считал: «Как демократическое правительство мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были несогласны. В огне жизни, применения его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда... Жизнь — лучший учитель, а она укажет, кто прав... Мы должны следовать за жизнью, мы должны предоставить полную свободу творчества народным массам»⁴⁶. Это высказывание представляет большой интерес. Ленин последовательно шел на разработку приемлемого для крестьянства компромисса, версии Правды, которая могла лежать в основе коммуникаций между партийной элитой и основной массой населения.

Это отступление партии перед ценностями крестьянства практически означало, что компромисс заключался не на основе авторитаризма и не на основе ценностей всеобщего спонтанного согласия. Он заключался на основе соборного идеала, т. е. признания необходимости включения в систему Правды стихийного, неуправляемого или слабо управляемого элемента. Это отступление перед ценностями крестьянства открывало для партии мощный источник энергии. Безусловно правы А. И. Елизарова-Ульянова, И. А. Бунин, которые утверждали, что своей победой Ленин обязан знанию мужика и своей крестьянской политике на основе предоставления крестьянскому сообществу права самим решать свои дела.

Следовательно, в качестве третьего уровня, включенного в псевдосинкретизм, выступал соборный идеал. Необходимость признания его, как и двух предшествующих, диктовалась не только тем, что за каждым идеалом стояла достаточно мощная реальность, но и тем, что воспроизводство государственных не могло игнорировать ни один из этих значимых элементов реальности.

⁴⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 6.

⁴⁶ Там же. Т. 35. С. 27.

Этот компромисс с крестьянством, далеко идущее стремление идти ему навстречу означали, что партия сделала своей главной опорой силы, защищающие докатолистические идеалы, силы, тяготеющие к синкретизму.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Разнообразие социокультурных групп в обществе для большевизма, как, впрочем, и для других партий, пытающихся «овладеть массой», имеет двойной смысл. С одной стороны, система ценностей социокультурной группы, включенная в модель,— объективное явление, нечто внешнее, освоенное идеологией, нечто, с чем необходимо считаться. Но, с другой стороны, это внешнее становится определенным содержанием большевизма, элементом его идеологической модели. И соборный, и авторитарный идеалы, и марксизм, и «грабь награбленное», и «собственность есть кража» — все что угодно может стать предметом интереса большевистской идеологии, включиться в ее содержание, если это представляется значимым для достижения поставленных целей. Разумеется, преодоление разрыва между разными оценками является задачей идеологической деятельности. Например, превращение крестьянских представлений о целях и ценностях из внешнего фактора идеологии во внутренний означает, что сами эти ценности приобретают в партии свою оценку, внешнюю для крестьян и внутреннюю для идеологии. Эта внутренняя оценка связана с тем, что в идеологической модели любая значимая социокультурная группа занимает определенное место на напряженной идеологической прямой между абсолютной Правдой и абсолютной кривдой. Конечно, эти разные оценки, вошедшие в идеологию, противоречие, раскол между ними могут привести партию к гибели (вспомним народничество!) и являются предметом постоянной озабоченности, рефлексии, постоянного воздействия с тем, чтобы уменьшить разрыв между оценками. В соответствии с идеологической моделью преодолеть разрыв можно в результате движения к высшей Правде. *Большевизм существенно критичен и рефлексивен по отношению к собственным оценкам.* По сути дела, постоянная борьба против расхождения этих оценок составляет живое содержание идеологического творчества большевизма.

Для выявления механизма этого процесса необходимо выделить *обобщенные типы реальных систем ценностей, которые большевистская идеология была способна включать в свою систему ценностей, делать их в явном или скрытом виде своим содержанием, своими обобщенными ипостасями,*

своим языком. Здесь можно выделить, *во-первых, традиционализм*, необходимый для взаимопроникновения разных ценностных смыслов, для установления коммуникаций с основной частью народа; *во-вторых, усеченный либерализм*, необходимый для превращения всех достижений мирового либерализма, прежде всего техники, науки, организации труда и т. д., в набор средств для коммуникаций, обмена смыслами со всеми силами, способными быть движущей силой модернизации, для подтягивания общества до уровня проблем модернизации. Большевизм был нацелен на синтез этих двух различных, в некотором смысле даже противоположных, систем ценностей. *Над этими двумя ипостасями была надстроена третья — утилитаризм*, последовательно реализуемый на практике в деятельности партии нового типа. Эта третья ипостась может играть объединяющую, синтезирующую роль, что возможно, если первые две превращаются в реальный предмет манипулирования.

Роль утилитаризма в большевистской идеологии исключительно велика. Достаточно общеизвестно мощное влияние утилитаризма на мировоззрение русской интеллигенции. Там он был подчинен целям освобождения народа, удовлетворения его потребностей. Утилитаризм интеллигенции подошел к идее утилитарного отношения к искусству, к теории. Сложилось убеждение, что та теория хороша, нравственна, которая помогает достижению поставленной цели. Этот утилитаризм допускал парадоксальные выводы — что не нужны, например, бесценные творения национальной культуры, творчество Пушкина и т. д., так как они не утилитарны, не соответствуют сиюминутным задачам обеспечения блага народа. Более того, *утилитаризм открыл возможность использовать народные, как, впрочем, и либеральные, представления как средства для достижения целей, чуждых самим этим представлениям, их носителям.* Господствующая роль утилитаризма в большевизме могла быть выражена вполне безобидным образом, например, в убеждении о необходимости для партии разговаривать на языке соответствующих социальных групп. Ленин считал, что «человек, выступающий перед рабочей массой» может говорить «в терминах, наиболее обычных для неразвитой массы»⁴⁷. Внимание большевизма было направлено на постоянное вычитывание в массовом сознании основных ценностей, тенденций развития. В период нэпа Ленин говорил о необходимости «изображать... возврат к меновой экономике, к капитализму как некоторое временное отступление». Это бы-

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 423.

ло, по его мнению, нужно, «чтобы партия не потеряла душу, веру и волю к борьбе», поскольку нельзя «вдруг переменить психологию людей, навыки их вековой жизни»⁴⁸. Следовательно, проблема смысловых коммуникаций, диалога переходит с уровня слов на уровень интерпретации сложных процессов, что в конечном итоге является проблемой связи между социальными группами с глубочайшими культурными различиями.

Ленин не раскрыл суть механизма псевдосинкретизма, т. е. не подверг его рефлексивному исследованию. Но этот механизм хорошо прослеживается в ленинизме, выдвинувшем идею создания некоторой медиационной организации — хранителя народного идеала и идеи массовой инверсии. Соединение того и другого, т. е. превращение энергии инверсии в энергию партии, создало возможность интеграции общества, дошедшего до крайних форм распада и локализма. Без понимания этой сути ленинизма, которая с марксизмом, кстати говоря, не имеет ничего общего, нельзя понять новое общество, его идеологию.

Развитие утилитаризма приводит к появлению людей, способных быть идеологами, т. е. деятелей, способных отделять себя от собственных представлений и рассматривать культуры, их элементы не как естественную самооценку, но как средство для утилитарных целей, например, для соединения церковного богословия с массовым сознанием, для соединения государственности и ценностей основной части населения, даже если последняя мыслит и живет в догосударственных представлениях.

Утилитаризм не сводится к личной корысти, но является определенной формой логики, формой мышления, которое способно отвергать и использовать любых богов, любые ценности разных культур. Идеология есть особый феномен культуры, превращающий последнюю в утилитарное средство социальной интеграции. Псевдосинкретическая идеология большевизма была призвана постоянно интерпретировать, находить меру соотношения двух первых ипостасей для их соединения, отождествления в изменяющейся ситуации, чутко реагировать на сдвиги в массовом сознании, руководствуясь при этом лишь одной задачей — созданием общей нравственной основы для воспроизводства интеграции общества.

Идеология действительна лишь тогда, когда она является формой интерпретации массовых культурных процессов, способна вписаться в различные, противоположные культурные пласты расколотого общества. В самом общем виде суть идеологии в том, что она создает основу для убеждения людей, стоящих по

⁴⁸ *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Париж, Нью-Йорк, 1983. С. 30, 117.

разные стороны раскола, что народная Правда и *есть* научная истина и, наоборот, что научная истина и есть Правда, что свобода и есть воля и, наоборот, что демократия и есть общинное локальное самоуправление, поднятое до масштабов общества, что государственный социализм и есть общинный социализм, что первое лицо в государстве и есть патриархальный отец, что любое явление — потенциальный оборотень, что любой ущерб, неудача тождественны воле скрытого врага и т. д. Например, люди, верящие в народную Правду, полагают, что наука приводит к тем же результатам, так как она открывает, систематизирует лишь то, что народ сознает, но не всегда может выразить.

Ипостасное мышление открывает достаточно широкие возможности социальной интеграции. Например, вокруг слова «империализм» можно объединить как тех, кто видит в этом научное определение капиталистической реальности, так и тех носителей архаичных традиций, кто ищет современное воплощение мирового зла. Идеология основана на двусмысленности слов, представлений, словосочетаний, понятий. Иногда они прямо носят сдвоенный характер, например, «батько-командарм», как именовал себя Махно, «народный академик», «руководящая роль партии как форма народовластия», «генеральный секретарь», «социалистическое государство, воплощая народовластие, является отрицанием государства» и т. п. В каждом из возможных представлений два различных, отрицающих друг друга полюса. Одну из ипостасей этого мышления можно рассматривать также и как форму освоения предметности, т. е. воспроизведения внекультурной предметной реальности в понятиях, представлениях, теориях, концепциях и т. д., в перспективе претендующих на научный характер, на объективное содержание. Другая ипостась является воплощением личностной культуры значительной части общества, несущей архаичное содержание.

Ипостасное мышление приобрело в псевдосинкретизме характер отождествления, слияния массового сознания и науки, что можно расценивать и как попытку вернуться к синкретизму, не расставаясь с наукой, и, одновременно, как попытку перейти к научному мышлению, не расставаясь с обыденным сознанием. Псевдосинкретизм излагается на языке науки (эксплуатация, революция, социализм и т. д.), что делает его понятным интеллигенции. Но одновременно его структура имеет форму синкретического повествования, манихейской нравственной притчи, лубка и именно в таком виде воспринимается широкими массами. Это достигается тем, что его научная сторона построена как модификация представлений массо-

вого сознания (мироедство, борьба за волю, царство Правды и т. д.). Люди, вышедшие из низов и получившие какие-то представления о языке науки, видели в ней рационализацию древних идеалов народа, а не выход человечества к ранее скрытой реальности. Характерно высказывание Н. И. Рысакова, одного из участников убийства Александра II: «Свои социалистические убеждения я почерпнул из крестьянства, убеждения эти правильно сформировались только за последние два года, когда я сумел их подвести под известные уже в науке формулы. Я убежден в том, что вся масса страданий низшего класса всякого государства, что деления всякого народа на два весьма не похожих друг на друга лагеря — имущих и неимущих, что порабощение неимущих имущими и т. д. происходит от существующего строя, который я называю либеральным».

Псевдосинкретизм как попытка нерасчлененного слияния разнородных пластов мышления не был изобретением большевизма, но большевизм, усилив в нем значимость утилитаризма, превратив в средство специализированной идеологической деятельности, придал ему заверченный характер. Созданная идеологическая модель имела целью направить развитие страны к некоторому мысленно сконструированному идеальному состоянию, используя для этого все мыслимые и немыслимые средства. Причем для каждой социокультурной группы мог вырабатываться особый язык. Идеология носила жестко нормативный характер и не знала альтернатив. Имитируя и науку, и миф, она как бы точно знала, куда должно идти общество. Фактически, однако, альтернативы входили в эту модель. Это прежде всего альтернатива чисто инверсионного типа, связанная с возможностью движения общества по прямой, соединяющей Правду и кривду, но в обратном направлении. Во-вторых, сама высшая Правда могла подспудно интерпретироваться, изменяться, например, включать в себя модернизацию, элементы либерализма и все, что угодно. Это делало псевдосинкретическую модель способной в определенных рамках проявлять гибкость перед лицом вызова истории.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ СЕКРЕТ БОЛЬШЕВИЗМА

Определяющее влияние утилитаризма в идеологии означало в конечном итоге, что сама Правда стала предметом утилитарного манипулирования. Как апостол Павел, который с иудеями говорил, как иудей, с эллинами — как эллин, с варварами — как варвар, так и Ленин с каждой из групп населения говорил на ее языке. Как только позволяла общая ситуация, утилитарные принципы открывали возможность для измене-

ния соотношения сил, отказа от компромисса, отступления от ценностей тех или иных сословий якобы во имя высшей Правды. Разномыслие, следовательно, рассматривалось как фактор, который следует, в конечном итоге, использовать как стимул для его ликвидации. Все сводилось к убеждению, что правда едина и единственна.

Выдвижение утилитаризма на первый план среди ипостасей псевдосинкретизма означало, что, хотя принцип моногамизма Правды оставался незыблемым, в действительности за этой видимостью шел постоянный поиск компромисса между ипостасями в соответствии с их социальной значимостью, в соответствии с необходимостью в конкретной ситуации решать медиационную задачу. Значит, была возможность в угоду конъюнктурности отойти от версии Правды, которая только что казалась единственно возможной и оставалась таковой после своего изменения.

Тем самым псевдосинкретизм отошел также и от революционного просветительства, признав, что сама высшая Правда нуждается в корректировке массовым сознанием. Партия, дено и ношно приобщая массы к высшей Правде, должна одновременно корректировать, развивать высшую Правду, прислушиваясь к ней в народной жизни. Партия должна была учить народ и одновременно учиться у него. Таким образом, постоянно совершенствовалась возможность решать медиационную задачу. При господстве утилитаризма Правда не могла быть чем-то абсолютным, как это было в синкретизме. Она не могла быть и синонимом научной истины. Содержание Правды стало в известном смысле проблематичным. В этом отходе от синкретизма существенный признак псевдосинкретизма. Правда в псевдосинкретизме стала результатом постоянного утилитарного поиска, решения медиационной задачи, т. е. компромисса между разномыслием и интеграцией, движения от неосознанности к Правде в ее высшей форме. Для партии это означало необходимость отстаивать свои ценности на языке ценностей каждой из значимых групп, попавших в сферу «наших».

Значение государственной идеологии прежде всего в том, чтобы неустанно и повседневно формировать для массового сознания комфортную картину мира. Она, с одной стороны, должна опираться на господствующую сегодня форму нравственного идеала, а с другой — направлять массовую воспроизводственную деятельность против дезинтеграции. Накал идеологической деятельности был не просто результатом злой воли тех или иных большевистских лидеров, но свидетельствовал о том, что в расколотом обществе решению указанной двойкой

задачи постоянно угрожала опасность несовместимости ее сторон. Тем не менее деятели «идеологического фронта» постоянно пытались строить картину комфортного мира, опираясь на прошлый опыт борцов за Правду, включавший и прямые фальсификации, составление подложных царских грамот⁴⁹, призванных вызвать у народа эмоциональный взрыв в «нужном» направлении.

Вся дальнейшая одиссея псевдосинкретизма драматическим образом следовала за массовыми нравственными идеалами, перебирая в определенной последовательности их возможные гибридные комбинации. Возможность и направления этого движения не были разгаданы ни самим основателем псевдосинкретизма, ни его критиками.

Формирование гибридных нравственных идеалов на основе утилитаризма содержало неожиданную возможность: утилитаризм как стремление ради некоторой заданной цели превращать все, включая и нравственные идеалы, в средство не нес в себе какого-то особого пристрастия ни к одному из имевшихся трех идеалов в ущерб другим. Безнравственному владельцу капитала все равно, куда вкладывать деньги: в производство отравляющих газов или лекарств, лишь бы был нужный ему эффект. Появлялась возможность комбинирования нравственных идеалов, включая как тоталитаризм, так и либерализм. Выбор определялся конъюнктурой, а не предвзятыми догмами. Большевистский псевдосинкретизм содержал в себе, кроме трех уровней нравственных идеалов, возможность их соединения посредством трех ипостасей — утилитаризма и через него традиционализма и либерализма.

Из этого следует принципиальное отличие логики большевизма от логики классического марксизма. Ленин действовал по логике конъюнктурного манипулирования. Маркс же в решении стратегических и тактических задач действовал «в зависимости от своих теоретических (философских, политико-экономических и иных) взглядов»⁵⁰, т. е. следовал имманентной логике мысли. Между тем официальная идеология как раз и пыталась доказать, что все ее постоянно меняющиеся идеологии — это выводы науки и философии. Многие критики ленинизма пытались выделить это теоретическое ядро и обру-

⁴⁹ Интересен подложный манифест, составленный группой крестьян и отставным солдатом, подписанный «кавалером финансов» и «царем». См.: Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1958. Т. 2. С. 480-481. (Не отсюда ли Гоголь взял жалобу купца Абдулина в «Ревизоре»?)

⁵⁰ Гранин Ю. Д. Марксов проект общественного переустройства: философско-социологический контекст// Социологические исследования. 1991. № 6. С. 30.

шить на него огонь критики. Ядром мог быть и марксизм, и «грабь награбленное», и прочее, и прочее. *В действительности эта идеология не содержала ничего абсолютного и неизменного, за исключением стремления постоянно решать любыми средствами медиационную задачу, манипулируя идеями, людьми, ресурсами.* Любая идея, которая может казаться самоценной, при изменении ситуации забывается в единый миг, а люди, которые принимают ее за чистую монету, подвергаются забвению или исчезают в огне террора. Так погибли и марксисты в партии (если считать, что они реально были), и те, кто осуществлял лозунг «грабь награбленное» (террор включал и попытку уничтожения уголовников: в частности, их топили в баржах), и все остальные, кто следовал некоторой последовательной логике идей, безразлично какой.

Самый большой секрет большевизма, следовательно, заключается в том, что большевики, став правящей партией, выхватывают из окружающей среды и превращают в определяющие для себя различные, практически любые, а значит, и исключают друг друга идеи, если они обещают решение медиационной задачи, сохранение государственной власти.

СОЦИАЛЬНЫЙ ВЗРЫВ КАК ИСТОЧНИК ЭНЕРГИИ

Институт, воплощающий организационное и идеологическое единство псевдосинкретизма, может занять господствующее положение в обществе, стать реальным медиатором лишь в результате массовой инверсии, возможно — взрыва, разрушающего общество, в результате массового инверсионного рывка миллионов к Правде, воплотившейся в партии нового типа, в ее вожде. Отсюда перешедшее от революционных групп интеллигенции к Ленину стремление поддержать, стимулировать массовую инверсию. Собственно, в этом, и только в этом, была движущая сила, которая могла превратить умозрительные результаты интерпретации нравственного идеала в социокультурную реальность. Отсюда стремление разжечь классовую борьбу, кровавое, ничем не ограниченное побоище. «Крайние меры сопротивления эксплуататоров могут лишь радовать», — писал Ленин. Отсюда рассмотрение Лениным повседневной жизни как периода подготовки бунта-революции, когда все подчинено будущей победе. Любая уступка со стороны власти или политического противника воспринималась не как залог соглашения, не как элемент конструктивного диалога, но как обусловленный законами истории акт победы, как

сигнал высшей Правды, как стимул для достижения новых побед, вплоть до ликвидации врага.

Понятие революции в ленинизме было, в сущности, переводом на язык марксизма древнего представления об очистительной, чудесной, освобождающей от кривды инверсии и моментальной массовой партиципации к Правде. Революция — высшая цель и спасение. Никаких половинчатых инверсий быть не может. Никаких действий, которые могли бы послужить на пользу старому миру, быть не должно. В этой связи интересно отношение Ленина к разрухе, катастрофически росшей в стране после падения монархии. Поскольку главной причиной разрухи он считал власть буржуазии, единственный выход он видел в революции. Отсюда отрицание «новых реформ», «планов», «всеобъемлющих преобразований»⁵¹. Иначе говоря, никакой конструктивной деятельности против разрухи как таковой, в отрыве от переворота. Революция решит все проблемы, и наоборот, «чем дальше будет оттянута пролетарская революция... тем труднее будет наладить подвоз и распределение хлеба»⁵².

Налицо типичный манихейский подход к конкретным социальным задачам. Уничтожение старой власти может быть описано на языке синкретизма как избиение злых сил, кровопийц, паразитов, оборотней и т. п.

Ленинизм опирался на уже сложившийся образ капитализма как всеветного аморального мироеда, способного на любое преступление, не признающего ни права, ни любви, ни сострадания, как разорителя и разрушителя. Коварство злых сил, ранее насылавших порчу, губивших урожаи и т. д., теперь стало проявляться в более современных формах — они вредили посредством денег и торговли, высасывая живую силу из людей, разлагая Правду деньгами. Главным оружием темных сил стал подкуп. Если раньше люди обвинялись в колдовстве, то теперь — в корыстолюбии, продажности, службе злым силам за деньги. Это открывало путь для модернизации манихейства посредством понятий экономической науки. *Манихейство у Ленина приняло модернизированную форму науки о классовой борьбе.* А. Потресов писал в своих воспоминаниях: «Ленин знал лишь две категории людей: свои и чужие. Свои, так или иначе входящие в сферу влияния его организации, и чужие — в эту сферу не входящие и, стало быть, уже в силу одного этого трактуемые как враги. Между этими полярными противоположностями, между товарищем-другом и инакомыслящим-врагом для Ленина не существовало всей промежуточ-

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 206.

⁵² Там же. С. 410.

ной гаммы общественных и индивидуально человеческих взаимоотношений». Вся история человечества есть история борьбы «обездоленных» и тех, кто «поддерживает помещиков и капиталистов». Их прислужники, например, либеральная партия, кадеты, являются врагами народа⁵³. Враг народа — не правонарушитель или преступник в либеральном смысле. Это живой носитель зла, оборотень, подлежащий разоблачению и уничтожению.

Утилитаризм по своему существу равнодушен к манихейству, как, впрочем, и к любому другому мировосприятию. Но он вынужден считаться с ним как с массовой силой, как с языком, посредством которого только и можно приводить в движение значительную часть населения. Основная масса народа знала лишь тот тип конструктивной напряженности, который был связан с ненавистью Правды к кривде. Поэтомu действовать они могли лишь во имя Правды. Ленин это ясно видел. Его концепция классовой борьбы была, в сущности, специфической модификацией манихейства, имеющей целью направить массы на разгром сословного общества в стране, а в конечном итоге — во всем мире.

Партия нового типа могла реально утвердиться лишь в результате своеобразного схлопывания, т. е. разрушения всех социальных отношений, культуры выше определенного уровня сложности, упрощения общества до примитивного уровня. Именно на этой основе силы общественного хаоса неизбежно примкнули к более или менее жесткой организации, которая является одновременно носителем идеала и структур, соответствующих новому господствующему уровню сложности. Ленин уловил новую культурную и социальную потребность, а затем организационно возглавил упорядочивание результатов схлопывания, возглавил первое в истории расколотое общество, уходящее от традиционализма и не пришедшее к либерализму.

Ни Ленин со своим незначительным количеством сторонников, ни вообще кто бы то ни было в мире не мог придумать и создать нечто подобное. Но это можно было открыть и использовать, что и было сделано.

При всей кажущейся сложности псевдосинкретизм удивительно прост. Слабость срединной культуры выдвинула на первый план то, что было «под рукой», т. е. утилитаризм, который мог использовать другие идеалы в качестве средств. *Большое общество могло быть создано не через уничтожение раскола, а через его превращение в энергетический потен-*

⁵³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 126.

циал возбуждения масс. Манихейское сознание, везде видевшее кривду, создало для этого определенные возможности.

ПСЕВДОСИНКРЕТИЗМ И «ОБЩЕСТВО НИЗШЕГО КЛАССА»

Было бы крайне опрометчивым предполагать, что общество могло положить в свою основу идеологическую и организационную систему псевдосинкретизма в результате злой воли какой-то группы лиц. Это могло быть лишь результатом крайне обостренного, угрожающего катастрофой противоречия между воспроизводимыми (или невозпроизводимыми, погибающими) социальными отношениями и культурой, исторически сложившимися культурными программами производственной деятельности. По сути дела, возведение псевдосинкретизма к вершинам власти было попыткой критики исторического опыта общества, где большое общество, вступившее на путь модернизации, опиралось на архаичную массовую культуру, несущую программы локализма и авторитаризма. Специфика этой критики, однако, состояла в том, что если субъектом либеральной критики могла быть группа либералов, один человек, то критика, способная вывести общество на уровень нового качественного состояния, требовала массового субъекта, миллионов людей. Но уровень критики в этом случае мог носить лишь инверсионный характер, что и обусловило политическую победу большевизма. Появление псевдосинкретизма открыто возвестило возникновение нового типа цивилизации, где древние ценности защищались современными средствами. Псевдосинкретизм явился отчаянной попыткой миллионов преодолеть раскол, вернуться к идеалам гармонии, естественной жизни, к покою и благосостоянию. Ленин лишь выразил этот порыв, создав для него идеологическую и организационную форму жесткой и одновременно динамичной партии нового типа.

Каково же то общество, которое выдвинуло к вершинам власти это странное учение, не имеющее длительного устойчивого концептуального пристрастия (что не исключало возможность таких пристрастий у каждого из его сторонников)? К ответу на этот вопрос можно подойти по-разному. Один из путей поиска ответа — изучить, как функционировала идеологическая модель ленинизма, и выяснить, какой ответ давало общество на нее. Какой материал давало общество для наполнения этой всеядной, хотя и жесткой идеологической схемы?

Модель общества, функционирующая как проявление и результат раскола, существовала на стыке двух потоков. На

одной стороне раскола были люди, склонные опираться на государство, на общие идеи государственности, на (псевдо)-науку. Навстречу им шли активизирующиеся почвенные силы. Люди, способные к организационной работе, росли на народной почве, в крестьянских мирах. После реформы 1861 года из крестьян «выделились такие личности, которые могли постоять за их (крестьянские) права»⁵⁴. Возник тип крестьянина, который «умственнее» прочих мужиков, лучше всякие «ходы» знает, в состоянии разобраться в законах, может толково и связно объяснить суть дела в спорах с начальством. Такие крестьяне были способны верховодить миром и быть ему полезными. Однако в первую очередь силы, способные к организации, кадры партии шли от высшей культуры, образования, просвещения. Эти организаторы развивались на той же почве, что и предприниматели, способные создавать новое производство, разные «заводы заводить». Эти люди, постепенно вытесняя, истребляя старую гвардию большевиков, несли наверх, к ядру партии, те ценности, которые в первый момент существования новой власти рассматривались как подлежащие вытеснению. Это означало, что общество находило канал воздействия на содержание основополагающих идей партии. Именно драматическое движение идей, постоянная борьба и смена идеалов внутри партии раскрывают не только специфику жизни партии, но и специфику псевдосинкретического общества на всех его этапах. Ленин сделал отождествление этих двух потоков, объединение разнородных, даже враждебных сил задачей партии, для чего, собственно, и нужен в определенном типе общества псевдосинкретизм.

Идеологическая модель псевдосинкретизма выступала как претензия на провозглашение новой послекapиталистической цивилизации, которая избавлена от пережитков и несознательности. *И это действительно была новая цивилизация, но не послекapиталистическая. Это была уникальная форма общества, «застраившего» между двумя основными цивилизациями — традиционной и либеральной*⁵⁵. Идеологическая большевистская модель была одной из попыток удержать расколотое между двумя суперцивилизациями общество от катастрофического развала. *Потребность общества в такой идеологической модели, согласие на ее функционирование возможны лишь в совершенно особых, исключительных условиях: во-первых, мощного влияния традиционализма, требующего интерпретировать новое как старое, как проявление*

⁵⁴ Кротоцкий П. А. Записки революционера. М., 1966. С. 149.

⁵⁵ См.: Ахиезер А. С., Матвеева С. Я. «Мы не принадлежим ни к Востоку, ни к Западу» // Атмода. Рига. 1990. 29 апр.

народной Правды, как реализацию чего-то исконного; *во-вторых, господства инверсионного мышления и слабости медиационного*, что требует от идеологов давать социальную интерпретацию реальных и возможных инверсионных поворотов; *в-третьих, существования мощного культурного перепада, раскола*, что, собственно, и порождает проблему гибридного идеала как основы манипулирования общественным сознанием и нравственными идеалами; *в-четвертых, существования партии нового типа*, объединившей в нерасторжимое целое организацию власти и идеологическую деятельность; *в-пятых, соблюдения тайны гибридности господствующего идеала*. При несоблюдении хотя бы одного из этих условий формирование такого рода идеала может в лучшем случае стать частным делом тех или иных групп, т. е. не иметь значимой роли в обществе.

Механизм псевдосинкретизма показывает, что его суть не может быть сведена к социокультурным характеристикам любой из групп, входящих в идеологическую модель. Новое общество было, безусловно, результатом массового стремления крестьян вернуться к древним идеалам жизни, отбросить либеральные новшества, товарно-денежные отношения и т. д. Одновременно новое общество было и результатом стремления городских рабочих остановить развитие капитализма, ослабить давление хозяина. Но в то же время новое общество являлось и результатом стремлений русской интеллигенции построить общество на основе высшей Правды, «общество низшего класса» (выражение социолога Э. Орловой), где интеллигенция могла бы слиться с народом.

Каждая из этих групп внесла свой вклад. Крестьянство тянуло в него традиционализм как культурный фундамент общества, постоянно порождающий то авторитаризм, то локализм. Рабочие обеспечили возможность развития городов, современного типа производства, возможность ограниченных форм модернизации. Интеллигенция сделала возможным организационное и культурное соединение расколотых частей общества. Баланс между этими силами никогда не оставался постоянным. История процесса их взаимодействия преисполнена драматизма и человеческих страданий.

Массовые идеалы не изобретаются. Они вырастают из народной почвы. И власть, озабоченная решением медиационной задачи, может лишь в определенных рамках их интерпретировать. Рамки эти не произвольны. Они определяются возможностью использовать эту интерпретацию как основу для коммуникации власти и народа, для обеспечения противоречи-

вого, неустойчивого единства общества, достигаемого подчас любыми средствами.

Псевдосинкретизм должен анализироваться в динамике. Вопреки распространенному убеждению, история советской системы динамична. Стержнем ее динамики является драматическая детективная история ожесточенной борьбы новой системы за свое выживание против постоянной смертельной угрозы внутреннего распада, против опасности осознания носителями разных ипостасей своей специфики, что может превратить их самовыражение в ожесточенный, смертельный для общества конфликт. Дальнейшая история страны — это ее постоянная борьба со смертью, подчас маскировавшаяся оптимистическими криками энтузиастов, заглушавшими стоны миллионов погибающих. Им казалось, что до царства Божьего на земле осталось пять минут. Эта история включает одновременно развертывание возможностей псевдосинкретизма, выявление правящей элитой его потенциала с целью предотвращения катастрофы.

НОВОЕ И СТАРОЕ В НОВОМ ИДЕАЛЕ

Новый идеал был тождествен нравственному идеалу, положенному в основу первой государственности, и одновременно принципиально отличен от него. Тождество заключалось в том, что оба они апеллировали к синкретическому менталитету, к его логике, к абсолютно очевидному идеалу справедливой нравственной жизни, основанной на уравнительности, на эмоциональных отношениях, на партиципации к некоторой Правде. Тем не менее различия носили не менее фундаментальный характер. В советском государстве глубочайший зрелый раскол еще больше усилился. В обществе получили широкое распространение определенные усеченные, искаленные элементы либерализма, прежде всего вера в возможность использовать науку и технику в качестве средств. Стал повседневным примитивный утилитаризм. Именно эти социокультурные феномены позволили возникнуть идеалу, который интерпретировал нравственную ситуацию, создавая имитацию синкретизма, возводя на уровень важнейшей задачи стремление убедить каждую личность, что сложившаяся ситуация и есть реальный синкретизм, т. е. древняя Правда и одновременно результат науки. Это действительно было Правдой в том смысле, что в массовых ценностях преобладал синкретизм. Это было голосом науки, так как она утвердила веру в победу высшего, лучшего, справедливого в результате мирового развития. Но одновременно в псевдосинкретизме не было древней

Правды в том смысле, что за этим псевдо- скрывалась попытка модернизации. Это не было разрушительной для древней Правды истиной, так как слабая, терроризированная общественная наука не могла удержаться от того, чтобы в той или иной степени не отойти от принципа следования логике предмета, не отступить от следования предметной модальности. В результате она стала рупором народных утопий, лишь поданных в рационализированной онаученной форме.

Новое общество, сформировавшее четвертую в истории страны государственность, следовательно, основывалось на новом важном элементе. Новая власть в отличие от старой, уповавшей до последней минуты на то, что «все в руках Божьих», осознала чрезвычайно драматическую остроту проблемы интеграции в условиях раскола, превратила в свою функцию саму культуру, сами нравственные идеалы, создавая их государственную интерпретацию и пытаясь на этой основе строить свою политику воспроизводства большого общества. В этом стремлении на пределе человеческих сил к государственному строительству, в наведении порядка ценой, не имеющей меры, заключалась причина победы новой власти во вспыхнувшей гражданской войне. Белые (быть может, за исключением Врангеля) практически мало выходили за пределы решения чисто военных задач, создавая не новое государство, а режим военной комендатуры. Государственное строительство Врангеля, который пытался проводить реформу на манер столыпинской, столкнулось с теми же проблемами, что и Столыпин, усугубленными к тому же войной и разрухой.

Сложность задачи новой советской власти заключалась в том, что внутреннее разнообразие, превратившееся в раскол, сделало различные системы ценностей почти несовместимыми. Вся суть была в том, чтобы превратить это «почти» в основу целостного воспроизводства. Это требовало такой организации общества, которая бы превращала социокультурное разнообразие в движущую силу единообразия, требовало интерпретации факта разнообразия как временного, изживаемого состояния на пути к высшей Правде, интерпретации каждой из форм разнообразия как некоторого этапа на этом пути. Природа соответствующих решений заключалась в максимальном, напряженном стремлении бросить все ресурсы, всю социальную энергию общества на предотвращение усиления раскола, дезорганизации, на воспроизводство целого, возможно, жертвуя частями, изыскивая ресурсы путями и методами, неизвестными классическому синкретизму.

ГЛАВА I

ГОСПОДСТВО СОБОРНОГО ИДЕАЛА («Триумфальное шествие Советской власти»)

ТОРЖЕСТВО ЛОКАЛИЗМА

Итак, гигантский маховик первого глобального периода завершил полный цикл и достиг своей крайней точки, логически совпавшей со своим началом. Страна представляла собой жалкое зрелище. Распадалась не только империя, но и собственно Россия. Р. Пайпс пишет: «За несколько месяцев Россия вернулась к средневековью до-московского периода, когда она представляла собой скопление удельных княжеств. Буквально за ночь рухнули столетние усилия, затраченные на строительство государства... Официальный лозунг „Вся власть Советам“ облегчал этот процесс, позволяя региональным советам различных уровней — краевым, губернским, уездным и даже волостным и сельским — требовать независимой власти над подчиненными им территориями. Результатом стал полный хаос... Существовало летом 1918 года по крайней мере 30 „правительств“... Края и губернии, в свою очередь, распадалась на более мелкие административные единицы, самой важной из которых была волость... Крестьяне одной волости, как правило, отказывались делить награбленную собственность с крестьянами соседней»¹.

Права народов на областную (национально-территориальную) автономию получили признание еще до захвата большевиками власти. В стране возникали самостоятельные республики: Курская, Казанская, Тверская и т. д. Свои правительства (совнаркомы) создавались на уровне губерний, уездов и даже волостей. Совнарком существовал, например, в Москве. Мест-

---

¹ *Пайпс Р.* Создание однопартийного государства в советской России (1917-1918) // Минувшее: Исторический альманах. М., 1991. С. 93—95.

ные органы, имея смутное представление о своих полномочиях, вторгались в сферу общегосударственной политики. Создавались объединения областных советов, противостоящие центральной власти. Исполнялся даже специальный термин — областничество как тенденция к превращению области в фактически самостоятельное государство². Опасности распада страны, вероятно, Ленин не предвидел, веря, что народная мудрость этого не допустит. В декабре 1917 года он заявлял: «Нам говорят, что Россия раздробится, распадется на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранился союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций»³. Общество, лишенное достаточно сильных культурных интеграторов и рыночных связей, атомизировалось. «Господствовал лозунг: „Урал — уральцам“, „Волга — волгарям“ и т. д.». Налицо было противостояние «каждой фабрики и отрасли остальному пролетариату и населению. В этом смысле утверждено было Шляпниковым „Положение об управлении Уралом“, совнаркомом о Волге и т. д.»⁴.

Над возникающими республиками — Украинской, Белорусской, Азербайджанской, Армянской, Грузинской — правительство в Москве не имело власти. Существовала лишь общая идеологическая основа, если правительство республики было большевистским. Местные республики и советы не подчинялись вышестоящим советам, не исполняли правительственных декретов, принимали решения, им противоречащие, например: «Никакие органы местного Совета не могут получать предписания от кого бы то ни было». В центр приходили такие бумаги: «Казанская губерния объявлена самостоятельной республикой, и надо считаться с этим фактом. Полагаю неизбежным руководствоваться законом суверенного государства, в котором живу, а не великороссийским». Для народа революция означала появление возможности решения своих местных дел по собственному усмотрению, без вмешательства начальства. Наступил момент, когда стало можно жить сообразно требованиям своей группы, деревни, рабочего коллектива, возводя свои частные требования в ранг всеобщих.

Эта ситуация была не следствием паралича центральной власти, но отставанием достаточно сильных культурных интеграторов. Низкая оценка торговли в шкале нравственных цен-

² Морозов Б. М. Советы и образование СССР. М., 1974. С. 69-73.

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 115.

⁴ Ларин Ю. У колыбели// Народное хозяйство. 1918. № II. С. 22.

ностей помогает понять механизм распада в результате краха административных интеграторов. В этой ситуации люди не нужны друг другу за рамками эмоционально интегрированного локального мира и представляют собой не столько потенциал для сотрудничества, сколько потенциальную опасность. В такой социальной субстанции силы распада могут оказаться сильнее, чем силы интеграции.

Локализм пронизывал все общество. Он шел снизу. «Русский народ распался, распылился на зернышки деревенских миров»⁵. К весне 1918 года помещичье землевладение было в основном ликвидировано. Крестьянство получило 90% всех конфискованных земель. В 1919 году в 32 губерниях крестьяне владели 96,8% земель. Тем не менее увеличение площади на едока выразилось «в ничтожных величинах: десятых и даже сотых десятины на душу. В громадном большинстве губерний увеличение это не превышало полудесятины; лишь в немногих оно достигает одной десятины»⁶.

Из вышесказанного очевидно не только то, что движущей силой новой государственности был вечевой идеал с его ориентацией на локальные ценности, но очевиден и утопизм этих ценностей как средства разрешения проблем большого общества. Активизация вечевого идеала наносила удар по государственному аппарату, возникла власть, основанная на народной самодеятельности, торжествовал соборный принцип. Он воплощался не только в сельском мире, но хлынул и в города. *Соборность приобрела форму советов*. Они появились в 1905 году и были реализацией потребности рабочих в организации для борьбы за удовлетворение локальных утилитарных требований. Они возникли как стачечные комитеты, как органы местного характера, как попытка воссоздания некоего подобия крестьянского мира, общинного схода, веча в условиях города и промышленного предприятия, военной части и т. д. *Совет возник как орган, основанный на внутренней эмоциональной связи членов некоторой локальной группы для выражения и защиты ее особых интересов, как орган исторически сложившегося «Мы»*.

Сбывалась вековая мечта крестьянства и значительной части его идеологов. Складывалась жизнь без начальства, без власти вообще или по крайней мере с крайне слабой властью. Новая власть поддерживала всеобщий раздел земли, отмену на нее частной собственности, не препятствовала самим

⁵ Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия?// Контигент Россия. М., 1990. С. 28.

⁶ Книпович Б. Н. Очерки деятельности Народного Комиссариата Земледелия за три года (1917-1920). М., 1920. С. 8-9.

крестьянам восстанавливать формы жизни, которые прежняя власть в процессе столыпинской реформы пыталась уничтожить. Нельзя сказать, что крестьяне получили все, о чем мечтали, но они получили то, что было возможно в конкретной социально-экономической ситуации. Крестьянство поддерживало новую власть, так как оно получило удовлетворение в двух решающих пунктах: уравнительный раздел земли и заключение долгожданного мира с Германией. *Декреты о мире и земле имели решающее значение для получения новой государственностью массовой воспроизводственной энергии.*

НОВОЕ ГОСУДАРСТВО В БОРЬБЕ ЗА ВЫЖИВАНИЕ

Основное заблуждение массового сознания исходит из того, что государство — всемогущая сила, которая лепит общество в соответствии с прихотями аморальных и алчных правителей. Оно может все, если, разумеется, захочет, если присущее ему зло не сделает власть бессильной. Этой древней сказке трудно найти подтверждение хотя бы на каком-нибудь ограниченном этапе российской истории. Для государства, возникшего после падения Временного правительства, характерно бессилие, как, впрочем, и для его предшественника. Аппарат Временного правительства продолжал действовать до конца января 1918 года. Государственный банк не подчинялся большевикам и продолжал финансировать железные дороги, перевозки хлеба, топлива⁷. Новый государственный аппарат по сути не существовал, так как овладевший обществом локализм отрицал его.

Государству нужна была массовая поддержка. Крестьянство поддерживало новую власть как силу, способную обеспечить получение определенного наследия от старого строя (прежде всего земли) и избавление от чиновников, а также как средство удержать эти достижения. Не трудно видеть противоречие между этими задачами. Если в первом случае государство могло исчезнуть, выполнив свою задачу, то во втором, наоборот, предполагалось оправдание государственности на неопределенный срок. Тем не менее *антигосударственное массовое сознание достигло на этом этапе высшего накала.* Поэтому судьба государства висела на волоске. Оно должно было решить невыполнимую задачу, т. е. максимально вписаться в волну локализма, отрицающего государство. Было необходимо сместить ответственность вниз и одновременно обеспечить ин-

---

⁷ Прокопович. С. Н. Что дал России нэп// Нэп: взгляд со стороны. М., 1991. С. 11-12.

теграцию большого общества, приостановить распад жизненно важных связей, войну всех против всех.

Здесь-то и выявилась гибкость псевдосинкретизма, способность идеологической интерпретации поворота в массовом сознании, формирования его организационных форм. Новая власть учла опыт столыпинской реформы, была сделана попытка опереться на большинство, а не на меньшинство народной почвы. Ленин как идеолог после прихода к власти выступал в двух качествах. С одной стороны, как теоретик новой формы псевдосинкретизма: народной. Но, с другой стороны, он обосновал именно первую версию псевдосинкретизма, соответствующую первому этапу новой инверсионной волны. В иерархии псевдосинкретизма в качестве ведущей, господствующей в обществе была выдвинута ипостась соборного идеала. В этой первой версии псевдосинкретизма, соответствующей первому этапу нового государства, доминировали уравнилельные ценности традиционализма. Первая версия псевдосинкретизма должна была соединить эти ценности с государственностью. Идеология подсказывала соответствующую интерпретацию массового сознания. Община отождествлялась с большим обществом, с государством, которое, однако, рассматривалось как временное, как «полугосударство»⁸.

Элита партии, ставшая теперь правящей элитой, должна была платить по векселям, действовать в соответствии с утилитарной, т. е. конъюнктурно изменяющейся и одновременно неизменной Правдой, которая позволила использовать энергию масс для захвата власти. Тонкий слой правящей элиты не имел выбора. Впрочем, происходящее соответствовало концепции Ленина, рассматривавшего партию как рупор проснувшейся народной Правды. Он писал: «Мы не навязываем никаких нами выдуманных новшеств народу, мы только берем на себя почин осуществления на деле того, без чего нельзя жить в России, по общему и единодушному признанию. Мы не замыкаемся от революционного народа, отдавая на суд его каждый наш шаг, каждое наше решение. Мы опираемся всецело и исключительно на свободный почин, исходящий от самих трудящихся масс»⁹. В этой ситуации новая правящая элита вольно или невольно пошла на компромисс на основе нового соотношения сил. Этот компромисс включал признание за народом права на повсеместное самоуправление. Псевдосинкретизм показал исключительную гибкость. Демон Максвелла широко распахнул дверь государственности для потока народной энергии.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 18.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.

ОБЩЕСТВО-ОБЩИНА-ЗАВОД

Ведущий характер вечевого идеала, его соборной формы не означал, что партия и рабочий класс, который рассматривался как носитель ограниченной модернизации, потеряли свое место в идеологическом схематизме. Сохранилось внутреннее нравственное, идеологическое и организационное напряжение псевдосинкретизма, т. е. скрытое и явное стремление носителей псевдосинкретизма, правящей элиты рассматривать эту ситуацию как временную. В первой версии псевдосинкретизма уравнительность рассматривалась как гарант того, что крестьянство правильно поймет свой общий интерес и под руководством партии и рабочего класса воплотит новый идеал, который на первых порах представлял собой фантастическую смесь западного либерализма, зовущего к модернизации, и пластов архаики с ее статичными идеалами, винегрет из авторитаризма и соборности, возбуждаемых верой в чудо технической цивилизации.

Для первого этапа была характерна вера в соборное согласие всех сил для достижения общей цели. Ленин говорил в начале 1918 года о социализме через несколько месяцев, через полгода. Делалась попытка быстро построить коммунистическое производство и распределение на основе уравнительности. «Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам,— и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение»,— рассказывал Ленин впоследствии об этом периоде¹⁰. В новой ситуации крестьянство само собой, оставляя свои предрассудки и непоследовательность, должно через партию слиться с Правдой, воплощенной в высшем руководстве партии.

Общество-община, которую должна была явить собой Россия, представляется Ленину гигантским заводом, более того, он мечтает о превращении «всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководствовались одним планом»¹¹.

Разумеется, отождествление локального сообщества и общества с машиной стало возможным не в результате произвольной игры ума. Суть в том, что развитие утилитаризма в массовом сознании открыло путь поиску на этой основе новых средств, а значит, неуклонно усиливало культ машины, стремление «примерить» сложившийся идеал и по мерке машины.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 157.

¹¹ Там же. Т. 36.

Любопытно, что Ленин не видел противоречия между предполагаемым самоуправлением производственных и потребительских коллективов и жестким, механическим, однозначным характером отношений в них. Это можно объяснить ориентацией на подчинение людей закону машины, уверенностью, что творчество масс неизменно порождает жесткую однозначную организацию машинного типа. По своим последствиям государство и община представлялись тождественными. Например, переход инвентаря в исключительное пользование государства или общины¹² одинаково создает необходимость социалистического регулирования хозяйства. Впрочем, удивляться нечему, так как соборный идеал амбивалентен авторитарному. Он несет в себе жесткое закрепощение человека за его местом в общине, что открывало возможность рассмотрения человека как элемента машины. Древний идеал получил машинообразные черты. Модернизация приобретала новые, более сложные формы. Впрочем, зачатки стремления рассматривать общество как машину можно найти еще у Петра I (см. часть первую, гл. IV).

Ленин встал на почву соборного идеала не только в силу своей принадлежности к русской культуре (например, влияние Чернышевского на него несомненно сильнее, чем Маркса), но прежде всего в силу того, что сама логика псевдосинкретизма с принудительной силой толкала его следовать мощным массовым идеалам. Утилитарная природа псевдосинкретизма стимулировала способность выхватывать из окружающей среды любые ценности и опираться на них, если это способствует достижению заданной цели, решению медиационной задачи. Обстоятельства заставляли следовать соборному идеалу. При этом очевидно, что массовый соборный идеал и его интерпретация правящей элитой не были абсолютно тождественными. Различия заключались в том, что в первом случае он выступал как самоценность, тогда как во втором постепенно становился средством. Насколько это обстоятельство осознанно, является особым вопросом. Секретом это не было, так как Ленин отчетливо понимал различие между своей доктриной и массовыми ценностями крестьянства.

Славянофильство кажется умеренным по сравнению с ленинским апофеозом соборного начала. Славянофилам совершенно недоступна была идея повседневного творчества масс на всех этажах государственности. Ленин же видел в этом процесс растворения государственности в народовластии.

---

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34.

В стране бушевала вечевая стихия, что соответствовало идеалам Ленина, видевшего в этом проявление творчества освобожденного от гнета и эксплуатации народа. Сепаратистские тенденции получили свое дальнейшее развитие. Партийная доктрина с ее ориентацией на массовое творчество открывала этому путь. Следуя логике вечевого идеала в рамках псевдосинкретизма, Ленин стремился активизировать рабочих и крестьян, с тем чтобы усилить приток социальной энергии в медиатор. Это было возможно осуществить в определенных пределах, лишь следуя массовым ценностям, их стимулируя.

Правящая элита всеми средствами пыталась использовать потоки народной энергии, опираясь на ненависть к начальству, к богачам, ко всему, что мешает уравнительности. Летописцы не раз рассказывали о грабежах имущества умерших князей. Народные восстания сопровождалось грабежами, так как это был естественный метод борьбы за уравнительность. Казацкий поход за «зипунами» мог превратиться в антиправительственное выступление. Революционная интеллигенция в этой связи подчас была склонна создавать романтический ореол вокруг разбойников. Известный революционер Нечаев, например, рассчитывал опереться на воровской элемент.

Ленин примкнул к этой традиции. Он публично поддержал лозунг «Грабь награбленное», призывал народ добратся до сундуков буржуазии¹³. Развивающаяся инверсия дошла до лозунга: «Воруй смело, хозяев нет» (Ек. Олицкая). Теперь наступил момент, когда ожившие древние обычаи, казалось, хотели взять реванш за упущенное время. Вечевая стихия, дошедшая до крайних разрушительных форм, определяла ориентацию высшей власти. Ленин пытался опереться на народную стихию, включая крайние формы ее проявления. «Одна из самых главных задач теперь, если не самая главная, развить как можно шире этот самостоятельный почин рабочих и всех вообще трудящихся и эксплуатируемых в деле творческой организационной работы»¹⁴. Следовательно, Ленин верил, что из разрушения вырастет организация идеального общества, если это разрушение — результат революционного народного творчества. По сути, это и есть основное заблуждение русской интеллигенции. Ленин выступил как продолжатель этой традиции. Однако, положив эту идею в основу государственности, он как будто доказал, что это не заблуждение. В момент национальной катастрофы оказалось возможным соединить ценности народа и государственности на новой основе,

¹³ Правда. 1918. № 18. 6 февр. (24 янв.).

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 198.

на основе локального творчества, которое партия использовала уже вне локальных рамок, в масштабе общества.

Первая версия псевдосинкретизма вся пронизана архаичными ценностями. Например, торговля подлежала уничтожению или должна была свестись к минимуму. Предполагалась замена «торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе, распределением продуктов»¹⁵. Ленин говорил о прямой связи свободной торговли хлебом со всевластием помещиков и капиталистов¹⁶. Централизованное распределение натуральных продуктов есть передача обществу функций главы патриархальной семьи, хозяйственной единицы. Как и глава семьи, общество должно по справедливости распределять между членами *блага*, которые находятся в его распоряжении. Подобная модель не нуждается в существовании денег. Денежные знаки, по определению Ленина, — «свидетельства на право получения эксплуататорами общественного богатства, в целях спекуляции, наживы и ограбления трудящихся»¹⁷. Ленин ставит знак равенства между ненавистным капитализмом и товарно-денежными отношениями.

Право, законность также ценятся не слишком высоко. Судьи должны руководствоваться «социалистическим правосознанием»¹⁸, т. е. классовым чутьем, чувством Правды. «Формальный демократизм» должен быть подчинен «революционной целесообразности»¹⁹, т. е. утилитаризму, нацеленному на конъюнктуру. Революционное правосознание само есть форма народного творчества и его результат, тогда как буржуазный закон есть препона стихии творчества. Ленин последовательно стал на позиции экстраполяции на большое общество ценностей локального мира.

Идеи соединения древних общинных форм с современностью выдвигал еще Чернышевский. Он, в отличие от славянофилов, видел в общине результат неблагоприятных условий исторического развития, застоя, неразвитости. И тем не менее общинные отношения предполагались им как основа будущего переустройства общества на социалистических началах. По мнению Чернышевского, община могла послужить прямой дорогой к организации земледельческих товариществ для обработки земли, общинные отношения с их отсталостью — дорогой к техническому прогрессу сельского хозяйства. Он полагал, что общинные отношения позволяют разумным образом

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 99.

¹⁶ См.: там же. С. 355, 364, 374 и др.

¹⁷ Там же. С. 100, а также с. 122.

¹⁸ Там же. С. 115.

¹⁹ Там же. Т. 42. С. 237, 268 и др.

увязать выгоды землевладельца с прогрессом земледелия, с улучшением качества обработки земли. Ленин развивал эти же по сути идеи, пытаясь вывести их за пределы системы общин в государственность большого общества.

Все население предполагалось организовать в производственно-потребительские коммун, способные с наибольшей быстротой, планомерностью, экономией, с наименьшими затратами труда распределять все необходимые продукты, строго централизуя весь распределительный аппарат. Таким образом, планировалась натурализация всех экономических отношений, превращение страны в сеть соборных коллективов, способных, ввиду наличия стихийного правосознания, разрешать все проблемы современной государственности.

Бесчисленные коллективы, по мысли Ленина, сольются в гигантский коллектив, гигантскую общину-завод. Он пишет о кооперативах, которые должны охватить все население. Необходим переход «от частных раздробленных коллективов к единому кооперативу»²⁰. Он говорил, что для новой кооперации характерно «пролетарски-коммунистическое снабжение и распределение»²¹.

Хотя на разных этапах Ленин расценивал кооперацию по-разному, тем не менее он рассматривал ее как систему, связывающую локальные сообщества в гигантское сообщество.

КРУШЕНИЕ СОБОРНОГО ИДЕАЛА

Очень скоро оказалось, что господствующий в массовом сознании соборный идеал, а также соответствующая интерпретация его правящей элитой оказались нефункциональной утопией. Нарастающий локализм в разных сферах жизни постепенно переходил некоторый критический уровень, что порождало нарастающую дезорганизацию.

В сложившейся ситуации было крайне трудно решить медиационную задачу, следовать социокультурному закону, соединить культурные идеалы уравнительности, соборности, локальности с большим обществом. Вся система коммуникаций в новом обществе между правящей элитой и массами постоянно находилась на грани разрыва. Повсеместное стремление к локальным ценностям ослабляло связь с целым. Раскол принял угрожающие формы. *Нарастал развал власти.*

Неспособность советов к эффективному управлению определялась несоответствием их природы сложности реальных

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 162.

²¹ Там же. Т. 37. С. 472.

задач XX века. Советы выросли на местной основе как орган, призванный к решению ограниченного круга локальных вопросов. Они были неспособны осознать причины всеобщей дезорганизации и бороться с ней. *Положение советов определялось двойственным отношением масс к власти, которые склонны были использовать их не столько в качестве власти, сколько в качестве силы в борьбе против нее.* Основной формой деятельности советов как социального института стало митингование, т. е. постоянная борьба монологов, версий абстрактной справедливости и требований к внешним силам согласиться со всеми претензиями. Советы, не знающие сомнения в естественности своих требований, не ведающие самокритики, с самого начала шли путем саморазрушения.

Вот впечатления Г. Уэллса от работы Петроградского Совета, фактически центрального в стране: «Работа этой организации, как и всех других в Советской России, показалась нам исключительно непродуманной и бесплановой. Трудно себе представить менее удачную организацию учреждения, имеющего такие обширные функции и несущего такую ответственность, как Петроградский Совет. <...> По существу это был многолюдный митинг, который мог, самое большое, одобрить или не одобрить предложения правительства, но сам не способен был ни на какую настоящую законодательную деятельность. По своей неорганизованности, отсутствию четкости и действенности Петроградский Совет так же отличается от английского парламента, как груда разрозненных часовых колесиков от старомодных, неточных, но все еще показывающих время часов»²². По словам члена президиума ВСНХ В. Чубаря, советы после февраля 1917 года «превратились в пустые говорильни и не оказывали никакого влияния на органы, руководящие хозяйством страны»²³.

В советах не получал развития реальный диалог. Например, по свидетельству современников, в деятельности Иваново-вознесенского Совета (1905 год) решения, как правило, по всем вопросам принимались единогласно, без особых споров. Рабочие в массе не нацеливали совет на политические требования, не обнаруживали враждебности к самодержавию.

Кажется, еще никому не приходило в голову поставить вопрос о странной форме власти, которая не приживалась в других странах, а в России с поразительной быстротой теряла свой якобы демократический характер и выявляла полную нефункциональность в большом обществе, в условиях госу-

²² Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958. С. 62, 65.

²³ Чубарь В. Роль Ц. С. фабрично-заводских комитетов в организации ВСНХ// Народное хозяйство. 1918. № 11. С. 7.

дарственной жизни. Секрет советов в их архаичности, в органической связи с догосударственной системой ценностей, что делает их беспомощными в сложном мире. Эта слабость лежала в основе всяких попыток создать новые массовые организации. Работа в них строилась по аналогии с работой сельского схода. Это отсутствие организационных навыков было истинным бедствием. Л. Каменев еще до переворота опубликовал в «Правде» статью с характерным заглавием «Организация, организация, организация», где доказывал, что без нормально функционирующих рабочих организаций «наша сила только кажущаяся сила, которая завтра может рассыпаться»²⁴.

Г. Зиновьев отмечал факт отсутствия в рабочей среде организационных навыков и устремлений: «Это невероятно, но это факт... Рабочие не имели своего всероссийского съезда и не создали своего особого *рабочего* Совета, рабочего исполнительного комитета даже в столице. Особенно характерно положение вещей в Петербурге... Рабочая секция прозябает, собирается крайне редко, не имеет регулярно действующего выборного президиума, не имеет своей газеты. Создание прочной всероссийской организации рабочего класса является вопросом жизни и смерти и для рабочих, и для всего дела революции...»²⁵.

Соборные институты в условиях государственности очутились в весьма двусмысленной ситуации. Массы, создавая советы, могли в любой момент от них отвернуться, совершить инверсионный переход от признания их своими до прямой враждебности к ним. Ненависть к начальству при неудачах могла переноситься на совет. Так, после прекращения безрезультатной 47-дневной стачки рабочие в Иваново-Вознесенске пришли к выводу, что «депутаты подкуплены». А. Коллонтай писала в «Правде» о пятнадцатитысячной женской демонстрации в апреле 1917 года: «Шли с новой надеждой, что стоит изложить свою нужду, свои требования, рассказать о голоде, о том, как их дети, дети солдат, умирающих „за родину“, сидят без хлеба, и Совет немедленно откликнется, Совет постановит увеличить паек, Совет услышит голос голодающих матерей. А как же не откликнется? Совет — это же наш народный. Там все свои — рабочие и солдаты». Ну а если совет не сможет удовлетворить требований? Тогда совет — это враг, а его руководители — «переодетые помещики». Так, 3-5 июля 1917 года массы вышли на улицу вопреки прямому решению Первого Всероссийского Съезда Советов. Все партии, включая большевиков, с поразительным упорством и единодушием до

²⁴ Правда. 1917. 23 марта (5 апр.).

²⁵ Там же. 5 сент.

последнего дня делали все возможное, чтобы предотвратить выступление. В статье Г. Зиновьева, опубликованной в большевистской газете «Рабочий и солдат», говорилось о сверхчеловеческих усилиях, безуспешно затраченных большевиками для предотвращения массового выступления 4 июля. Большевики даже употребили особый термин «усмирять»: «Наши агитаторы только и делали, что „усмиряли“, т. е. убеждали рабочих и солдат не выступать сейчас на улицу»²⁶. По свидетельству Г. Зиновьева, все до единого большевики, прибывшие из районов, заявляли: «Никакая сила в мире не удержит завтра выступления на улице». Оставалось направить все усилия на превращение выступления в мирную организованную демонстрацию. Некоторые определяли события 3—5 июля как «проклятие всей демократической России»²⁷.

Ленин, поначалу принявший митингование за форму демократии, вынужден был признать, что советы себя не оправдали: «Советская организация еще не научилась управлять, мы слишком много митингуем»²⁸.

От местных советов исходила грозная опасность новому государству. Местные советы срывали хлебную монополию, перехватывали поезда с хлебом, идущие в города, обрекая тем самым их на гибель. Эта деятельность местных советов развивалась уже после февральской революции. Используя попытки Временного правительства установить в стране хлебную монополию, советы повсеместно занимались обысками, реквизицией хлеба у частных лиц, увеличивая общую дезорганизацию общества. В новых условиях эта деятельность усилилась. Теперь, однако, советы стали официальным звеном существующей власти. Советы на селе также не были новым органом. Они оставались все теми же сельскими сходами, просто переименованными в сельские советы. Это обстоятельство нашло свое выражение в Положениях о низовых советах, разработанных в некоторых губерниях и уездах. Заседания советов подчас мало отличались от собрания граждан села. *Это был все тот же древний крестьянский мир, почувствовавший, однако, свою силу.* Следует также учитывать, что влияние партии в деревне оставалось крайне слабым. В начале 1918 года члены РСДРП (б) были лишь немногим более чем в двухстах селах и волостях (всего волостей тогда насчитывалось около 13 тысяч). Выяснилось, что большинство советов на селе не могут рассматриваться как реальный элемент медиатора, т. е. соборное начало не стыковалось в должной степени с новой властью.

²⁶ Рабочий и солдат. 1917. 9-10 авг.

²⁷ Там же. № 14. 13 авг.

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35.

Локальные миры стремились жить своей локальной жизнью. Например, в докладе Корсунского уездного Совета указывалось, что местные советы «почти все кулацкие и все их (вышестоящих) распоряжения и приказы в полном смысле дискредитируются этими Советами». С мест участились сообщения, что в советах сидят люди «правых убеждений». Я. Свердлов заявил 20 мая 1918 года на заседании ВЦИК, что «в волостных Советах руководящая роль принадлежит кулацко-буржуазному элементу»²⁹.

Советский исследователь П. Соболев сделал существенный вывод: «Образовалось несоответствие между классовым составом центральных губернских и ряда уездных Советов, большинство которых принадлежало пролетарским и полупролетарским элементам, и сельских и волостных Советов, в которых беднота была в меньшинстве». Идеологический жаргон не может скрыть того, что речь идет об уже знакомом расколе организации, о враждебности низших, близких к почве органов власти всей государственной системе, сложившейся на основе медиационной организации партии. Этот же автор считает, что примерно 15-20% волостных советов европейской России в середине 1918 года выражали интересы бедноты. Большинство же советов, как пишет Соболев, «по своему классовому составу были общекрестьянскими и очень напоминали советы дооктябрьского периода», т. е. до захвата власти большевиками. Эта *враждебность деревни по отношению к новой государственности*, буквально только что удовлетворившей исконную мечту крестьян о помещичьей земле, получила свое яркое выражение в крестьянских восстаниях. Природа этих восстаний очевидна. Активизация локальных идеалов была направлена против тенденции власти разрушить их локальность.

Новые формы управления оказались несостоятельными также и для установления связи с рабочими. Здесь особенно болезненным было то обстоятельство, что рабочие поддерживали новую власть из чисто утилитарных соображений, надеясь на то, что избиение буржуазии приведет к немедленному резкому повышению жизненного уровня. Вскоре, однако, наступило разочарование, сопровождавшееся усилением дезорганизации производства. Интересный материал о крутой перемене настроения петроградских рабочих дает документ «Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда»³⁰. Из этих материалов видно, что в массах рабочих возникла резкая инверсионного типа перемена настроений. Пред-

²⁹ Свердлов Я. М. Избр. произведения. М., 1959. Т. 2. С. 178.

³⁰ Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда 13 мая 1918 г. // Континент. 1975. № 2.

ставитель завода Нобеля говорил: «В прошлом году кричали „долой Николая“, теперь рабочие кричали „долой большевиков“». Представитель патронного завода говорил: «В районах, где было сильно влияние большевизма, рабочие бросаются слева на правый фланг». Многое для понимания сдвигов в массовом сознании дает А. Платонов. Он с враждебностью относится к тем, кто бюрократическими методами, не понимая законов природы и вещей, пытается навязать какие-то иные, чуждые данному явлению законы, невзирая на то, как называют себя насильники: большевиками, белогвардейцами, фашистами или царскими чиновниками. Просыпается защитная сила здравого смысла, которому предъявляются абсурдные требования.

Выявилось, что двойственное отношение к власти не исчезло, что власть снова в глазах народа попала в сферу зла, что личная ответственность за власть большого общества у рядового человека не возникла. Власть, которая могла найти поддержку в массах, играя роль тотема, рисковала превратиться в глазах значительной части народа в антитотем. Манихейские представления вновь обращались против государственности, бюрократии, которая, как показал Платонов, выступала в глазах людей как разрушитель жизни. Новое общество не избавилось от старых проблем.

Рост негативного отношения к новой власти, однако, в силу своей неконструктивности, пассивности, неорганизованности, отсутствия медиационной альтернативы не мог сокрушить се. Например, крестьянские восстания были древней формой сопротивления местных миров нажиму власти. Эти восстания, как и раньше, были обречены на поражение. Они часто носили кратковременный характер и кончались приходом восставших с повинной. Повторялась уже знакомая картина разрозненных крестьянских выступлений в царское время.

Выступающими на упомянутом собрании отмечались упаднические настроения среди рабочих Петрограда. Представитель невских судостроителей говорил о настроении «безысходности и апатии». Представитель завода Речкина сообщал: «На заводе перелом в настроении рабочих. Но выборов на совещании не удалось произвести до сегодняшнего дня из-за апатии рабочих». Эмоциональный подъем спал.

Выяснилось, что новые формы управления оказались совершенно не в состоянии обеспечить производство, остановить дезорганизацию. «Рабочий контроль очень скоро обнаружил свою истинную природу. Эти слова звучали всегда как начало гибели предприятия. Немедленно уничтожалась всякая дисциплина. Власть на фабрике и заводе переходила к быстро сменяющимся комитетам, фактически ни перед кем ни за что

не ответственным. Знающие, честные рабочие изгонялись и даже убивались. Производительность труда понижалась обратно пропорционально повышению заработной платы. Отношение часто выражалось в головокружительных цифрах: плата увеличивалась, а производительность падала на 500-800%. Предприятия продолжали существовать только вследствие того, что или государство, владевшее печатным станком, брало к себе на содержание рабочих, или же рабочие продавали и проедали основные капиталы предприятия... При „социалистических" порядках наступило чрезвычайное понижение производительности труда. Наши производительные силы при „социализме" регрессировали к временам петровских крепостных фабрик. Демократическое самоуправление окончательно развалило наши железные дороги. При доходе в 1,5 миллиарда рублей железные дороги должны были платить около 8 миллиардов на одно только содержание рабочих и служащих». Захват банков лишил «промышленные предприятия всяких средств. Чтобы сотни тысяч рабочих не остались без заработка, большевикам пришлось открыть для них кассу Государственного банка, усиленно пополняемую безудержным печатанием бумажных денег»³¹. О положении на производстве пишет в декабре 1917 г. также М. Горький: «Есть заводы, на которых рабочие начинают растаскивать и продавать медные части машин, есть очень много фактов, которые свидетельствуют о самой дикой анархии среди рабочей массы... „Новый" рабочий — человек, чуждый промышленности и не понимающий ее культурного значения в нашей мужицкой стране»³².

Из выступлений на уже упоминавшемся совещании рабочих Петрограда очевидна безысходная картина дезорганизации. Представитель Путиловского завода сообщил, что работа на его предприятии почти кончилась еще в декабре. Представитель Охтенских пороховых заводов сообщает, что, «когда, так сказать, взяли в свои руки предприятия, интенсивность сильно понизилась. Пришлось почти закрыть заводы. Хотя жалованье платят, а работы никакой нет».

Выявилось крайне важное обстоятельство: «Все государственное и частное хозяйство сведось к простому расходованию ранее накопленных капиталов»³³. Иначе говоря, *новая система сверху донизу была занята не производством, а распределением и перераспределением ранее накопленного. Причина*

³¹ Изгоев А. С. Социализм, культура и большевизм// Из глубины. М., 1989. С. 171.

³² Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917-1918). М., 1990. С. 90.

³³ Изгоев А. С. Социализм, культура и большевизм. С. 171.

этого лежала не в разрухе. Наоборот — разруха была следствием преобладания в большом обществе ценностей локализма, набравшего силу в условиях машинного производства. Она была следствием древней оценки производства как чего-то естественного, постоянного, неизменного, не требующего усилий свыше некоторого обычного исторически сложившегося уровня. Вечевой идеал выдвигал в центр внимания разные формы уравнительного распределения. Это в условиях разрухи стимулировало рост умеренного утилитаризма, его рваческих форм, стремления к приобретению благ любой ценой.

Преобладание ценностей идеала распределения в ущерб производству вытекало из манихейского противопоставления Правды и кривды. По этой схеме отсутствие благ было не результатом моей плохой работы, неумения организовать труд, а результатом эксплуатации злых сил, их способности отнимать то, что по справедливости принадлежит мне. Естественно, что переворот, ликвидировавший кривду, направил всю энергию на избиение эксплуататоров, на захват того, что ранее принадлежало другим. Это древнее манихейство имело и другую сторону. Поскольку победа Правды есть результат приобщения к новому идеалу, к партии, к новой правящей элите, то именно они должны были решать все проблемы. Победа новой власти означала, что она должна была кормить народ как новая сила, которой народ заменил старую власть, не оправдавшую надежд. Но организация новой власти была не приспособлена к тому, чтобы наладить производство, так как эта власть возникла в результате ненависти к буржуазии, т. е. именно к тем слоям, которые олицетворяли организацию производства, его развитие. Выявились острейшее социокультурное противоречие между культурой, несущей в себе потребность в росте потребительских благ, и социальными отношениями, которые исключали необходимые элементы удовлетворения этой потребности.

Важнейшим следствием, проявлением торжества соборного идеала, локализма была *натурализация хозяйственных отношений*. Это вполне соответствовало локалистской, доэкономической природе исторически сложившихся форм хозяйства, где товарно-денежные отношения постоянно насильственно внедрялись государством посредством усиления денежного налогообложения. Последнее вынуждало крестьянство обращаться к рынку в масштабах, превышающих их непосредственные потребности, приемлемый для них уровень товарно-денежных отношений.

РАЗРУХА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Новое общество, возникшее на волне крайнего локализма, вновь столкнулось с проблемой натурализации хозяйства, процесс которой начался «снизу, со стороны деревни». Он проявился, в частности, «в форме превращения с 1917 г. денежных сбережений городского населения в натуральные запасы»³⁴. Натурализация привела к естественному, но по сути зловещему для нового государства явлению — к дальнейшему распаду сложившихся потоков ресурсов, производимых крестьянами. Симптомы этого явления можно было видеть, например, еще до начала первой мировой войны, когда определенный рост доходов населения привел к более полному удовлетворению внутреннего спроса, прежде всего на хлеб, что привело в первой половине 1914 года к превышению ввоза хлеба над вывозом³⁵. Это говорило прежде всего о существовании, по крайней мере до 1914 года, значительной неплатежеспособной потребности в хлебе, а также о слабой способности тяготеющего к дотоварным отношениям сельского хозяйства отвечать ростом производства на рост потребностей. После начала первой мировой войны посевные площади в крестьянских хозяйствах сократились.

Происходило уменьшение товарности производства в деревне, что резко перерастало в угрозу голода в городах. Легальная торговля хлебом была дезорганизована. В результате происходил дальнейший распад, раскол между городом и деревней. Хлебофуражный баланс 1918/1919 года показывает, что питание горожан уменьшилось более чем на 34%, а в некоторых губерниях — на 44%, тогда как у крестьян уменьшилось менее чем на 1%. В одних губерниях потребление хлебопродуктов сократилось на 21%, в других — увеличилось на 2%. Потребление мяса горожанами уменьшилось на 58 %, а крестьян — на 15 %³⁶. Это несло угрозу голода части населения даже при сравнительно удовлетворительном урожае. Общество распадалось по разным параметрам. Механизмы интеграции оказались совершенно неспособными воспроизводить в этой ситуации целостность общества. Дезинтеграция охватывала про-

---

³⁴ Кузовков Д. В. Основные моменты распада и восстановления денежной системы 1925 г. // Финансовое оздоровление экономики: Опыт нэпа. М., 1990. С. 14, 26.

³⁵ Литвинов-Фалинский В. Война и промышленность: Экономический очерк. Пг., 1915. С. 7.

³⁶ Бокарев Ю. П. Социалистическая промышленность и мелкое хозяйство в СССР в 20-е годы. М., 1989. С. 143.

мышленность, где усиливалась разруха, разрушение хозяйственных связей.

Торжество локальных идеалов, соборных форм управления везде приводило к катастрофическим результатам, к росту дезорганизации и недовольства, переходившего в открытое возмущение. Вечевая стихия разрушительно действовала на организацию власти, включая и центральные учреждения. Органы безопасности действовали бесконтрольно. Всякая попытка использования их в целях наведения порядка представляла опасность. О борьбе внутри советской системы свидетельствует резолюция второй Всероссийской конференции Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем от ноября 1918 года: «Контрреволюционеры удачно используют момент, порождая контрреволюцию на почве трений между разными советскими учреждениями и отдельными советскими работниками». ЧК далеко не обладала всевластием, как это сейчас представляется. Она вынуждена была прибегать к оправданиям своей деятельности, ссылаясь на происки контрреволюции, врагов, которые «стараются проникнуть в советские учреждения. Саботирующая интеллигенция засела в канцеляриях...». Возникают конфликты в связи с арестом советских работников. В «Известиях» от 28 января 1919 года говорилось: «Работа в ЧК становится непомерно трудной и неблагодарной».

А. Солженицын дал несколько ярких примеров этого хаоса. Он писал: «Любой рабочий может не только не выполнить распоряжения инженера, но безнаказанно его оскорбить и даже ударить, и как представитель правящего класса рабочий при этом ВСЕГДА ПРАВ»³⁷. Он описывал случай, когда в суде обвинитель выступал заодно с защитой, а конвоиры лезли не в свое дело «слать резолюции»³⁸. Каждый отождествлял себя с властью и брал на себя ее функции. *Каждое звено власти, чуть ли не каждый функционер (что наиболее выявилось в деятельности института комиссаров) действовали на основе монолога, разрушая социальные отношения.*

Одновременно выявились угрожающие симптомы раскола почвы. Начало новой государственности прошло под лозунгами уравнительности, ликвидации богачей города и деревни. Среди крестьян также произошли существенные изменения. По официальным данным, количество тех, кому приклеивали ярлык «кулак», уменьшилось к середине 1918 года до 5% от всего количества крестьян. Это, однако, не ликвидировало раскол почвы. Инверсия, одержавшая решающую победу в сфере

³⁷ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1.

³⁸ Там же.

уравнительности, вторглась в деревенский мир. Раздел земли во многих местах охватывал не только помещичью, но и купчую землю самих крестьян. Имели место случаи, когда конфисковывались и распределялись также земля и инвентарь относительно более богатых крестьян. Вновь происходили столкновения между общинниками и хуторянами. Например, на заседании Пензенской губернской земельной коллегии 1 апреля 1918 года отмечалось существование угрозы кровавых столкновений между ними.

Стало очевидным также важное обстоятельство, касающееся примерно трех миллионов ранее безземельных крестьян, которые получили землю. Именно эта часть крестьян, которая, казалось бы, существенно выиграла, оказалась в числе наиболее недовольных. Причину недовольства можно понять лишь в свете представлений синкретизма. Уравнительное перераспределение земли в масштабе страны мыслилось как приобщение к Правде. Под этим не стоял какой бы то ни было рациональный расчет. На долю помещиков в 1916 году приходилось всего 11,3% всех посевов, лошадей — 6,2%, скота — 5,7%³⁹. По сути дела, попытка решить крестьянские проблемы за счет помещиков была чистой водой массовой утопией. Очевидно, что после конфискации помещичьих земель жизнь по Правде не наступила. Существенным фактором было то, что у получивших землю не хватало инвентаря. Естественным для синкретического сознания было искать виновного. Очевидно, виновниками казались относительно более богатые крестьяне, у которых всего было больше и все было лучше. Синкретическая инверсионная волна, пустившая в передел помещичьи земли и ликвидировавшая буржуазию и интеллигенцию, продолжала катиться дальше, угрожая соседу, чье состояние было выше среднего. В этом заключалась серьезная угроза обществу.

Истоки уравнительности лежат в древнем синкретизме. Однако в псевдосинкретизме она приобретает свои особенности. Правящая элита пыталась использовать стремление масс к уравнительности как источник энергии для формирования укрепляющей медиатор конструктивной напряженности. Поэтому власть была склонна поощрять уравнительные тенденции, несмотря на их разрушительный для производства характер. Кроме того, стремление к уравнительности выступало как попытка ликвидировать те социальные слои, которые несовместимы с социальной однородностью общества, например, эли-

³⁹ Ковальченко И. Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России// Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 182, 187.

тарную интеллигенцию, относительно более богатые слои и т. д. Граждане «низводятся до уровня посредственности и средней бестолковости»⁴⁰. Это была иллюзорная попытка всех уравнивать, чтобы ликвидировать раскол.

Опасность идущего все дальше и дальше вала уравнительности, который, казалось, ничем нельзя остановить, заключалась в том, что *большое общество немислимо на основе уравнительности*. Она разрушает не только очаги разнообразия, т. е. всякую возможность прогресса и развития, все лучшее, но и необходимое разделение труда между управляющими и управляемыми, между умственным трудом и физическим, между городом и деревней и т. д., в результате чего неизбежен всеобщий распад и крах. Проблема заключалась и в том, что превращение общества в набор замкнутых локальных миров ликвидировало общую основу, единство, люди, не связанные даже торговлей, обратились во врагов, в опасных конкурентов, борющихся за ресурсы, а мир предстал как перерыв между конфликтами. Вспомним вечающую Русь, где междоусобица принимала чудовищные формы, вплоть до того, что попавшихся по дороге детей из другого княжества сажали на кол.

Не следует также забывать, что новое общество возникло на дне нравственной бездны, в условиях всеобщей враждебности. Нравственная ситуация на первом этапе нового общества была ужасающей. М. Горький писал в своей газете «Новая жизнь»: «Наша революция дала полный простор всем дурным и зверским инстинктам, накопившимся под свинцовой крышей монархии, и, в то же время, она отбросила в сторону от себя все интеллектуальные силы демократии, всю моральную энергию страны»⁴¹. «В общем, в массе — незаметно, чтоб революция оживляла в человеке это социальное чувство. Человек оценивается так же дешево, как и раньше... „Новое начальство" столь же грубо, как и старое, только еще менее внешне благовоспитанно. Орут и топают ногами... И взятки хапают... и людей стадами загоняют в тюрьмы» (1917, 19 декабря). «Уличные „самосуды" стали ежедневным „бытовым явлением"...» (1917, 21 декабря). Книгопечатание почти прекращено, ценнейшие библиотеки уничтожаются одна за другой. «Предметы науки, искусства, орудия культуры не имеют цены в глазах деревни, — можно сомневаться, имеют ли они цену в глазах городской массы» (1917, 7 декабря). Происходит избиение интеллигенции. М. Горький обращается к морякам со следующими словами: «Ваши товарищи уже пробовали устраивать

⁴⁰ Зиновьев А. А. Зияющие высоты. М., 1976.

⁴¹ Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917-1918 гг.). С. 122.

массовые убийства буржуазной „интеллигенции“, — перебив несколько сот грамотных людей в Севастополе, Евпатории, они объявили: „Что сделано, — то сделано, а суда над нами не может быть“» (1918, 26 марта). Горький писал о том, что интеллигенция насильственно отторгнута от жизни, ее представители объявлены врагами народа. Он отмечает факт возникновения работорговли: «В Феодосии солдаты даже людьми торгуют: привезли с Кавказа турчанок, армянок, курдков и продают их по 25 руб. за штуку» (1918, 16 марта)⁴². Вместо царства высшей Правды — работорговля, насилие и деградация.

ОПЯТЬ ДВОЕВЛАСТИЕ

Функционирование, хотя и кратковременное, нового идеала раскрыло важную особенность организационного аспекта псевдосинкретизма. Раскол неизбежно привел к тому, что необходимо было постоянно решать две взаимоисключающие задачи. Прежде всего обеспечивать рост и развитие общества, решать задачи модернизации. Но одновременно было необходимо считаться с преобладанием традиционализма, нацеленного на воспроизводство общества в неизменном состоянии. Общество должно было повседневно сохранять, воспроизводить некоторый исторически сложившийся порядок, т. е. попытку сдерживать дезорганизующую лавину массовой инверсии. Одновременно общество в условиях раскола, в условиях периодических инверсий разных масштабов должно идти на значительные, ранее не предусмотренные изменения. Отсюда не только хромающие решения, но и открытие практикой нового общества беспрецедентной организационной формы медиатора, которая включала в себя два различных института — *партию нового типа* и *государство*. Возникла *своеобразная организационная форма двоевластия*, без которой псевдосинкретизм немислим.

Государство в этой ситуации должно было пытаться сохранить определенную стабильность порядка, тогда как партия — в любой момент вносить в общество изменения любого масштаба, касающиеся социальных отношений, культуры и идеологии, законности, распределения ресурсов и т. д. Власть на основе псевдосинкретизма постоянно действует, опираясь на некоторый принцип, который можно было бы назвать *принципом шаха, способного постоянно перерастать в мат*. Это означало, что любое явление в обществе находится, по край-

⁴² Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917-1918 гг.). С. 99, 101, 92-93, 129, 137, 121.

ней мере в тенденции, под абсолютным контролем высшей власти, первого лица и может быть в любой момент изменено, уничтожено, изолировано. Этот принцип обусловлен характером синкретической государственности, которая, по крайней мере в тенденции, воплощает абсолютную власть над людьми и ресурсами в обществе. Он постоянно создает потребность в экстремальных мерах, предотвращающих распространение опасных очагов дезорганизации, необходимость постоянно перебрасывать ресурсы всех видов на обескровленные, угрожаемые участки.

Организация псевдосинкретизма сложилась стихийно, в результате постоянных попыток власти нейтрализовать опасные последствия раскола. Возникла система, элементы которой постоянно сами себя отрицали. Партия постоянно подрывала способность государства стабилизировать порядок, тогда как государство как более стабильная система постоянно объективно независимо или почти независимо от собственных ценностей чиновников ограничивало возможность партии разрушать, изменять стабильный порядок. Следует, однако, отметить, что между ними не было симметрии, равновесия. В принципе партия обычно оказывалась сильнее, что объяснялось постоянным ощущением приближающейся катастрофы. В этой ситуации партия, как капитан на тонущем корабле, получала всю полноту власти для локализации опасного распространения волн дезорганизации, опасности очагов социальной энтропии. На разных этапах отношения между партией и государством могли меняться. Партия и государство постоянно проникались ценностями друг друга. Система двоевластия не была кем-то задумана, но являлась результатом стихийного приспособления общества к глубочайшему расколу.

Этот порядок мог в рамках псевдосинкретизма относительно быстро следовать за колебаниями господствующего в массовом сознании нравственного идеала, давать ему свою интерпретацию, более или менее приспособленную к решению медиационной задачи. Тем не менее господство соборности, локализма разрушало интеграцию целого, государственность. Господство соборной версии псевдосинкретизма позволило открыть важные стороны жизни страны, на которые оппозиционная интеллигенция раньше закрывала глаза. Уровень организационного творчества широких масс для решения медиационной задачи оказался недостаточен. В массах преобладало стремление к перераспределению уже готового продукта в ущерб развитию производства. Эта версия показала несостоятельность основного заблуждения русской интеллигенции, которое было одновременно важным элементом ленинизма.

Новый идеал, новая версия псевдосинкретизма оказались переходящими, как и предшествовавшие им идеалы первого глобального периода.

Новый идеал как в массовой форме, так и в форме версии официальной идеологии, доводя до абсурда раздробление политической и хозяйственной жизни, усиливал разруху, способствовал росту локальных конфликтов, давая новые стимулы начавшейся в 1918 году гражданской войне, что неизбежно порождало инверсию, несущую в себе идеал, противоположный соборному. Следовательно, альтернатива вновь предстала в инверсионной форме, тогда как силы, стоящие за медиацией, выходящие за рамки исторического опыта, были рассеяны.

ГЛАВА II

ГОСПОДСТВО РАННЕГО УМЕРЕННОГО АВТОРИТАРНОГО ИДЕАЛА («Военный коммунизм»)

САМООТРИЦАНИЕ ЛОКАЛИЗМА

Казалось, невозможно себе представить силу, которая могла бы остановить, повернуть назад движение к торжеству локализма. Однако постепенно сам этот процесс обнаружил внутреннее самоотрицание. Разочарование в существующем порядке, который приводил к бесконечным столкновениям множества монологов, несло в себе возможность поворота общества к единому монологу, т. е. к авторитаризму. Распад страны в условиях господства соборного идеала стимулировал рост массового согласия на сильную центральную власть.

Оттесненный на задний план авторитаризм мог превратиться в господствующую силу, в организацию авторитарного государства лишь при условии, что в самих локальных мирах возникнет ярко выраженное стремление приобщиться к высшей власти. Это могло быть результатом массового дискомфорта в низах, стремления найти защиту в высшей власти. Движущей силой этого процесса была возрастающая дезорганизация, в основе которой лежал раскол почвы, возникший еще в прошлом глобальном периоде. Люди, воодушевленные идеей создания царства Божьего на земле, пытались преодолеть все формы раскола, включая и раскол почвы. Это неизбежно привело к столкновению в самой почве, прежде всего между частью народа, склонного к последовательной уравнительности, и меньшинством, склонным к утилитаризму выше общепринятого уровня, в особенности к развитому утилитаризму, основанному на осознании связи между собственными усилиями и результатами труда.

Идущая к локализму инверсионная волна, начавшаяся в XVIII веке, охватывала всех крестьян. Однако в конечном

итоге в крестьянстве не могли не выявиться внутренние различия. Наиболее архаичная часть, склонная к максимальной натурализации, уравнительности, шла к локализму до максимально возможной степени, тогда как крестьяне, склонные к утилитаризму, в особенности в его развитых формах, не могли идти по этому пути слишком далеко. Они нуждались в рынке, в связях хозяйственного характера, в городе. Это различие внутри почвы дало новой власти блестящий шанс получать социальную энергию, возглавив борьбу почвенного большинства против меньшинства, которое рассматривалось как воплощение зла, как последний его недобитый отряд. Власть, слившаяся с большинством, тем самым могла черпать из него, казалось бы, бесконечную поддержку, социальную энергию. В этом нельзя было сомневаться, так как именно идеалы уравнительности неизбежно требуют авторитаризма, внешней силы, способной «всех равнять».

Никакая власть не обладала способностью повернуть гигантскую инверсионную волну. Однако власть могла ею воспользоваться, оседлать ее, дать ей определенную интерпретацию, такую интерпретацию, которая позволяет использовать инверсию для формирования государства, для решения медиационной задачи. Псевдосинкретизм методологически оказался достаточно гибким для решения этой задачи. Он позволил по видимости в рамках одной и той же идеологии, принципа, именуемого демократическим централизмом, перейти от соборного идеала к авторитарному. Эта нравственная инверсия неотделима от качественного сдвига в самой синкретической государственности, т. е. от перемещения центра тяжести власти с уровней локальных миров, миров среднего уровня к высшей власти, что приводило к борьбе между собой разных версий интеграции общества. Ленин остро почувствовал назревание этого перехода. Тяготая к синкретизму, он не усматривал противоречия между соборным и авторитарным идеалами. Отождествление обоих идеалов, неспособность или нежелание понимать дуальность идеала при одновременных попытках использовать это различие для тайного манипулирования переходами между идеалами и составляет важный аспект псевдосинкретизма. Игнорирование различий между этими идеалами открывает возможность для утверждений, что «решительно никакого принципиального противоречия между советским (т. е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц нет»¹. Здесь со всей отчетливостью высказана идея синкретической неразличимости собор-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36- С. 199.

ности и авторитаризма. Эта идея, если акцентировать внимание не на словах, а на сути, вполне в духе славянофилов. А. Солженицын писал: «Прежние государи искали творить не свою волю, но выражать соборную совесть народа»². Многочисленные критики ленинизма прошли мимо этого фундаментального взаимоперехода, взаимопроникновения в массовом сознании авторитарного и соборного идеалов, амбивалентности идеалов. *Руководствуясь идеей тождества спонтанного народного самоуправления и авторитарной власти, Ленин мыслил и действовал в соответствии с древним почвенным синкретизмом, который, естественно, к этому времени уже давно потерял свой непосредственно синкретический характер, но оставался некоторым идеалом. Пытаясь быть понятным народу, Ленин неизбежно тяготел к его ценностям, стремясь учесть в идеологии массовое желание усилить общинное начало, распространить его на все общество. Ленин выступал как руководитель чисто архаического движения, возбужденного массового стремления к древним формам жизни. Однако для него, для партии эта архаика была не самоценностью, а навязанным средством, которое можно было попытаться использовать для модернизации, для укрепления государства.*

ОБЩИННЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОЦИАЛИЗМ

Ленин пытался отождествить по сути две разнородные, вступающие друг с другом в конфликт расколотые части общества, два расколотых пласта культуры. Он старался связать общинное движение с движением государственного производства, основанного на государственной собственности, что также было мощной традицией, унаследованной от прошлого. Соединяя общинное, соборное начало и государственное, Ленин, по сути дела, отождествлял идеи общинного социализма, т. е. социализма безгосударственной жизни множества крестьянских сообществ, и государственный социализм, где эти же люди добровольно соглашались на авторитарную государственную власть, обеспечивающую защиту всеобщей уравнительности. Ленин выступил как человек, искренне верящий в реальный синкретизм такого тождества.

Однако такое тождество для современного сознания в отличие от древнего не было задано как естественное, но стало некоторой задачей, требующей воплощения. Эту задачу должен был решать рабочий класс, который в идеологии играет роль трикстера, медиатора, соединяющего распадающиеся эле-

² Солженицын А. И. Собр. соч. Париж, 1983. Т. 13. С. 34.

менты целого, и, следовательно, в известном смысле является носителем государственного и одновременно общинного социализма. Псевдосинкретизм в отличие от синкретизма переносил центр тяжести на социальные институты, социальные группы, способные обеспечить это тождество. В государстве рабочих, как назвало себя общество после 1917 года, наука не заинтересовалась тем, что в старой России постепенно складывалось массовое артельное движение, где работники объединялись между собой для эффективной производственной деятельности, экстраполируя на свою работу древние общинные принципы. В 80-90-х годах прошлого века существовало бесчисленное количество артелей: рыболовецких, охотничьих, торговых, строительных, крючников, точильщиков, маляров, лодочников, брошюровочных и переплетных, старательских, ловли дров на реках, биндюжников, гребцов, полотеров, пильщиков и т. д. Этот список можно было бы значительно расширить. Известны случаи, хотя и немногочисленные, когда еще во времена крепостного права производственная артель рабочих «с полным успехом вела» «сложное фабричное дело» в результате договора с владельцем за «цены с выработанного продукта»³. Любопытно, что иногда эти артели выступали как владельцы предприятий. Например, в Царевококшайском уезде Казанской губернии из 300 заводов смолокурения только 20 имело по одному хозяину, тогда как на остальных заводах работали артельщики от 2 до 13 человек⁴.

Следовательно, в стране шел определенный процесс овладения общинными формами многочисленных умножающихся специализированных форм деятельности. Он, естественно, давал определенные основания для отождествления рабочих и крестьян как субъектов общинных форм жизни и истолкования самоуправления как основы общинного социализма со всеми вытекающими последствиями. Это давало основание включать их в общую концепцию синкретического социализма.

Существование этих артелей, охватывавших несельскохозяйственные формы производства, дает основание для предположения, что при благоприятных условиях и неограниченности исторического времени эти формы могли овладевать все более сложными производствами и в конечном итоге создать некоторое самобытное общество, сочетающее реальное экономическое развитие с общинными формами, чему дает пример Япония. Однако против этой гипотезы можно выдвинуть ряд

³ Туган-Барановского крепостная фабрика// Великая реформа. М., 1911. Т. 3. С. 149.

⁴ Смолокурение в Царевококшайском уезде// Волжско-Камское слово. 1882. №51, 52.

возражений. Прежде всего, развитие все более сложных напряженных форм труда могло все больше входить в противоречие с консерватизмом общинных форм. Кроме того, эти артели вряд ли могли выдержать реальную конкуренцию с индивидуальной инициативой, выстоять в конкуренции с монопольным государственным производством. Поражение артелей было бы одновременно поражением почвенных сил, которые пытались распространиться и на город, овладеть новыми формами труда. Скопление рабочих на крупных предприятиях позволило Ленину рассматривать их как представителей государственного социализма, сохранивших, однако, общинную способность к самоуправлению.

Псевдосинкретизм накладывает вето на возможность видеть здесь противоречие, раскол. Но лежащая в основе псевдосинкретизма идея единства общинного и государственного социализма не могла не подвергаться испытаниям при каждом повороте массовых нравственных процессов. На втором этапе советской государственности, в условиях массового стремления избежать анархии, прибегая к помощи высшей власти, Ленин пытался перестроить мозаику псевдосинкретизма. *Теперь на первый план выдвигалась уже не идея массового творчества низов, соборность, а согласие миллионов на авторитаризм, т. е. господство основного заблуждения интеллигенции инверсионным образом сменилось господством основного заблуждения массового сознания — веры в начальство, которое все может.* Происшедшее было попыткой преодолеть социокультурное противоречие между социальными отношениями соборного типа, охватившими все общество, и массовыми ценностями сохранения стабильности и порядка, между социальными отношениями локалистского типа и отношениями, олицетворяющими этот порядок, между локалистскими субкультурами и ценностями общества в целом. Этот поворот был более четким, более последовательным и одновременно модифицированным повторением поворота от господства соборного идеала к раннему умеренному авторитаризму первого глобального периода, т. е. перехода от Киевской Руси к Московскому государству. Тогда первое лицо не управляло как абсолютный властитель. Царь управлял совместно с боярами, что могло рассматриваться как коллегиальный авторитаризм.

Массовый поворот к авторитаризму, который соответствующим образом интерпретировался правящей элитой, был вызван мощным ростом дискомфорта состояния, связанным с гражданской войной. Попытки управлять атомизированными предприятиями, регионами полностью обанкротились. «Прошло еще несколько месяцев, пока руководители рабочих организа-

ций на местах убедились в большей целесообразности и правильности» противоположного порядка, т. е. административно-авторитарного. Аналогичный поворот имел место в деревне. Ю. Ларин изображает этот процесс как выход власти «из-под сапога деревенского кулака. ...Тот натуральный налог, провести который мы были бессильны в прошлом декабре, теперь принимается в ЦИК единогласно»⁵. Рост конфликтной ситуации в стране, невозможность спокойно жить в локальных мирах крайне осложняли ситуацию. Передел земли уменьшил производство хлеба. «Крупные земледельческие хозяйства, дававшие высокие урожаи, представляющие собою большую ценность, снабжавшие рынок большим количеством продуктов, были „разорваны на части“, были уничтожены»⁶. Следовательно, укрепились формы земледелия, которые еще недавно специалисты называли первобытными⁷.

Эта проблема не является изолированной, она связана с недоразвитостью экономических отношений. «Рынка нет, так как при существующих условиях сельское хозяйство в такой степени бездоходно, что не может служить для надежного помещения капиталов»⁸. Бедные натуральные хозяйства не ставили своей задачей следовать за растущими потребностями общества, не отличались склонностью к развитию, результатом чего и было уменьшение товарного хлеба. Деревня всегда, когда не было прямого и настойчивого изъятия натурального продукта, на кризис в обществе отвечала замыканием в себе, отказом от фактически даровой передачи продуктов своего труда городу, государству. Это было во времена упадка раннего идеала всеобщего согласия первого периода, когда крестьяне прекратили подвоз в город продовольствия, сена, дров, за которые им пытались платить медью вместо серебра. Это имело место и во время первой мировой войны, когда выяснилось, что деньги не нужны, так как за них ничего не купишь.

⁵ Ларин Ю. У колыбели// Народное хозяйство. 1918. № 11. С. 21, 22.

⁶ Книпович Б. Н. Очерк деятельности Народного Комиссариата Земледелия за три года (1917-1920). М., 1920. С. 9.

⁷ См.: Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1919. С. 246; Качоровский К. Народное право. М., 1906. С. 17. В 50-х годах прошлого века управляющий Орловской палатой пишет о «почти первобытном» состоянии (см.: Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1958. Т. 2. С. 360). А. Кизевсттер пишет о «первобытном складе» общества до эпохи Великих реформ {Кизевсттер А. А. История России в XIX веке. М., 1916. Ч. 2. С. 49). М. Покровский говорил о крестьянских хозяйствах 1913 года как о хозяйствах «средневекового, докапиталистического типа» (Покровский М. И. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1932. С. 248).

⁸ Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России: Дежневое обращение/ Составитель Никифоров Д. И. СПб., 1903. С. 24.

«На вопрос: отчего не продаете? — один ответ: сами едим, ребятам нужно»⁹. Раньше ведь недопотребляли, чтобы продать, иметь деньги, чтобы заплатить в казну, а также на водку, которая теперь была запрещена. Эти эфемерные подпорки рынка в условиях разрухи рухнули, что означало резкое обострение раскола, рост конфликтов в каждой точке общества, создавало условия для гражданской войны.

В этой ситуации крестьянство, стремясь сохранить уравнительное распределение земли и боясь возврата частной собственности, поддерживало новую власть, что практически обеспечивало согласие на авторитаризм. Это не означало, что массовое недовольство властью исчезло. Но оно могло иметь решающее значение лишь тогда, когда несло в себе реальную альтернативу, возможность хотя бы на ограниченное время решить медиационную задачу. Недовольство проявлялось в стремлении к общему порядку, «к тишине и покою», в попытке покончить с произволом власти на местах в пользу центрального руководства, нового харизматического вождя — Ленина, который возглавил борьбу с кривдой собственников, «кадетов». Переход к авторитаризму не привел, как это было в прошлом глобальном периоде в Киевской Руси, к краху государственности. Не последнюю роль в этом, очевидно, сыграла гибкость псевдосинкретизма, который оказался идеологически и организационно подготовлен к такой возможности.

«СТИХИЯ — САМЫЙ ОПАСНЫЙ ВРАГ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ»

Ленин стремился найти выход из безбрежного хаоса не в авторитаризме, а в централизации, но в России это было практически одно и то же. Он писал: «Наш первый лозунг — централизация»¹⁰. Идея организации была у него основной. «Для социализма главная трудность состоит в обеспечении дисциплины труда»¹¹. Признание состояния дисциплины труда главной трудностью социализма было скрытым признанием краха идеи спонтанного стремления масс к новым, более совершенным формам жизни. Непосредственным результатом установления советской власти оказался не столько рост творческих сил, сколько сигнал «жидкому элементу» игнорировать организованные центры власти.

⁹ Шестов Л. Что такое русский большевизм?// Странник: Литература, искусство, политика. 1991. № 1. С. 54.

¹⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 30. С. 410.

¹¹ Там же. Т. 36. С. 261.

Ленин, преодолевая утопическую веру во всеспасительный подъем массового народного творчества, вступил в ожесточенную борьбу с хаосом, с «мелкобуржуазной стихией», по его терминологии, т. е. с реальным творчеством, с отсутствием осознания связи части и целого, «народнохозяйственной и политической связи голода и безработицы с распущенностью всех и каждого в деле организации и дисциплины»¹². Отчетливо сознавая всю губительность нарастающего хаоса, Ленин в апреле 1921 года писал: «Победа над беспорядком, разрухой, расхлябанностью важнее всего, ибо продолжение мелкособственнической анархии есть самая большая, самая грозная опасность, которая погубит нас (если мы не победим ее) безусловно»¹³. Стихия «не раз в течение революции показывала себя как самый опасный враг пролетарской диктатуры»¹⁴.

Жесткость древних сообществ и социальных отношений, а также стремление власти бороться с «жидким элементом», с «мелкобуржуазной стихией» на фоне усиливающегося влияния в обществе машинного фетишизма толкали Ленина к истолкованию авторитаризма как машинного. Он писал: «Центральным пунктом всей нашей революционной преобразовательной деятельности является» установление «строжайшей ответственности за исполнительские функции и безусловно трудовое дисциплинированное добровольное исполнение предписаний и распоряжений, необходимых для того, чтобы хозяйственный механизм работал действительно так, как работают часы»¹⁵. Ленин писал о невозможности дальнейшего существования «без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов»¹⁶. Он полагал, что это делает необходимым единство воли руководства, что может быть воплощено лишь в принципе единоначалия, «единоличной диктаторской власти»¹⁷. Идея диктатуры единоначалия была связана с общей оценкой власти как диктатуры пролетариата, что было переводом на понятный партии язык представления об авторитаризме. Революция, по Ленину, требует беспрекословного повиновения масс единой воле руководителей трудового процесса. Организации «не могут функционировать правильно, если нет единства воли, связывающего всю наличность трудящихся в один хозяйственный

¹² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 197-198.

¹³ Там же. Т. 43. С. 209-210.

¹⁴ Там же. С. 32.

¹⁵ Там же. Т. 36 (курсив мой.— А. А.).

¹⁶ Там же. Т. 43.

¹⁷ Там же. Т. 36. С. 20.

орган, работающий с правильностью часового механизма. Социализм порожден крупной машинной индустрией»¹⁸. В сущности, стремление к авторитаризму было обусловлено необходимостью сконцентрировать в руках центра все то позитивное в организационном отношении, что делалось на местах. «Попытки добыть хлеба или топлива в розницу „себе“, т. е. „своему“ заводу, „своему“ предприятию, только усиливают дезорганизацию, только облегчают спекулянтам их корыстное, грязное и темное дело»¹⁹. Ленин стремился убедить общество, что все, что оно делает, надо централизовать, передать в руки центрального правительства. Он действовал как отец большой семьи, который утверждает свою власть над многочисленными детьми, пытающимися промышлять единолично и мешающими друг другу.

Возникло общество, где наряду с традиционным страхом перед властью, ненавистью к ней усилилось языческое преклонение перед первым лицом, возник культ Ленина. Он появился совершенно независимо от того, как к этому относился сам Ленин. Этот тотемический культ был необходим для завершения представления о власти как воплощении высшей Правды, интеграторе высшей мудрости космоса и высшей мудрости человека — организатора и творца, причем он вполне мог сочетаться с потерей большевиками своего влияния. (В прошлом преклонение перед царем могло сочетаться с ненавистью к его слугам.) Об этом свидетельствовал, например, результат выборов в советы весной 1918 года. Культ первого лица автоматически требует мифологической идеологии, которая всегда имеет дело с идолом-субъектом, с божеством. В новой идеологии в неразличимое единство слились архаичные представления и модернизаторские идеи, ориентированные на машину, т. е. это был абсурдный симбиоз локалистского синкретизма и машинного фетишизма.

Однако реальное формирование авторитарной государственности даже при наличии соответствующей инверсии могло иметь место лишь при определенных условиях. Нужны были кадры, способные взвалить на себя тяжелое бремя. Новая правящая элита вышла из немногочисленной партийной элиты, прошедшей школу организационной работы. Власть пыталась использовать остатки старых кадров чиновников. Новая правящая элита стала фактически преемницей слоя организаторов и строителей государственности старой России. В своей организационной деятельности она использовала опыт западной культуры. Здесь собрались люди, обладавшие исключительны-

¹⁸ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 157.

¹⁹ Там же. С. 361.

ми организаторскими способностями. Их было немного, но они подчас совершали чудеса. Ленин, например, говорил о Троцком: «Указали бы другого человека, который способен в год образовать образцовую армию, да еще завоевать уважение военных специалистов. У нас такой человек есть»²⁰. Эти чудеса организации были возможны лишь в условиях значительного энтузиазма, охватившего слой полуобразованных, просто грамотных, еле грамотных людей, которые готовы были идти на жертвы ради революции.

Партия укрепляла организацию в принципе тем же методом, который применяла и до захвата власти. Она буквально гонялась за каждым способным к организационной работе человеком. Партия вновь обращается к человеку с улицы, забрасывая в массы тесты-идеи, пытаясь проверить их приживаемость, обкатать их, с тем чтобы сформулировать идеологический компромисс для мобилизации на его основе организационной энергии. Например, большевистская газета рекомендовала всем демобилизованным заходить в комитеты большевиков. «Из комитета ты получишь указание, как вести в деревне большевистскую, народную работу... Познакомишься, как устроена и работает Красная Гвардия и как она защищает интересы рабочих и крестьян, знают ли крестьяне декреты советского правительства о мире и о земле... Заприметишь, какие есть в деревне крестьяне посмекалистее, побойчее. Конечно, ищи таких людей среди деревенских бедняков, таких же, как ты сам, среди бобылей да батраков... Как нашел таких, собери их в кучу да разъясни им все подробнее: про землю, про теперешнюю победу рабочих, солдат и крестьян, про новую советскую власть... И расскажи, что знаешь про большевистскую партию, как эта партия крепко за народ стоит...» Солдатам и матросам рекомендовалось созвать деревенский сход, «чтобы на всех выборных должностях состояли бедняки и кулаков нужно гнать вон»²¹.

Солдаты и матросы — люди бывалые и, очевидно, скорее, чем крестьяне, были способны усвоить некоторые общие идеи, конкретную интерпретацию правящей элитой ведущей инверсии, манихейского миропонимания, включающего и стремление соединить крестьянство с партией. Все это делалось в рамках древней дуальной оппозиции добра и зла, в которой теперь добро отождествлялось с единством народа и партии, а зло — с кулаками, буржуазией и т. д. Именно такой подход обеспечивал взаимопонимание с рядовым человеком.

²⁰ См.: Горький М. Владимир Ленин// Русский современник. 1924. Кн. 1. С. 243.

²¹ Солдатская правда. 1917. № 103. 3 дек.

ЛОКАЛЬНЫЙ МИР И ГОСУДАРСТВО

В принципе авторитарная власть в том виде, в котором она существовала в древних синкретических формах и в условиях того, что по Марксу иногда называют азиатским способом производства, опиралась на местные локальные патриархальные сообщества, общины. Эта власть была фактически формой их государственного существования. В России авторитаризм имел аналогичную природу. Однако *попытки модернизации и раскол в обществе толкали государственность к доведению авторитаризма до вторжения в общины, в локальные миры, до попыток изменить сложившийся там естественный порядок. Эти тенденции свидетельствуют о перерастании авторитаризма в тоталитаризм.* На рассматриваемом этапе была сделана такого рода попытка.

Деятельность сельских советов вызывала все большее недовольство высшей власти. 11 июля 1918 года были учреждены «комитеты бедноты», которые реально были второй системой власти. Тем самым была расширена система двоевластия. Это был весьма опасный шаг, так как *власть вторгалась туда, где она в конечном итоге всегда проигрывала, — в локальный мир, обладающий исключительной сопротивляемостью внешнему давлению.* Советы при этом изображались как кулацкие, как воплощение зла. Бедняки привлекались в комбеды соучастием в экспроприации деревенских богачей. *Комбеды, созданные в деревне, оказались организационной формой войны бедных против богатых, т. е. проявлением древнего разрушительного антагонизма внутри почвы.* Советы были уничтожены, и власть фактически перешла к комбедам, которые затем были переименованы в советы. Эта вылазка тоталитаризма, однако, не привела к его победе. Сельские миры в конечном итоге продолжали противостоять государственности в своих повседневных делах.

История вновь решала спор, который некогда разгорелся среди творцов крестьянской реформы, — передавать или нет местную власть крестьянским мирам. Реформаторы 1860-х годов не решились на такую передачу. Теперь, после того как советы в деревне стали фактически воплощением власти местного мира, выяснилось, что они не очень ценили и понимали значение мира как звена государственного управления. Советы оказались неспособными нести сложные государственные функции и подчас стихийно превращались из органов непосредственного народовластия всего лишь в местный инструмент централизованной власти. Ленин писал: «Низкий культурный уровень делает то, что Советы, будучи по своей

программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы». «Отделы Советов превратились во многих местах в органы, сливающиеся постепенно с комиссариатами»²². Все это было естественным результатом догосударственной природы местных советов — этих вечевых локальных институтов, которые, попав под административную власть государства, были склонны либо не считаться с властью, либо адаптироваться к ней. *Пассивность миллионов, отсутствие интереса к защите своего голоса в большом обществе открывали государству зеленую улицу для насилия. Локальная соборность с легкостью переходит в опору государственного авторитаризма. Новая власть тем самым решила медиационную задачу, т. е. соединила уравнительное по своему содержанию массовое сознание и относительно устойчивую систему государственности, интегрирующую общество.*

Поражает способность сообществ советского типа в мгновение ока переходить от соборности к авторитаризму и обратно в моменты нравственных кризисов. Кризис соборного нравственного идеала привел к молниеносному амбивалентному инверсионному превращению соборных институтов в авторитарные, к согласию сообщества на авторитарную власть комиссара, вышестоящего начальника, нового тотема, знающего Правду. Этому повороту подвержены не только советы, но и старые кооперативы, массовые общественные организации независимо от их идеологической окраски. Например, анархист Н. Махно, не признававший никакого начальства и власти, провозглашавший лозунги безвластного советского строя, антигосударственного социализма в занятых его войсками населенных пунктах, «запрещал создавать какие бы то ни было органы власти, обязывая население признавать только его личную власть и власть назначаемых им комендантов, пользующихся полной свободой действий»²³. Крайняя соборность с легкостью переходит в авторитаризм.

Эта легкость, молниеносность перехода соборности в авторитаризм была возможна лишь при условии, если в стране развитие капитализма (поскольку оно имело место) не дошло до распространения массового менталитета частной инициативы, до формирования в ощутимых масштабах среднего класса — носителя частной инициативы. На пути поворота к

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36.

²³ Ермаков В. Д. Махновщина: некоторые социальные аспекты повстанческого движения крестьян Украины // Социологические исследования. 1991. № 3. С. 84.

авторитаризму не было не только линии обороны капитализма, но, более того, не было и линии обороны феодализма с его корпоративностью. Многомиллионная ударная сила локализма, вечевое идеала была по сути дофеодальной, направленной против феодальной иерархии и соответствующих форм власти и собственности. Она соглашалась лишь на подчинение сакральному центру-большаку и на экстраполяцию его в критической ситуации.

ВОЗВРАТ К КРЕПОСТНИЧЕСТВУ

Амбивалентный поворот советов к авторитаризму требовал нового решения медиационной задачи. Возникший авторитаризм носил умеренный характер, не доходил до крайних логически возможных форм. На уровне официальной идеологии эта непоследовательность выражалась, например, в противоречивости позиции Ленина по отношению к так называемым кулакам. Он выступал с яростными антикулацкими высказываниями, но одновременно пытался оградить тех, кого называл кулаками, от всеобщего погрома торжествующего локализма и уравнительности. Можно построить два ряда противоположных цитат как из высказываний Ленина, так и из других источников. Власть, чтобы найти общий язык с крестьянством, с силами, возможно, способными укрепить новые формы организации, обращалась с прямыми призывами к убийствам. Так, крестьянский отдел ВЦИК опубликовал обращение «Ко всему трудовому крестьянству и деревенской бедноте», в котором говорилось: «Арестовывайте и беспощадно истребляйте всех, кто подбивает вас на заговоры и выступления против советской власти»²⁴. На местах принимались такого рода резолюции: «Берегитесь! Настала пора уничтожить эксплуататоров. Да здравствует красный террор против врагов революции!» (постановление собрания бедноты Спасско-Никольской волости). Власть и народ синкретически слились в единое целое в своем стремлении истребить реальных, расхаживающих по улицам оборотней извечной кривды, принявших обличье кулаков, буржуев, заговорщиков и т. д. Ленин разжигал ненависть к кулаку: «Везде жадное, обожравшееся, зверское кулачье соединялось с помещиками и с капиталистами против рабочих и против бедноты вообще. Везде кулачье с неслыханной кровожадностью расправлялось с рабочим классом. Везде оно входило в союз с *иноземными капиталистами* против рабочих своей страны... Кулаки — бешеный враг Советской власти.

²⁴ Голос трудового крестьянства. 1918. 2 авг.

Либо кулаки пережуют бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздавят восстания кулацкого, грабительского меньшинства народа против власти трудящихся. Середины тут быт не может. Миру не бывать... Кулаки — самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры...»²⁵. Ленин призывал к прямому их истреблению: «Беспощадная война против этих кулаков! Смерть им!»²⁶. 11 августа 1918 года он писал: «Повесить (неприменно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомо кулаков, богатеев, кровопийц»²⁷. Он требовал «очистки земли российской от всяких вредных насекомых»²⁸ и т. д. Причины подобных призывов были те же, что и у Разина, когда его авторитет среди масс зависел от его способности совершить зверскую расправу с врагами, с их женами и детьми. Достаточно вспомнить, как до сих пор популярна песня, центральным эпизод которой — «и за борт ее бросает в набежавшую волну», и затем: «Что ж вы, братцы, приуныли?» В песне нет ужаса перед этим жестоким убийством, но есть недовольство окружения Разина его связью с княжной, что и толкает на убийство.

Открытый призыв к истреблению кулака (по подсчетам Ленина, кулацкие семьи составляли 2 миллиона из общего числа 15 миллионов земледельческих семей, т. е. немногим более 13%)²⁹ сочетался с иной, почти противоположной линией. «Богатого крестьянина не экспроприировать»³⁰. В замечаниях к проекту декрета об обложении сельских хозяев он пытается сузить понятие о кулаке: «1. Не все 2 миллиона кулаки. 2. Богатый крестьянин может быть очень зажиточным, но не кабалыщиком и прочее. 3. Капиталистов мы экспроприруем и конфискуем, — у богатого крестьянина — *НЕТ*»³¹. Ленин прямо говорит: «Экспроприация даже крупных крестьян никоим образом не может быть непосредственной задачей победившего пролетариата»³². Богатое крестьянство не было ликвидировано, но летом и осенью 1918 года две трети его земель при перераспределении попали в руки менее обеспеченных семей. К этому времени 95% сельскохозяйственной земли было в руках крестьян.

²⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 37. С. 39-40.

²⁶ Там же. С. 41.

²⁷ См.: Известия. 1992. 21 апр.

²⁸ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 35. С. 204.

²⁹ Там же. Т. 37. С. 40.

³⁰ Там же. С. 40, 93.

³¹ Там же. С. 94.

³² Там же. Т. 41. С. 175.

Таким образом, выясняется на первый взгляд довольно странное обстоятельство. В своей интерпретации массовой инверсионной волны Ленин допускал определенную непоследовательность, двойственность, осторожность, т. е. следовал логике хромающих решений. Очевидно, он ощущал серьезную опасность в уравнительности, заключавшуюся прежде всего в том, что она наносила удар по хозяйству, подрывала экономические возможности общества. *Псевдосинкретизм был ориентирован не только на ценности массового сознания, но и на ценности роста и развития, на определенный вариант модернизации. Трагедия, однако, заключалась в том, что обе эти тенденции находились в состоянии раскола, т. е. они дезорганизовывали, подавляли друг друга.* Однако, чтобы это выявилось, требовалось время. Пока победа новой версии псевдосинкретизма проявлялась во всеобщем повороте к крепостничеству, которое стало буквально захлестывать общество. Обращает на себя внимание быстрота, с какой сельские миры, советы, кооперативы, промышленное производство, хозяйство и т. д. стали звеном крепостнической системы. *Военный коммунизм превратился в целостную систему всего за какие-нибудь несколько недель. Это не может быть объяснено только насилием, главное — массовый возврат к исторической традиции. Этот поворот открывал путь для решения медиационной проблемы на основе соединения уравнительных социальных отношений и массовых уравнительных ценностей.*

Возврату к крепостничеству не следует удивляться. Его природа вовсе не в насилии злодеев-эксплуататоров над беззащитными крестьянами, не в сфере политики, но в системе традиционных отношений, экстраполируемых на большое общество. «Крепостническая несвобода крестьян увековечивалась почти безысходной принадлежностью к своему сельскому словию и сельскому обществу»³³. *Экстраполяция субкультуры древнего сельского мира общины на большое общество неизбежно привела к распространению на все общество жесткой зависимости личности от целого.* В 1861 году реформа отменила лишь государственное крепостничество и крепостную зависимость от дворян, но не затронула и не могла затронуть крепостничество внутри общины. Следовательно, формирование новой государственности в условиях активизации архаичных сил неизбежно происходило на основе мощных выбросов крепостничества до самих вершин власти. Противостояние этому процессу посредством способности высшей власти интер-

³³ Рындыонский П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850-1880 гг. М., 1978. С. 95.

претировать его на основе антикрепостнических идей имеет весьма ограниченные возможности. Та часть общества, которая во имя уравнительности согласилась пожертвовать локальной независимостью, личностным развитием, неизбежно воспроизводила общество по типу древней общины в ее авторитарной версии.

Напряженность псевдосинкретизма позволила использовать архаичное культурное наследие для жесткого подтягивания общества к высшей Правде, которая воплощалась в высшем руководстве, причем последнее закрепощалось в первую очередь. Каждый член правящей элиты был обязан беспрекословно подчиняться решениям партийных инстанций, отправляться в любое заданное место и заниматься любой порученной работой. Создавать свои группировки, фракции и защищать свое особое коллективное мнение запрещалось. Сложилась особая этика беспрекословного подчинения указаниям партии и самоотверженной работы чуть ли не по 24 часа в сутки во имя общего блага. Крепостническая зависимость этих людей была сильнее и уж во всяком случае требовала большего напряжения, чем это имело место у правящего слоя Московского государства. Закрепощение распространялось на весь партийный и государственный аппарат. Крепостничество охватило все общество. Никакое насилие, никакая даже самая могучая диктатура не могли бы дать такого эффекта.

Люди стремились к порядку в исторически известных им формах, к крепостничеству. Оно выступило прежде всего в форме принудительного труда. Эта идея жила с первых дней существования новой власти. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятая в январе 1918 года, содержала следующий пункт: «В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность». Кодекс законов о труде, вышедший в конце 1918 года, предусматривал «обязательное привлечение к труду всех трудоспособных граждан». Всеобщая трудовая повинность и милитаризация труда были основой политики военного коммунизма, все слои населения обязаны были нести натуральные повинности, такие, как заготовка, погрузка топлива, борьба со снежными заносами, земляные работы и т. п. Обычным явлением были мобилизация специалистов, милитаризация предприятий и учреждений. В Москве и Петрограде были введены трудовые книжки в качестве средства обеспечения участия всего трудоспособного населения в

«производительном труде». Уклонившиеся от трудовой повинности подвергались «увольнению с лишением свободы»³⁴.

Всеобщая трудовая повинность «состояла в принудительном привлечении буржуазии и близких к ней элементов, а зачастую и крестьянства определенных областей, к выполнению необходимых работ — чаще всего очистки снега, заготовки дров, земляных работ, и т. п... „Трудовые книжки“ должны были служить орудием контроля... Что касается милитаризации труда, окончательно завершавшей трудповинность, то она состояла в прикреплении рабочих и служащих к их предприятию без права прекращения работы или свободного перехода на др. предприятия. Подобное передвижение должно было совершаться только по указаниям соответственных хозяйственных органов — в первую голову Главкомтруда, — органа, проводившего трудповинность и „ведавшего“ движением рабочей силы. Профсоюзы обязаны были активно помогать проведению указанной системы, вводить трудовую дисциплину, бороться с трудовым дезертирством и т. д.»³⁵. Любопытно, что труд рассматривался и как благо, и как средство избавления от всех пороков, и как наказание. Все население страны включалось в кооперативы. «Каждый гражданин обязан стать членом коммуны»³⁶. Различие между свободными и заключенными неуклонно размывалось.

Насилие рассматривалось как средство решения любых вопросов: декретом от 9 мая 1918 года предлагалось в недельный срок сдать все излишки хлеба, причем объявлялось, что выполнение декрета будет обеспечено применением вооруженной силы³⁷. Лично Лениным было подписано следующее постановление: «В кратчайший срок отобрать у гражданского населения, а также у всех служащих во всех советских учреждениях, с изъятием временно для военных целей все шинели»³⁸. Очевидно, что это сравнительно быстрое восстановление крепостничества требует многозвенного, многоэтапного анализа, который бы охватил важнейшие стороны этого сложнейшего процесса. Необходимо исследование того, как это архаическое явление сплеталось с модернизацией, усеченными элементами либерализма и т. д., т. е. с другим аспектом расколотого общества.

---

³⁴ Декреты СНК от 14 ноября 1919 года и от 27 апреля 1920 года.

³⁵ Айхенвальд А. Военный коммунизм // БСЭ. 1-е изд. М., 1928. Т. 12. Стб. 374-375.

³⁶ Декрет СНК «О потребительских коммунах» от 16 марта 1919 г.

³⁷ Известия. 1918. 14 мая.

³⁸ Там же. 1919. 10 окт.

ГДЕ БЫЛ ОСНОВНОЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОНФЛИКТ?

Восстановление крепостничества было неотделимо от преодоления двойственности в развитии хозяйства: безусловная административная власть государства, его почти неограниченное право и способность принудительно перебрасывать ресурсы, но также определенное крайне суженное развитие частной инициативы, свободного рынка, конкуренции и т. д. Старое общество стало дискомфортным в результате несовместимости этих двух форм хозяйства, с одной стороны, в результате подавления мощными монополиями (включая государственную) ремесленников, артельщиков, мелкого бизнеса, но, с другой стороны, по прямо противоположной причине — из-за наступающего рынка, несущего угрозу уравнительности. В этой ситуации общество выбросило к вершинам власти людей, которые могли возглавить борьбу одновременно как против товарно-денежных отношений, так и против давления начальства, т. е. государства. Программа либерального развития, требующая наличия гражданского общества, частного предпринимательства, защитники которой твердили всякие непонятные слова, вроде того, что «аграрный вопрос должен быть решен законодательным путем», была отвергнута массовым сознанием, большинством населения. Социальный заказ последнего должна была выполнить новая власть. Дело не менялось от того, что заказ этот был утопичен: невозможно требовать одновременно ликвидации, существенного ограничения товарно-денежных отношений и ликвидации инструмента, способного это выполнить, т. е. государства.

Второй этап динамики общества после 1917 года отличался от первого тем, что теперь хаос локализма, междоусобицы привел к определенному признанию необходимости авторитета первого лица как нового тотема, к согласию на власть, способную восстановить некий порядок, удержать то, что было получено в результате торжества уравнительности. Этот поворот к авторитаризму уже содержал в себе определенный ответ на выбор пути хозяйственного развития — фактическое признание государства как орудия подавления товарно-денежных отношений, а на основе культа машины, возможно, и как орудия хозяйственного развития на доэкономической основе.

Эти архаично-модернизаторские представления получили у Ленина форму научной теории, точно так же как ранее тождество соборности и авторитаризма выступало у него как теория народовластия. *Идеал общества у Ленина сформировался на основе отождествления современной машинной индустрии, ее высших форм с общинным социализмом.* Парадокс, однако,

заклучался в том, что новые отрасли, т. е. прежде всего промышленность, развивались не на общинно-артельной основе, а в формах государственного, а также частного хозяйства. Здесь Ленин, как и во многих других случаях, «сдвигал шкаф», т. е. пытался «убрать» раскол между общинной и современной формой производства и перенести его на отношение рабочих и предпринимателей, бедных и богатых.

Большевики пришли к власти в условиях страшной разрухи и дезорганизации общества. Какими бы ни были их причины, очевидно, манихейская идеология не могла избежать соблазна рассматривать буржуазию, старую власть как их виновников. Это как раз и соответствовало антигосударственным и антивоенным представлениям массового сознания, его стремлению отождествить старую власть и буржуазию. Новая власть могла бы найти свое оправдание в глазах большинства, лишь если бы она оказалась способной прекратить этот плюралистический разлагающий хаос, восстановить синкретизм и, прежде всего, неразделенность экономики и власти. Новая государственность должна была преодолеть двойственность хозяйственных монополий, т. е. усилить их зависимость от государства и одновременно подавить их зависимость от рынка. Отсюда — стремление превратить всю хозяйственно значимую собственность в государственную. Новая власть отождествляла социализм именно с этой ситуацией.

Социализм, следовательно, трактовался как государственный, т. е. в конечном итоге как восстановление синкретического государства, и одновременно как общинный. Любопытно, что системе слияния монополий и государства называли «государственным социализмом» и «государственным капитализмом» не только большевики. Например, в старых журналах можно прочесть: «При принятой у нас системе государственного социализма наше государство в лице своего Правительства получило свое решительное влияние на развитие народнохозяйственной жизни страны»³⁹. «Правительство быстро идет к осуществлению государственного капитализма и все более и более будет ограничивать частную инициативу задержкой прилива частных капиталов»⁴⁰. «Казенный социализм», объявленный П. А. Столыпиным 9 ноября 1910 года, носит развращенный характер и «больше всего отражается на

---

³⁹ Занимать или сжимать?// Промышленность и торговля. СПб., 1909. № 11. С. 641; см. также: Выгодно ли быть русским промышленником?// Там же. № 20. С. 407.

⁴⁰ Казенная промышленность// Там же. 1913. № 20. С. 333.

спине русской фабрично-заводской промышленности»⁴¹. Однако эта политика, по мнению журнала, не ограничивалась Столыпиным. «Государственный социализм проходит красной нитью через всю русскую государственную систему последних 40-50 лет»⁴².

Очевидно, идея связи политики старой власти с идеями социализма и государственного капитализма витала в воздухе. Новая власть рассматривала свою задачу как преодоление двойственности этой политики старой власти, которая не только управляла хозяйством, но и начала в последние годы отступать перед капитализмом. Революционные партии сеяли иллюзии, что движущей силой конфликтов между социальными силами общества является частное предпринимательство. Постепенно, однако, стало очевидным, что движущей силой конфликта стал традиционализм. Он мог существовать под властью архаичного государства, но порождал дискордарные настроения в результате роста частной инициативы, под властью государственности, которая изменила традиционализму. Поэтому новое государство, опираясь на активизацию традиционализма, зародилось как попытка преодолеть этот конфликт, подавляя частную инициативу и возвращаясь к традиционной государственности, к ее монополии на хозяйственную деятельность. Это было возможно, так как в обществе оказались крайне слабыми промежуточные силы — ремесленники, массовое мелкое производство. Они подавлялись крупным производством, получившим государственное покровительство или прямо слившимся с государством. Это своеобразное манихейское развитие, постоянно вымывавшее и подавлявшее срединую культуру во всех видах, — трагическая особенность России. Л. Троцкий писал: «Где у нас в России мелкая буржуазия? Ее экономическая роль ничтожна. Русский капитализм с самого начала стал развиваться в своих высших централизованных формах»⁴³.

Именно описанное своеобразие хозяйственного развития России привело В. И. Ленина к выводу, что «социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа»⁴⁴. Ленин, однако, глубоко заблуждался, думая, что эта монополия носит капиталистический или государственно-капиталистический характер. *Это была государственная докапиталистическая монополия,*

⁴¹ Простые формулы// Промышленность и торговля. СПб., 1909. № 23. С. 566.

⁴² Что даст нам новая государственная роспись// Там же. № 20. С. 388.

⁴³ Троцкий Л. Д. Сочинения. М.; Л., 1925. Т. 3. С. 247.

⁴⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 34. С. 192.

втянувшая в себя лишь техническую базу капитализма. Она имеет свою историю. Например, «для времени до середины XI-XII в. господствующей формой феодальной собственности была государственная»⁴⁵. *Ленин шел не от капитализма к посткапиталистическому обществу, а от непоследовательного, противоречивого подчинения государству всей хозяйственной, политической жизни общества к последовательному, но осложненному попыткой использовать этот порядок для модернизации. Он всеми силами обосновывал синкретическое по своей исторической сути слияние хозяйства и государства, диктатуры и народовластия, втягивание в государство всех независимых функций.*

АРХАИЗИРОВАННОЕ ХОЗЯЙСТВО НА ГРАНИ КРАХА

В июне 1918 года был принят декрет о национализации крупных и частично средних предприятий всех основных отраслей промышленности. Местные советы часто стремились обобществить и мелкие предприятия для обеспечения удовлетворения локальных потребностей. Крупная промышленность перешла в руки государства к концу первого квартала 1919 года, средняя — к началу 1920 года.

Новая власть, которая провела массовую национализацию промышленности, выступала как авторитарная сила.

Ленин требовал национализации еще до прихода к власти. Он писал о крупных банках: мы берем их готовыми «у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь *отсечь то, что капиталистически уродует* этот превосходный аппарат»⁴⁶. Практика «отчуждения предприятий» началась сразу после прихода новой власти посредством «*красногвардейской атаки на капитал*». Ленин выдвинул идею о трех формах госкапитализма, посредством которых общество должно идти к социализму: хлебная монополия, подконтрольные предприниматели и использование государством буржуазной кооперации. Торжествовала доэкономическая по своей сути уравнительность. Например, в 1917 году оплата труда высококвалифицированного рабочего превышала заработок чернорабочего в 2,3 раза, в 1918 году — в 1,3, а в 1920 — в 1,04 раза⁴⁷. Товарно-денежные отношения подавлялись, создавалась система управ-

⁴⁵ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972. С. 194.

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 307.

⁴⁷ Петраков Н. Я. Золотой червонец вчера и сегодня// Новый мир. 1987. № 8. С. 211.

ления хозяйством, получившая название *главкизм*, т. е. управление через главные управления. Все это органически вытекало из распространения крепостничества на промышленность, хозяйство вообще, требующего, чтобы каждый был «крепок» некоторой функции, а следовательно, и власти, обеспечивающей сохранение этого порядка. Общество постепенно превращалось в псевдосинкретическое, лишенное, как могло казаться, двойственности, непоследовательности прошлой государственности.

Аналогичная ситуация сложилась в сельском хозяйстве. Инверсионная волна, начавшаяся после краха крайнего авторитаризма XVIII века и приближающаяся к своему логическому концу, несла в себе активизацию уравнительности. Ленин сознательно ориентировался на этот процесс. Еще в 1908 году он писал, что социализм «состоит в уничтожении товарного хозяйства... Социализм несовместим с обменом»⁴⁸. Рынок, который был в значительной степени подорван разрухой, натурализацией всех отношений еще при старой государственности, добивался всеми возможными средствами. Дело облегчалось возрастанием удельного веса середняка. Изучение крестьянских бюджетов до войны показывало, что наиболее денежное хозяйство вели самые бедные, безлошадные крестьяне и наиболее богатые, т. е. имеющие более четырех голов рабочего скота. Именно эти группы уменьшились в результате избиения более зажиточных и передела земли. Разруха в стране, начавшаяся во время первой мировой войны, вызвала острую нехватку продовольствия, продуктов сельскохозяйственного производства, прежде всего для армии и городов. Реакция на эту кризисную ситуацию также оставалась в пределах стремления к уравнительности. Ленин, как и в отношении промышленности, пошел по пути преодоления унаследованной «двойственности крестьянства», т. е. создания условий для крестьянина как труженика и устранения всех возможностей, которые позволяют ему рождать из себя «мелкобуржуазную стихию». Здесь была полная аналогия с промышленностью, где социализм отождествлялся с ликвидацией двойственности монополий, т. е. с укреплением их подчиненности государству и освобождением от рынка, от стихийности развития. За исключением восстановления синкретической государственности и натурализации всех отношений в сельском хозяйстве, другие варианты ответа на этот вызов истории в той социальной обстановке не рассматривались.

---

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 127.

Вызов этот, действительно, был грозным. В городах назревала катастрофа. «Катастрофа перед нами, она подошла совсем, совсем, совсем близко... Либо — либо. Середины нет. Положение страны дошло до крайности»⁴⁹, — писал Ленин в мае 1918 года. Перелом не наступил и после сбора урожая, хотя в 1918 году он был выше среднего. «Народ опять голодает»⁵⁰. Люди, пришедшие к власти в центре и на местах, расценивали голод не как стимул для того, чтобы наладить экономические связи города и деревни, а как результат злобных и корыстных происков сельской буржуазии. Эта первобытная политическая экономия, заимствованная от людей, отвечающих на любое бедствие избиением оборотней, колдунов и т. д., привела к стихийному возникновению продразверстки, т. е. к принудительному изъятию у крестьян той части продовольствия, которая условно рассматривалась как излишек. Принудительное изъятие возникло на местах в отдельных районах и лишь затем превратилось в общегосударственную политику⁵¹. Например, в штабе Красной гвардии Выборгского района Петрограда в 1917 году был создан продовольственный отдел, который изыскивал продовольствие «путем захвата по запискам штаба у перепуганных лавочников»⁵². Инициатива снизу была подхвачена правящей элитой.

Продразверстка не является чисто советским изобретением. Еще при царе Борисе в борьбе с голодом разрешалось посадским общинам реквизировать хлеб. В расколотом обществе, где возрастали масштабы принудительной циркуляции ресурсов, где развитие товарно-денежных механизмов обмена ресурсами постоянно, хотя и в разных масштабах, отставало от потребностей усложняющегося целого, продразверстка, натуральный налог были чем-то естественным, постоянным. Сбои в этой системе несли в себе угрозу прежде всего городам, а в конечном итоге всему обществу. В книге, выпущенной по случаю пятидесятилетия реформ Александра II, А. Пешехонов писал: «До сих пор удержался такой порядок: немедленно вслед за уборкой урожая начинается усиленное взыскание с крестьян долгов, податей и недоимок. Все, и власть в том чис-

⁴⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 359, 360.

⁵⁰ Там же. Т. 37. С. 382.

⁵¹ Стрижков Ю. Из истории введения продовольственной разверстки // Исторические записки. 1968. № 71.

⁵² Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Воспоминания активных участников революции. Л., 1956. С. 325—326.

ле, несомненно, боялись и боятся, что крестьяне сами съедят все, что они добыли»⁵³.

Угроза голода всегда вызывала стремление высшей власти установить контроль за продовольствием в стране. В этой связи интересны следующие строки А. Половцова, относящиеся к 1891 году: «Хлеб, нужный для прокормления нашего заводского населения, купленный нами в Томской губернии... задержан в Тюмени вследствие распоряжения министра внутренних дел о том, чтобы из Тобольской губернии запретить вывоз хлеба». После того как министр отменяет это решение, автор пишет: «Подобные распоряжения являются выражением нормального хода управления!» — т. е. налицо типичные хромающие решения. Обер-прокурор Синода К. Победоносцев настаивал на том, что «единственным средством выйти из теперешних затруднений представляется назначение правительством цены на хлеб и реквизиция хлеба по этой цене у всякого, кто имеет хлебные запасы»⁵⁴.

В августе 1915 года было учреждено Особое совещание по продовольствию, имевшее широкие, почти диктаторские полномочия в центре и в губерниях. Заготовка продовольствия для населения перешла к правительству. Правительство забирало почти полностью все товарное зерно, уничтожив тем самым свободный рынок хлеба. Эти заготовки включали частичные реквизиции. В конце 1916 года было принято решение о принудительной хлебной разверстке, его осуществлению помешало падение государственности. Эта политика продолжалась и Временным правительством. В марте 1917 года был издан закон о хлебной монополии, который Ленин рассматривал как демократический. Владельцу хлеба оставлялся минимум, остальное должно было передаваться в распоряжение государства. Общество стихийно искало выход, подсказывая возможные варианты государственной политики. При власти Временного правительства вопреки его воле многие местные продорганы по собственной инициативе заготавливали хлеб, обменивая его на промышленные товары⁵⁵. Теперь советское руководство пыталось поднять эту доэкономическую инициативу до уровня принципиальной общегосударственной политики.

---

⁵³ *Пешехонов А. В.* Экономическое положение крестьян в пореформенное время // Великая реформа. Т. 6. С. 225.

⁵⁴ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. 2. С. 389.

⁵⁵ *Волубев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 441.

У А. Солженицына есть описание заседания Государственной Думы от 14 февраля 1917 года в книге «Март семнадцатого»: «От первых же затруднений с хлебом начались по отношению к сельскому хозяйству такие репрессии, которых промышленность никогда не испытывала: реквизиции по ценам подчас ниже себестоимости. И вот, сперва перестали торговать. Но ужас пошел дальше: перестают *сеять*. И у города и у правительства мысли не было, что деревня может когда-нибудь оказаться не в состоянии *дать*, разверстку надо выполнять силой власти... Там, где, может, разверстка была слишком легка, а вот Тамбовская никогда не вывозила больше 17 миллионов пудов, а на нее наложили 28, и — придется сдавать с десятины по 30 пудов, а в Воронежской по 40...» Из всего этого вытекает, что введение продразверстки советским правительством, по сути дела, было всего лишь продолжением политики прошлых правительств, которая, однако, теперь осуществлялась более последовательно, без компромиссов и колебаний в сторону рынка.

Советское правительство, так же как и в других сферах, пыталось решить продовольственную проблему, последовательно продолжая синкретическую линию в политике и полностью отбрасывая либеральный аспект. В мае 1918 года были изданы два декрета, вводившие государственную монополию хлебной торговли, «продовольственную диктатуру», запрещавшие частную торговлю и требовавшие изъятия излишков хлеба прежде всего у так называемых кулаков. Все, кто не сдавал излишки хлеба государству, кто расходовал хлеб на самогон, *объявлялись врагами народа*.

На местах вспыхнула ожесточенная борьба с тем, что получило название «мешочничества». Фактически мешочничество было стремлением наладить обычное рыночное перемещение хлеба к потребителю или, чаще, доставку его с рынка к месту потребления, сохранить элементы товарно-денежных отношений, возможность неконтролируемого властью натурального обмена. Попытка силой воспрепятствовать этому процессу была проявлением стремления к натурализации отношений. С мест сообщалось: «Мешочники едут массами и разоружают охрану» (Казань). Местные власти говорили о жутком мешочничестве. Наталкиваясь на насилие и на расстройство рынка, крестьяне припрятывали хлеб «до лучших времен». Положение ухудшилось к концу 1918 года, несмотря на урожай, так как значительная часть заградительных отрядов была отправлена на фронт. Подвоз хлеба в промышленные центры резко сократился, запасы в городах иссякли.

Среднее звено власти, состоявшее из энтузиастов уравнительности и исходившее из идеала «общества-общины-машин»), призывало к ужесточению административно-авторитарных мер. Усиливались требования применения крайних средств к тем, у кого были «излишки». Чисто перераспределительная логика умеренного утилитаризма — «взять все и поделить» — взяла верх над всеми иными соображениями. На рубеже 1918 и 1919 годов проходило совещание продовольственных органов, которое рекомендовало крестьянам сдавать излишки. В январе 1919 года был издан декрет, по которому все излишки зерновых и других культур подлежали «отчуждению». Высшая власть становилась полномочным распределителем ценностей, подобно главе патриархального семейства. Однако теперь эта сила вторгалась во все ячейки социальных отношений. Объектом авторитарного перераспределения оказалась в первую очередь продовольствие. Высшая власть захватила право определять потребности каждого хозяйства: «Ни один пуд хлеба, который не надобен хозяйству крестьянина, не надобен для поддержания его семьи и скота, не надобен ему для посева... всякий лишний пуд хлеба должен отбираться в руки государства. Как это сделать? Надо, чтобы были установлены цены государством, надо, чтобы каждый лишний пуд хлеба был найден и привезен», — писал Ленин.

Общепризнано, что понятие «излишек» не имело ясного смысла. Изъятие производилось, как писал нарком по продовольственным делам А. Г. Шлихтер, «исходя из соображения потребностей в хлебе для республики, а не наличных излишков»⁵⁶. Ленин признавал, что брали «необходимое крестьянину»⁵⁷. При получении продразвертки насилие применялось в самых широких масштабах: «Без оружия заготовка хлеба совершенно невозможна» (А. Л. Литвин, 1919). «Острая государственная необходимость заставляла отбирать у крестьянина последний хлеб...»⁵⁸. Конфискация, реквизиция, облавы стали повседневностью. По выражению Ленина, начался крестовый поход за хлебом. Авторитаризм и крепостничество шли вперед, сметая все преграды.

Постепенно система продразвертки стабилизировалась. К середине 1919 года количество принудительных изъятий уменьшилось. Крестьяне сдавали продукцию. Объем полученного государством хлеба возрастал даже несмотря на неурожай 1920 года. Очевидно, важную роль здесь сыграл страх перед

⁵⁶ Шлихтер А. Г. Аграрный вопрос и продовольственная политика в первые годы Советской власти. М., 1975. С. 417.

⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 150.

⁵⁸ Дубровский С. М. Очерки русской революции. М., 1923. Вып. 1. С. 223.

поражением советской власти в гражданской войне, что грозило возвратом захваченных земель. Еще в 1881 году А. Энгельгардт писал о крестьянах: «И платить готовы, и начальство, и самоуправление терпеть и ублажать готовы, только бы землицы прибавили...»⁵⁹. Власть усиливала авторитарный режим. В 1920 году продразверстка была распространена буквально на все виды продукции. Любопытно, что высший этап продразверстки, декрет о национализации мелкой промышленности, максимальная милитаризация попали на период, который совпадал вовсе не с разгаром гражданской войны, но, наоборот, с периодом, когда гражданская война фактически уже заканчивалась, а в целом в стране уже не было крупных военных действий, т.е. с весны 1920 года до зимы 1920-1921 годов. *Это опровергает попытки истолковать военный коммунизм как непосредственный результат трудностей военного времени. Дело намного сложнее. Военный коммунизм органически соответствовал авторитарной версии псевдосинкретизма. Он был неотъемлемым элементом динамики как нового общества, так и его идеологии. Очевидно, что в сложившейся ситуации люди с различным мировоззрением вынуждены были бы действовать сходным образом, так как вся исторически сложившаяся система была пронизана внутренней необходимостью принудительной циркуляции ресурсов.*

Система, получившая затем название «военный коммунизм», достигла высшей точки своего развития на рубеже 1920 и 1921 годов. Как впоследствии признал Ленин, она предполагала «без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране»⁶⁰. Ленин в то время применял слово «коммунистический» к учету каждого фунта хлеба, к правильному распределению хлеба, топлива, увеличению добычи угля и т. п.⁶¹ Получила широкое распространение точка зрения, что общество военного коммунизма и есть непосредственно коммунистическое. Воплотилась в жизнь утопия доведенной до абсурда полнейшей нефункциональности.

Постепенно, однако, выявилась слабость нового порядка, его массовой и идеологической версий, их утопизм. «Россия вконец разорена». Налицо «оскудение страны»⁶². Раскол не был ликвидирован и приобретал зловещие, угрожающие фор-

⁵⁹ Энгельгардт А. Н. Из деревни. М., 1987. С. 531-532.

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 151.

⁶¹ См.: там же. Т. 36. С. 362, 368, 403.

⁶² Троцкий Л. Д. Что нужно сделать крестьянам, чтобы вывести хозяйство из разорения. М., 1920. С. 5.

мы. Важнейшая из них заключалась в том, что новое общество базировалось на двух взаимоисключающих, взаимоуничтожающих принципах. С одной стороны, оно основывалось на уравнительности, т. е. на «справедливом» распределении уже готового. Такой порядок был естествен в условиях абсолютного господства традиционализма, когда производство, его эффективность, масса производимой продукции были естественным стереотипом. С другой стороны, новое общество опиралось на стремление повышать потребление, увеличивать количество материальных благ, т. е. в господствующей культуре, образе жизни существовал динамичный, хотя и крайне односторонний элемент. Он определялся неуклонным ростом утилитаризма, который начался еще в древности. Это стремление, в свою очередь, стимулировало модернизаторские ценности правящего слоя, который под этим давлением склонялся к идеологии роста и развития. Несовместимость этих двух принципов, взрывоопасность их столкновения достаточно очевидны. Каждый шаг укрепления уравнительности создавал предпосылки для укрепления авторитаризма, тогда как рост и развитие требовали преодоления уравнительности. Новое общество при своем возникновении опиралось на заманчивую и простую идею, что беднякам плохо, так как богатые все забирают себе. Поэтому все проблемы сводились к необходимости выгрести все из амбара соседа. Так действовали сами крестьяне, так действовало государство по отношению к крестьянам. *Высшая Правда-истина*, которая только что выступала как рецепт достижения земного рая, *предстала как идеал уравнительности, сползающий к уровню идеала грабителей.*

Система умеренного авторитаризма не сумела найти рациональный подход к производству ни в городе, ни в деревне. Она не могла не только восстановить производство, но даже приостановить его развал. По словам народного комиссара финансов Г. Я. Сокольников на XI съезде РКП (б), в 1922 году большая часть промышленности, организовавшейся в тресты, жила на иждивении государства. Неспособность решать медиационную задачу выступала как конфликт между городом и деревней. Идеалы города и деревни расходились. Массы городского населения также не расстались с идеалом локализма.

Наметилось принципиальное расхождение между крестьянскими идеалами и второй версией псевдосинкретизма. Попытка решить медиационную задачу толкала власть к максимальной концентрации ресурсов в своих руках, чтобы постоянно затыкать ими дыры, снабжать города, армию и т. д. Крестьянство же осмысляло эту деятельность не только как грабительство, но, более того, как разрушение исторического уклада

жизни, в который входило также ограниченное участие в торговле продуктами собственного труда. Это участие носило в своей массе докапиталистический характер, так как не включало рынок капитала и рабочей силы. Разумеется, развитие торговли содержало в себе возможность движения в сторону капитализма. Тем не менее в массе своей крестьянство еще было далеко от капитализма, и всякие поползновения в этом направлении беспощадно подавлялись самими крестьянами, не только соседями, но и теми, кто поступал на службу новому государству, вступал в партию. Крестьянство, подавив в своей среде возможность выделения наиболее активных элементов, ослабило свою способность борьбы против продразверстки.

Расколотое и неорганизованное крестьянство, неспособное противостоять прямому изъятию, постоянно искало обходные пути борьбы с продразверсткой. Лучшим средством было уменьшение производства. Правящая элита, постоянно решая повседневные задачи, кажется, не слишком обращала внимание на то, что, хотя заготовки продовольствия из года в год росли, производство катастрофически падало. Об экономических «успехах» военного коммунизма говорит, например, тот факт, что сбор хлеба в 1921 году составил 40,2% от довоенного, а объем промышленного производства — 25,4%. Продолжалось уменьшение посевных площадей, начавшееся еще при старой власти. Ухудшалась обработка земли, снижалась урожайность, уменьшалось поголовье скота и т. д. *Авторитарная система разрушала крестьянское хозяйство.* Крестьяне пытались обойти продразверстку, заменяя одни культуры другими, увеличивая посевы тех, которые не подлежали продразверстке, или тех, которые легче было уберечь от нее, например, гречихи. Увеличились посевы вики и трав. Однако с каждым годом рос список продуктов, подлежащих продразверстке. Крестьяне все больше сокращали производство, стремясь лишь обеспечить себя. Нарастала столь желаемая натурализация, но это ставило общество на край катастрофы. В 1921—1922 годах разразился страшный голод, который местами продолжался до 1923 и 1924 года. В конечном итоге Ленин признал: «Разверстка в деревне, этот непосредственный коммунистический подход к задачам строительства в городе, мешала подъему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы натолкнулись весной 1921 года»⁶³. Жизнь ускользала из-под власти партии и государства. Практически сложившийся порядок разрушал производство, что ставило под угрозу способность

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 159.

общества решать медиационную задачу. Он вступил в открытую конфронтацию не только с развитым, но и умеренным утилитаризмом основной массы населения, что само по себе грозило катастрофой. В стране росло массовое недовольство.

Произведения А. Платонова и других советских писателей двадцатых годов свидетельствуют, что традиционное двойственное отношение к власти оставалось в силе. Это означало, что продолжала существовать древняя культурная форма оценки власти как силы зла. Усилилось недовольство среди рабочих. По-видимому, влияние меньшевиков и эсеров оставалось ощутимым. Численность фабрично-заводского пролетариата уменьшилась наполовину. Усилился отток рабочих из города. Среди них росло недовольство. Само наступление авторитаризма встречало сопротивление. Профсоюзный деятель С. Лозовский отмечал, что во многих местах возник лозунг «раскрепощения» рабочих⁶⁴. Ленин признал «брожение и недовольство среди беспартийных рабочих»⁶⁵. В феврале 1921 года волна забастовок и демонстраций охватила Петроград. Однако особенно серьезен был рост недовольства в деревне. Запрещение торговли привело к тому, что все места заключения были переполнены крестьянами, которые сидели за «спекуляцию». Так называемые «кулаки» едва ли составляли среди них 1 %. Крестьянские восстания до 1921 года «представляли общее явление»⁶⁶. В 1921 году разразилось кронштадтское восстание, требовавшее советов без коммунистов. Брожение, охватившее массы, затронуло и партию.

Симптом банкротства второй версии псевдосинкретизма можно было видеть в том, что люди могли обеспечить свое существование, лишь постоянно нарушая распоряжения власти. «С продуктами становилось все хуже и хуже. Цены росли ежечасно... По карточкам выдавался только хлеб, да и тот нерегулярно. В среднем на человека доставалось 25 граммов в день»⁶⁷. Люди обращались к запрещенному нелегальному рынку. В 1918 году к покупке на рынке прибегало 85%, а в 1919 — 75% населения. Ленин признавал, что половину хлеба рабочий покупает нелегально, т. е. вопреки политике правящей элиты. А. С. Изгоев писал в 1918 году: «Если социалистические опыты не привели миллионы русских людей к катастрофической смерти от голода, то мы должны благодарить за это мешочников, с опасностью для жизни кормивших свои

⁶⁴ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 года: Стенографический отчет. М., 1963. С. 291.

⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 31.

⁶⁶ Там же. Т. 45. С. 285.

⁶⁷ От Москвы до Берлина в 1920 году.

семьи и поддерживавших обмен продуктов, в то время как социалистическая власть делала все для его прекращения»⁶⁸. То же самое оказалось справедливо и для этапа умеренного авторитаризма. Жизнь уходила из системы, грозя ей крахом государственности, полным уничтожением, повторением Смутного времени, которое было реакцией общества на авторитаризм.

НУЖНА СПАСИТЕЛЬНАЯ КРИТИКА

Новое общество вступило на путь синкретической государственности, крепостничества, оттесняя, разрушая ограниченные достижения либерализма, либеральных реформ и свобод, товарно-денежных отношений. Исторический опыт военного коммунизма раскрыл важную тайну истории страны. Реальный уровень товарно-денежных отношений является не только результатом спонтанных почвенных процессов, получивших санкцию массовой культуры, но и одновременно результатом вынужденной ненавистной необходимости работать на продажу, что в значительной степени инспирировалось обязательностью платежей государству. Отсюда массовая попытка снижения товарности производства при возникновении любой возможности. Без понимания этого нельзя понять механизмы крестьянских движений, таких явлений, как Великая смута, массовая активизация общины, и, наконец, нельзя понять существо военного коммунизма. Его крах был вызван тем, что господство инверсионных методов привело к перехлесту этого стремления, т. е. к попытке полной ликвидации товарно-денежных отношений в масштабах, подавляющих потребности крестьян, прежде всего в торговле излишками личного труда.

На мощной волне синкретизма, локализма общество пыталось преодолеть двойственность ранее сложившегося порядка, отказавшись от механизмов товарно-денежных отношений и делая ставку на авторитарные хозяйственные формы. Последнее в соответствии с принципами синкретического общества можно включить в систему принудительного перераспределения ресурсов и одновременно ликвидировать все независимые центры перераспределения ресурсов, не учитывая, основаны ли они на товарно-денежных отношениях или на элементарном обмене натуральных вещей. При этом, однако, выявилось, что господство древних ценностей несовместимо с ростом и развитием, с растущими утилитарными ценностями, с ростом

⁶⁸ Изгоев С. А. Социализм, культура и большевизм// Из глубины. М., 1989. С. 172.

производства, даже с сохранением его на достигнутом уровне. Тайна, раскрытая на втором этапе, заключалась в том, что новая власть получала мощную поддержку в результате массового стремления снизу уничтожить раскол посредством избиения оборотней зла, в качестве которых последовательно или сразу выступали разные слои, социальные группы, меньшинства — от власти, духовенства, интеллигенции до непосредственно той части почвы, которая отходила, или казалось, что могла отойти, от уравнительности, традиционализма в целом. Опираясь на эту мощную волну, новая власть возглавила процесс закрепощения, борьбу за общество-общину, хотя и не всегда последовательно, испытывая подчас недоумение, колебания по поводу происходящего, подготавливая тем самым иные возможности. Все это привело в конечном итоге к новой форме нарушения социокультурного закона, новой форме подрыва возможности решать медиационную задачу: к росту социокультурного противоречия между социальными отношениями авторитарного типа и потребностью общества в росте, сохранении сложившегося уровня производства благ, между социальными отношениями большого общества и локальных миров, между субкультурами локальных миров и их интерпретацией на государственном уровне, между аспектами воспроизводственного процесса общества на всех уровнях.

Иначе говоря, выявилось, что *авторитарное давление, доведенное до крайних форм, подавило реальный воспроизводственный процесс и привело к возрастающей дезорганизации, распаду общества, что требовало критики господствующего нравственного идеала*, поиска новой версии псевдосинкретизма, которая сумела бы найти альтернативу, иной эффективный путь интеграции общества, требовало от общества выдвинуть соответствующего субъекта, способного поднять уровень критики истории.

ГЛАВА III РАННИЙ ИДЕАЛ ВСЕОБЩЕГО СОГЛАСИЯ (нэп)

НОВЫЙ ПОИСК АЛЬТЕРНАТИВЫ

Господство раннего умеренного авторитаризма постепенно стало вызывать массовое дискомфортное состояние. «В последний год гражданской войны обособление деревни от города достигло крайних пределов. На участников продотрядов крестьянин стал смотреть как на врагов, стремящихся воспользоваться результатами чужого труда. Множились вооруженные выступления против членов продотрядов. В некоторых местах деревня превратилась в военный лагерь, занявший круговую оборону против любых попыток проникновения в нее извне»¹. Крестьянские восстания, выдвигавшие в качестве основного требования отмену продразверстки, в 1920 году имели место на значительных территориях Западной Сибири, Украины, юга земледельческого Центра. Кронштадтское восстание со всей очевидностью показало разрушение второй версии псевдосинкретизма. Господство авторитарного нравственного идеала, как, впрочем, и других идеалов на соответствующих этапах, не опиралось на достаточно разработанную меру своих возможностей, на минимально необходимое богатство срединной культуры. Неспособность не только правящей элиты, но и всего общества овладеть сложностью ситуации привела на втором этапе к подавлению воспроизводственных процессов. Новая власть столкнулась с неспособностью ее идеологических программ служить основой для самого необходимого воспроизводства ресурсов. В этой ситуации общество неизбежно повер-

---

¹ *Бокарев Ю. П.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. М., 1989. С. 148.

нулось лицом к тем ценностям, которые отрицались стихийной уравнильностью, перешедшей всякие разумные пределы.

Среди альтернатив существовала своеобразная «американская мечта», мечта об обществе, где люди умели бы хорошо, производительно работать. В печати появились выступления о необходимости развивать в массах американскую деловитость. «Прежде всего искать и находить себе новых людей — русских американцев. Помогать партии советом, ставить их на надлежащее место и следить, чтобы рязанско-пошехонско-чебоксарское губошлепство не затерло их на первых шагах. Только на первых шагах, ибо в дальнейшем сами „американцы“ оттеснят и отбросят губошлепство. „Американцев“ надо будет взять под всенародное наблюдение, сплотить их в стальную когорту и заставить по ним равняться остальных. Что такое „американцы“? Это люди, которые умеют работать таким темпом и с таким напором и нажимом, каких не знала старая Русь. „Американцы“ — это те, кто основательно подумают, прежде чем взяться за дело, но, взявшись за него, — без „авось“ и „небось“ — с несокрушимой верой в наши творческие силы, с трезвой их оценкой пойдут до конца... С 1923 года вновь организуемая партия русских „американцев“ объявит истребительную войну русскому губошлепству. „Американцы“ всей Руси, объединяйтесь!» (Л. Сосновский)².

Эта американская мечта раскалывается на две версии: связанную с ростом инициативы личности и связанную со способностью работать в организации машинного типа. Один из ведущих представителей правящей элиты Н. Бухарин пытался поддержать первую версию. Он считал необходимым создать условия, освобождающие крестьян от страха, что в результате повышения своего благосостояния они будут раскулачены. Он говорил: «Обогащайтесь, развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что всё прихлопнут»³. Подули новые ветры. В этом же направлении выдвигали политические идеи о создании двухпартийной системы⁴.

Однако для разработки этой, по сути, выходящей за рамки инверсионной логики альтернативы требовался массовый субъект развитого утилитаризма, способный противостоять уравнильности и подчинять систему своих отношений задаче повышения эффективности. К этому было готово, видимо, лишь незначительное меньшинство. По стране только что прошла коса инверсии, были сокрушены не только капиталистические группы, но и все, о которых можно было только подумать, что

² Правда. 1923. 1 янв.

³ Большевик. 1925. № 9-10. С. 4-5.

⁴ *Оссовский Я.* Партия к XIV съезду // Там же. 1926. № 14. С. 60.

они представляют угрозу уравнительности. Не было достаточно мощной силы, способной встать на этот «бухаринский» путь и дать соответствующую культурную программу стране. Общество вновь осталось в рамках альтернативы инверсионного типа, в рамках уже накатанного модифицированного инверсионного цикла.

Общество повернулось к ценностям ограниченной инициативы, ограниченной торговли, ограниченных форм утилитаризма. Оно ответило на банкротство умеренного авторитаризма вялой обратной инверсией. Этот поворот был интерпретирован высшей властью как новая экономическая политика; псевдосинкретизм принял форму раннего идеала всеобщего согласия. Возник логический аналог раннего идеала всеобщего согласия первого глобального периода. В обоих глобальных периодах общество, испытав крах как соборного, так и авторитарного идеалов, пыталось обеспечить консенсус, нравственное единство, совершить выходящий за рамки инверсионной логики шаг, т. е. пыталось найти некоторую меру между крайностями в определенном отступлении от них, в достижении согласия на основе признания внутренних различий в обществе, впрочем, в ограниченных рамках. Однако и различия между глобальными периодами были существенны. В первом случае общество развило такую организационную форму, как земские соборы, воплощающие идеал общего согласия. Во втором случае этот идеал возникает уже в совершенно иной ситуации — в условиях зрелого раскола, в условиях общества, стоящего перед проблемой модернизации. Поэтому центр тяжести по сравнению с прошлым периодом перешел в сферу экономической инициативы при попытке использовать ее для обеспечения притока ресурсов, для повышения эффективности воспроизводства синкретической государственности.

В попытке сформулировать *третью версию псевдосинкретизма* правящая элита изменила мозаику ее ипостасей. На основании оценки ситуации, угрожающей разгромом государственности, катастрофой, подобной имевшей место в конце второго этапа прошлого глобального периода, правящая элита скомбинировала эту версию, пытаясь в меру своих возможностей дать адекватный ответ на сдвиг в массовых настроениях. Ее специфика заключалась в том, что на первый план не был выдвинут тот или иной полюс вечевоего идеала, но была сделана попытка на основе утилитаризма установить некоторую меру между ними, что открывало путь к согласованию различий. По крайней мере, так казалось. Это была альтернатива в рамках инверсии, в рамках уже сложившегося перебора вари-

антов, но тем не менее это была попытка использовать некоторый медиационный потенциал, избежать крайностей и односторонности инверсии.

«СМЫЧКА ГОРОДА И ДЕРЕВНИ»

Спецификой этого этапа по сравнению с прошлым глобальным периодом была большая значимость для судьбы общества хозяйственного подъема, попытка усилить рынок, усилить определенное давление, чтобы вывести его из нелегального состояния. Повышение значения экономики было, несомненно, связано с общим ростом потребности в ресурсах усложняющегося общества как результатом возросших утилитарных потребностей. В этой политике власть могла опереться на крестьян, которые в определенных рамках, не подрывающих господство уравнительности и сложившихся общинных натуральных отношений, поддерживали рынок. На третьем этапе подавление рынка было ослаблено и перешло в приемлемый для общества уровень рыночных отношений. Кроме того, хозяйственный подъем деревни рассматривался как необходимая предпосылка преодоления явно выявившегося раскола между рабочим классом и крестьянством, между городом и деревней, который сам по себе мог сокрушить слабую государственность. Изменение идеологии получило лозунговое название смычки города и деревни, что было модификацией старого лозунга Ленина о союзе рабочего класса и крестьянства. «Сущность новой экономической политики есть союз пролетариата и крестьянства, сущность — в смычке авангарда пролетариата с широким крестьянским полем»⁵. Продразверстка была отменена и введен продналог, который был вдвое меньше. Это был поворот навстречу массовой формуле крестьян: «Сколько-то (хлеба) дам, а потом хозяйничаю». «Реализацией этого требования явился и продналог, и переход к нэпу в целом»⁶. Разрешена была «спекуляция», т. е. частная торговля тем, что оставалось после выполнения продналога. Был снижен на 40% сельскохозяйственный налог, увеличены государственные кредиты, облегчена процедура найма рабочих; расширены права на аренду, снижены цены на сельскохозяйственные машины и т. д.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 322.

⁶ Данилов В. П. Советская аграрная политика в 20-х — 30-х гг. // Перестройка аграрного производства в СССР: Проблемы и перспективы. М., 1990. С. 30.

Как и всякий новый господствующий идеал, новая версия псевдосинкретизма не возникла, как разорвавшаяся бомба. Она всегда существовала на заднем плане ранее господствующего идеала. Например, секретарь одного из губкомов Н. И. Немцов в 1920 году под давлением недовольства крестьян вводил в некоторых уездах продналог вместо продразверстки⁷. В разгар военного коммунизма Ленин говорил о необходимости «учесть особенные условия жизни крестьянина, к тому, чтобы учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и не сметь командовать»⁸.

Были сделаны ограниченные шаги и в политической сфере. В августе 1924 г., очевидно, под впечатлением крестьянского восстания в Грузии, была принята политика нового курса, направленная на оживление работы советов, устранение незаконного вмешательства в их деятельность. В декабре были отменены результаты выборов там, где явка избирателей была ниже 35% или имели место жалобы на незаконные действия организаторов выборов, делались попытки оградить избирателей от их давления. Это привело к значительному увеличению интереса к выборам, к росту числа избирателей.

Открылись новые возможности для творческой инициативы. Любопытно, что очевидцы событий характеризуют время введения нэпа приблизительно одинаково: «Все вдруг откуда-то появилось». *Переход к нэпу означал отступление государственного крепостничества*. Крестьянство в период с 1923 по 1926 год вполне лояльно власти⁹. Всеобщая трудовая повинность была отменена. Ее заменил закон о добровольном привлечении к труду. В КЗОТе от 1922 года говорится о «наемных» отношениях. Власть тайной полиции была ослаблена. Медиатор существенно самоограничивался, ставил себе преграду. Теперь его решения не только должны были считаться с ценностями массового сознания, но и поддерживали определенные ценности вне медиатора. Правящая элита должна была учитывать в своих решениях системы ценностей не только умеренного, но и, в определенных рамках, развитого утилитаризма.

Смысл нэпа был достаточно прост. Правящая элита надеялась на экономический подъем в результате новой политики, на существенный рост социальной энергии, рост ресурсов и одновременно предполагала подчинить эти процессы экономи-

⁷ Горинев М. М., Цакунов С. В. Ленинская концепция нэпа: становление и развитие // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 21.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 201.

⁹ Литвак К. Б. Политическая активность крестьянства в свете судебной статистики 1920-х годов // История СССР. 1991. № 2. С. 137.

ческим отношениям или по крайней мере держать их в рамках чисто экономическими методами. Новая власть должна вместо борьбы за «справедливое» распределение овладевать торговлей, рынком. Государство, установившее монополию на собственность, т. е. взявшее на себя ответственность за ее эксплуатацию, неизбежно столкнулось с тем, что односторонний упор на распределение результатов разрушает производство во всех его формах. Не будучи в силах вдохнуть творческий импульс в производство, оно рано или поздно вынуждено было предоставить производителю возможность проявить инициативу. Это давало надежду, что могучее государство сможет затем овладеть хозяйством экономическими методами. «Оживлять торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими или получая возможность подвергнуть их государственному регулированию лишь в меру их оживления»¹⁰. Регулирование, следовательно, должно было возникать по мере развития производства. Тем самым выдвигалась *идея некоторого равновесия, согласия между государством и производителями*. В принципе это соглашение могло иметь место лишь на почве утилитаризма, так как речь шла не только о поддержании исторически сложившегося уровня производства, но и о его росте и развитии. Правящая элита была вынуждена усилить конкурентную борьбу прежде всего на экономической почве. Для Ленина нэп — это «взнузданный капитализм», который пролетарская власть должна держать под контролем и который можно в любой момент ликвидировать. Все преимущества, казалось, были на стороне государства, так как оно оставило всю крупную и значительную часть средней промышленности за собой. Здесь, несомненно, сыграла свою роль вера в преимущества крупного производства, которая шла от правящей элиты прошлого глобального периода и уже тогда сыграла свою негативную роль. Однако это не мешало власти обратиться за помощью к мелкому производству.

ЭТИ СТРАННЫЕ ЦЕНЫ...

Важное значение нэпа как этапа в истории страны заключается, между прочим, в том, что он служит своего рода символом утраченных возможностей, неиспользованных альтернатив, подчинения политическим заблуждениям хозяйственных процессов. Вообще говоря, эта мысль может быть обращена к любому этапу. В конце концов, каждый шаг человеческой истории — это поиск и утрата альтернатив, осу-

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 222.

ществование одного варианта и смерть бесконечного множества всех иных. Анализ любых исторических альтернатив массовым сознанием, к сожалению, слишком часто сводится к альтернативе возможных политических решений, а альтернатива последних сводится к дворцовым интригам в духе «Стакана воды» Скриба — пьесы, которую так любит наш зритель. Между тем судьба страны решалась значительно более важными факторами. И немаловажно, что борьба многих альтернатив была борьбой одной утопии против другой, и мы подчас весьма слабо представляем себе, что такое реальная возможность в невозможной ситуации.

Особенность третьего этапа, в отличие от предшествующих, заключалась в более или менее реальной попытке решения крайне болезненной для всей истории страны проблемы — проблемы существования подъема уровня товарно-денежных отношений. Именно на этом этапе, возможно, с большей непосредственностью, чем на других, выявились катастрофические последствия нарушения некоторых органических законов развития общества, которые обратили в дым как благие намерения власти добиться устойчивого экономического подъема страны, так и надежды крестьян на ослабление давления власти.

В обществе, вступившем на путь товарно-денежных отношений, действует закон соотношения хозяйственных отраслей. Всякая вновь возникшая отрасль хозяйства, например, промышленность, может утвердиться и функционировать на рынке, если издержки производства позволяют установить такие цены на ее продукцию, которые окажутся приемлемыми для производителей ранее сложившихся отраслей, например, сельского хозяйства, если эти производители сочтут для себя приемлемыми ценовые соотношения между своей продукцией и продукцией новой отрасли. Многие факты свидетельствуют, что еще до первой мировой войны эта закономерность неуклонно нарушалась. Рынок был крайне слаб. Как известно, хлебный рынок в России без насильственного вмешательства властей стал складываться лишь в период 1907-1914 годов, после чего это вмешательство непрерывно нарастало независимо от политических перемен в стране. До первой мировой войны жители деревень, которые составляли основную массу населения, обеспечивали вряд ли более 30% всей емкости рынка промышленности, товаров, т. е. их участие в реализации продуктов промышленности было сравнительно ничтожно¹¹. Следовательно, уже тогда констатировалось, что «и для

¹¹ *Гриневецкий В. И.* Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1919. С. 168.

этой жалкой (российской) промышленности нет достаточного сбыта»¹². Низкий уровень производства зерна по сравнению с другими странами создавал большие возможности для потенциального внутреннего рынка на продовольствие, чем на промышленные изделия. Это означало, что развитие отношений промышленности и сельского хозяйства не носило органического характера, а попытки непосредственной «смычки» в условиях значительно худших могли иметь успех не больше, чем проект брака между инопланетянами. Центром проблемы смычки, что бы о ней ни думали тогда, объективно была проблема приемлемого для сторон соотношения цен между продуктами этих двух отраслей. И вопрос этот не был новым.

Высшая власть в конце прошлого глобального периода столкнулась с несоответствием цен продуктов сельского хозяйства и промышленности. Еще С. Витте был вынужден встать на путь неэквивалентного обмена с деревней. Это объяснялось прежде всего тем, что «потребитель пришел в упадок. Рассчитанной на массовое производство и оставшейся без покупателя промышленности грозил крах». Любопытно, что автор видит единственный путь поддержать промышленность не в развитии «смычки», рынка и т. д., а в поддержке «новыми охранительными пошлинами и казенными заказами. Приходится, не сообразуясь с хозяйственным расчетом, строить ежегодно до 3 000 верст железных дорог. ... Дороговизна постройки не уступала быстроте, с которой была сооружена эта сеть. В результате железные дороги работают пока в убыток». Это ложилось «дополнительным бременем на земледельческий класс»¹³. Попытки подчинить сельское хозяйство принудительному обмену обострились во время первой мировой войны. Летом 1917 года крестьяне не приняли форму связи с промышленностью. Их не устраивало, например, что стоимость подковы была эквивалентна одному пуду хлеба. В подобной ситуации новая отрасль отторгается рынком, остается в экономической изоляции. Причина таких явлений очевидна. В условиях синкретической государственности новые виды производства могут развиваться и функционировать независимо от рынка, т. е. имеет место систематическое нарушение закона соотношения хозяйственных отраслей. Строительство оросительных, ритуальных сооружений в древних государствах не зависело от рыночного механизма. В России эта система приобрела значимый характер с момента внедрения крепостной мануфактуры. Развитие

¹² Русская промышленность и налоги// Промышленность и торговля. 1909. № 10. С. 590.

¹³ Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России: Дежневое обращение/ Сост. Никифоров Д. И. СПб., 1903. С. 8; см. также с. 7.

крепостнической промышленности продолжалось до самой реформы 1861 года. Например, сахарные заводы, появившиеся в XIX веке, базировались на крепостном труде. Это было естественно в условиях господства натуральных отношений. Синкретическое государство может стать на путь систематического и последовательного ограждения новой отрасли, например, промышленности, от установления цен посредством спроса и предложения.

Специфика хозяйственного развития в условиях господства синкретического государства заключается в том, что возникновение новых отраслей, например, промышленности, в тех или иных масштабах происходит независимо от рынка. Это может иметь место только потому, что государство осуществляет принудительную циркуляцию товаров, продуктов, рабочей силы, капиталов, осуществляет перекачку ресурсов посредством дотации, осуществляет принудительное увеличение удельного веса накоплений, а также допускает проедание основных фондов и т. д. Ценообразование в этом случае имеет лишь отдаленное отношение к закону стоимости, к реальному спросу и предложению, но является прежде всего средством перекачки ресурсов. В этой ситуации слияние государства и промышленного развития носило не экономический характер, не определялось всеобщей хозяйственной ситуацией в обществе в целом. Еще в первом глобальном периоде «государственные заводы могли снижать цены, не только не считаясь с себестоимостью изделий, но даже не имея о ней точного представления... без точных калькуляций, на основании приближенных расчетов. ...Государственные предприятия в своем большинстве находят-ся на сметно-бюджетном финансировании, не имеют точной калькуляции продукции, освобождены от промыслового и других налогов и имеют возможность продавать свою продукцию ниже себестоимости или даже по любой предложенной им настоящим ведомством цене»¹⁴. Это было результатом того, что страна не преодолела «примитивный, докапиталистический характер русской коммерции». Помещикам не было необходимости «тщательно вести бухгалтерские книги, поскольку в трудную минуту они всегда могли выжать чуть больше из крепостных». Теперь выжимать можно было из государства, которое платило не считая. «По всей видимости, хлебосолецтво богатого русского дома не имело себе равных в Европе. Оно было возможно там, где толком не заглядывали в конторские книги». «Невежество по части бухгалтерии служило главной

¹⁴ Гиндин И. Ф. Антикризисное финансирование предприятий тяжелой промышленности (конец XIX — начало XX в.) // Исторические записки. 1980. № 105. С. 145, 147.

причиной провала деловых предприятий и сильно сдерживало рост русских компаний. Многие деловые предприятия разваливались после смерти своего основателя, поскольку наследники не могли продолжить их из-за отсутствия бухгалтерских книг»¹⁵. Стоимостные категории были столь мало интересны для государственных предприятий, что самые размеры возрастающей убыточности, например, железных дорог не могли быть определены¹⁶.

Монополии отчасти в разной степени выступали и на рынке. Но по своей сути они носили внерыночный характер, существовали в нарушение закона соотношения хозяйственных отраслей, развивались на доэкономической основе. Это выражалось также в системе «огосударствления убытков»¹⁷. Например, в регулировке цен. Так, в производстве сахара «производство, потребление, цены — все регулировалось и нормировалось заранее правительством»¹⁸.

Разруха, которая разразилась в период первой мировой и нарастала во время последующей гражданской войны, была важнейшим аспектом, движущей силой усиливающегося нарушения закона соотношения хозяйственных отраслей. Среди крайне негативных последствий можно указать: деградацию ограбленных из-за системы цен или прямой реквизиции; необратимое разрушение ранее сложившихся элементов рынка и экономики; формирование сложных форм хозяйства на основе натуральных отношений; возникновение особой псевдоэкономики; превращение цен в случайные с точки зрения их экономического содержания и др. Цены превратились в средство перекачки ресурсов между основными социальными силами общества (например, между государством и ведомствами).

В стране складывалась странная, извращенная ситуация, когда с ростом промышленности, городов усиливалась разбалансированность товарообмена между сельским хозяйством и промышленностью, между деревней и городом. Чем больше обществу требовалось продукции сельского хозяйства, чем больше оно нуждалось в производстве промышленной продукции, тем острее ощущалась эта неспособность производителей в сельском хозяйстве приобретать на свои доходы продукцию промышленности. Обратной стороной этого процесса была неспособность города приобретать в достаточных масштабах про-

¹⁵ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. Кембридж (Масс), 1980. С. 275, 247, 271.

¹⁶ *Гурко В. И.* Наше государственное народное хозяйство. СПб., 1909. С. 130.

¹⁷ *Гейфтер М. Я.* Топливо-нефтяной голод в России и экономическая политика третьей ионийской монархии // Исторические записки. 1969. № 83. С. 104.

¹⁸ *Левин И.* Свеклосахарная промышленность в России. М., 1910. С. 38.

дукцию сельского хозяйства, что не создавало, кстати говоря, заинтересованности сельского хозяйства в росте и развитии производства. Происходило это потому, что нарушение закона соотношения хозяйственных отраслей создавало ситуацию, когда невозможно было установить цену, которая устраивала бы одновременно покупателя и продавца. Это было результатом развития хозяйства в условиях атомизации общества, слабости всеобщей связи, случайности хозяйственных условий в разных сообществах, что не стимулировало снижение издержек, повышение эффективности. Для цен, складывавшихся в результате нарушения закона соотношения хозяйственных отраслей, характерна тенденция «кризиса сбыта в условиях товарного голода», что отчетливо можно было наблюдать в 1923 году¹⁹. Эта патологическая закономерность обычно элиминируется, маскируется государственными дотациями, различными формами государственной перекачки ресурсов, но тем самым открывается возможность бесчисленных манипуляций ценами, посредством которых скрывается эта разрушительная тенденция.

Так, цены на продукцию сельского хозяйства, если они устраивали производителей, были слишком высокими для массового потребителя, для промышленности. Наоборот, снижение цен на продукты сельского хозяйства до уровня массовой доступности приводило к тому, что они не устраивали производителя на селе, который в результате ничего не мог купить. Очевидно, что цены на промышленные товары обладали той же особенностью: если они удовлетворяли производителей, то для сельского хозяйства, для потребителей на селе они были недоступными, но если они снижались, то промышленность работала в убыток. Отсюда — ножницы цен, дефицит, стремление менять дефицит на дефицит, избежать реализации за деньги без дополнительного социального эффекта. Отсюда нежелание крестьян продавать хлеб. Это имело место, например, еще при царе Алексее Михайловиче, когда медные деньги потеряли свою ценность.

Общество смутно осознавало причину неспособности формировать рынок. Попытка возложить на крестьянство бремя индустриализации выразилась в том, что крестьянский хлеб оплачивался чисто символически, проблемы общества решались за счет углубления архаичной принудительной перекачки средств. Это изъятие средств не было тем фактором, который породил перепад цен между отраслями, но оно катастрофи-

---

¹⁹ Югов Л. Индустриализация и проблема капитала// Нэп: взгляд со стороны. М., 1991. С. 181.

чески ухудшало ситуацию, ставило преграду реальному выходу из тупика.

Хозяйство, которое находится на доэкономическом уровне, в котором еще очень сильны натуральные отношения, не может справиться с проблемами, превышающими определенный уровень сложности, что приводит к неизбежному снижению эффективности хозяйственных решений. В частности, невозможно обеспечить взаимную заинтересованность отраслей, где перепад в издержках превышает определенный уровень. Зарплата, личный доход могут быть слишком низки, чтобы покупать товары с чрезмерными издержками, т. е. если издержки столь велики по сравнению с доходами людей, что при отсутствии инфляции потребитель не в состоянии их оплатить. Инфляция не спасает положение, так как весь товар при фиксированных ценах и дефиците просто попадает к потребителю, случайному с точки зрения реальной экономической и даже биологической потребности. Гибель такой системы предострашается лишь принудительной циркуляцией ресурсов.

Теоретически из этой ситуации могло быть два выхода. Один из них — обеспечение такого развития промышленности, которое приводило бы к снижению издержек производства и соответствующему снижению цен, что сделало бы ее продукты доступными массовому потребителю в деревне. Однако на пути этого процесса лежало отсутствие достаточного стимула к прогрессу в промышленности, существующей не столько под давлением рынка, сколько под крылышком синкретической государственности. Качественное развитие невозможно при отсутствии массовой частной инициативы, массовой конкуренции, при склонности к монополизации. Другая возможность заключалась в развитии сельского хозяйства, в повышении его эффективности, способности снижать издержки, получать необходимые средства не столько за счет высоких цен, сколько за счет массовости реализации. Однако здесь дело обстояло еще хуже, чем в промышленности, так как основная масса жителей деревни придерживалась социальных форм жизни, конструктивной напряженности, не позволявших в достаточных масштабах встать на путь развития и прогресса. Положение серьезно ухудшалось тем, что в среде марксистской интеллигенции и правящей элиты существовало сильно преувеличенное представление о степени развития товарно-денежных отношений в деревне, и, следовательно, власть не обладала должной информацией о реальной способности крестьянства пойти на «смычку» посредством развития высокопродуктивного сельского хозяйства.

ТОРГОВЛЯ ПРОТИВ РЫНКА

Нэп открывал ограниченные возможности для той части крестьян, которые имели склонность к росту и развитию, и общество проявляло заинтересованность в росте производства, пыталось создать для этого определенные предпосылки. Однако для реализации этой возможности требовалось значительное время. Главное, однако, заключается в том, что угроза уравнительности постоянно вызывала у большинства рост дискомфорта. К концу 1925 года в деревне появились группы бедноты, которые противопоставляли себя сельсоветам и кооперативам. Их возникновение воспринималось как антикулацкая акция. Возможность роста уравнительной агрессивности создавала крайне неблагоприятные условия для производственных накоплений. Известный экономист Н. Кондратьев писал: «Не может быть капиталовложений в деревне в условиях, заставляющих крестьянина направлять свои средства в сторону усиления личного потребления, вместо того, чтобы приобрести лошадь или корову, из боязни прослыть „кулаком" в деревне»²⁰. Однако и это не главное. Система ценностей крестьянина лишь отчасти была затронута ценностями товарно-денежных отношений. Это обстоятельство заслуживает специального рассмотрения.

Методология социокультурных исследований существенно отлична от одностороннего экономического подхода, тяготеющего к экономическому материализму, фетишизму. Последний исходит из того, что сами факты купли-продажи, их развитие и увеличение есть однозначное свидетельство втягивания крестьянина в товарно-денежные отношения.

Однако, во-первых, рост товарно-денежных отношений может быть стимулом активизации архаичных ценностей, накопления дискомфорта, ведущего к взрыву. Это и имело место в России. Поэтому можно сказать, что в определенной ситуации масштабы втягивания крестьянина в денежные отношения — величина, обратная вероятности утверждения капитализма. Это обстоятельство не учитывалось большевиками при разработке ими своей доктрины как до, так и после их политической победы.

Во-вторых, не менее важно и то, что само втягивание крестьянина в эти отношения может означать форму укрепления системы архаики. П. Г. Рындзюнский пишет: «При изучении крестьян, не принадлежащих к эксплуататорским кругам деревни, возникает вопрос: насколько они могут считаться това-

---

²⁰ Знамя. 1988. № 10. С. 177.

ропроизводителями в теоретическом, политико-экономическом смысле слова? На этот вопрос нелегко ответить даже в том случае, если известно, что сельские производители регулярно поставляли на рынок выработанные ими продукты. Конечно, внешние признаки товарного хозяйства здесь налицо, но это не разъясняет существа дела». В. И. Ленин замечает: «Про крестьянина же и теперь приходится сказать словами Маркса: крестьянин становится купцом и промышленником без тех условий, при которых можно стать настоящим купцом и промышленником. Рынок *требует* от всякого хозяина, как безусловной необходимости, подчинения новым условиям и быстрого приспособления к ним. Но без *капитала* это быстрое приспособление невозможно. Мелкое хозяйство неизбежно осуждено... на наибольшую рутинность, отсталость, наименьшую приспособленность к рынку»²¹. Если у продавца-капиталиста подключение к рынку стимулировало перестройку производства, то у крестьянина последствия такого контакта были противоположные: связь с рынком не вела к прогрессу, она закрепляла хозяйственный застой и даже вела к деградации. В. И. Лениным указывается одна причина такой особенности крестьянских продаж: *отсутствие у продавцов капитала*. С тем же связано и другое обстоятельство, которое уясняется из следующего положения К. Маркса: «Все товары суть непотребительные стоимости для своих владельцев и потребительные стоимости для своих невладельцев»²². Для массы крестьян капиталистической России, продававших свой хлеб, молоко и другие продукты, их «товары» в свете цитированных слов Маркса не были истинными товарами, так как для производителя-продавца они обладали потребительной стоимостью: спустя несколько месяцев после продажи многие из таких продавцов должны были покупать те же товары, но, как правило, по более дорогой цене. Участие крестьян в торговле в подобных случаях было фактором не экономического прогресса, а регресса²³. Отсюда следует важный обобщающий вывод, что поскольку капитализм в стране приобретал крайне ограниченные и патологические формы, то общество стремилось вытеснить его привычными, исторически сложившимися отношениями. Причем это сопротивление могло опережать прогресс и распространение развитого утилитаризма. Это не исключало ограниченных элементов модернизации, заимствования определенных достижений либеральной

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 258.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 95.

²³ Рындзюнский П. Г. Утверждение капитализма в России. 1850—1880 гг. М., 1978. С. 173-174.

цивилизации (например, науки, техники), которые, однако, приобретали архаичные формы псевдо. В этой ситуации реальная, а не абстрактная альтернатива сужалась от альтернативы безграничного развития рынка капиталистического типа или сохранения административной системы до поиска меры рынка, приемлемой для основной части крестьянства. Возможно, она была бы недостаточна для гигантских планов нового общества, воодушевленных фантастическими утопиями и манихейскими страхами. Но воплощение этой меры было бы возможным и создало бы узкую, но реальную основу дальнейших сбалансированных решений.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ ИЛИ УСИЛЕНИЕ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ?

При оценке попыток реализовать замысел нэпа не следует забывать, что так называемая «смычка» должна была «смыкать» сельское хозяйство, которое специалисты того времени называли «первобытным», и промышленность, которая в основном формировалась на основе дорыночных отношений. Следовательно, возможности для реальной экономической смычки были весьма ограниченными. Историческое развитие сформировало слишком мало людей, которые могли превратить рынок в возрастающий по мощности стимул прогресса, а те из них, кто появлялся, подвергались притеснениям и в конечном итоге насилию. Высокоразвитый рынок должен стать не побочной, а определяющей сферой деятельности для производителя. Но он оставался побочным для основной массы крестьянства и промышленников, которые работали на казну. Переворот 1917 года и все последующие события свидетельствовали, что большинство крестьян отвернулось от более развитых форм труда и социальной жизни, от тех, кто требовал ослабления зависимости от архаичной власти общины, кто был способен к гибкому реагированию на рынок. Общество могло рассчитывать не на развитой утилитаризм с его стремлением много работать и много зарабатывать, но всего лишь на умеренный утилитаризм, в котором преобладали ценности адаптации к уже сложившимся порядкам. Подобная почва представляла собой весьма ограниченную предпосылку для прогресса. Близкая ситуация имела место и в промышленности, где интеллектуальный слой был подавлен, и государство не могло допустить банкротства плохо работающих предприятий, при котором пришлось бы увольнять рабочих.

Выход промышленности на рынок был явно неудачен. Цены на ее продукцию превышали на 8% довоенные, что не покрывало

вало значительно возросшие в результате разрухи издержки, подорожание сырья, снижение производительности, недогруженность производства. Была явной угрозой последующего повышения цен, что и не замедлило произойти. В октябре 1923 года уровень цен на промышленные товары составил уже 179% от довоенного уровня, тогда как продукция промышленности в 1922/1923 хозяйственном году составила 36,6% от довоенной, сельское хозяйство удержалось на уровне 72,2%.

Казалось бы, доведение цен до уровня необходимости покрыть издержки производства естественно. Однако эти издержки, не апробированные рынком, конкуренцией, были результатом стремления неквалифицированных в основной своей части людей овладеть некоторыми образцами современного производства, не считаясь с расточительными затратами, беспхозяйственностью и дезорганизацией. Возможно, что государство могло принудительной перекачкой средств как-то затыкать эту дыру, но этого не мог сделать потребитель на рынке, и тем более было бы утопией видеть в этом «смычку». В результате к концу 1923 года крестьянин за хлеб получал в три раза меньше ситца, гвоздей и керосина, чем до войны. Это позволило промышленности работать с прибылью, но возник острый дефицит на товары. Тогда это называлось *товарным голодом*. Были сделаны попытки снизить цены. К 1923/1924 году они были снижены на 33%. Однако с середины 1925 года цены на промышленные товары вновь стали расти²⁴. Это могло привести только к тому, что крестьяне стали сдерживать продажу, т. е. к развалу элементов рынка. В 1926 году были увеличены денежные компенсации за хлеб, что усилило инфляционные тенденции и, как сказал нарком финансов Г. Сокольников, превратило червонец в «качающуюся» валюту. Если формирование нэпа закончилось осенью 1923 года, то стремление использовать административные механизмы для преодоления «неувязок» началось в конце того же года, что свидетельствовало о неорганичности, неустойчивости порядка. Тем не менее в период 1923-1926 годов возникла тенденция восстановления свободного рынка.

В 1927 году товарные запасы у государства в связи с очередными слухами о предстоящей войне были выбраны, сложилась ситуация, когда крестьянство предпочитало не торопиться с реализацией хлеба в ожидании более высоких цен. Государственные цены на хлеб были низкими, а их увеличение неизбежно нанесло бы удар червонцу, привело бы к усилению инфляционных процессов.

²⁴ Айхенвальд А. Советская экономика: Экономика и экономическая политика СССР. М.; Л., 1928. С. 71-77.

Сбор хлеба 1927 года был меньше предыдущего на 6%, и это способствовало значительному снижению его товарности. Вновь стала актуальной мысль Л. Троцкого, высказанная в 1920 году, о необходимости «спасти города». Урожай 1927 года начал насильственно изыматься. В 1928-1929 годах в городах были введены хлебные карточки. Впервые в истории страны (за исключением нормирования сахара до первой мировой войны) в общегосударственных масштабах вводилось регулирование потребления. Иначе говоря, это был катастрофический крах альтернативного замысла буквально по всем существенным параметрам; поворот к экономике не удался.

В известном смысле сложившаяся ситуация была результатом существенной смены образа жизни крестьянства после революции. Во-первых, в связи со значительной убылью сельского населения во время гражданской войны земельные наделы несколько возросли. Во-вторых, ослабление экономической необходимости продавать часть урожая означало если не абсолютное, то существенное относительное улучшение крестьянского потребления. В-третьих, немаловажное обстоятельство заключалось в том, что существенно сократились отхожие промыслы, которые были совершенно необходимым элементом хозяйственного воспроизводства значительной части крестьянских хозяйств. *Все это усилило натурализацию крестьянских хозяйств, ценность ресурсов, получаемых в собственном хозяйстве, и одновременно ослабило связь с обществом по целому ряду параметров.* Теперь государство, забыв о том, что оно, собственно, и было государством, воплотившим эти устремления крестьян, пыталось усилить поток ресурсов из деревни и тем самым устранить изменения в крестьянском образе жизни, которые крестьяне воспринимали как позитивные.

Пленум ЦК в июле 1928 года отметил «опасность разрыва между социалистическим городом и мелкокрестьянской деревней, стало быть, опасность нарушения основного условия социалистического преобразования всего народного хозяйства». *Посевные площади достигли 95% довоенных, а товарность едва превышала 50%.* Пленум вынужден был констатировать «полунаатуральный характер» сельскохозяйственного производства. Положение с хлебом «создавало угрозу кризиса для всего народного хозяйства»²⁵.

Объединенный Пленум ЦК и ЦКК в 1928 году отметил, что, несмотря на рост промышленности и получение трех хороших урожаев, «хлебозаготовительная кампания... натолкну-

²⁵ См.: ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1932). М., 1933. Ч. 2: 1924-1933. С. 474, 476.

лась на ряд затруднений, одно время грозивших вылиться в общий народнохозяйственный кризис...» Пленум констатировал «резкое нарушение рыночного равновесия», «обострение диспропорции в рыночных отношениях» в результате повышения «платежеспособного деревенского спроса», опережавшего товарное предложение²⁶. Произошло невиданное ранее в России явление — крестьяне предпочитали платить налог деньгами, а не натурой. На этот переворот следует обратить самое пристальное внимание. Это означало резкое обострение несоответствия между денежной системой и циркулирующей натуральных ресурсов и свидетельствовало *о росте значения крестьянского хозяйства как субъекта естественной монополии на дефицит*.

Объединенный Пленум сетовал, что баланс вовремя не был установлен «ни соответствующим ростом товарного предложения... ни соответствующим повышением налогового обложения зажиточных слоев деревни, ни обложением дохода неземледельческого характера»²⁷. Здесь сквозит характерное в таких случаях стремление возложить ответственность на богачей, т. е. искать выход на путях уравнительности. На XII съезде партии в 1923 году отмечалось, что благодаря нэпу «удельный вес кулачества все более и более растет»²⁸. Опасность расслоения, как показывают исследования, явно преувеличивалась. Но реальная опасность была в другом — в массовом страхе за судьбу уравнительности, который принимал мифологическую форму массовой ненависти к нэпману, «кулаку». Для того чтобы попасть в эту группу, достаточно было проявить некоторую хозяйственную инициативу свыше признанной нормы или попросту покрыть крышу железом. Любой кризис, затруднения объяснялись кознями этих людей. Это не создавало благоприятной атмосферы для экономического развития. Вместе с тем, даже тот уровень частной инициативы, который допускался, нес в себе симптомы разрушения монолита медиатора, отхода от монополии власти на циркуляцию ресурсов.

В стране совсем недавно архаичная община, куда входила большая часть населения, пережила возрождение. При анализе нэпа об этом обычно забывают, не учитывают, что новая политика неизбежно носила поверхностный характер. Промышленность, несмотря на введение хозрасчета, продолжала, как это и соответствовало историческим традициям, опираться на сильную поддержку государства. Действие рынка внутри про-

²⁶ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1932). С. 456.

²⁷ Там же. С. 457.

²⁸ Там же. М., 1932. Ч. 1: 1898-1924. С. 620.

мышленности, прежде всего между тяжелой и легкой, было сильно ограничено. Нэп повысил материальное положение рабочих, но не заинтересовал их в улучшении конечных результатов работы треста. С 1928 года рабочие стали снабжаться по заборным книжкам, что обрубало их связь с рыночной системой через производство. Рабочие стремились гарантировать себя от стихии рынка, поддерживая авторитарную систему распределения, определенные варианты *уравнительной оплаты*. Это было в той или иной степени реализовано *тарифной реформой 1928 года*.

Заинтересованность крестьянства в нэпе также была не безусловна. Конечно, часть крестьян стремилась продавать излишки. Однако 35% крестьян были освобождены от уплаты сельхозналога, что не только привязывало их к авторитарному порядку с его принудительной перекачкой ресурсов, но и лишало их старого традиционного для страны стимула к повышению товарности. Кроме того, ощущалась заинтересованность крестьян в различных формах кооперации, по тем же причинам, что и у рабочих, которые пользовались системой принудительной перекачки потребительских ресурсов.

Даже небольшое развитие рынка ставило под угрозу синкретическую государственность, всю систему медиатора синкретического типа. Развивались определенные опасные тенденции среди членов партии. Некоторые стремились «в интересах возрождения производительных сил советской республики» бросить партийную работу и уйти на свой клочок земли. Машинная версия утилитаризма оказалась под угрозой. Общество не смогло создать систему, где машинная и индивидуалистическая версии утилитаризма могли бы сосуществовать и стимулировать друг друга. Оказалось, что ставка на рост независимых источников творческой энергии не сопровождалась соответствующей способностью медиатора использовать эту энергию, снимать опасность разрушения медиатора. Слабое движение от индивидуалистического умеренного утилитаризма к развитому породило в неблагоприятных условиях (давление власти, недостаток промышленных товаров, враждебность определенных сил торговле) тенденцию очагов творчества к автаркии, к уходу с рынка. «Американский» элемент в России, с одной стороны, оказался потенциально опасным для медиатора, ориентированного прежде всего на сохранение своей организации, и, с другой стороны, слишком слабым, чтобы перестроить общество и медиатор на основе своих принципов, чтобы увлечь общество для перестройки медиатора, для развития рыночных отношений. Для утверждения нэпа нужен был мощный слой культурных организаторов, ясно понимаю-

щих необходимость существования источников творчества. Эти организаторы должны были пользоваться поддержкой хотя бы значительного меньшинства населения.

Истолкование нэпа как шага к капитализму вызвало возражения не только официальных идеологов, но и вдумчивых специалистов. «Только 1/6 часть всей продукции сельского хозяйства поступает на недеревенский рынок... Основной массив русского сельского хозяйства является только натурально-хозяйственной пристройкой к народному хозяйству, оставаясь в довольно слабой связи с ним». С глубокой проницательностью автор писал, что «в России имел место стремительный рост товарно-денежных отношений, сопровождающийся, однако, развитием некапиталистических организаций». Розничную торговлю «в тех жалких формах, в которых она после коммунистической реакции 1924 г. еще сохранилась (почти исключительно торговля вразнос и с лотков)... ни в коем случае нельзя считать явлением капиталистического порядка. Так торговали при царе Горохе. Кроме того, часть теперешних розничных торговцев вынуждена была превратиться в агентов госторгов и находится от них в полной зависимости. Ничтожна роль капитализма в промышленности. Уже в 1925-1926 гг. на частную промышленность, включая концессионную, приходилось всего лишь 4,2% всего производства цензовой промышленности. ...В городе нам приходилось констатировать не победу капитализма, а, наоборот, гибель всех его ростков»²⁹. Однако даже в этих условиях руководители арендованных предприятий сумели обеспечить лучшее положение своих рабочих, чем было положение рабочих на государственных³⁰.

Нэп был раздавлен, так как срединная культура оказалась слаба, а вера в реальность как в воплощение манихейских космических сил сильна. Синкретическое государство не могло сосуществовать с независимыми творческими силами. Удивления достойно не то, что нэп был уничтожен, а то, что общество после синкретического взрыва нашло в себе силы сделать серьезную попытку согласиться на господство идеала, нацеленного на срединную культуру. Сказалась определенная гибкость утилитаризма.

Несмотря на то, что нэп открыл путь экономическому росту, его участь была решена широкими массами, стремившимися разделаться со вновь появившимися оборотнями кривды. Власть, которая стала бы в глазах масс орудием кривды,

²⁹ Бруцкус Б. Народное хозяйство советской России, его природа и его судьба// Вопросы экономики. 1991. № 9. С. 131, 135, 134.

³⁰ Секушин В. И. Отторжение нэпа и командно-административная система. Л., 1990. С. 19-20.

рисковала своим существованием. Правящая элита оказалась не в состоянии держать в желаемых рамках частную инициативу чисто экономическими методами. По сути дела, *нэп открыл тайну: в стране есть хозяйство, но нет экономики, во всяком случае как определяющей хозяйственной формы. На экономической основе смычка города и деревни оказалась невозможной. Выявилась парадоксальная ситуация: люди в городе и в деревне нуждались в продукции, выпускаемой друг другом. Отсюда естественность смычки. Но одновременно оказалось, что для ее обеспечения нет всеобщего механизма экономического воспроизводства, так как в сельском хозяйстве и в промышленности преобладало натуральное воспроизводство.* Следовательно, практически смычка и могла носить характер натурального обмена, что требовало тотального принудительного механизма. Но это было невозможно экономически. Однако торжество архаичных ценностей несло запрет на подобные знания. Старая власть, постоянно нуждаясь в деньгах, стремилась заставить своих подданных добывать деньги на рынке для уплаты налогов, но одновременно препятствовала этим процессам, пытаясь развивать промышленность на дорыночной основе. Исторически развитие отраслей происходило через адаптацию к до- и антирыночной системе принудительной циркуляции ресурсов. Такая ограниченная, по сути примитивная попытка прорваться к некоторой усеченной форме экономики, как нэп, отягощенная утопическими целями, мечтами о молниеносном построении идеального общества, не опиралась на осознание исключительной сложности и драматизма сложившейся ситуации, но следовала лишь мифам и здравому смыслу. Это обрекло ее на провал.

БАНКРОТСТВО НЭПА

При оценке нэпа не следует забывать, что возникающие в нем несообразности, диспропорции, рост дезорганизации происходили на фоне роста производства как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Однако рынок не мог стать механизмом, интегрирующим эти процессы в целое, обеспечить гармоничную смычку всех элементов функционирования общества.

Несколько упрощая картину, можно сказать, что экономический аспект нэпа можно свести к установлению «правильных» цен, которые позволили бы обеспечить взаимную реализацию продукции отраслей. Однако опыт нэпа как раз и показал, что перепробованные варианты соотношения цен не давали устойчивой системы. В принципе можно предположить,

что такие цены вообще установить невозможно в условиях низкопроизводительного консервативного сельского хозяйства и промышленности, которая возникла и развивалась в результате властной перекачки средств, и когда хозяйственники мало интересовались издержками и могли годами работать в убыток (как, например, в промышленности с 1916/1917 до 1923)³¹. Цены здесь — лишь инструмент распределения ресурсов. Это не исключает возможность изменений, перехода к иному порядку. Но для этого нужны соответствующие социальные и интеллектуальные силы, те самые, на пафосе уничтожения которых и возникло это общество.

Иллюзия, лежащая в основе нэпа, заключалась в том, что исторически ограниченный уровень товарно-денежных отношений, санкционированный обществом, его культурой и значительно пониженный массовой борьбой за уравнительность, массовой активизацией общины, казался способным нести на себе бремя решения гигантских задач, которые поставило себе утопическое общество.

После 1925 года началась, в соответствии со старой традицией, перекачка средств из деревни в индустриализацию, что еще больше обострило ситуацию, означало укрепление порядка, противостоящего рынку. Объятое страхом перед мировым злом население поддерживало это очередное безумие. В этой ситуации общество на всякий кризис отвечало ростом принудительной перекачки ресурсов, тогда как силы, которые могли бы этому противостоять, вытеснялись и истреблялись еще с прошлого века. Террор стал орудием смьчки. Идеал всеобщего согласия разрушался, мирная повседневная деятельность одних возбуждала дезинтеграцию и враждебность других, раскол разрушал общество. Отсутствие спонтанного согласия означало, что всякие силы, социальные процессы, которые оказались бы независимыми от медиатора, могли стать очагами его разрушения. Общество продолжало жить крайностями, задыхаясь без достаточно развитой срединной культуры, без соответствующих организационных форм. Центр конфликта лежал не в политике и даже не в экономике, а в сфере основополагающих социальных ценностей, в сфере отношений к разным типам социальных интеграторов. Это проявлялось и в политике, и в экономике, где, однако, нельзя искать конечную причину трагических событий.

Нэп был ликвидирован. Очередного чуда не произошло.

Отношения к нэпу основной массы населения и правящей элиты не были тождественны. Правящая элита давала свою

---

³¹ Айхенвальд А. Советская экономика... С. 104.

интерпретацию массовой инверсии, она была вызвана не столько позитивными идеалами, сколько дискомфортным состоянием, рожденным удушающим авторитаризмом. Однако правящая элита строила на этом движении определенную позитивную программу, которая при всей своей ограниченности выходила за рамки ценностей массовой инверсии, т. е. шла к модернизации, к стимулированию соответствующих организационных форм. Мероприятия власти постепенно сами стали вызывать дискомфортное состояние. Развитие нэпа, официальное согласие на рост имущественного неравенства неизбежно наполняли дискомфортной информацией массовое уравнительное сознание, еще недавно разгромившее царство зла, где господствовали богачи. Всякие попытки избения кулаков немедленно находили массовую поддержку. Противоположные действия власти в лучшем случае встречали пассивно-враждебное отношение.

Отказ власти от ряда административных функций, разрешение свободной торговли, политика снятия определенных запретов, ограничений, например, на денежные суммы, которые могут находиться в руках или в распоряжении организаций, — все это многими воспринималось как контрреволюционный переворот. Любопытно, что герой известной книги Н. Островского «Как закалялась сталь» Павел Корчагин в изъятой части рукописи категорически выступил против нэпа как измены делу революции. Страна оказалась неспособной вырваться из-под власти дотоварных представлений и методов труда.

Когда был введен нэп, произошло до тысячи самоубийств. Местные советы, продолжая крепостнические традиции, занимались в основном сбором налогов и выполнением различного рода указаний вышестоящих органов. *Нэп не пошел вглубь. Он не охватил отношений внутри деревни, не затронул ремесленничества и т. д.* Так называемый новый курс на местах рассматривался активистами часто как *сдача партией своих позиций*. Определенная активизация в низах, которая подчас приводила к оттеснению партии из выборных органов, вызвала тревогу в низовом аппарате. Положение особенно осложнялось товарным голодом. Стало ощущаться падение налоговой дисциплины. Общая атмосфера в стране приводила к тому, что не складывалось самое главное условие для экономического роста и развития в деревне — возможность накопления капитала.

Следовательно, с точки зрения закона соотношения хозяйственных отраслей, *нэп был попыткой с негодными средствами. Он не опирался на достаточно мощные силы, способные демонтировать синкретическое государство, на систему, способную использовать массовую приверженность к авторита-*

ризму для безумной попытки соединить доэкономическое хозяйственное развитие с индустриальным обществом.

Нэп как программа правящей элиты возник как мучительная попытка решить медиационную задачу, преодолеть возникшие социокультурные противоречия между уравнительными отношениями, скрепляемыми и защищаемыми авторитарной государственностью, и массовым недовольством экономической разрухой, подавлением исторически сложившейся воспроизводственной деятельности. Однако это решение оказалось временным и непрочным и вновь вызвало рост массовых дискомфортных состояний, социокультурных противоречий — в данном случае между массовым уравнительным сознанием и социальным порядком. Это привело к новой инверсии массового сознания, к необходимости формировать *новую, четвертую версию псевдосинкретизма* на основе деятельного нарастания массового процесса партиципации к харизматическому вождю.

ГЛАВА IV

ТОРЖЕСТВО И ПАДЕНИЕ КРАЙНЕГО АВТОРИТАРИЗМА (Сталинизм)

АБСУРД РЕАЛЬНОСТИ

Время правления Сталина в большей степени, чем любой другой этап советской истории, кажется чем-то фантастическим. В истории не было ничего подобного. Знакомство с массовыми социальными процессами на этом этапе истории ломает представление о мотивах людей, даже с точки зрения элементарного самосохранения и здравого смысла. Напрашивается мысль о каком-то *массовом безумии*. В 1937 году в лагерях сидело 8 млн. человек, а в 1938 — 16 млн.¹

Р. Редлих считает, что единовременное наказание отбывали 10% населения, всего репрессиям подверглось до 50% населения². У. Черчилль сообщил со слов Сталина, что во время коллективизации погибло около 10 млн. крестьян. А. Солженицын полагает, что крестьян погибло не меньше 15-17 млн. Только в 1937-1938 годах было арестовано 8-9 млн. «врагов народа»³. Тот же автор пишет, что в июне 1937 года была выдвинута «скромная» норма истребления, т. е. 3-4% населения — около 5 млн. Впрочем, добавляет А. Авторханов, план перевыполнялся. По подсчетам Р. Медведева, жертвами террора до 1937 года стали 17-18 млн. человек, из которых погибло не менее 10 млн. В 1937-1938 годах было репрессировано от 5 до 7 млн. человек, в 1939-1940 годах — еще 2 млн., а в 1941-1953 годах — 11 млн.⁴, т. е. всего 35—38 млн. Только в период 1936-1950 годов в лагерях умерло своей смертью 12 млн. чело-

¹ Максудов С. Начало тридцать седьмого: Перепись// Минувшее: Исторический альманах. М., 1990. Вып. 1. С. 259.

² Редлих Р. Сталинизм как духовный феномен. 1971. Кн. 1.

³ Авторханов А. Г. Загадка смерти Сталина. Нью-Йорк, 1986. С. 879.

⁴ Московские новости. 1987. 27 нояб.

век. Всего потери составляли 20 млн., «причем цифра эта, вероятно, занижена»⁵. После смерти Сталина было подано около 20 млн. заявлений о реабилитации (по данным Р. и Ж. Медведевых). Надо думать, что таких заявлений было значительно меньше, чем пострадавших.

Осознание масштабов террора возможно лишь в сравнении. История знает немало изуверских режимов. Так, согласно Синодику опальных Ивана Грозного, в годы опричного террора было уничтожено три-четыре тысячи человек⁶. Эти данные далеко не полны, так как тысячи смертей не были зафиксированы в Синодике, будучи результатом опричного разбоя, всеобщего одичания, не говоря уже о голоде, разорении, о массовых иных репрессиях (например, неизвестно, сколько погибших было среди тех 12 тысяч служилых с их чадами и домочадцами, которые в 1564 году в зимнее время были «испомещены» с опричных земель на земские). Всего во времена Ивана Грозного погибло не менее нескольких десятков тысяч человек при населении от 6 до 10 млн. (по разным данным)⁷.

В том же веке в Англии за последние 14 лет царствования Генриха VIII казнено 72 тыс. человек (более 5 тыс. в год), за царствование Елизаветы I — свыше 89 тыс. (около 2 тыс. в год)⁸, при численности населения 4-5 млн. Герцог Альба за 6-7 лет своего правления в Нидерландах в конце XVI века казнил 18 тыс. человек. В Германии при Карле V было казнено около 100 тыс. человек⁹. В 1607 году по распоряжению царя Василия Шуйского пленных мятежников каждую ночь убивали сотнями (всего — до четырех тысяч человек), а тела топили в Яузе¹⁰. При подавлении восстания Степана Разина в одном Арзамасском уезде было казнено 10 тыс. человек. При Алексее Михайловиче в течение нескольких лет было казнено 7 тыс. человек, а при Петре I Великом иной раз в течение месяца подвергали казни свыше тысячи человек¹¹.

---

⁵ *Конквест Р.* Большой террор. Рига, 1991. Т. 2. С. 369-370.

⁶ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963; *Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1975. С. 191.

⁷ См.: *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 9. Стб. 49, 89 и др.; Там же. Примеч. к т. 9. Стб. 64-65 и др., Краткая история СССР. Изд. 4-е. М., 1983. Ч. 1. С. 85; *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен. Изд. 4-е. М., 1922. Т. 1. С. 255; *Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1973. С. 27.

⁸ *Соловьев Вл. С.* О смертной казни// Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 169.

⁹ *Шишов О. Ф.* Смертная казнь в истории России// Там же. С. 21.

¹⁰ Там же. С. 25.

¹¹ Там же. С. 28.

По делу декабристов было арестовано 316 человек¹². Существует список приговоренных судом к смерти в России с 1826 по 1906 год — 690 человек. Из них фактически казнен 151 человек¹³. По другим данным, в этот период за разные преступления было казнено 997 человек. В «проклятое царское время» в конце XIX века тюрьмы были переполнены на 100 тыс. заключенных. В эпоху Николая I было официально казнено «всего» 40 человек, но тысячи гибли в результате внесудебных расправ. От царствования Елизаветы Петровны и до эпохи Великих реформ сечение кнутом, плетью, батогами, розгами, шпицрутенами было завуалированной формой смертной казни (не говоря уж о других способах репрессий). Памятна лицемерная резолюция Николая I на приговоре о смертной казни: «Виновных прогнать сквозь 1 000 человек. Слава богу, смертной казни у нас не бывало и не мне ее вводить»¹⁴.

По данным М. Н. Гернета, в 1906-1912 годах число казненных составило 3 998 человек¹⁵, причем массовым явлением было внесудебное применение смертной казни по решению губернаторов и главнокомандующих. «Казнили людей по спискам, по указаниям шпионов и сыщиков, полицейских и черносотенцев... убивали людей без суда, без вины, иногда в силу какой-нибудь случайности, иногда по случайному раздражению. Убивали на глазах у всех, открыто»¹⁶. Писатель П. Д. Боборыкин ставит в вину бюрократическому царскому режиму эпохи «всеобщего согласия» и страшные самосуды крестьянской толпы над конокрадами («народно-русский закон Линча»), и еврейские погромы, и зверства черных сотен, и позорные ужасы китайских погромов («массовые потопления») в Благовещенске — это были «массовые казни над населением целых городов и областей»¹⁷.

Интересно сравнение с гонениями на ранних христиан, длившимися два с половиной века. Античный теолог Ориген писал о христианах, что жертв было мало и «их легко сосчитать», другие отцы церкви говорили о «тысячах христиан, павших во время мучений»¹⁸. Во всяком случае, речь не шла о миллионах. Количество жертв ведовских преследований в Западной Европе исчислялось десятками тысяч. За год разгула

¹² Блудова М. Д. Разночтение в книгах о декабристах// Вопросы истории. 1991. № II. С. 225.

¹³ Против смертной казни. М., 1906. С. 319-339.

¹⁴ Шишов О. Ф. Смертная казнь в истории России// Смертная казнь: за и против. С. 35, 59.

¹⁵ Гернет М. Н. Смертная казнь. М., 1913. С. 98-99.

¹⁶ Владимиров В. Казнь без суда// Смертная казнь: за и против. С. 233, 237.

¹⁷ Боборыкин П. Д. Законное злодейство// Там же. С. 245-246.

¹⁸ Буассье Г. Падение язычества. М., 1892. С. 568.

якобинского террора во Франции с июня 1793 по июль 1794 года погибло 40 тыс. человек при населении примерно 25 млн. человек. Все эти факты показывают, тем не менее, что количество жертв сталинского террора среди собственного народа было беспрецедентно в истории. По свирепости и масштабам убийств Сталин превзошел всех своих предшественников, и количество погибших сравнимо лишь с деяниями Пол Пота, если учитывать удельный вес жертв террора в населении страны.

Загадка заключается в том, что массовая гибель людей, по здравой логике, должна была вызвать столь же массовое негативное отношение к власти, сделать невозможным решение медиационной задачи, лишить власть социокультурной основы. Между тем именно в этот период единство народа и власти достигло высшей точки. В громадных масштабах истреблялись собственные граждане, захваченные без оружия, не имеющие специфических расовых и религиозных особенностей, при отсутствии даже намека на стремление к враждебным правительственным действиям. Количество жертв было столь велико, что им достаточно было повести плечами, чтобы уничтожить эту невиданную в истории мясорубку. Если же учесть, что у каждого из пострадавших оставалось на воле несколько родственников, друзей, то эта масса людей практически могла составлять все население страны. Количество жертв было столь велико, что невозможно отказаться от предположения, что они сами были соучастниками этого истребления. *Именно в этой всеобщей причастности наиболее ярко открывается загадочность, абсурдность этой исторической реальности.* Об этих событиях невозможно говорить в рамках здравого смысла. Абсурдными были не только масштабы событий, но и методы террора. Например, совершенно неправдоподобным кажется установление высшим руководством страны процентной нормы истребления. Избиение миллионов неграмотных людей, которые даже не могли взять в толк, в чем, собственно, их обвиняют, невозможно объяснить борьбой за власть между претендующими на нее группами. Если предположить, что страной овладели маньяки, то все равно требуется объяснить, почему общество не могло найти других людей, чтобы доверить им свою судьбу.

Ответственность за события во время правления Сталина невозможно свалить на одно или несколько лиц, на оборотней зла. *Террор проводила и поддерживала вся страна. Это было невиданное в истории самоистребление.* Все население страны должно было работать, обеспечивая пополнение лагерям: доносить, арестовывать, оформлять дела, транспортировать, охра-

нять, расстреливать и т. д. Все другие проблемы (например, эффективность производства) были отодвинуты на задний план: не было дела более важного, более срочного, нежели выполнение контрольных цифр истребительного плана. Страна опускалась в некую метафизическую бездну, где происходил распад самих основ жизни. *Причина этих событий могла корениться в скрытых ценностных установках, в смертельной схватке между ценностями, которые раздирали не только почву, но и каждого человека, превращая его и в палача, и в жертву одновременно.* Это явление вряд ли можно исследовать традиционными методами.

КОНЕЦ ВЯЛОЙ ИНВЕРСИИ

Банкротство общества, пытающегося воспроизводить себя на основе господства раннего идеала всеобщего согласия, вызвало распад идеала, стимулировало массовую инверсию к авторитаризму. Прямая инверсия, начавшаяся соборным идеалом, теперь вышла на финишную прямую. Вялые инверсии ощущались как неспособность довести борьбу со злом до комфортного конца, что накапливало дискомфортное состояние во время всех трех первых этапов. Эта вялость была вызвана тем, что реальная инверсия никогда не протекает в логически чистом виде, но тормозится постоянными от нее отступлениями, накопленным богатством культуры. Она утверждает реальную жизнь между крайностями, постоянно сдерживает эмоциональное злоупотребление прошлым опытом, ищет меру вещей. Накопление остаточного дискомфорта, вызванного прошедшими этапами в рамках второго глобального периода, дало двойной импульс. Он вызвал инверсию, которая приобрела на порядок более мощный характер, что открывало возможность довести ее до логически возможных пределов. Мощный социальный поток, а не жалкие конъюнктурные решения Политбюро, был движущей силой событий. Правящая элита пыталась оседлать этот процесс, выдвинуть пригодных для организации этого процесса людей и убрать тех, кто не делал это достаточно эффективно.

Опираясь на третью версию псевдосинкретизма, власть запуталась в своих отношениях с двумя расколотыми частями почвы. В письме заместителя наркома финансов М. Фрумкина руководству страны отмечалось, что деревня переживает процесс деградации, она, за исключением части бедноты, «против нас». Далее Фрумкин показал неспособность власти разрешить противоречия между политикой роста производительных сил в деревне и политикой уравнительности. Он писал: «Мы требуем

расширения посевных площадей — крестьяне расширяют их, а тогда мы их записываем в кулаки! Мы требуем расширения товарооборота — люди открывают мелкие ларьки, а мы их записываем в спекулянты! Мы требуем поднятия промышленности — и люди открывают сапожные мастерские, а мы их записываем в нэпманы! Мы требуем советской демократии — люди указывают нам на нашу антидемократичность, а мы их сажаем в ГПУ»¹⁹. Вся система действий власти превращалась в трагическую цепь хромающих решений. Власть металась между двумя исключаящими и разрушающими друг друга политическими линиями. С одной стороны, она пыталась сохранять условия для поддержания производства на сложившемся уровне, для его роста. С другой стороны, она сдерживала рост расслоения, имущественного неравенства, угрожающий массовым дискомфортным состоянием, неконтролируемыми социальными процессами. В условиях господства сталинизма хромающие решения, органически вытекающие из раскола, приобрели крайние формы, которые вели к замене одного крайнего решения противоположным, вплоть до уничтожения людей, которые выносили или отстаивали отмененные решения. Сталин «правил страной, как рулевой в бурную погоду на океане, бездумно бросающий дырявую лодку навстречу грозным волнам. Пассажиры же ее — члены ЦК — то беспрерывно выкачивали воду со дна лодки, то отчаянно металась с одного борта на другой, чтобы сбалансировать ее движение, но неумолимый рулевой балансировал его тем, что бросал их за борт одного за другим»²⁰.

Господство хромающих решений не позволяет обществу подняться над конъюнктурой, преодолеть инерцию истории, обрекает общество на пассивное следование узко понятому накопленному опыту, на критику одной формы опыта опытом другой формы и наоборот. Общество при этом не видит реальных альтернатив, в особенности на узловых пунктах истории, как это и происходило в конце нэпа.

РЕАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Многим кажется, что именно в конце нэпа произошел тот роковой поворот, который определил дальнейшее развитие общества, приведшее к губительным последствиям для страны, к

¹⁹ См.: Авторханов А. Г. Технология власти. Ч. 1// Вопросы истории. 1991. № 1. С. 144.

²⁰ Авторханов А. Г. Загадка смерти Сталина. Франкфурт-на-Майне, 1986. С. 126.

катастрофическому разгрому крестьянства. Однако констатация трагичности этого поворота не снимает обязанности осмыслить его с точки зрения реальной возможности другой альтернативы. Опыт истории страны показывает, что возможность подобного выбора между развитием по пути ценностей относительно активного меньшинства деревни или уравнительного большинства уже неоднократно вставала перед страной. Попытки пойти по первому пути в конечном итоге всегда кончались массовым поворотом на второй. *Исходный пункт этой альтернативы — реформа 1861 года, когда фактически была освобождена не личность крестьянина, а община. Это вело не к краху крепостничества, но к победе его общинной версии над государственной.* Общины — мощные многочисленные центры зависимости человека от целого — постоянно несли возможность массового выброса своих ценностей в общество вплоть до его высшей точки. Это, впрочем, не означает, что, поднимаясь вверх, эти ценности остаются всегда неизменными. Мощная уравнительная основа нравственности постоянно разбивала иную альтернативу, т. е. попытки меньшинства встать на путь утилитаризма и расслоения. Эта альтернатива потерпела поражение в процессе осуществления столыпинской реформы, когда крестьянство оказывало массовое сопротивление разрушению общины. Эта альтернатива вновь возникла в результате краха старой государственности и опять была сокрушена на этапе военного коммунизма.

Могла ли быть альтернатива отказу от нэпа, т. е. могло ли иметь место преодоление исторической инерции, циклического характера развития? Эта проблема еще требует корректной постановки. Сама возможность альтернативы в конечном итоге имманентна массовому субъекту. Однако всегда остается открытым вопрос о способности соответствующего субъекта ее реализовать. Не следует забывать, что этим субъектом были миллионы людей, всю историю боровшиеся за уравнительность, против роста развитого утилитаризма. Исследования показывают, что в то время «желание какого-то перелома было все заметнее. Все громче призывы придумать какой-нибудь зигзаг, чтобы поскорее прийти к заветной цели. Эта доминанта общественного сознания оказывала влияние на руководство и на выработку целого ряда политических решений»²¹.

Логически преодоление уравнительности могло осуществляться через медиацию, т. е. через поиск нетривиального решения, творчески сочетающего в себе элементы обеих альтер-

²¹ Бордюгов Г., Козлов В. «Революция сверху» и трагедия «чрезвычайщины»// Литературная газета. 1988. 12 окт. С. 11.

натив. Оно должно было, с одной стороны, избежать роста массового дискомфортного состояния у большинства, и, с другой — предотвратить крах наиболее производительного слоя, точек роста, очагов прогресса в сельском хозяйстве. Но для этого был необходим массовый культурный подъем, качественное изменение массовых ценностей.

Инверсия подгонялась мощной массовой экспрессией, возникающей дискомфортом в результате неудачи вялой инверсии — некоторого отступления на пути от соборного идеала к авторитаризму. Выбор определялся иерархией причин, в основе которых лежало существование мощного архаичного уравнительного большинства, не прошедшего соответствующий путь медиации. Новая правящая элита как огня боялась повторить путь прошлой правящей элиты, которая вступила в борьбу с уравнительностью и погибла. Новая правящая элита опять повернулась к уравнительности, не гнушаясь ее крайних форм. Однако при этом следует отметить поразительный факт. Среди членов Политбюро, даже в период кризисов, не было сторонников ликвидации нэпа. Никто не выступал против него и с ним как таковым не боролся. Споры, конфликты имели место постоянно. Например, на XV съезде партии в 1927 году трое делегатов — К. Бауман, В. Милютин, А. Шлихтер — выступили против В. Молотова, предложившего непосредственный переход к производственному кооперированию крестьянства. Однако разные варианты не рассматривались как альтернатива нэпу. Но когда нэп подошел к критической точке, никто из высшего руководства не мог предложить последовательной альтернативы в рамках нэпа, которая укрепила бы экономическую связь отраслей и одновременно обеспечила бы страну продовольствием, средствами для индустриализации. Это обстоятельство говорит о многом, прежде всего о том, что мышление этих людей, независимо от индивидуальных различий, было неадекватно стоящим проблемам. Правящая элита, даже вопреки собственным убеждениям (вспомним знаменитое обращение Бухарина в 1925 году к крестьянству — «обогащайтесь!»), перешла к введению карточной системы, к продразверстке, к «чрезвычайке». По сути дела, произошел возврат к принципам синкретической государственности. Неожиданность этого решения, его несоответствие всей системе идей членов правящей элиты — свидетельство наличия мощных неконтролируемых сил в обществе, к которым всемогущая элита лишь приспособлялась.

ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА ИДЕТ ВПЕРЕД

Полный отход Ленина из-за болезни от управления в марте 1923 года лишил правящую элиту авторитетного и пронзительного лидера в исключительно сложной ситуации. Ленин, уже не способный управлять, мог видеть раздоры в своем окружении. Тем самым он пополнил длинный список людей, занимавших высший пост в России и переживших крах своих замыслов. Высшая власть теряла способность контролировать социальные процессы. Это означало, что раскол разрушал медиатор до самой вершины. Раскол, угрожавший существованию государства, стимулировал неуклонное нарастание изменений в составе правящей элиты.

Первое, ленинское поколение правящей элиты вело свое происхождение от интеллигенции, пошедшей некогда за идеями Белинского, Чернышевского. Но одновременно пришедшие к власти люди были наследниками той интеллигенции, которая строила государственность, находясь у нее на службе. *Ленинское поколение правящей элиты объединяло стремление к коренной инверсионной (революционной) перестройке общества и высокую способность к организационной работе.* Люди, пополнявшие первое поколение, сами были детьми интеллигентов или, во всяком случае, людей, имеющих образование, возвышающее их над основной частью народа. Эта интеллигенция в конечном итоге стремилась к синтезу, к объединению ценностей почвы и прогресса, славянофильства и западничества. Но где-то в глубинах сознания, в своих надеждах они тяготели скорее к исковерканным модифицированным идеалам Запада, стремясь воплотить некоторые из его ценностей (например, развитие машинного производства, приобщение населения к некоторому уровню западной культуры). *Однако у этого поколения правящей элиты была роковая слабость. Оно не могло воспроизводить себя, заполнить собой все руководящие посты. Его победа, как это и соответствует идеалу псевдосинкретизма, открыла людям из низов, способным к организационной работе, путь наверх.*

Как бы ни был вначале слаб этот поток, он постепенно усиливался. Это были люди, существенно отличные от ленинского окружения. Они вышли из локальных миров или, во всяком случае, разделяли в значительной степени соответствующую систему ценностей. Продвижение вверх требовало определенного образования. Оно заключалось в приобретении грамотности, приобщении к ценностям идеологии псевдосинкретизма, в приобретении определенных навыков организационной работы. Свой подъем вверх представители новой

правлящей элиты воспринимали как естественный результат революции, как свое завоеванное право. Это продвижение было для них воплощением власти народа, с которым они себя отождествляли.

Движение почвенных сил по капиллярам медиатора было важнейшим проявлением новой авторитарной инверсии, мощным ее клином. Постепенно ослаблялись западнические элементы псевдосинкретизма, усиливалось влияние модернизированного синкретизма. Вливание в партию из почвы было исключительно сильным. Псевдосинкретизм стал работать в обратную сторону, как неправильно собранный пылесос, т. е. не столько высшее руководство партии подтягивало к себе низы, сколько низы заставляли верхи следовать своим ценностям. Медиатор подчинялся давлению почвенных ценностей, сопротивляясь лишь тем из них, которые непосредственно угрожали государственности.

Такие процессы имели место и на других этапах истории. Например, идеалы Пугачева менялись в зависимости от давления снизу. Сначала содержание его воззваний определялось требованиями яицких казаков. Затем стали доминировать требования помещичьих и заводских крестьян, различных народов Юго-Востока страны, после чего на первое место вышли антикрепостнические требования крестьянства, так как именно крепостное крестьянство стало массовой социальной базой восстания.

Первое поколение правящей элиты вдохновлялось уравнительными, антисловными и даже антигосударственными идеалами. Поэтому оно было аскетично, не нуждалось в дополнительных утилитарных стимулах. *Новое поколение было воспитано на почвенном утилитаризме.* Оно могло служить медиатору, если видело в своей работе источник утилитарных благ. Это стремление к благам сочеталось с ростом способности к организационной деятельности, что требовало определенного соотношения между степенью сложности, ответственности работы и количеством утилитарных благ. Эти люди несли из глубокой древности веру в естественность своих целей, некритическое к ним отношение. Они слепо верили в технику, в технические средства и рассматривали организацию по аналогии с машиной. *Они пытались соединить две разновидности умеренного утилитаризма: старую идею общего блага и растущий индивидуалистический утилитаризм.* На этой основе медиатор пытался соединить идеал общества — патриархальной семьи-машины — с индивидуалистическим утилитаризмом, посредством которого цементировалась организация медиатора, создавалась система благ для его чиновников.

Новое поколение правящей элиты, будучи ближе к почве, было более склонно к решениям инверсионного типа. Оно стремилось единым махом перейти в царство Правды. Эта цель оправдывала все средства. Эти люди плохо понимали смысл дискуссий, которые вели представители первого поколения правящей элиты. Дело было даже не только в отсутствии необходимых знаний, но прежде всего в непонимании того, что выработка истины — тяжелый труд, что диалог есть форма этого труда. Ленин полагал, что состав партии в 300-400 тыс. человек чрезмерен. Не в последнюю очередь эта точка зрения, видимо, определялась тем, что в 1922 году 92,7% членов партии были полуграмотными²². Носителями Правды-истины могло быть лишь незначительное меньшинство. Сталин под давлением снизу круто изменил концепцию и практику формирования партии, ориентируясь уже не на узкий круг интеллигентов-модернизаторов, но на глубинные почвенные слои. После смерти Ленина к декабрю 1925 года численность партии достигла 1 млн. 88 тыс. человек. В 1928 году ленинская гвардия составляла в партии немногим более 1 %. Это свидетельствовало о крутой перемене содержания Правды-истины, о ее народническом опрощении, об отходе на задний план ее более изощренного варианта, еще как-то связанного с марксизмом.

НУЖЕН ВОЖДЬ

Уже с 1921 и особенно после 1924 и вплоть до 1937 года регулярно организовывались чистки партии, которые подчиняли ее массовому сознанию с его верой в вождя-тотем, способного обеспечить уравнительность, «справедливость». Новым людям нужны были простые и ясные слова, как проста, ясна и естественна была сама Правда, да еще совпадающая с пророческим словом науки. Им нужен был простой, соответствующий их уровню вождь, который повел бы их вперед на последний решительный бой с оборотнями зла. Им нужен был вождь, из приобщения к которому как к внешней силе они могли бы черпать свою собственную силу.

Стремление к авторитаризму на каждом историческом этапе приобретает свою конкретную форму, отвечающую потребностям не только крестьян, замкнутых в локальных мирах, но и горожан, людей, способных вести диалог с людьми иной культуры. Например, во времена Смутного времени происходил диспут о сути власти. Поляки советовали русским соединиться с польским народом и также приобрести свободу. Те

²² Правда. 1928. 27 янв.

отвечали: «Вам дорога ваша воля, нам неволя. У вас не воля, а своеволие... У нас... самый знатный боярин не властен обидеть последнего простолюдина: по первой жалобе царь творит суд и расправу. Если же сам царь поступит неправосудно, его власть... Нам легче перенести обиду от царя, чем от своего брата: ибо он владыка всего света»²³. По сути дела, это экстраполяция тотемизма, осложненная не затрагивающей основы древнего менталитета интерпретацией.

Такого рода представления всегда требовали вождя определенного типа, отвечающего конкретной интерпретации тотемизма. На четвертом этапе таким вождем не мог быть интеллигент ленинского окружения. Им не мог быть Л. Троцкий с его стремлением к независимости от массового сознания. Им не мог быть Н. Бухарин с его нежеланием идти на крайние меры в деревне. Таким вождем стал И. Сталин, единственный, кроме Г. Зиновьева, неинтеллигент среди ленинского окружения. Он удивительно точно соответствовал социальному заказу, идеалу второго поколения правящей элиты. Троцкий удачно назвал его «наиболее выдающейся посредственностью нашей партии».

Он казался окружению еще проще Ленина. Один из шедших за ним людей сказал: «Именно отсутствие у него блеска, его простота заставляла нас верить тому, что он говорил». Это почвенное стремление к простоте порождало губительные иллюзии, когда оно выходило за рамки древнего локального мира. Нужен был человек, который довел бы до дела утилитарное отношение к истине, к Правде, стал бы на точку зрения возможности безграничного манипулирования культурой. Бухарин говорил в 1928 году о беспринципности Сталина, о том, что «он всегда готов сменить свои взгляды» во имя власти. Эта беспринципность открывала путь для очередной смены идеологии на прямо противоположную по сравнению с исходной точкой развития нового общества. Эта беспринципность и была идеальным условием для постоянной выработки хромающих решений.

Авторитарная инверсия требовала от первого лица манихейской идеологии в ее крайней форме. Сталин был именно таким человеком. «Жизнь в Грузии, полной царских чиновников, внушала ему, что мир разделен на два враждующих лагеря — мир друзей и мир врагов. В это миропонимание входили также и традиционные обычаи кровной мести и романтический образ Кобы» (отважный страдающий герой романтичес-

²³ Дневник Маскевича// Сказания современников о Димитрии Самозванце. Изд. 3-е. СПб., 1859. Ч. 2. С. 56. См. также: *Милуков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. СПб., 1903. Ч. 3. Вып. 2. С. 84.

кого писателя Казбеги). В его сознании складывался «идеологический символизм, согласно которому все человечество разделено на два гигантских враждующих класса, класс угнетенных и класс угнетателей»²⁴.

Из наследия Ленина Сталину достался ключевой пункт — управление реальной медиационной организацией. Соединение административной власти с функцией мифологического носителя и гаранта Правды возносило первое лицо над обществом. Партия не связана законом и может быстро перебрасывать ресурсы на угрожаемые участки, только она в условиях псевдоэкономики может обеспечивать принудительную их циркуляцию, так как никакие другие механизмы, достаточно мощные, в обществе не существовали. Именно при переходе к авторитаризму это обстоятельство выявилось со всей полнотой, что и вознесло Сталина. Сталин, обладая способностью к конъюнктурному манипулированию, хорошо воспользовался этой ситуацией, отбросив всякие представления о человеческих правах, независимых от первого лица.

СТАЛИНИЗМ

С именем Сталина связано возникновение новой, четвертой версии псевдосинкретизма (сталинизма). Предшественник Сталина Ленин обладал выдающейся гибкостью, способностью постоянно переформулировать свои идеи в соответствии с массовыми инверсионными колебаниями. За сравнительно короткий срок (пять лет и четыре месяца, т. е. до 10 марта 1923 года, когда болезнь окончательно его свалила) Ленин сумел остаться во главе страны в условиях господства трех идеалов, был активным инициатором перехода от одной версии псевдосинкретизма к следующей. Для России это беспрецедентное явление. Неизбежен вопрос — каким образом Ленин осмыслил бы наступление массовой авторитарной инверсии? Если судить по последним работам Ленина, он попытался бы, видимо, смягчить этот поворот, пытаясь избежать его крайних форм. Это можно заключить по изменению его отношения к кооперации²⁵, по его борьбе против «преувеличения административной стороны» среди руководства партии (см. его письма с 23 по 29 декабря 1922 года)²⁶, это видно из его страха перед объ-

²⁴ Такер Р. Сталин: Путь к власти. 1879-1929// История и личность. М., 1990.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 369-377.

²⁶ Там же. С. 343-355.

единением «аппаратов национальных с аппаратом русским»²⁷ и даже из стремления пойти «назад» в сфере централизации управления республиками (31 декабря 1922 года)²⁸ и т. д.

Ленин не мог не видеть, что его идея тождества общинного (т. е. основанного на локальном самоуправлении) и государственного социализма распалась. Если военный коммунизм еще можно было трактовать в свете этого тождества, то нэп, который не только обнажил бездну между городом и деревней, между народом и государством, но и свидетельствовал об отсутствии тождества государства и локальных миров, этого не позволял. Ленин при жизни потерпел крах в главном пункте: «освобожденный» от гнета народ не создал самоуправляемое общество, основанное на постоянной безграничной эманации народного творчества; рабочие не выполнили свою историческую миссию, свою роль посредника между партией-государством и крестьянством. Поражение ленинизма заключалось в том, что попытки «тянуть» все слои населения к высшей Правде не приблизили к ней народ, но потянули вниз. Этот процесс оставил Ленина в трагической изоляции и подталкивал его к точке зрения, что крестьянство, прошедшее культурную революцию, может создать новое общество. Это означало отказ от всего исторического пафоса исторически сложившегося ленинизма.

Можно было вновь и вновь предлагать методы активизации народа — от нэпа и кооперации до вовлечения рабочих в управление. Но эффект от этого в лучшем случае можно было ожидать не скоро. Сталин же предлагал быстрое, пользующееся массовой поддержкой средство. Ленин был более склонен вступить в борьбу с нарастающей инверсией, чем опираться на нее. К концу своего правления он отчетливо осознавал опасность административно-бюрократического, чисто авторитарного решения медиационной проблемы. Ленин был буквально в ужасе. «Все у нас потонуло в паршивом бюрократическом болоте „ведомств“... Ведомства — говно; декреты — говно» (21 февраля 1922 года)²⁹. Ленин не только вступил в борьбу со Сталиным, но и пытался ослабить наступление авторитаризма, выступая против засилья административных методов работы. К концу жизни он стал искать союза с Троцким, т. е. с человеком, который еще до 1917 года критиковал Ленина за антидемократизм. Тем не менее Ленин мог противопоставить наступлению крайнего авторитаризма лишь политику лавирования на основе третьей версии псевдосинкретизма. Остается откры-

²⁷ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 45. С. 362.

²⁸ Там же. С. 361.

²⁹ Там же. Т. 44. С. 369.

тым вопрос о том, на какие силы мог бы опереться Ленин в борьбе с крайним авторитаризмом. Вполне возможно, что здесь возник бы опаснейший для Ленин конфликт между ним и новым поколением правящей элиты. О том, что сам Ленин подвергался опасности со стороны этих сил, свидетельствует, например, публикация при его жизни, но без его ведома компрометирующих писем, доказывающих его связь с Ганецким, которую Ленин скрывал³⁰, а также и то, что во время своей болезни он находился фактически под домашним арестом.

Четвертая, сталинская версия псевдосинкретизма характеризуется таким изменением мозаики ипостасей псевдосинкретизма, которая *абсолютизирует авторитаризм*, доводя его до логически крайней формы, до *тоталитаризма*. Утилитарная манипуляция подошла к *идее использования традиционализма в качестве господствующего нравственного идеала*. Практически это означало, что все иные нравственные системы: идеал всеобщего согласия, либерализм и утилитаризм, который, собственно, и создал возможность манипуляторского подхода к нравственности, — стали рассматриваться как враждебные. Тем самым отрицались не только три предшествующие версии псевдосинкретизма, но и, по сути, сам принцип псевдосинкретизма, в основе которого лежала идея необходимости движения к Правде. Различия между разными нравственными идеалами при этом признавались, но сводились лишь к тем, что существуют по разные стороны колючей проволоки концлагеря.

В основе сталинизма лежал гипертрофированный древний менталитет, рассматривающий любую собственную активность субъекта как результат внешней силы, т. е. в данном случае — первого лица. Новая инверсия была результатом разочарования масс в самих себе, в своей способности реально управлять обществом, что и создало основу для инверсионного стремления примкнуть к внешней силе, к власти партии, к силе и разуму вождя-тотема. В четвертой версии псевдосинкретизма было отвергнуто двусмысленное сочетание выборности и диктатуры. Партия уже не могла рассматриваться как средство приобщения масс к высшей Правде. Медиационную задачу надо было решать сегодня, сию минуту, не дожидаясь, пока массы научатся творить новые организационные формы, выбирать людей, способных решать медиационную проблему.

Сталинская версия псевдосинкретизма отказалась от старого, разделяемого Лениным основного заблуждения русской ин-

³⁰ Неизданные письма тов. Ленина (1917 г.)// Пролетарская революция. 1923. № 9. С. 227-232.

теллигенции, касающегося способности народа единым махом создать идеальное общество. Четвертая версия исходила из того, что нужно опереться на более реальные силы, на силы организаторов, объединенных в медиаторе, на жесткий монолог, из того, что если народ не может создать новое общество, то его должна создать партия. Если и партия, теряющая свой монологический характер, не может это сделать, то она должна приобщиться к высшей Правде вождя, к его монологической воле.

Сталин стал высшим и единственным, абсолютным воплощением Правды-истины-справедливости-силы, всех атрибутов божества. Это был земной бог, власть которого не имела пределов. Он якобы формировал саму нравственность, освобождая людей от совести во имя высших целей. Отсюда обожествленность его власти над всем человечеством, которое должно приобщиться к высшей Правде через мировую революцию. Опыт такой гипертрофии в иных идеологических одеждах уже имел место в стране. Идея Москвы как третьего Рима, возникшая в первой половине XVI века, получила свое развитие в представлении, что русские властители являются вселенскими христианскими государями, императорами всех православных мира. И потому они «обладают правом править ими и защищать их, а также, надо разуметь, правом ставить их под русскую власть. Об этом заявлялось не раз, в том числе на церковном соборе 1561 г. В иных сочинениях утверждали, что русский царь является государем всех христиан, а не только тех, кто исповедует православную веру»³¹.

Сталин отказался от пахнувшей двоевластием идеи партии как повивальной бабки народовластия. Он отказался от двойственной идеи то ли безгосударственного народовластия, то ли народного государства. Утилитарный разум нового поколения правящей элиты не мог понять, зачем, с какой стати заменять власть партии и вождя народовластием. Это искренне казалось им опрометчивой глупостью и даже прямой контрреволюцией. В институте, где я учился, был преподаватель, который утверждал, что идея передачи власти рабочим контрреволюционна. Новая версия псевдосинкретизма отошла от ленинской идеи нерасчлененного синтеза общинного и государственного социализма, пытаясь все свести ко второму, подавив первый. Это, собственно, и означало попытку введения тоталитаризма. Сталин провозгласил: «Вмешиваться во все»³². Это означало, что вся истина, вся Правда во всех формах, включая повседневность, обретает себя, лишь приобщаясь к этой высшей са-

³¹ Пайнс Р. Россия при старом режиме. Кембридж (Масс), 1980. С. 312.

³² Сталин И. В. Сочинения. М., 1955. Т. 13. С. 41.

кравальной точке, которая черпает саморазвитие в самой себе и, следовательно, неподсудна никакой критике. Тем самым эта версия дала основания для обвинения в отказе от социализма, от ленинизма. В определенном смысле это верно, если под социализмом понимать попытку сочетать общинность-артельность с государственностью. Но это и неверно, так как сам псевдосинкретизм открывал возможность поиска различных вариантов, хотя лично Ленин противостоял этому варианту — крайнему авторитаризму. Медиатор стимулировал атомизацию общества, проникал во все закоулки. Запрет на организационные изменения коснулся всех элементов общества. Практически накладывался запрет на организационное творчество, за исключением громоздких и малоэффективных реорганизаций. Новая система, перед которой, казалось бы, не могло быть преград, получила в наследство от древности представление о незыблемости организаций. Такое наследство обрекало общество на застой и деградацию и, в конечном итоге, на отход от утилитарной идеи общего блага.

Необходимо было найти какой-то выход, т. е. сохранить в незыблемости медиационную организацию и обеспечить какое-то подобие прогресса. Эта задача кажется совершенно неразрешимой, так как рост и развитие немислимы без спонтанных изменений. *Выход был найден во введении новшеств через санкционированный сверху план, что воплощало древнее представление о вожде как единственном источнике инноваций.*

СТАЛИНИЗМ И ХОЗЯЙСТВО

Сталинизм превратился в ведущую силу, в реальную власть на волне мощного стремления покончить с товарно-денежными отношениями. Для власти в истории России характерно весьма сложное отношение к этому явлению. Своей фискальной политикой она постоянно требовала от крестьянства торговать, чтобы получать наличные деньги. Но подчас власть свирепо преследовала рыночные отношения. Во времена ордынского ига князья вели ожесточенную борьбу с вечевыми институтами, с торгово-ремесленными посадами. Тяжелейший удар по товарно-денежным отношениям был нанесен в царствование Ивана IV, когда были разгромлены Тверь, Новгород и целый ряд других городов — своеобразные «очаги прогресса», центры ремесленничества и торговли. «Опричина была попыткой одним ударом разделаться с европейско-феодальным и европей-

ско-рыночным укладами»³³. Постепенно, однако, власть все больше пыталась развивать рынок.

Новая, советская власть вновь повернула к старой традиции. Если Ленин в конечном итоге осознал необходимость рынка, то политики четвертого этапа псевдосинкретизма пытались бескомпромиссно подавить рыночные процессы. *Из двух хозяйственных традиций, в полном согласии с инверсионной, антистетической логикой, была выбрана только одна.* Она имела массовую опору в крестьянстве, которое стремилось не к постоянному повышению эффективности своего производственного процесса, а к сохранению себя в некоторых приемлемых и привычных рамках. «Всякое трудовое хозяйство имеет естественный предел своей продукции, который определяется соразмерностью напряжения годового труда со степенью удовлетворения потребностей хозяйствующей семьи»³⁴. Уже в этом содержалась некоторая мина, подложенная под сталинскую версию псевдосинкретизма. С одной стороны, антикапиталистическая направленность открывала власти возможность опереться на натуральное докапиталистическое хозяйство, склонное к автаркии. Но в четвертой версии, как и во всем большевизме, была и другая сторона — стремление к модернизации. И здесь существование «естественного предела своей продукции», о котором говорил А. Чаянов, свидетельствовало о конфликте между властью и крестьянством. Власть пыталась преодолеть это несоответствие. Она стремилась построить свои отношения с любой производственной ячейкой на основе плана, т. е. тоталитарной директивы, несущей изменения, от которых ждали развития и прогресса.

ХРОМАЮЩИЙ ПЛАН

План строится как система изменений, предусматривающих рост и развитие. Тем самым, казалось, решалась задача соединения развития и предотвращения опасных изменений. Государственный план является некоторой системой взаимосвязанных показателей экономической и социальной жизни, которые обязательны к выполнению и должны обеспечить строго контролируемое и сбалансированное развитие. Но одновременно была сделана попытка восстановить традиционный тип управления обществом, когда необходимость строгого следования статичным нормам и ценностям защищалась государственной

³³ Стариков Е. Н. От Ивана до Петра// Знамя. 1992. № 5. С. 193.

³⁴ Чаянов А. В. Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. М., 1923. С. 5.

властью, возникшей на определенной ступени традиционного общества. Возникла задача обеспечить строго контролируемые изменения. Такая система возможна лишь тогда, когда, с одной стороны, общество страшится перемен, видит в них фактор, повышающий дискомфортное состояние с его опаснейшими последствиями, с другой стороны, когда в обществе творческие силы значительно ниже тех требований, которые предъявляют растущие утилитарные потребности и удовлетворение которых государство берет на себя, т. е. обеспечивает то, что должно делать общество. Иначе говоря, ставились две несовместимые задачи: сохранение исторически сложившегося порядка и одновременно внесение в него потока существенно изменяющих этот порядок инноваций. Расколота ситуация контролировалась установлением фильтра на пути опасных изменений. Этот фильтр заключался в постоянном внесении директивных изменений, коррекций в сам директивный план, а потому и директивный план, и решения, формирующие его, приобретают хромающий характер.

Планирование было, по сути, псевдопланированием, так как оно строилось на основе навязывания плана исполнителю. Оно исключало и подавляло самое главное — творческую волю работника, стремление его к саморазвитию, самосовершенствованию, к поиску в каждой клеточке общества такого пути ее собственного развития, которое было бы нацелено на устранение раскола в обществе. Все это выхолащивало планирование до уровня примерных прикидок количественного роста. Отсюда двойственное отношение исполнителя к плану. С одной стороны, с планом нельзя не считаться, как с объективной внешней силой, как с волей тотема. Но, с другой стороны, надо всеми средствами уменьшить свою зависимость от плана, ускользнуть от его давления в сферу собственной жизни. Такая странная система могла возникнуть лишь как результат низких темпов роста творчества, обусловленных сильным влиянием синкретизма, враждебностью широких масс к своему творческому авангарду, в том числе к авангарду в сфере частной экономической инициативы. Отсюда мучительная, уродливая попытка правящей элиты взять на себя через директивный план функции творческого начала всего общества, создать один гигантский источник творчества, один двигатель развития и роста на вершине власти. Только высший носитель Правды — реальный субъект инноваций. Подобная система требовала авторитарных иллюзий о всемогуществе государства, партии, первого лица. Однако система планирования, сложившаяся на этой платформе, оказалась расколотой в самой своей основе. В

частности, она была не в состоянии преодолеть несоответствие между натуральной и товарно-денежной сторонами плана.

НОВОЕ НАСТУПЛЕНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВА

На основе партии нового типа складывался медиатор нового типа. Организация превращалась в средство, в гибкий инструмент достижения утилитарной цели. В данном случае медиационная задача должна была решаться на новой нравственной основе — на абсолютной вере в вождя. При Сталине завершился процесс восстановления разрушенного синкретического государства, принявшего беспрецедентные тоталитарные формы. Это государство — составная часть медиатора. Гибкость партии, ее способность бросать все силы на угрожаемые направления, изменяя соответствующим образом свои организационные формы, отличали ее от традиционного государства. Поэтому, хотя собственно государство оставалось необходимым, оно подчинялось партии, т. е. организации,¹ ставящей выше любых функций государства, выше любых целей решение медиационной проблемы. *Партия подчиняет себе государство в рамках медиационной организации нового типа, которая, с одной стороны, преодолевает жесткую неподвижность старого государства, а с другой стороны, не доросла еще до способности развиваться, совершенствоваться вместе с обществом.* Медиатор нового типа носил двойственный характер. Он пытался соединить жесткость организации с возможностью ее изменять на основе изменения конъюнктуры. В соответствии с новой версией псевдосинкретизма народ должен был поддерживать, питать организацию, создаваемую первым лицом, ограничивать свое творчество приспособлением к уже существующей организации, как в седой древности. Партия и вождь брали на себя функцию монопольного демиурга инноваций, с тем чтобы народ приспособился к этому процессу, к различного рода организациям, безропотно преклоняясь перед ним.

Четвертая версия псевдосинкретизма представляет собой логический акт инверсионного колебания общества, определяемого силой исторической инерции. Но одновременно она есть выход за общие рамки традиционного ленинизма, охватившего лишь три этапа, три варианта господствующего нравственного идеала нового общества.

Ставка новой версии псевдосинкретизма на уравнивательные идеалы практически означала ориентацию на экстраполяцию крепостничества, сохранившегося в локальных мирах, на все общество. После временного отступления при нэпе этот про-

цесс начался с невиданной мощью. Ситуация изменилась и в том смысле, что теперь власть не была на стороне меньшинства, как это имело место при Столыпине. Власть не придерживалась непоследовательной, половинчатой позиции, как это часто было при Ленине. Теперь к власти пришли люди, четко и однозначно идеологически вставшие на сторону безоговорочной, бескомпромиссной борьбы с мировым злом, с богачами, «кулаками», со всеми, чье благосостояние, уровень творчества были выше некоторого уровня, принятого за норму. Причем превышение этой нормы рассматривалось как результат эксплуатации, нетрудовых доходов и т. д. «От трудов праведных не построишь хором каменных». Общество рассматривалось как гигантская натуральная община, как воплощение дорыночных отношений, окончательного поражения всяких попыток утвердить господство товарно-денежных отношений. *Власть и уравнительная часть общества сошлись на общей нравственной платформе. Это дало гигантский эффект. Сложилось то, что получило официальное название «морально-политического единства советского народа».* Власть и народ объединились в борьбе с мировым злом, которое, как казалось, проникло чуть ли не в каждый дом, каждую семью. Было великим счастьем, что страной управлял такой всемогущий и всевидящий вождь-тотем, в крайнем случае его потомок (что по сути одно и то же), от которого не мог укрыться никакой враг. Массовому энтузиазму не было предела.

Этот новый молниеносный возврат к крепостничеству имел исторические прецеденты. Не говоря уже о военном коммунизме, можно в этой связи напомнить о попытке контрреформ Александра III. Он «частично восстановил крепостное право, подчинив крестьян (в 1889 г.) почти произвольной власти земского начальника, назначавшегося по рекомендации местных помещиков из „потомственных дворян“». У крестьянина теперь опять был „барин“... Новый барин, как и старый, мог сажать крестьян в холодную по своему усмотрению, а пороть — через волостной суд, который был подчинен земскому начальнику. Некоторые стали пороть так усердно, что вызвали крестьянские беспорядки и угодили в конце концов под суд. *Но в общем сопротивление новому крепостному праву шло не из деревни»*³⁵.

В древнем обществе экстраполяция крепостничества на все общество не разрушала общину, локальные местные сообщества. Наоборот, синкретическое государство опиралось на эти первичную ячейку, на свою со-

³⁵ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1932. С. 155 (курсив мой. — А. А.).

циальную, экономическую, нравственную основу. Здесь же произошло нечто принципиально иное, на что следует обратить особое внимание. Парадоксальным образом избивение наиболее активного меньшинства деревни в действительности оказалось неслыханным в истории погромом, террористическим ударом по всей социальной структуре деревни.

Для того чтобы понять, что, собственно, произошло в деревне в период господства сталинской версии псевдосинкретизма, следует обратить еще раз внимание на амбивалентный характер соборных институтов традиционной системы самоуправления, неотделимой от вечевоего идеала. С одной стороны, это были институты, функционирование которых идет снизу, из почвы, из глубин народной жизни. Они призваны эту жизнь воспроизводить, охранять. Почвенный характер этих институтов иногда толкает либеральную интеллигенцию к их оценке как демократических, что в принципе ошибочно. Соборные институты быстро переходят в авторитарные. Это выражается в истолковании тех или иных внешних и внутренних отношений как авторитарных, т. е. несущих власть одного полюса над другим. Это может касаться отдельного члена этого института, который живет с сознанием «против мира не пойдешь». Это касается самого сельского мира, который склонен подчиняться абсолютной власти внешней силы, например, барина или царя. Даже мятеж против власти не меняет сути этого отношения, но приводит лишь к смене одного источника авторитарной власти другим, одного тотема другим. Вспомним стремления крестьян избавиться от барина и всем стать государственными, т. е. царскими. Опыт истории советского общества раскрывает поразительную картину быстрого, подчас молниеносного превращения таких самостоятельных институтов, как советы, кооперация, в инструмент государственной власти, хотя и не слишком исправный.

Теперь настала очередь сельской общины. Лишенное наиболее развитой, авторитетной части своих членов, которые, как нарушители принципа уравнительности, подвергались избивению еще с начала века, крестьянство так и не заметило, как и когда раскол между двумя группами крестьян перешагнул в процессе избивания меньшинства границу между меньшинством и большинством. Раскол почвы шел дальше, через толщу самих сторонников уравнительности. Большинство отбросило, растоптало не только утилитарное меньшинство. За ним пошли те из вчерашнего большинства, которые по разным причинам, даже будучи бедняками, середняками, не хотели доведения уравнительности до обобществления орудий и средств производства, т. е. трактовали уравнительность

ограниченно. В принципе стремление к уравнительности не знает пределов, всегда есть возможность выделить новые признаки нарушения уравнительности, все более тонкие и все менее уловимые. Этот *ажитаж уравнительности* доходил до крайних форм, до ежегодных переделов земли, что удивляло даже выходца из крестьян М. Калинина. Крестьяне прибегали ко все новым переделам, так как не были удовлетворены «дележкой даже на самых справедливых, по их мнению, началах. Вера в возможность справедливого и равного наделения всех толкала крестьян к новым и новым переделам»³⁶. В принципе здесь не было ничего нового. В определенные периоды «крестьяне не столько работают, сколько проводят время в дележах» сенокосов, предназначенных для посева клиньев, писали очевидцы и участники в ответ на вопросы Смоленской губернской управы о причинах упадка сельского хозяйства и путях его поднятия³⁷. Борьба за уравнительность не имеет логического предела, так как в любой момент можно найти различия и превратить их в повод для конфликта. Попытка оправдать эту борьбу опасностью роста «кулака» — миф, результат поиска некоторого основания для практики уравнительности. «Ретропрогнозы социальной структуры деревни показывают, что даже при долговременном сохранении благоприятных условий хозяйственной деятельности потребовались бы десятилетия для того, чтобы сложился мощный слой зажиточных крестьян-предпринимателей... Представления о неизбежности разделения крестьянства на полярные группы под воздействием законов рынка, как показывают результаты моделирования, были лишены реальных оснований»³⁸. О том, что деревне не угрожала реальная капиталистическая дифференциация, писалось уже давно. Известный специалист по аграрным проблемам П. П. Маслов отмечал лишь в степных районах «некоторые явления дифференциации крестьянства. ...Только здесь крестьянское хозяйство принимало частью капиталистический характер... Впрочем, и в степях использовался труд преимущественно рабочих, пришлых с перенаселенного северного чернозема, а не местных крестьян»³⁹.

³⁶ Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988. С. 63.

³⁷ Чернышев И. Л. Крестьяне об общине накануне 9 марта 1906 г. СПб., 1912. С. 14.

³⁸ Бородкин Л. И., Свищев М. А. Моделирование социальных процессов в среде крестьянства// Перестройка афарного производства в СССР: проблемы и перспективы, м., 1990. С. 52-53.

³⁹ См.: Бруцкус Б. Народное хозяйство Советской России, его природа и его судьбы// Вопросы экономики. 1991. № 9. С. 134.

Страх перед капитализмом можно рассматривать как симптом мании величия. В стране со столь высоким уровнем уравнительности басни об опасности капитализма вряд ли можно рассматривать как нечто большее, чем одну из форм модернизированного мифологического страха перед мировым злом.

КОНСЕРВАЦИЯ АРХАИЧНЫХ ФОРМ ТРУДА

В борьбе за уравнительность постоянно побеждали те, кто продолжал традиции «первобытного земледелия», и гибли те, кто искал новые, более прогрессивные, эффективные формы труда.

Аграрное движение в 1917-1918 годах, которое С. Максудов называет «антистолыпинской революцией», громило не только помещиков, но и «столыпинских помещиков», т. е. выделившихся из общины крестьян. Уничтожали оставшуюся технику. Вот отрывок описания разгрома имения депутата Государственной думы Фирсова. «В сарае толпа остановилась перед сеялками и плугами. Каждому хотелось воспользоваться этими ценными для хозяйства вещами, но желающих оказалось так много, что поделить было невозможно... „Бей их, чтобы никому не досталось“, — крикнул кто-то, и в несколько минут плуги, сеялки и паровые молотилки были превращены в щепки»⁴⁰. Это был не случайный инцидент. «В аграрном движении 1905 г. и 1917 г., особенно в разгромах имений... особо тщательно уничтожались машины...»⁴¹. Борьба бедных против богатых скрывала под собой борьбу против прогресса труда, против очагов более совершенных, новых его форм. Давно было известно, что именно той части крестьян, которая владела собственной, а не надельной землей, «принадлежала инициатива в применении сельскохозяйственных улучшений: заведение травосеяния, усиленного удобрения полей, совершенствования породы скота и т. д.»⁴². Уничтожение этого слоя означало подавление точек роста развитых форм труда.

Это разрушение труда, производительных сил четко подмечала русская литература. М. Пришвин писал в 1930 году о так называемых «кулаках», что они не знали счета рабочим часам своего дня. Теперь же «работают все по часам, а без часов, не

⁴⁰ Неуслышанные голоса: Документы смоленского архива/ Сост. Максудов С. Мичиган, 1987. Кн. 1: 1929: Кулаки и партийцы. С. 23.

⁴¹ Дубровский С. М. Очерки русской революции. М., 1923. Вып. 1. С. 209.

⁴² Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1958. Т. 2. С. 319, а также с. 365, 750.

помня живота своего, не за страх, а за совесть, только очень немногие»⁴³. Коллективизация была ударом по очагам более производительных форм труда, по людям, тяготевшим к ним. Годом раньше другой писатель описывал жизнь среднерусского уездного города: «Хозяиничали медленным разорением дореволюционных богатств, головоотяпством и любовно. Маслобойный завод работал — в убыток, лесопильный — в убыток, кожевенный — без убытков, но и без прибылей... Зимой по снегу, сорока пятью лошадьми, половиной уездного населения таскали верст пятьдесят расстояния — новый котел на этот кожевенный завод, — притащили и бросили — за неподходящестью, списав стоимость его в счет прибылей и убытков... Улучшали рабочий быт, жилстроительством; купили двухэтажный деревянный дом, перевезли его на завод и — распилили на дрова»⁴⁴. Объектом раскулачивания были прежде всего те, кто чем-либо значимо отклонялся от идеала уравнительности. «Брали не кулаков, а тех, кого называли дураками — работать любили». Сюда относились кузнецы, псаломщики, фотографы, которые создавали неравенство своим особым умением⁴⁵. Новое общество было последовательно. В любой социальной группе, на любом производстве оно искало носителей зла прежде всего среди реальных и потенциальных субъектов инноваций, более сложных форм труда. Это видно, например, даже при поверхностном анализе списков расстрелянных во время террора, печатаемых в «Вечерней Москве» с конца 1990 года. За период с 1934 по 1941 год численность заключенных с высшим образованием увеличилась в восемь раз, со средним — в пять раз, а удельный вес первых повысился в три раза, вторых — почти в два раза⁴⁶.

Этот натиск на носителей более совершенных форм труда объединил значительную часть трудящихся города и деревни с государством, что открывало путь к их единству и при решении других сложных проблем.

КОЛХОЗ-ОБЩИНА

Часть крестьян не хотела инверсионного превращения соборных институтов в авторитарные, в элемент авторитарной власти, но стремилась сохранить определенную независимость.

⁴³ *Пришвин М. М.* Мирская чаша. М., 1990. С. 103.

⁴⁴ *Пильняк Б.* Красное дерево// Дружба народов. 1989. № 1. С. 130.

⁴⁵ *Можсаев Б.* Мужик// Правда. 1990. 2 нояб.

⁴⁶ *Земское В. Н.* Гулаг (Историко-социологический аспект)// Социологическое исследование. 1991. № 6. С. 14-15.

Большинство, постоянно отвергая одну за другой наиболее активные свои части, неуклонно ослабляло себя, открывало путь дезорганизации своих древних институтов. Большинство, слабея, в конечном итоге неизбежно обращалось к авторитарной власти, которая должна «всех равнять». Опираясь на этот процесс, власть не только смогла утвердить авторитаризм, но и, всячески разжигая конфликты внутри крестьянства, используя для этого изощренные, ориентированные на массовое манихейство ценности, сумела включить общину в систему власти, т. е. опереться на авторитарный аспект древней вечевой нравственности.

Овладев при этом условиями орудиями труда, власть получила возможность не только превратить продрозверстку в *повседневную практику*, но и *подчинить воспроизводственную деятельность потребностям общества, как их понимала правящая элита, диктатор-тотем*. Большинство, ставшее на сторону уравнительной архаики, тем самым вручило власть диктатору, который по их представлениям должен был сохранять эту уравнительность, т. е. «всех равнять» вопреки противникам такого порядка. В принадлежности к ним мог быть заподозрен каждый, как некогда каждый мог быть заподозрен в колдовстве.

Широко распространено ошибочное мнение, что коллективизация была чистым результатом насилия власти над крестьянами, которые все были против нее. Это мнение в культурологическом смысле является еще одной иллюстрацией старого мифа о тождестве зла и власти, от которой ничего, кроме насилия, бесовщины, дурости, ждаты не приходится. Власть не была в состоянии превратить крестьян в колхозников без опоры на общинные идеалы, без использования страха крестьян перед богачом. В стране, где крестьянство составляло большинство (в 1926 году в деревне проживало 82% населения), единодушное сопротивление коллективизации могло бы в единый миг смести государство с лица земли. Да и вряд ли нашлось бы правительство, которое попыталось совершить такой шаг, не будучи уверенным в значительной поддержке.

Существование массового недовольства крестьян, вплоть до восстаний, доказывает, что крестьянство было против начальства, но не против отца-тотема, который как раз и должен держать начальство в узде. А именно это Сталин умел делать. *Власть, установившаяся в стране в период четвертой версии, возможно, была самой почвенной за советское время.* Второе поколение правящей элиты черпало свои силы из почвы, которая постепенно заполняла собой все институты власти, всю партию, вплоть до ее высших органов, постепенно

избивая старую гвардию, которая в конечном итоге была перебита как «кулацкая агентура». Иначе говоря, хотя сама власть в результате раскола и выступала как противоположность народа, но это раскрывалось лишь в период упадка господствующего идеала.

Предпосылки коллективизации, даже в той части, которая сводилась к грабительской продрозверстке, *вырастали снизу*. И. Бунин в 1918 году где-то в газете прочитал: «Крестьяне говорят: дайте нам коммуну, лишь бы избавьте нас от кадетов...»⁴⁷. Июльский Пленум ЦК 1928 года констатировал, что на местах в связи с нехваткой продовольствия имело место применение чрезвычайных мер и административного произвола — практика «обхода дворов, незаконных обысков и всякого рода нарушений революционной законности»⁴⁸, что квалифицировалось как «рецидивы продрозверстки» и неспособность к применению «гибких форм регулирования торговли со стороны государственных органов» (например, «закрытие базаров») ⁴⁹. Хотя Пленум не одобрял такого рода действия, *стихийный возврат на местах к авторитаризму был налицо*. Возврат к продрозверстке, к административному изъятию определялся всей атмосферой того времени. Угроза физическому существованию городов, армии толкала пронизанное манихейскими представлениями общество к крайним действиям. Общество, хозяйство, как они сложились к этому времени, не могли существовать без государства, обеспечивающего принудительную циркуляцию ресурсов. Массовый традиционализм, манихейство создали для этого важные предпосылки. Люди, не избавившиеся от остаточного дискомфортного состояния, увидели в колхозе надежду жить по Правде, возможность возложить на него свои беды и тяготы, нашли в нем внешнюю спасительную силу, которая ограждала бы их от бед.

Социокультурной основой колхоза была старая община с ее обезличенным землепользованием, которая тем самым разрешила свое внутреннее противоречие между уравнительностью и стремлением овладеть результатами прогресса. В 1929 году земельные обществу в полном составе, но без кулаков передали в колхозы⁵⁰. Другой автор с завидной откровенностью пишет: «Самой характерной стороной эволюции общины (в советский период) на заключительном этапе было использование

⁴⁷ Бунин И. А. Окаянные дни. М., 1990. С. 87.

⁴⁸ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1932). М., 1933. Ч. 2. С. 477.

⁴⁹ Там же. С. 477.

⁵⁰ Тезисы докладов и сообщений XV сессии Международного симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1974. Вып. 2. С. 197.

в практической деятельности социалистическим государством ее позитивных возможностей — особенностей социально-экономических отношений, классового расслоения, общинного коллективизма, социальной психологии крестьянства в интересах развития производительных сил сельского хозяйства и социалистического строительства. Учет позитивных возможностей общины проявился и в законодательном подтверждении и использовании ее прав, что способствовало политической изоляции кулачества, усилению политической активности трудового общинного крестьянства, постепенному переходу его на путь социалистического развития»⁵¹. Существует ряд западных исследований о преемственности общины и колхоза. Наша наука не проявляет должного интереса к этой проблеме. Вдумчивый исследователь И. Клямкин пишет: «Вспомним сцену раскулачивания в „Котловане“ А. Платонова. Вспомним жуткий, ничем не остановимый танец, исполняемый деревней, только что сплавившей по реке в никуда своих бывших односельчан. Жуткий, потому что мы знаем и то, что было потом. Пляска на собственных похоронах! Но это было... Большинство крестьян примирилось с коллективизацией, потому что безлошадные бедняки (свыше трети населения деревни) видели в „кулаке“ своего врага, а середняки в массе своей не успели „обуржуазиться“, не были готовы к конкретной борьбе на рынке, боялись его разоряющей стихии еще с дореволюционных времен. Потому что едва-едва вышли, а точнее — выходили только из патриархального и мелкотоварного хозяйствования. Потому что идея коллективизации чем-то напоминала хорошо знакомую и близкую общинную коллективность... Если крестьянин примирился с коллективизацией, если благословил удаление из деревни наиболее зажиточной и приспособленной к свободному рынку, хозяйству, наиболее „буржуазной“ части населения, значит, он, крестьянин, в массе своей был добуржуазным»⁵².

Природа общины и природа колхоза тождественны. Для общины прежде всего характерна «принудительность» всей структуры образа жизни, а также всего производственного цикла, «обязанность во всем беспрекословно подчиняться решению большинства», что «превращает общинника в безответственного раба „мира“». «При малейшем отчуждении от заведенного порядка „мир“ кричит на них: „не смей, жди!“. Мир контролирует каждый шаг «хозяина», домохозяин «не может делать с землей то, что хочет», а должен слушать, «что гово-

⁵¹ Осокина В. Я. Социалистическое строительство в деревне и община. 1920-1933. М., 1978. С. 14.

⁵² Позиция: Литературная полемика. М., 1988. С. 363.

рит мир». «Все это делает для активных членов жизнь в общине сплошным мучением и истязанием». «Община убивает хозяйственную энергию». Общинник скорее арендатор, чем хозяин. «Наша деревня сохраняет тот тип и то устройство, какие были 300 лет тому назад»⁵³.

Каким же образом крестьянство в своей борьбе за уравнительность не остановилось на пути к собственной гибели? Крестьянство не было единым субъектом. Община не ценила личность и могла жертвовать ею, если казалось, что это помогало выжить целому. «Кулаков» подчас выбирали на миру по аналогии со старостой. Выбор обычно падал на бездетных, бобылей, «чтобы не пострадали детишки» (Ек. Олицкая). Аналогичный случай описан в первом глобальном периоде. «Убивца», выдачи которого требовала полиция, выбирали, так как на территории общины было найдено тело убитого.

Крестьянство, согласившееся на колхоз, видело в нем нечто иное, чем предполагало государство. Аналогичная ситуация была и при реформе 1861 года. Для тех крестьян, кто хотел вступить в колхоз, он был модифицированным, основанным на технике древним миром, где нет начальства и мироедов. Для власти же колхоз был в известном смысле чем-то прямо противоположным, т. е. попыткой организованного включения в медиатор основной массы населения, низшим звеном жесткой административной системы. Возможность такого разночтения коренится в явлении, которое можно назвать инверсионной ловушкой. Суть ее в том, что люди могут бороться за свой давно сложившийся нравственный идеал (например, за уравнительность) в условиях, существенно изменившихся по сравнению с существовавшими, когда этот идеал складывался. Результаты этой борьбы могут столь же отличаться от ожидаемых, как отличен древний мир с господством уравнительности от современного сложного общества, как сельская община отличается от большого общества, как традиционализм отличается от утилитаризма. Инверсионная ловушка приводит к социокультурному противоречию, когда древние культурные принципы сталкиваются с неадекватными им типами социальных отношений. Поэтому, борясь за уравнительную общину, вооруженную техникой, крестьянство попало в авторитарную казарму-общину, подчиненную тотему-диктатору. Если в сельском мире крестьянин сам был частицей соборного субъекта некоторого ограниченного круга людей, которых он знал в лицо, то теперь он стал атомом бесконечного субъекта, в котором он

⁵³ Чернышев И. Л. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 г. С. 46, 22, 41, 42, 53.

мог функционировать как бесконечно малый объект манипулирования. Сбылась старая мечта об обществе-общине.

Для понимания природы колхоза следует прежде всего обратить внимание на поразительную способность всех соборных институтов одновременно подчиняться высшей авторитарной власти, что, по сути, и является возвратом к синкретическим вечевым идеалам и институтам. В этой связи следует вспомнить, что община не в первый раз попадает под авторитарное управление. Например, «феодализм не привел к разложению сельской общины, он только изменил ее характер, и из свободной, какой она была вначале, община сделалась крепостной. Крестьянин сохранил пользование своей землей, он остался общинником, каким он был в предшествующую эпоху; совершенно изменилось только его личное положение, и его общинные права должны были подчиниться требованиям службы и платежей, которые возложил на него его сеньор»⁵⁴.

КОЛХОЗ И АВТОРИТАРНАЯ ТРАДИЦИЯ

Колхозы подхватили старую традицию вмешательства в хозяйственную жизнь крестьянина не только общины, но и государства. «Крестьянский „мир“ не был свободен даже в решении узкохозяйственных вопросов. ...Окружные начальники и их деревенские агенты не ограничивались надзором за ведением крестьянского хлебопашества и скотоводства, который был установлен законами 1838-1841 годов; они назойливо вмешивались в хозяйственную жизнь деревни, предписывая крестьянам держаться тех или иных цен на хлеб... оказывая влияние на частные сделки... отправляя на принудительные работы»⁵⁵. А. Энгельгардт писал в 1880 году: «Бац! — обязательное постановление: сеять рожь не ранее 15 августа. И вот земледельцы нескольких губерний должны, обязаны сеять озимь в известный срок по назначению начальников»⁵⁶. Эта традиция прослеживается в далекой истории, когда, как доносил приказчик вотчиннику, «да указал ты, государь, чтоб крестьянам не велеть никакой животины продавать; и они, г., животины продают с голоду...»⁵⁷; когда крестьянам навязывались гуси, утки, куры и т. д., с тем чтобы взыскать затем с них птицу с при-

⁵⁴ Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939. С. 171.

⁵⁵ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2. С. 127.

⁵⁶ Энгельгардт А. Н. Из деревни. М., 1987. С. 455.

⁵⁷ Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М.; Л., 1929. С. 176.

плодом. Приказчик докладывал, что птицы «померли... к Москве, к тебе, государь, послать нечего»⁵⁸. Еще по указу 14 февраля 1761 года вводились обязательные хлебные запасы. В 1799 году был издан указ об обязательных сельских запасных магазинах, что приводило к отобранию части урожая у крестьян, к специальным общественным запаскам хлеба⁵⁹.

Коллективизация — повторение этого вторжения внешних сил в крестьянские сообщества, но в значительно более тяжелых условиях, осложненных расколом, массовым избием «врагов» уравнилельности, ростом различного рода потребностей, стимулирующих попытки модернизации. Впрочем, речь идет не только о вмешательстве, но и о существовании исторически сложившихся форм, однотипных колхозам, задолго до нашего времени.

В Древнем Египте, в Шумере, Ангкорской и Инкской империях существовали похожие на колхозы типы сообществ. Например, в Древнем Египте «государство изымало и перераспределяло не только прибавочный, но и необходимый продукт вплоть до посевного фонда! Посевное зерно, так же как и скот, древнеегипетские „колхозники“ получали из казны. Урожай целиком поступал на государственные тока и гумна и лишь впоследствии подлежал „распределению“, в результате которого государство забирало себе 30% урожая...»⁶⁰. Соотнесение колхозов с опытом мировой истории, а не только со сталинским тоталитаризмом, является для нашей научной общественности необычным. По сути, этот подход должен стать тривиальным.

Однако совсем не обязательно искать зарубежные примеры прототипов наших колхозов. Они были и в России. Это прежде всего знаменитая «месячина» — система, когда крепостные полностью, каждый день работали на помещика, получая от него определенное содержание. Существует целый пласт различных крепостных форм, возникавших в России, которые П. Б. Струве называл *крепостным социализмом*. В их основе лежала «глубокая реальная связь... между крепостным правом или, точнее, строем, и крестьянским миром»⁶¹. Особенно яркий пример описан помещиком, который соединил вместе свою

⁵⁸ Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. С. 116.

⁵⁹ Игнатович. И. И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925. С. 11, 21.

⁶⁰ Стариков Е. Н. Как и под сенью древних пирамид, или О радетелях колхозного строя с незапамятных времен и до наших дней// Социум. 1991. № 3. С. 22.

⁶¹ Струве П. Б. Попытка артельной организации крепостного хозяйства крепостных крестьян// Начало. СПб., 1899. № 1-2. С. 307, 316.

землю и землю крестьян, создал своеобразные бригады (сохи, или дружины), работавшие под административным управлением помещика. К моменту публикации этот опыт продолжался уже пятнадцать лет⁶². Без анализа этих попыток организации коллективных хозяйств в прошлом невозможно понять глубокие корни коллективизации. Однако, кажется, после Струве никто у нас не ставил этой проблемы. Струве писал, что «артель и мир оказывались почти всегда явно несостоятельными, когда им приходилось защищать слабых против сильных... Эти формы не только уживались с сильнейшим гнетом, но и развивались в связи с ним и в зависимости от него»⁶³. Колхозы, возникшие на костях «сильных», подтвердили эту мысль. Теперь место «сильных» заступило государство.

ОТКУДА БРАТЬ РЕСУРСЫ ДЛЯ ВЕЛИКИХ СВЕРШЕНИЙ?

Россия исторически сложилась как бедная страна, бедная не своими природными ресурсами, но бедная из-за неспособности превращать их в реальное богатство, которое можно использовать на удовлетворение реальных потребностей. Низкий объем прибавочного продукта, низкая производительность земледелия, связанная с плохими почвами, неблагоприятным климатом, коротким летним периодом, входили в противоречие со всей концепцией нового общества, которое пыталось воплотить в жизнь некий синтез западноевропейских утопий, с одной стороны, с крестьянскими утопиями и, с другой — с уравнительными стремлениями, сметающими новые формы труда. Нужно было искать ресурсы.

Еще в самом начале XX века, когда Россия вступила на путь индустриализации, возрастающим по важности источником ресурсов, технических идей, технологии, прямого финансирования стал Запад. Он создал целые отрасли промышленности в России в новое время. Мировая война велась также за счет значительных иностранных кредитов. Гражданская война велась в основном за счет ресурсов, накопленных до войны. После 1917 года важным ресурсом было имущество состоятельных классов. Теперь, однако, положение ухудшилось. С

⁶² Стрелюхов Н. Мысли о возможности улучшения сельского хозяйства в России, основанные на природе человеческой и на древних Российских обычаях// Земледельческий журнал. М., 1829. Т. XXV; *Он же*. Продолжение мыслей об общественном хозяйстве и о составлении хозяйственных товариществ// Там же. Т. XXVI.

⁶³ Струве П. Б. Попытка артельной организации... С. 318.

одной стороны, росли потребности, но с другой — истощались, исчезали старые источники ресурсов, не говоря уже о массовом подавлении более производительных форм труда.

Выход был найден. Крестьяне были превращены в объект постоянной экспроприации. Это было продолжением идущей с прошлого века бесконечной цепи экспроприаций богатых соседей, которые проводила сама деревня. В деревне имел место постоянный тренаж экспроприации, постоянная борьба за уравнительную справедливость. Люди, способные к такого рода деятельности, были в избытке в самой деревне. Кроме того, крестьянство традиционно было источником, поддерживающим своими силами государственные доходы. Выкачивание средств из деревни было старой традицией. «В доброй половине России главная часть населения, земледельческая, платила в казну больше, чем сама получала от своего главного занятия — земледелия; таким образом, излишек, необходимый для казны, этой части населения приходилось зарабатывать на стороне посторонними занятиями»⁶⁴. Эта ситуация подтверждается и другими исследователями. «Через 15 лет после освобождения крестьянин платил казне самое меньшее на 20% больше дохода своей земли, а очень часто в два и даже в три почти раза больше (до 27 %)»⁶⁵. По расчетам С. Н. Прокоповича, крестьяне при доходах на душу населения в 33,6 руб. имели расходы 48,84 руб.⁶⁶ Следовательно, крестьянство не имело резервов, которые можно было бы безболезненно изъять. Важно также отметить, что забранный еще до 1917 года хлеб власть превращала в валюту. За 14 предвоенных лет от экспорта хлеба было получено 7,3 млрд. руб.⁶⁷, хотя его производство на душу населения было значительно меньше, чем в США (в 2 раза), Аргентине (в 2,5 раза), Канаде (почти в 3 раза)⁶⁸.

Крестьянство при господстве сталинизма находилось в условиях реализованного идеала крайнего авторитаризма. Это открывало для власти соблазнительную возможность получать те деньги, которые крестьяне раньше выплачивали помещикам за выкуп надельной земли, за ее покупку и аренду. За «период капитализма» было выплачено более 10 млрд. руб. Однако эти деньги трагически непроизводительно. «Заслуживает специального изучения вопрос о том, в какой мере извлеченные у кре-

⁶⁴ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1896. С. 145.

⁶⁵ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. С. 84.

⁶⁶ См.: Дубровский С. М. Очерки русской революции. Вып. 1. С. 94.

⁶⁷ Лященко П. И. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927. С. 311.

⁶⁸ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М., 1950. Т. 2. С. 260.

стьян ресурсы в конечном счете оказались использованными для индустриального развития»⁶⁹. Здесь таилась большой соблазн изымать эти освободившиеся в результате избиения помещиков средства, но уже для индустриализации, для реализации мифов нового общества.

В этой связи представляют большой интерес исследования изменений хозяйственного положения крестьянства, в частности, социальных и экономических последствий сокращения отходничества после 1917 года, его влияния на фискальные ресурсы государства, на усиление его давления на крестьян. Представляется недостаточным анализ производственных возможностей крестьянства, в частности, в связи с существованием точки зрения, что для финансирования индустриализации было достаточно обеспечить с 1928 по 1940 год 2% ежегодного прироста зерна⁷⁰. Для сравнения можно указать, что урожайность зерна с 1801 по 1914 год повышалась на 0,5% в год⁷¹. Возможность достижения этих 2% прироста весьма проблематична с учетом того, что достижения сельского хозяйства до первой мировой войны в России определялись в значительной степени ростом занятых в сельском хозяйстве. Это не решало проблемы, не говоря уже о том, что на этот ресурс нельзя было рассчитывать в результате мировой войны и глубоких социальных сдвигов. Победа дорыночных сил не создавала условий для увеличения товарного хлеба. Лютая массовая ненависть к частному капиталу, к собственнику, к отрубникам также не создавала для этого никаких предпосылок.

Высшее руководство в критической ситуации пошло по пути, подсказанному опытом славного революционного прошлого. Сталин несколько раз в 1928 году говорил о том, что крестьянство разбогатело. Дзержинский в 1926 году исчислял рост накопления в деревне в 4 руб. на человека. В речи на июльском Пленуме 1926 года с полной откровенностью он говорил, что крестьянство «платит государству не только обычные налоги, прямые или косвенные, но оно еще переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары промышленности — это во-первых; и более или менее недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты — это во-вторых. Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подь-

⁶⁹ Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность)// Вопросы истории. 1991. № 2. С. 56.

⁷⁰ См.: Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., 1989. С. 86.

⁷¹ Чаянов А. В. Проблема урожая и опыт ее разрешения в развитии русской научной мысли// Проблемы урожая. М., 1926. С. 35.

ема индустрии, обслуживающей всю страну, в том числе крестьянство. Это есть нечто вроде „дани“, нечто вроде сверхналога»⁷². Разумеется, такая политика не могла долго продолжаться, так как крестьяне, как свидетельствовал опыт прошлого, в аналогичной ситуации не только сокращали производство, но и отказывались от реализации уже имеющихся продуктов. Отсюда выход — передача чиновнику решения вопроса о производстве и реализации, т. е. коллективизация.

Однако это был не только возврат к дореформенной эпохе 1861 года. Теперь была сломана иерархия прошлого глобального периода, включающая систему защиты от высшей власти, в частности, власть помещика, связанного с общиной, с крестьянами патриархальными отношениями. Теперь авторитарная власть в лице чиновников всех рангов дошла до каждого человека. Теперь не требовалось, как во времена примитивного военного коммунизма, шарить под полом каждой избы, теперь все прямо и непосредственно принадлежало колхозу, синкретически тождественному государству. И не государство от крестьян, а крестьяне от государства должны были получать хлеб. Заготовки непрерывно росли. Деньги, которые за них выплачивали, носили символический характер. В 1932 году крестьяне сдали четверть урожая, в 1933-1934 годах — более трети, в 1935 — почти 40 %⁷³. В январе 1933 года были установлены цены на сданное государству зерно и большую часть других сельскохозяйственных продуктов в 10-12 раз ниже рыночных⁷⁴. Экспроприация стала повседневною.

Среди крестьян начался голод (1931-1933 годы). По одним данным, от голода умерло 5-6 млн. человек, по другим — около 9 млн. (проф. С. Н. Прокопович). Науке известен лишь один случай еще более страшного голода (Китай, 1877-1878 годы)⁷⁵. Но зато гигантски вырос вывоз хлеба за границу. Если раньше голод ставил под угрозу существование городов, то теперь гибла деревня.

Правящая элита добилась посредством коллективизации исключительного успеха. Власть превратила колхозы в звено медиатора. Открылась возможность повседневно и неограниченно вмешательство в дела модернизированной общины.

Превратившись в колхоз, вечевая община, пройдя длительный путь борьбы за уравнительность, пришла к согласию на авторитарную власть чиновника. Крайнему авторитаризму

⁷² Дзержинский Ф. Э. Избр. произведения. М., 1967. С. 385.

⁷³ Каряков М. Живая история 1917-1975. 1977.

⁷⁴ Данилов В. П., Телцов Н. В. Коллективизация: как это было // Правда. 1988. 16 сент.

⁷⁵ Конквест Р. Большой террор. Т. 1. С. 38-39.

удалось то, что не удавалось еще никому в истории страны — приставить к общине такой насос, который мог высосать буквально все. Правящая элита нашла источник социальной энергии, ресурсов, которые позволили идти по пути дальнейшего нарушения закона соотношения хозяйственных отраслей, одновременно как будто ликвидируя столь беспокоившую Ленина «двойственность» крестьянина.

САМООТРИЦАНИЕ УРАВНИТЕЛЬНОСТИ

Крестьянство, оказавшееся в большом обществе, было ни культурно, ни организационно не подготовлено к нему. Последовательный разгром одной группы меньшинства за другой привел не только к тому, что община амбивалентно перешла к авторитаризму, но и к тому, что она деградировала, подчинив свою внутреннюю жизнь чиновнику. Крестьяне не имели форм политической организации, способной объединить их мощные силы на основе реальной альтернативы политике медиатора. Крестьянство в борьбе за уравнительность одерживало одну победу за другой и перешло через приемлемую для собственного существования меру, за которой уже лежала деградация и распад. Крестьянство попало в инверсионную ловушку. Оно вошло со старыми архаичными ценностями и представлениями о мире в большое общество, где необходима была новая культура, новые цели. Это имело для крестьянства, для общества, где они составляли большинство, разрушительные последствия.

Ослабленное многолетней борьбой за уравнительность, крестьянство пыталось ответить на экспроприаторские устремления государства бунтами. Осенью 1929 года были вспышки массовых возмущений в связи с «чрезвычайными мерами» на хлебозаготовках. Они распространились на всю страну, включая Центральную Россию, Урал, Сибирь. Советские танки впервые вступили в бой во время подавления этих восстаний. В 1930 году крестьянские волнения охватили Украину, Северный Кавказ, Воронежскую область, Западную Сибирь. Одним из последствий этих событий было усиление в стране атмосферы всеобщего ожесточения. В городах волнения воспринимались как попытки буржуазных оборотней повернуть к капитализму. Люди, поднявшие восстание, часто испытывали сильное колебание, переходя от поддержки колхоза к его разрушению, чтобы затем вновь вернуться к его поддержке. Среди восставших были люди, которые отвергали советскую систему. Но в целом крестьяне, даже восставшие против новой власти, никогда добровольно не участвовали в белом движении, оставаясь тем самым на уравнительной нравствен-

ной основе. А последствия этого были очевидны. Множество основанных на уравнительности общин нуждалось в отце, который бы всех равнял, т. е. в конечном итоге требовало авторитаризма. Поэтому неизбежно утверждалась система, в основе повторявшая прошлую, про которую Г. Плеханов говорил еще в 1889 году, что «наша сельская община» составляла «главную опору нашего абсолютизма»⁷⁶. (И это несмотря на то, что Плеханов исходил из марксистского тезиса о разложении общины и из того, что община делается «в руках сельской буржуазии орудием для эксплуатации большинства земледельческого населения»⁷⁷.) Следует добавить, что община — всего лишь одна из форм древних синкретических сообществ, и, следовательно, абсолютизм опирался не собственно на общину, а на синкретическую воспроизводственную социокультурную основу древних сообществ.

Главный трагический результат коллективизации, после гибели миллионов людей, — не катастрофический удар, нанесенный сельскому хозяйству, превышающий ущерб от последующей второй мировой войны, но *прежде всего кристаллизация архаичных форм труда*, что стало мощным препятствием на пути прогрессивных инноваций. Предполагалось, однако, что колхоз можно будет соединить с современной техникой и тем самым добиться невиданного эффекта. Колхозы, как и совхозы, можно рассматривать как попытку соединить общинную форму жизни с современной техникой. Это можно было трактовать и как попытку поднять архаичные структуры до уровня современной науки и техники, и как попытку вооружить архаичные структуры современной наукой и техникой. Решение оказалось вполне в духе псевдосинкретизма, постоянно отождествляющего противоположные полюса расколотого общества. Система оказалась консервативной и хозяйственно неэффективной, никак не склонной к экономическим методам. Вооруженный современной техникой традиционализм породил «могущество за счет развития»⁷⁸. Современная техника, которая стала внедряться в систему архаичных отношений и субкультур, не нашла там работника, способного положить в основу ее эксплуатации критерий максимальной эффективности, что предreshало неизбежное банкротство всего комплекса аграрного сектора. Именно в таких ситуациях с наибольшей остротой ощущаются результаты ликвидации духовной элиты, которая, несомненно, раскрыла бы всю гибельность этого пути.

⁷⁶ Плеханов Г. В. Сочинения. М.; Л., 1923. Т. 4. С. 53.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Гефтер М. Я. В предчувствии прошлого // Век XX и мир. 1990. № 9. С. 30

ПСЕВДОЭКОНОМИКА

Критики сталинизма, как кажется, сравнительно более снисходительны к индустриализации, чем к коллективизации. Индустриализация, по мнению многих, спасла общество от врагов, открыла путь к прогрессу и т. д. Между тем *индустриализация и коллективизация — две стороны одной медали, одного процесса*. И судить их следует одним судом. Причина коллективизации глубже, чем превращение продразверстки в постоянно действующую систему. Коллективизация открыла путь попыткам общества сохранить господство натурального хозяйства посредством постоянно углубляющегося нарушения закона соотношения хозяйственных отраслей. Коллективизация и индустриализация во всем обществе далеко зашедшей уравнительности и натуральных отношений в хозяйстве породили неслыханную в истории попытку посредством перманентной экспроприации двинуть вперед техническую цивилизацию, матрицируя технические идеи, образцы, приглашая специалистов «гниющего» Запада. Началось неслыханное насильственное неконтролируемое изъятие ресурсов из сельского хозяйства для осуществления грандиозных планов индустриализации, что должно было создать материальные предпосылки для победы над кривдой в космическом масштабе.

Действительно ли индустриализация создала предпосылки для могущества страны, для царства изобилия? Средства, изъятые из сельского хозяйства, предполагалось использовать для индустриализации, начатой еще в прошлом глобальном периоде. Индустриализация преследовала чисто материальные цели, производство определенного набора товаров. Набор этих товаров определялся не рынком, не спросом, но манихейской предпосылкой, верой в неизбежность столкновения с мировым злом, империализмом, который по своей природе из зависти и корысти на нас обязательно нападет. В качестве второй причины выдвигалась необходимость производства благ для народа, который поддерживал власть в надежде на Царство Божье на земле. Впрочем, до принципиального решения второй задачи дело не доходило, так как и без этого проедались все ресурсы, как человеческие, так и естественные. Индустриализация, следовательно, как и коллективизация, являлась формой развития хозяйства на доэкономической натуральной основе, что органически вытекало из победы крайней уравнилельной идеологии в условиях отсутствия рынка. Это развитие шло через постоянно углубляющееся нарушение закона соотношения хозяйственных отраслей, что привело к форсированному развитию псевдоэкономики, кото-

рая в результате коллективизации и индустриализации приобрела господствующий характер в хозяйстве. Остатки экономики были уничтожены, оттеснены в сферу базара, теневой экономики.

Система псевдоэкономики развивалась на вне- и доэкономической основе сложного, многоотраслевого расколотого хозяйства, зависимого от синкретического государства. *Псевдоэкономика возникает на основе попыток сочетать господство натуральных отношений в хозяйстве с одновременным стремлением к модернизации.* Эта система возможна лишь на базе господства архаичной государственной собственности на условия и средства хозяйственной деятельности, что создает основу для принудительного перекачивания ресурсов из одной отрасли в другую (например, от крестьян на строительство ритуальных сооружений). Подобная практика открывала возможность получения ресурсов для модернизации. Этот порядок может функционировать лишь в особых условиях, прежде всего при массовом согласии на передачу государству, чиновникам заботы о людях, функций, которые в экономической системе принадлежат самой личности, при массовом отказе от частной инициативы и согласии на господство тотема в повседневной хозяйственной деятельности. Псевдоэкономика была возможна, лишь если крестьянство не обладало способностью превращать свои специфические интересы в политическое движение, при условии преобладания в массовом сознании стремления к архаичной статичной государственности. Политика индустриализации означала прежде всего превращение крестьянства, не склонного формулировать и защищать определенную государственную политику, в средство получения ресурсов, в чистое средство, лишенное самоценности. (Именно эту особенность крестьянства — основу постигшей его катастрофы в большом обществе — славянофилы в свое время возводили в его достоинство.)

Одним из важнейших последствий патологической перекачки ресурсов было *резкое изменение структуры национального дохода.* Это можно признать *узловым пунктом развития псевдоэкономики.* В 1908 году общий фонд заработной платы в промышленности по отношению к создаваемому национальному доходу составил 54,8%, в 1928 году — 58,1%, в 1950 году он снизился до 33,4%. Во всех странах, где велся соответствующий статистический учет, этот показатель был не менее 60—80%⁷⁹. Но это означает углубление одного из важнейших признаков псевдоэкономики как хозяйства высокой

⁷⁹ Зайченко А. С. США — СССР: личное потребление (некоторые сопоставления) // США: экономика, политика, идеология. 1988. № 12. С. 13.

сложности, развиваемого на принудительной доэкономической основе. *Удельный вес личных доходов граждан в национальном доходе оказался ниже некоторого критического уровня, который позволил бы им через цены служить реальным субъектом товарно-денежных отношений.* «Человеческий фактор» вытеснялся из хозяйства. Оно все больше превращалось в некоторый элемент гигантского обмена натуральных вещей по искусственным правилам. Рабочие, как и крестьяне, не обладали средствами для давления на собственника, для изменения форм собственности с тем, чтобы заставить хозяйство быть более эффективным, и с тем, чтобы получать большую долю национального дохода. Но тем самым они лишали себя возможности быть регулятором рынка, обеспечивать реальную связь промышленности и сельского хозяйства, реальную возможность «смычки», оставляя все на откуп авторитарному архаичному принудительному механизму. Эта система несла в себе по крайней мере две мины: отсутствовал механизм, сдерживающий рост издержек, что истощало общество, порождало дистрофию, парализовало возможность реального повышения эффективности; цели, которые диктовались производству, ускользали из-под контроля общества и отдавались на откуп узкой группе, подчас на произвол одного лица, что открывало новые возможности для углубления и расширения раскола.

В этой системе цены играли роль, имеющую мало общего с той, что им обычно приписывалась от имени науки. Они, с точки зрения экономической эффективности использования ресурсов, носили случайный характер, но играли важнейшую роль как средство перекачки ресурсов между отраслями, между высшей властью, мирами среднего уровня (ведомствами, регионами), а также локальными мирами (например, предприятиями). Массовый потребитель с его стихийной сменной потребностей, не укладывающихся в «научно обоснованные нормативы», представляет собой дезорганизующий для этой системы элемент.

Расширение масштабов псевдоэкономики приводило и к изменению социальной структуры общества. Люди бросали разоряемое сельское хозяйство и уходили в другие отрасли, куда перетекали ресурсы. Новая хозяйственная система, медленно подтачивая свои основания, однако, парадоксальным образом прикрепляла к себе все возрастающее количество людей. Люди, приспособившись к системе псевдо, тем самым защищали ее от всяких попыток изменения, не давали обществу повернуть на путь реального экономического развития. Новая патологическая хозяйственная система нашла свою завершающую форму.

Эта социальная патология создала основу для идеологически извращенных продуктов культуры, для низведения науки до уровня архаичных мифов, до уровня массового сознания. Например, процесс натурализации в экономической науке рассматривался как закономерный, необходимо связанный с построением социализма. В социализме видели особую высшую форму безденежного натурального хозяйства. Денежные отношения отрицались, о прибыли «не может быть речи»⁸⁰. Ведущие теоретики Л. Леонтьев, Ш. Турецкий утверждали правомерность тенденции натурализации: «Окончательное исчезновение категории цены, денег, рынка... означает организацию социалистического продуктообмена»⁸¹.

Новая невиданная система хозяйства наступала, неотвратимо и активно воздействовала на все сферы социальных отношений, идеологии.

КРАЙНИЙ АВТОРИТАРИЗМ ПОДАВЛЯЕТ ХАОС

Крайний авторитаризм распространялся, как лесной пожар, охватывая все общество. Это само по себе свидетельствовало о *всеобщей готовности его принять, об отсутствии в толще общества представлений о возможности остановить это смертоносное движение исторической инерции*. Победа машинной версии утилитаризма привела к всеобщему распространению крепостничества. Оно охватило не только правящую элиту и крестьян, но и все общество. Крепостничество в городах распространялось в виде *повсеместного введения принудительного труда* в более широких масштабах и более последовательно, чем это имело место в условиях господства умеренного авторитаризма.

VIII съезд профсоюзов в 1928 и XVI съезд партии в 1930 году ознаменовали новый этап превращения трудящегося в компонент, придаток производства. Он отдавался во власть начальства. Основная задача профсоюзов определена была как «организация, дальнейшее развертывание и закрепление социалистического соревнования и ударничества». С 1928 года существует плановое распределение молодых специалистов, которые обязывались в течение трех лет работать в соответствии с указаниями плановых органов. В 1930 году народный комиссариат труда получил право «перевода квалифицированных

⁸⁰ Лapidус И., Островитянов К. Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства. М.; Л., 1928. С. 170.

⁸¹ См.: Гатовский Л. М. О природе меновых связей на новом этапе// На новом этапе социалистического строительства. М., 1930. Т. 2. С. 52.

рабочих и специалистов в другие отрасли народного хозяйства или в другие местности». В 1930 году была введена уголовная ответственность за так называемое «злостное нарушение трудовой дисциплины». Администрации было дано неограниченное право перевода работников на другую работу. В 1932 году был издан указ, в соответствии с которым за день неявки на работу без уважительных причин трудящийся увольнялся, лишался права на продовольственную карточку и ведомственную жилую площадь.

Решающим рубежом политики закрепощения можно считать постановление ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 года «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов». В нем было сказано, что целью постановления является «лучший учет населения городов, рабочих поселков и новостроек и разгрузки этих населенных мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях или школах и не занятых общественно полезным трудом (за исключением инвалидов и пенсионеров), а также в целях очистки этих населенных мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов». Отныне без разрешения начальства, без прописки никто не имел права переменить место работы или жительства. Содержание Положения о паспортах было засекречено, известно лишь в объеме извлечений, приведенных в паспорте. Без паспорта человек был чистым ничто, иллюзией.

Государство, от которого человек получает паспорт, выступает как истинная сущность личности, а получение паспорта — как признание государством существования личности. Закрепощение приняло две формы. Одна, более гибкая, распространялась на лиц, обладающих паспортами, и давала некоторую свободу действий в рамках паспортного режима и действующего законодательства. Владелец паспорта мог по существующим правилам обменять квартиру или сменить работу с согласия начальства. Другая форма, охватившая колхозников, заключалась в том, что им паспорта вообще не выдавались. Это ставило человека в положение жестко прикрепленного к земле, к данному хозяйству. Эта масса населения лишена была права перемещения без соответствующей справки, выданной местными органами. Каждый был закрепощен за своим колхозом-общиной. Люди, в особенности заключенные, рассматривались как рабочая сила, как груз на транспорте и т. д. Провозглашенный в свое время интеллигенцией идеал творческого подъема обернулся рабским, подневольным, губительным трудом. Хотя нельзя утверждать, что хозяйственные потребности целиком определяли количество заключен-

ных в стране, все же такая зависимость существовала: «Не число реальных „преступников" (или даже „сомнительных лиц") определило деятельность судов, но — заявки хозяйственных управлений», — писал Солженицын⁸². Идея Ленина об «очистке земли российской от всяких вредных насекомых»⁸³ (от людей-насекомых!) приобретала зловещее воплощение.

В постановлении от 28 декабря 1938 года правящая элита вступила в бой с хаосом на производстве. В нем говорилось о людях, которые своей «недобросовестной работой, прогулами, опозданиями на работу, бесцельным хождением по предприятию в рабочее время и другими нарушениями правил внутреннего трудового распорядка и также частыми самовольными переходами с одних предприятий на другие разлагают дисциплину труда, наносят большой ущерб промышленности, транспорту и всему народному хозяйству... Они не работают полностью даже установленных часов рабочего дня, нередко работают всего только четыре или пять часов, растрачивая остальные два-три часа рабочего времени впустую... Когда летунов и лодырей выгоняют, они пытаются сутяжничать и, не работая, добиваются оплаты за якобы вынужденный прогул... Некоторые профсоюзные, хозяйственные, а также судебные органы проявляют недопустимое попустительство к нарушителям трудовой дисциплины и даже потакают им вопреки интересам народа и государства, решая зачастую вопросы о восстановлении на работе, о выплате пособия по временной нетрудоспособности, о выселении заводских квартир и т. д. в пользу летунов или прогульщиков. Большие злоупотребления именуют место также в практике использования отпусков по беременности и родам...»

Правящая элита видела выход в дальнейшем закреплении, в усилении внешнего давления на людей. Другие методы, связанные со стимулированием внутренней ответственности, исчезли из реальной политики. Вершиной процесса закрепления был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года, который в ответ «на просьбу профсоюзов», без всякой иной мотивировки, удлинял рабочий день на час и вводил семидневную рабочую неделю. Вместе с тем отменялось увольнение как мера борьбы с прогулами, заменяясь уголовной ответственностью. Запрещался самовольный уход и перемена места работы. Руководители, не подавшие на прогульщиков в суд, сами подлежали уголовной ответственности. Одновременно было издано постановление правительства «О повышении норм выработки и снижении расценок». В том же

⁸² Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 3. М., 1990. Т. 2. С. 385.

⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 204.

году был издан указ «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий на другие». Старая практика продажи крепостных «без земли» вновь была восстановлена. Теперь, однако, она распространялась и на образованную часть городского населения. Дальнейший процесс закрепощения связан с ужесточением уголовного законодательства в отношении опоздавших на работу, нарушающих паспортный режим и т. д., что обеспечивало «Архипелаг ГУЛАГ» бесперебойным пополнением. Вторая мировая война усилила процесс дальнейшего закрепощения.

Впервые в истории российской государственности было как будто ликвидировано двоевластие, локальные миры, противостоящие медиатору. Ни Петр I, ни Ленин не могли решить эту задачу. Впервые возникла организация власти, где до самого низа сидели чиновники, чья жизнь, а не только благосостояние зависели от верности системе ценностей центральной власти. Все было подчинено идее авторитарного порядка. Авторитарная версия псевдосинкретизма получила организационное воплощение в относительно короткие сроки. Сумбурная конфликтующая многоголосица ленинских времен сменилась простой стройной системой, где все просматривалось, прослушивалось. Теперь можно было повторить за Петром I: «Не все ли неволею сделано?»

ЗАГАДКА ТЕРРОРА

Система такого рода требовала повседневного террора. Он возник раньше, но теперь достиг высшего совершенства. Каковы же причины этого неслыханного по масштабам явления?

Победа нового строя означала для его сторонников, что Правда содержит в себе необходимость собственного самутверждения. Ленин в 1918 году считал, что «если теперь найдется в России десятки людей, которые борются против Советской власти, то таких чудаков немного, а через несколько недель не будет и совсем»⁸⁴. Очевидно, что Ленин верил в возможность избежать серьезных столкновений и тем более террора. В первое время суды выносили мягкие приговоры и даже отпускали людей, опасных для режима. На первых порах большевикам казалось, что рано или поздно люди поймут, где Правда. Однако эти ожидания оказались тщетны. Реакция на отказ от Правды носила инверсионный характер. Крестьянин прошлого века А. Петров говорил, что помещика, вступившего

⁸⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 307.

на крестьянскую землю, следует сначала гнать «добрым словом». И лишь если он не послушает, «сечь ему голову». Никакого промежуточного варианта инверсионное сознание не предусматривало. Нежелание людей прислушаться к «доброму слову» неизбежно расширяло круг тех, которым следовало бы «сечь голову». Иначе говоря, в соответствии с этим *принципом Антона Петрова* террор был неизбежен как инверсионный ответ на дискомфортное состояние, появившееся в результате неспособности Правды самоутвердиться. На эту ситуацию манихейское сознание отвечает экстремистским избиванием врага. Человек синкретически сливается с Правдой и утверждает ее через себя, себя через нее, избивая кривду. Существование такого сознания является условием террора, направленного на некоторую модификацию образа врага.

Причины великого террора лежат глубоко в истории страны, в специфической реакции расколотой культуры на труднейшие, непосильные для этой культуры задачи. Чтобы понять причину стремления власти к террору, можно было бы указать на исторические прецеденты. Например, массовый террор, своеобразная тактика выжженной земли применялись ассирийскими правителями еще во II тысячелетии до н. э. В IX веке до н. э. ассирийские цари использовали эту тактику при покорении соседних царств и племен⁸⁵. В этой жестокости не было необходимости с военной точки зрения. Ассирийское государство стремилось включить покоренные племена в государственную жизнь, заставить их внутренне согласиться с навязанным государством, с самим принципом государственности, приучить их к государственной дисциплине сословного общества. Для этого применялись методы истребления местного населения, которые, однако, в следующем веке были заменены переселением этносов в другие места, чтобы оторвать их от родных мест и сделать более податливыми. В результате было создано огромное государство, охватившее пространство от Египта до Западного Ирана.

Эта отдаленная историческая аналогия показывает, что государственность может для ослабления догосударственных слоев применять средства *массового истребления населения, направленные не столько против конкретных лиц, сколько против всего населения, с целью сломить определенные формы его социальной организации, вытравить определенные элементы догосударственной культуры.*

Однако аналогия с Ассирией может дать материал для объяснения действий власти, но не рядовых граждан. В СССР

⁸⁵ См., например: История древнего мира// Под ред. Дьяконова И. М. и др. М., 1983. Т. 1. С. 190-191; М., 1982. Т. 2. С. 30-33 и др.

террор был направлен на людей, хотя и далеко не всегда довольных, но в принципе лояльных и не помышлявших об оппозиционной деятельности. Загадочность террора именно в том, что он был направлен на своих. Очевидно, это было возможно лишь в условиях массового шока, массового дискомфорта состояния, раздражения против злых сил, которые, несмотря на то, что их непрерывно били и громили, якобы умудрялись лишь лучше и глубже замаскировываться и еще эффективнее вредить. Разрушение старых связей превращало отношения людей с окружающим миром в кровоточащую рану, каждое прикосновение к которой могло вызвать опасное возбуждение. Дискомфортное состояние усугублялось официальным прокламированием того, что социализм, идеальное общество уже построены, что воплощена вековая мечта человечества о конце извечного насилия истории над человеком, той истории, в которой до сих пор хозяйничала кривда. Практически эта идея воспринималась как необходимость ликвидировать некоторые недоделки. Ситуация, когда до счастья, до изобилия оставался «один поворот», когда на часах было без пяти минут вечность, увеличивала ярость против затаившихся оборотней, которые, предвидя свою окончательную гибель, усиливали вредительские козни. Разрушение привычных форм жизни в городе и деревне при одновременном росте оптимизма и веры в близкое светлое будущее, во все хорошее в мировом масштабе создавало *фантастическое нравственное напряжение, находившее разрядку в ярости против врагов народа, этих модифицированных оборотней.*

Превращение родившегося в бунте самоистребления в официальный террор означало, что всякий эмоциональный взрыв масс против каких-то врагов, неважно — каких именно, позволял государству расширить сферу и масштабы террора. Каждый, пусть небольшой, успех постоянно увеличивал террористические возможности государства, силы медиатора. Решение медиационной задачи на основе крайнего авторитаризма требовало ликвидации всякой возможности укрепления организации на основе локальных ценностей, требовало сопротивления превращению любой организации в крепость локализма. *Борьба велась не столько против определенных лиц, сколько против склонности каждого лица превратить любую организацию, от колхоза до политбюро, от воинской части до министерства, в особый локальный мир, противостоящий центру.* Это объясняется тем, что люди, пришедшие к власти и концентрировавшиеся на всех уровнях управления, вплоть до политбюро, знали лишь одну форму организации жизни — локальные сообщества, группы «своих» людей, с которыми

можно было установить эмоциональную близость. Но именно с этим наступающий авторитаризм не хотел мириться. Собственно, здесь лежала непосредственная причина террора против независимых от медиатора социальных отношений, очагов творчества, равнодушие его исполнителей к личности жертв террора, к их индивидуальной вине. Отсюда — не стремление выявить и покарать виновных, а борьба за выполнение *контрольных цифр террора*. Террор должен был постоянно разрушать очаги локализма в каждой точке общества.

Страх перед человеческим общением — смысл террора. Это подметил А. Изгоев в 1918 году: «Никогда в обществе социальные связи не были столь слабы, столь подорваны, как во времена официального царства социализма. Человек человеку волк — вот основной девиз этих страшных дней. Сотрудничество и общность были лишь во время преступления»⁸⁶. Солженицын пишет о замысле «огромной мешалкой перемешать все сто восемьдесят миллионов»⁸⁷.

Расширение террора на базе стихийного самоистребления означало, что *значительная часть населения признавала право на насилие над собой правящей элиты*. Это вытекало из древнего представления о приобщении личности к внешней, подчас капризной силе, требующей человеческих жертв. Признание такого права на насилие над собой содержалось в двойственном отношении к власти. Оно связано со страхом древнего человека отпасть от целого, страхом перед своей неспособностью найти внутренние основания для жизни, которые могли бы заменить те, что порождаются страшной, но необходимой силой внешнего авторитета: идола, государства и т. д. Типична ситуация, когда реакция на арест окружающих за анекдот, за неосторожное выражение была аналогична реакции на нарушение древнего обычая, ритуала, на оскорбление идолов. Виноват сам арестованный, который был неосторожен, поддался настроению и т. д. При этом *массовое сознание осуждало ритуальную, а не содержательную сторону поступков*, в данном случае — не содержание анекдотов, а неосторожность.

КТО ЖЕ ВИНОВАТ?

Слабость срединной культуры, неспособность людей разобратся в происходящем превращали манихейство в единст-

⁸⁶ Изгоев А. С. Социализм, культура и большевизм// Из глубины. М., 1989. С. 161.

⁸⁷ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 2.

венную основу для комфортного толкования событий. Это делало насилие над оборотнем, погром все более важными формами отношения личности к окружающему миру. Всякая попытка реализовать это стремление фактически превращалась в самоистребление, так как оборотнем оказывался каждый. Н. Бердяев еще в 1918 году писал: «Я знал, что в русском народе и в русской интеллигенции скрыты начала самоистребления»⁸⁸. Гигантские размеры приняла охота за шпионами, борьба с троцкизмом, о котором рядовой человек часто не имел ни малейшего представления. (Характерный случай, когда один зэк объяснял, что он посажен за то, что был трактористом. В действительности его обвиняли в троцкизме, но он не знал этого слова.) *В основе террора лежит массовая вера в мировое зло, воплощающееся в конкретных лицах, которых можно изобличить и уничтожить; массовая вера во всемогущество зла, которое может овладеть буквально всеми. Отсюда правомерность безличной борьбы с мировым злом, уничтожения практически любого, так как ошибки не будет. Например, следователь верил в «общую версию виновности. Эту общую версию надо умело применить к данному лицу и создать версию конкретную»⁸⁹. Другой работник органов высказывается еще более четко: всеобщая виновность делает правомерным то, что люди отличаются только тем, что одни попались, а другие — нет. Поэтому попавшиеся не должны жаловаться. Проблемы личной вины попросту не существует, а значит, и террор не является преступлением.*

Исследование А. Гуревичем аналогичных по своей сути явлений на Западе показывает, что «многие судебные преследования ведьм начинались под давлением населения, которое требовало расправы над виновниками обрушившихся на него бедствий: падеж скота, неурожай, внезапные заморозки, смерть ребенка, болезни приписывались злокозненным действиям тех или иных лиц, и виновных надлежало устранить. Сельское и городское население легко поддается панике, вызываемой слухами об отравлениях, действии сглаза, колдовстве». «...В преследование ведьм были втянуты самые широкие круги общества...» Для крестьян XVI-XVII веков «враг был рассеян повсюду». «Известны многочисленные случаи, когда инициатива в гонениях на ведьм принадлежала жителям деревень, и прихожане обращались к властям с требованиями искоренить ведьм, не останавливаясь перед расходами...» Люди твердо знали, что «беда не может быть объяснена простой случайностью или одними естественными причинами,— здесь непре-

⁸⁸ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 6.

⁸⁹ Рыбаков А. Н. Дети Арбата// Дружба народов. 1987. № 4. С. 100.

менно должна была проявиться и чья-то злонамеренность, выразившаяся в магических, колдовских действиях, и было нетрудно заподозрить в качестве виновного то или иное лицо, репутация которого была безупречна или отношения с которым были натянуты». «Крестьяне и горожане оказывали давление на власти, требуя расправы с ведьмами, и ликовали при виде костров, на которых их сжигали», «Нужен был „козел отпущения“, некая фигура, на которую можно было возложить свои страхи и грехи (в том числе и свое собственное участие в магических ритуалах) и преследование которой вернуло бы деревенскому коллективу чувство здоровья и внутреннего благополучия». «Тот факт, что обвинения в черной магии сплошь и рядом выдвигались по инициативе сельских жителей, несомненно служит показателем трений и конфликтов внутри общины». «Факт остается фактом: во второй половине XVI и в XVII в. массы людей были охвачены страхом, побуждающим их искать виновников своих невзгод в соседях и доносить властям об их фантастических преступлениях»⁹⁰. А. Чижевский писал в 1927 году: «Обвинения против колдунов и колдуний случались тогда, когда страну постигали какие-либо бедствия и нервная возбужденность населения повышалась»⁹¹. В России, однако, подобные борцы со злом становились официальными лицами и выносили соответствующие приговоры от имени государства. Важнейшее различие заключается в том, что на Западе все подобные коллизии разыгрывались в рамках устоявшейся государственности, опирающейся на уже сложившееся христианство. В России дело обстоит наоборот. Массовое язычество сокрушило государство, тяготеющее к христианству, и новое государство мучительно пыталось институционализировать разрушительную активность традиционализма, испытывающего сильнейший дискомфорт.

Все физические явления древние славяне объясняли действием скрытых сил «богов или демонов», но к жизни эти силы вызывались «мольбами, заклинаниями и чарами вещей людей». Здесь видно чисто мифологическое представление о человеке, обретающем силу в результате его приобщения ко внешней среде. Зло в человеке, в сущности, — результат приобщения личности к внешней силе зла. Вера во всемогущество зла была исключительно велика. А. Афанасьев сообщает, что «крестьяне до сих пор убеждены, что колдуну стоит только захотеть, как тысячи народов падут жертвами смерти». Отсюда,

⁹⁰ Гуревич А. Я. Ведьма в деревне и пред судом // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 14-15, 22, 34, 36, 38, 42, 44.

⁹¹ Чижевский А. Психические «эпидемии» и солнечные «взрывы» // Родина 1992. № 4. С. 29.

естественно, стремление разоблачить и уничтожить злые силы, с тем чтобы спасти себя и своих близких. Оборотнями могли быть даже близкие родственники. В XI веке вера в возможность оборотней вызывать голод, уничтожать урожай, делать безуспешным промысел рыбаков и охотников была так велика, что люди «сами выдавали на побиение своих матерей, жен и сестер». «Женщин, заподозренных в чародействе и похищении дождя и земного плодородия, жгли, топили и зарывали живьем в землю». Гуцулы топили ведьм еще в 1827 году. Сам акт уничтожения оборотней должен был возратить земле дождь и плодородие. Афанасьев приводит свидетельство Котошихина, который сообщает, что «мужчин за богохульство, церковную татьбу, волховство, чернокнижество и ереси сожигали живых, а женщинам за те же преступления отсекали головы». «В старину ни одно важное дело не обходилось без обвинения в чародействе»⁹².

Глубокие массовые основы террора лежали в древней враждебности локальных сообществ ко внешнему злу, в страхе перед всем, что лежит за пределами «Мы», в страхе перед оборотнями, которые постоянно прячутся среди людей. Это верно для всех народов на определенных этапах их развития. Исследования показывают, что «вера в оборотничество — характерная черта восточных славян». В оборотнях воплощаются зло, несчастье, горе, они «в русской народной поэзии, особенно в сказках... могут иметь образы как людей, так и животных»⁹³. Поиск носителей зла среди окружающих людей — постоянная задача архаичных обществ, значение и масштабы которой могут резко возрастать в периоды кризиса, слома комфортного мира. Факты расправ с оборотнями многочисленны. Например, в летописи говорится о сожжении 12 ведьм в Пскове в 1411 году. Известны факты, когда к сожжению на костре еретиков приговаривала боярская дума⁹⁴. Стольник А. И. Безобразов из старинного рода был казнен в 1690 году. Обвинение включало «злоумышление против царя через волшебство... Ворожившие в пользу Безобразова коновалы были сожжены „в срубе“. Его холопы, чувствуя предстоящее падение вотчинника, потянулись „в приказ Розыскных Дел“ с „известиями“ „про злой умысел“ Безобразова „на здоровье“ великого государя и его матери царицы „в волшебном воровстве“, за что некоторые из них получили по 100 рублей»⁹⁵. В

⁹² Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избр. статьи. М., 1982. С. 415-417. Большой материал об оборотнях см. в главе «Процессы о колдунах и ведьмах».

⁹³ Карский Е. Ф. Белорусы. М., 1916. Т. 3. Кн. 1. С. 43.

⁹⁴ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919. С. 512.

⁹⁵ Новосельский А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. С. 29, 65.

Воинском Уставе Петра I за чародейство полагалось сожжение. Историк В. Татищев в своей истории России рассказывает, что он спас женщину от сожжения в 1714 году. В XVIII и даже XIX веке обвинения в колдовстве достаточно многочисленны. В XVIII веке известны случаи «разоблачения» и сожжения людей как упырей⁹⁶. Розыск ведьм мог завершаться закапыванием живой женщины для прекращения моровой язвы, а также сожжением живого человека для той же цели⁹⁷. В 1855 году была закопана в землю живая старуха в Новорусском уезде для прекращения холеры, а в 1864 в Харьковской губернии суд призвал в качестве эксперта знахаря, который и изобличил ведьму, обвиняемую в порче коровы. Собравшиеся крестьяне ее жестоко избили, а суд приговорил уплатить за корову. Ефименко цитирует документ, в котором говорится о том, что многих женщин сожгли⁹⁸. В периодике конца XIX века можно найти информацию об убийствах колдунов⁹⁹, о сожжении ведьмы в Сухумском округе, разоблаченной ворожеей¹⁰⁰. Все это не обходилось без активизации массовых представлений о том, что разрешается убивать еретиков как врагов божьих¹⁰¹. Но наказание изобличенных могло носить и более мягкий характер¹⁰².

Страх перед внешними опасностями мог выразиться в самых зверских формах. Многочисленные сообщения в газетах конца прошлого века говорят о самосудах над подозреваемыми в кражах и поджогах.

Подобные обвинения были необходимым элементом повседневной жизни, составной частью принимаемых решений. В каждом селении были люди, которые могли в кризисной ситуации рассматриваться как носители зла. Например, при всякой повальной болезни и падеже скота обрекали на смерть женщину, заподозренную в злом волшебстве. Один из героев Гоголя считал всех старых женщин ведьмами («Вий»). В этой ситуации могли возникнуть и самооговоры. В такой атмосфере само представление о ложном оговоре теряло смысл. Для синкретического сознания важно было не только изобличение

⁹⁶ Ефименко П. Упыри// Киевская старина. 1883. Т. 6, июнь. С. 371.

⁹⁷ Селецкий А. Колдовство в Юго-Западной Руси в XVIII ст.// Там же. 1886. Т. 15. С. 210-213.

⁹⁸ Ефименко П. Суд над ведьмами// Там же. 1883. Т. 7, ноябрь. С. 382-383.

⁹⁹ Внутренние известия// Русский курьер (Самарская губ.). 1880. № 46; см. также сообщение Белюстина в «Новом времени» (1880, № 1436).

¹⁰⁰ Сожжение колдуньи// Губернские ведомости. 1889. № 39.

¹⁰¹ П-ъ И. Усинские старообрядцы// Русские ведомости. 1881. № 210.

¹⁰² Наказание по подозрению в волшебстве (Конотопский уезд)// Северный вестник. 1877. № 188; Порядок (Хоперский округ). 1881. № 26; Самосуд над колдуньей// Киевские губернские ведомости. 1882. № 67.

конкретного виновника зла. Сам акт уничтожения обвиняемого должен был то ли ослабить силу зла, то ли, как и всякая жертва, умиловить зло. Само возникновение представления о ложном доносе означало, что в обществе появились люди и институты, уже противостоящие этим мифологическим воззрениям. Есть свидетельства, что в XVIII веке суды уже вели борьбу с оговорами. В 1714 году плотничья жена Варвара, взятая к допросу, повинилась, что умышленно пыталась обвинить своих недругов в том, что они наводили порчу. В синкретическом сознании слово не отделялось ни от объекта, ни от оценки этого объекта и, следовательно, уже несло в себе определенную нравственную оценку, определенный приговор. Очевидна неадекватность архаичных представлений сложным проблемам большого общества, что в конечном итоге имеет разрушительные последствия.

«ЭТО НЕ ЛЮДИ, ЭТО КУЛАЧЬЁ»

Древние представления о добре и зле постепенно усложнялись и могли приобрести характер определенной социологической конструкции. Например, духовными христианами вся история рассматривалась как борьба двух родов — Каинова, т. е. сынов погибели, и Авелева, т. е. людей божьих. Еще Аввакум рассматривал социальный конфликт как борьбу Каина и Авеля. Люди из Каинова рода характеризуются тем, что «в оскудении плодятся у них всяких родов хитростей, лукавства, притворства, лицемерия, несправедливости, обманы, клеветы, поношения, суждения одного перед другим, грызения между собой» и т. д. Этому Каинову племени противостоит «новый человек», носитель добра. Люди такого рода — «чады божьи», которые находятся «во всем мире в разсеянии». Это, в сущности, модернизация старых идей о людях и нелюдях. Ведь люди Каина, в сущности, — нелюди. К ним применяются такие слова, как «волчьи», «песьи» и т. д.

В условиях псевдосинкретизма эти представления оказались важной предпосылкой террора, когда говорили: «Это не люди, это кулачье», когда кричали высылаемым: «Вы проклятые»¹⁰³. Налицо идущий из древности манихейский взгляд на причины социальных неурядиц, доживший до двадцатого столетия. Вот выдержка из газеты М. Каткова. После покушения на царя слесарь «с закопченными руками» говорил: «Спуску много давали. Всех бы передушить... Десяток невинных пропало бы задаром, зато, может быть, от сотни и больше злодеев царских

¹⁰³ Гроссман В. С. Все течет // Октябрь. 1989. № 6. С. 76.

избавили бы Россию»¹⁰⁴. При Сталине изменение коснулось лишь стремления передуть не согну, а десятки миллионов.

Террор мог процветать лишь в условиях активизации массового страха. Между тем «страх есть господствующий элемент в крестьянской жизни; религия и земные власти действуют на мужика страхом, таинственные явления природы, могущие в каждую данную минуту пустить его по миру (град, ливень, гроза, засуха и пр.), заставляют его пребывать в постоянном трепете; не мудрено, что мужик, испытав на себе воспитательное значение страха, научается действовать, в случае нужды, на других преимущественно страхом же». Отсюда дикое самоуправство. «Очень немного удольских общественников было твердо уверено в виновности ссылаемых лиц; большинство же, вероятно, рассуждает так: „кто их знает, може они, а може и не они; во всяком разе, острастку им дать не мешаеет“»¹⁰⁵. Важнейшие параметры процедуры террора являются результатом экстраполяции на нее архаических ценностей. Например, известный принцип сталинской юстиции, что собственное признание подсудимого является главным доказательством вины, господствовал в волостных судах, созданных в 60-х годах прошлого века¹⁰⁶. Своим истоком этот принцип имел традиции древней (и в частности — средневековой) юриспруденции.

В моменты величайшего кризиса имел место мощный выброс страха в общество вплоть до вершин власти. *Страх — не результат запугивания, не чистая физиология. В обществе страх — элемент культуры, особый тип социальных отношений.* Что может быть страшнее гибели в лагерях людей, которые не совершали реальных проступков? Между тем миллионы не сопротивлялись. Эти люди относились к событиям, как к стихийным, независящим от них явлениям, как к землетрясению. Вместе с тем была громадная вера в вожда, в начальство, которые рано или поздно разберутся «по справедливости».

Нет свидетельств, подтверждающих, что все, кто был причастен к террору, работали из страха. Все говорит об обратном. В терроре как бы воплощалась высшая Правда, он воспринимался как последняя очистительная битва высшей Правды со злом. Писали доносы и расстреливали, искренне полагая, что исполняют великий долг, участвуя в исторической битве со злом. А. Солженицын приводит эпизод с чс-

¹⁰⁴ Московские ведомости. 1879. 19 апр.

¹⁰⁵ Астырев Н. М. В волостных писарях. Изд. 3-е. М., [б. г.]. С. 285-286.

¹⁰⁶ Пахман С. В. Обычное гражданское право в России. СПб., 1877. Т. 1. С. 410-412.

кистами Осетии, которые, получив развертку по республике расстрелять 500 человек, предложили встречный план и добились разрешения на расстрел еще 250 человек «сверх плана»¹⁰⁷. Здесь явный энтузиазм. Нельзя не согласиться с Солженицыным, что «даже сам Сталин начинает казаться лишь слепой и поверхностной исторической силой»¹⁰⁸. Люди, находящиеся во власти древних представлений, не знали, что они одним движением могли бы все изменить. «Зэкам никак не может придти в голову, что общий ход событий можно было бы изменить»¹⁰⁹. Люди были равнодушны к судьбе друг друга. «Что сменили всех областных вождей — так для нас это было решительно все равно. Посадили двух-трех профессоров, так мы с ними на танцы не ходили, а экзамены еще легче будет сдавать»¹¹⁰. Разве не отрекались жены от мужей, дети от родителей? Как могли люди так легко пожертвовать естественными привязанностями в угоду этой безумной всепожирающей силе? Растерявшие старые социальные связи, утеравшие веру в них, люди готовы были видеть врага в любом, даже близком человеке. В. Гроссман показывает, что те, кто раскулачивал, были «все свои же люди знакомые»; «кто отбирал хлеб, большинство свои же...»¹¹¹.

После Великой реформы общий страх перед изменением социальной ситуации усилился, что выразилось прежде всего в активизации древней общины, стремлении защитить себя от внешнего мира, где расширялась сфера товарно-денежных отношений, требующих изменения всей системы социокультурных взаимосвязей, изменения содержания, характера труда, перехода к его более сложным формам. Активизация архаичного локализма имела одним из своих аспектов усиление страха перед внешними скрытыми и явными оборотнями, активизацию поиска врагов. Это открывало путь для демагогов, доктринеров различных мастей брать на себя функцию разоблачителей этих оборотней. Впрочем, крестьяне и сами знали своих врагов. Уже на первом съезде Крестьянского Союза в 1905 году зал поддерживал высказывания, что «кулаки еще хуже помещиков»¹¹². Большевизм выставлял в качестве главного носителя зла коварного либерала. Г. Зиновьев еще до

¹⁰⁷ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 1. М., 1990. Т. 1. С. 60.

¹⁰⁸ Там же. С. 58.

¹⁰⁹ Там же. Т. 2.

¹¹⁰ Там же. Т. 1.

¹¹¹ Гроссман В. С. Всё течет. С. 75, 78.

¹¹² Материалы к крестьянскому вопросу: Отчет о заседании делегатского съезда Всероссийского Крестьянского Союза. 6-10 ноября 1905 г. Ростов-на-Дону, 1905. С. 7.

переворота писал: «Контрреволюция милюковская — вот подлинный враг, вот главный враг»¹¹³. Во время гражданской войны врагов нового государства называли кадетами. Слово «кадет» — сокращенное наименование члена русской либеральной партии — воплотило ненависть к либеральной интеллигенции, к поборникам нежелательных перемен, к защитникам старого строя.

Слова «кадет», «кулак», «подкулачник», «вредитель», «враг народа» и т. д. конкретизировали носителей зла, сообщая видимость бесспорности факту их принадлежности к злу. Фактически достоверность была на уровне плаката, где носители зла изображались в виде определенного символа, без конкретных человеческих признаков, которые лишь мешают распознать врага. «Кулак», т. е. носитель зла, например, всегда изображался толстым (традиция, которой держался еще Аввакум). Слова «вредитель» и ему подобные определяли безграничную злобу и коварство кривды, мировой буржуазии, якобы подкупившей тех, кого называли вредителями.

Превращение древних представлений в господствующие в условиях машинного производства и государственности в обществе с большим разнообразием социальных групп и профессий не могло не привести к фантастическим последствиям, к миру, где древние оборотни вышли из лесов и рек и заполнили городскую жизнь. Как, например, можно истолковать на языке вечной борьбы Правды и кривды проблемы организации и технологии промышленного производства?

Оказывается, можно. Например, процесс «Промпартии» (1930 год) пытался показать всем злые силы, которые виновны в дезорганизации промышленности. На процессе доказывалось существование единого организованного руководящего центра вредительской работы в основном управленческом аппарате всего народного хозяйства. В обвинительном заключении говорилось о многочисленных вредительских организациях, о длительном периоде их существования, об их внутренней организованности и спайке, об их постоянном контакте с зарубежными контрреволюционными организациями, с бывшими собственниками национализированных предприятий, о связи с международным капиталом. Указывалось, что вредительские организации не могли осуществлять свои замыслы «без помощи извне». Социальной базой вредительства были «политические настроения в рядах старого инженерства, колебавшегося обычно в границах от кадетских до крайне правых монархических убеждений» (показания Л. Рамзина). Подсудимым вме-

нялась в вину вся бесконечная система неурядиц производства, которые присущи советской системе на всех этапах ее существования. Все это затрагивало основные, ведущие отрасли промышленности, а через них — и все хозяйство. Таким образом, вредительством, т. е. современной модификацией злобной кривды, объяснялись все обычные неполадки. Это объяснение важно было тем, что оно было понятно массам, объясняло, почему никак не восторжествует Правда. Оно сплачивало народ вокруг власти как гаранта против злых сил, цементировало синкретическое государство, усиливало поток получаемой властью социальной энергии. Но эта форма коммуникаций власти и народа имела роковую слабость. Она лишь усиливала дезорганизацию на производстве и в стране. Она не имела ни одного атома конструктивного смысла. Древнее видение мира, древний язык органически требовали избиения оборотней, а не творческого созидания. Этот язык был связан с древней системой конструктивной напряженности, препятствующей развитию, совершенствованию.

ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ ПОГРОМА

Террор возник на улицах как средство расправы с представителями старой власти, с буржуазией, с полицией и т. д. Его потенциальные возможности были заложены в страхе крестьян, замкнутых в своих локальных мирах, и в их вражде к чуждому внешнему миру. Во время бунтов избиение представителей власти, включая и своих «выбранных», было распространенным явлением. Привыкшие к изуверству и «дешевизне» человеческой жизни, крестьяне и сами были пропитаны жестоким безразличием к человеческой личности. «Что за беда, если и 10 человек будет убито», — сказал один из крестьян Ирбитского уезда (1842)¹¹⁴.

Партия нового типа пыталась стать организационной формой этой ярости народной. Она приспособливалась к своим целям, стремилась использовать эффект парусника. После захвата власти большевиками разнuzданный уличный террор продолжался и нес в себе угрозу новой власти. Эта сила должна была быть поставлена на службу новому обществу. В докладе правительству глава карательных органов Ф. Дзержинский писал: «Полагая, что накопленная веками ненависть революционного пролетариата к своим угнетателям поневоле выродилась бы в ряд стихийных кровавых эксцессов, которые

¹¹⁴ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2. С. 480.

смели бы с лица земли как наших врагов, так и наших друзей, я поставил себе задачей систематизировать производство репрессий революционной властью. В течение всего прошедшего времени ЧК была поэтому не чем иным, как разумной и целесообразной организацией революционного пролетариата» (17 февраля 1922 года). Аналогичная мысль была высказана во время Французской революции Ж. Дантоном, который под влиянием массового стихийного террора призвал организовать террор в государственном русле, заявив: пусть будем страшными мы, а не массы¹¹⁵.

Медиатор институционализировал погром, превратив его в организованную машину террора, пользующуюся всенародной поддержкой. Миллионы людей, взвинченные разрушением своего образа жизни и несбывшимися надеждами, составлявшие идеальную основу для власти, придававшие этому процессу организованную форму, направили ее на укрепление государства, механизма принудительной циркуляции ресурсов для повседневной борьбы с локализмом, с «жидким элементом русской истории», с самой возможностью уклониться в любой точке общества от крайнего авторитаризма. В террористической деятельности власти сквозит страх, навеянный опытом многих поколений, стремившихся истребить правящий класс. Делались попытки «прореживать» население, впрочем, при его полной поддержке, так как эта практика интерпретировалась как борьба с мировым злом.

Опыт Запада также подтверждает, что движущие силы массового террора шли из народной почвы, отвечавшей таким образом на дискомфортное состояние. В средневековой Европе массы могли быть в первых рядах борцов с еретиками. Церковь здесь скорее следовала за народом, чем вела его за собой (Р. Манселли. Рим). В Западной Европе в конце XV и в XVI веке укрепившийся абсолютизм «все более решительно и разносторонне вмешивается в жизнь крестьянства. Самосуды над ведьмами, которые подчас устраивались в сельской местности, пресекаются, ибо центральная власть монополизировала судебные и полицейские функции и не терпела неподконтрольной ей местной инициативы. Отныне расправа над ведьмами осуществлялась государственными судьями...»¹¹⁶. Разумеется, здесь нет полной аналогии с Россией, где старая власть пала жертвой архаичного взрыва, направленного против оборотней, проникших на высший уровень власти, вплоть до царя. Новая власть формировалась как попытка внести в мас-

¹¹⁵ Великая французская революция и современность. М., 1990. С. 32.

¹¹⁶ Гуревич А. Я. Ведьма в деревне и пред судом// Языки культуры и проблемы переводимости. С. 45.

совую борьбу с оборотными элемент организованности, который означал бы одновременно укрепление этой власти. На Западе функцию борьбы с оборотными взяла на себя уже существующая власть, постепенно затормаживая крайние проявления массовой тревоги, возникшей в эту эпоху в Европе. Общим является то, что *террор возник на основе массового страха, дискомфорта состояния, с которым локалистское сознание может столкнуться в большом обществе. Эта тревога была неотделима от враждебности к чужим.* «Русский рабочий, конечно, был прав, когда в каждом не своем видел скорее врага, чем друга», — говорил на одном из судебных процессов 1922 года Н. Крыленко¹¹⁷. Для России традиционно большой интерес представлял опыт Французской революции. Авторы «Исторического словаря Французской революции» (1989), а также некоторые советские историки считают, что корни террора следует искать «преимущественно в безудержном разгуле народной мести»¹¹⁸.

Народ отвечал на страх массовыми доносами, т. е. обращением к власти, тем самым выражая ей определенное доверие, сопряженное с надеждами на ее спасительные функции. Власть, в свою очередь, поддерживала это стремление, видя в нем форму поддержки. Еще Уложение 1649 года сделало «навет в государственном деле» обязанностью каждого. Изобличенных полагалось казнить «без всякой пощады». За несправедливый навет не наказывали, а за подтвердившийся доносчик получал половину штрафа. При Петре I, как это следует из записок князя П. В. Долгорукова, донос был возведен в обязанность. Чтобы поощрять доносчиков, им обещалось имущество, конфискованное у обвиняемых. Крепостные, доносившие на своего барина, получали вольную немедленно. В тех же записках о периоде царствования Анны Иоанновны говорилось, что «доносчики были везде». В другую эпоху А. Энгельгардт писал: «Развелось такое множество охотников писать доносы, что, я думаю, целые массы чиновников требовались, чтобы только успевать перечитывать все доносы... Чуть маломальски писать умеет, сейчас донос и пишет»¹¹⁹.

Террор в значительных масштабах начался к середине 1918 года. Он был направлен в основном против наиболее зажиточ-

¹¹⁷ Крыленко Н. В. За пять лет (1918-1922). М.: Пг., 1923. С. 458.

¹¹⁸ Погосян В. А. Рецензия на «Исторический словарь Французской революции» // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 228; см. также: Dictionnaire historique de la Revolution franchise. Paris, 1989. P. 491. 1020, 1046; Актуальные проблемы изучения истории Великой Французской революции. М., 1988 (статья А. В. Адо, В. П. Смирнова и др.).

¹¹⁹ Энгельгардт Л. Н. Из деревни. С. 433.

ной части деревни. В городах он приобрел широкий размах с сентября 1918 года. В опубликованном в сентябре 1918 года постановлении правительства о красном терроре ставилась задача «обеспечить советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях», объявлялось, что «подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам»¹²⁰. Ленин предлагал в качестве наказания за грабеж и спекуляцию расстрел на месте. Объектом террора оказался и новый аппарат, не отвечавший, разумеется, идеалам пролетарского государства. Смертью грозила даже умышленная волокита¹²¹.

ТАЙНА САМОИСТРЕБЛЕНИЯ

Раскол, порожденный двойственным отношением к власти, создал ситуацию, в которой сама совесть как бы раскололась. Жизнь по совести — это и подчинение властям (царю, его слугам, комиссарам и т. д.) как носителям высшей Правды, это и бунт против них как против зла, которое воплощает начальство. Сила в синкретическом сознании слилась с Правдой. Поэтому сила, подавившая бунт, может стать фактором, раскрывающим, что Правда, во имя которой был поднят бунт, была в действительности кривдой. Раскаяние бунтовщиков и революционеров — характерное явление для русской жизни, начиная с декабристов. В сознании масс сила власти выступала как нечто несущее в себе нравственное содержание, некое очищение от неправды, как вестник и олицетворение Правды. Именно поэтому общеприняты были телесные наказания, которые долго не встречали нравственного осуждения, считаясь, вроде бы, неким атрибутом патриархальных отношений. Это был способ коммуникаций царя с его приближенными и даже с духовенством при Петре I, особенно при Анне Иоанновне, и вплоть до XX века, а также начальства с крестьянством.

Проблемы разрешались насилием со стороны власти, которое воспринималось как своеобразное самобичевание, самонаказание. Крепостной Селифан из «Мертвых душ» Гоголя в ответ на угрозу высесть его отвечает барину: «Как милости вашей будет угодно... коли высесть, то и высесть; я ничуть не прочь от того. Почему ж не посесть, коли за дело, на то воля господская. Оно нужно посесть, потому что мужик балуется, порядок нужно наблюдать. Коли за дело, то и посеки; почему

¹²⁰ Известия. 1918. 10 сент.

¹²¹ Там же.

ж не посечь?»¹²². Иначе говоря, по мнению Селифана, порядок, сохранение сложившейся формы жизни стоит порки, внешней санкции, где физическое насилие извне — условие порядка, которому нет альтернативы. Эта вера в право внешних сил на насилие прямо переносилась на власть. В «Записке, поданной духовоборами Екатеринославской губернии в 1791 году губернатору Каховскому», доказывается, что существование людей Каинового рода может привести к тому, что «немогнейших вдруг передушили бы», если бы не учредили «благословенного в злом мире средства власти царской, правительства, начал, удерживающих, вяжущих злость их». Мудрейшие учредили «различнообразные власти, удерживающие беспутства их». Существование в мире зла, следовательно, оправдывает насилие власти.

В терроре поражают не столько его масштабы, сколько всеобщая причастность и одновременно пассивное отношение к нему. Не Сталин создал людей, склонных к террору, а миллионы на соответствующем этапе своего развития выделили его из своей среды и сделали кумиром, идолом, который давал внешнюю санкцию собственным ценностям миллионов. За террор несли ответственность все. Разумеется, никто не знал всего, но каждый, без исключения, знал что-то. И тот факт, что это, пусть мизерное, знание не побуждало узнать больше, узнать все, говорит о том, что незнание не причина, но следствие. А. Солженицын приводит разговор двух милиционеров: «Четыре дня я слушал-слушал, так и не понял: за что их осудили? — А, не нашего ума дело!»¹²³.

Люди не знали потребности в системе отношений и институтов, которые обеспечивали бы защиту их прав от посягательств ими созданного государства, что имело роковые последствия. На рабочий митинг в Ярославле в 1921 году из Москвы от ЦК к рабочим приехал советоваться по существу спора о профсоюзах представитель оппозиции Ю. Ларин. Он разъяснял рабочим, что их профсоюз должен быть защитой от администрации, что у них есть завоеванные права, на которые никто не имеет права посягнуть. Рабочие отнеслись к этому совершенно равнодушно, просто не понимая, от кого еще нужно им защищаться и зачем еще нужны им права. Когда же выступил представитель генеральной линии и клял рабочих за их разболтанность и лень и требовал жертв, сверхурочной бесплатной работы, ограничений в пище, армейского подчинения заводской администрации — это вызвало восторг митинга и

¹²² Гоголь Н. В. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1984. Т. 5. С. 41.

¹²³ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 1.

аплодисменты¹²⁴. В сущности, один этот пример раскрывает тайну сталинизма, тайну великого самоистребления миллионов. *Террор был поддержан большинством, хотя бы на уровне принципиального согласия.* Не было активного, массового движения против машины террора. Интересно вспомнить для сравнения, что против Гитлера было совершено или готовилось примерно десяток покушений. В России террор не осуждали его жертвы. «Сами жертвы в согласии с оперативниками ведут себя как можно благороднее, чтобы не дать живущим заметить гибель обреченного...»¹²⁵. «Кажется достаточно всем намеченным кроликам повестки — и они сами в назначенный час и минуту покорно явятся с узелком к черным железным воротам госбезопасности, чтобы занять участок пола в намеченной для них камере...»¹²⁶. «Почти все держались малодушно, беспомощно, обреченно». «Крепчайшей из невидимых цепей» была «общая пониклость, совершенная отданность своему рабскому положению. Даже и посаженные на пять и на десять лет, они не представляли, как можно бы теперь одиночно (уж боже упаси коллективно)... восстать за свою свободу, видя против себя государство (свое государство)... И настроение общее такое было в ИТЛ: что вы там с винтовками торчите, устались? Хотя разойдитесь совсем, мы куда не пойдём: мы же — не преступники, зачем же нам бежать?»¹²⁷. «Мы, советские люди, ступали на почву Архипелага духовно безоружными — давно готовыми к растлению...»¹²⁸. А Солженицын рассказывает о настроении одной из жертв: «Никакой обиды за расстрел мужа и за собственные отсуженные восемь лет она не испытывает. Все эти несправедливости учинили, по ее мнению, отдельные ягодины или ежовцы, а при товарище Берии сажают только правильно»¹²⁹.

Террор не был делом только исполнителей, сами жертвы (во всяком случае, значительная их масса) были убеждены, что все правильно. Еще в 70-х годах встречались люди, утверждавшие, что они сидели по ошибке, тем самым давая понять, что других брали за дело. Солженицын пишет: «Удивительно, что лже-вредители, понимая, что сами они никакие не вредители, высказывали, что военных и священников трясут правильно. Военные, зная про себя, что они не служили иностранным разведкам и не разрушали Красной Армии, охот-

¹²⁴ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1.

¹²⁵ Там же. Т. 2.

¹²⁶ Там же. Т. 1. С. 18.

¹²⁷ Там же. Т. 2.

¹²⁸ Там же. С. 418.

¹²⁹ Там же. Т. 2.

но верили, что инженеры — вредители, а священники достойны уничтожения. Советский человек, сидя в тюрьме, рассуждал так: я-то лично невиновен, но с ними, с врагами, годятся всякие методы. Урок следствия и урок камеры не просветляли таких людей, они и осужденные все сохраняли ослепление воли: веру во всеобщие заговоры, отравления, вредительства, шпионаж. Жертва одобряет террор, тайну, его окружающую! Иной замороченный сын, брат или племянник осужденного еще и фыркает тебе с убежденностью: „А как же ты хотел? Значит, касается дело... Враги узнают! Нельзя...”¹³⁰.

Народом владело убеждение в необходимости совершавшегося, в его великом очистительном смысле. *Вера в нравственную правоту террора была основана на чувстве вины каждого перед высшей Правдой, порожденном сознанием собственного бессилия перед злом.* Человек чувствовал, что и сам живет не по Правде, что зло присуще ему лично. Зло он видел в собственном утилитаризме, в жажде материальных благ, более выгодной работы, жизни по собственному вкусу, в стремлении отдалиться повседневным интересам. Не обладая адекватной уровню утилитаризма нравственной системой, человек чувствовал себя виновным в помыслах. Непреходящее чувство вины побуждало к самооговорам на следствии. В сочетании с пытками и нравственным, психологическим нажимом оно давало самые фантастические результаты. Б. Пастернак так описывал состояние сознания того времени: «Совесть ни у кого не была чиста. Каждый с основанием мог чувствовать себя во всем виноватым, тайным преступником, неизобличенным обманщиком. Едва являлся повод, разгул самобичующего воображения разыгрывался до последних пределов. Люди фантазировали, наговаривали на себя не только под действием страха, но и вследствие разрушительного болезненного влечения, по доброй воле, в состоянии метафизического транса и той страсти саморосуждения, которой дай только волю, и ее не остановишь»¹³¹. Человек не только внешне подчинялся всепожирающему идолу, но осуществлял древнюю партиципацию, проникался его сущностью. Серьезные исследователи единодушно подчеркивают всенародную поддержку массового террора. Политолог А. Мигранян пишет: «*Одной из сильных сторон сталинского режима, которая всегда получала поддержку и одобрение у широких масс и которая и сейчас все еще могла получить большую поддержку у значительного числа наших граждан, была ее ориентированность на проведение систематических, жестоких репрессий против чиновников и на-*

¹³⁰ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1.

¹³¹ Пастернак Б. Л. Доктор Живаго// Новый мир. 1989. № 4. С. 72.

чальства, начиная с самого высокого уровня. Традиционная ненависть к чиновникам и бюрократии и вера в доброго царя вызывали бурный восторг и одобрение, когда рушились вчерашние всемогущие чиновники и начальники. Это вызвало у многих людей иллюзию торжества справедливости... То, что управа совершалась с помощью самых диких мер беззакония, никого не волновало, так как народ ничего другого 'не знал, не умел и не понимал. Все жестокости, бесправие и произвол воспринимались как зло, но неизбежное, и переносились стоически. Утешением служило то, что доставалось всем, а начальству, может быть, больше и часто»¹³².

Судьбы людей того времени неотделимы от массового манихейского ажиотажа. Как отмечает биограф А. В. Чаянова, люди, «свято верившие в правоту своего дела и не жалевшие сил для победы социализма, верили тому, что неудачи в промышленности, скудные пайки, карточная система, а порой и настоящий голод — дело рук вредителей и их зарубежных вдохновителей — остатков белогвардейцев, помещиков и капиталистов... Поэтому проходившие в стране громкие политические процессы почти ни у кого не вызывали сомнений в их необходимости и в справедливости выносимых судьями решений. Бывало и так, что честные труженики даже выражали праведное недовольство мягкостью приговоров, удивлялись мягкотелости судей...» Атмосфера ненависти «разряжалась то массовыми демонстрациями протеста в связи с очередным судебным процессом, то разрушением шедевров архитектуры — церквей и соборов. Бурлила митингами и „Тимирязевка“, где, как оказалось, свили гнездо „враги народа“ — Чайнов, Дояренко, Голубев, Кондратьев и многие, многие другие. По просьбе студентов уничтожили церковь Петра и Павла, построенную в Петровском в 1691 году»¹³³. Этот чудовищный выброс архаичной борьбы с оборотнями, антитотемом был ответом на глубокий кризис патологического общества, которое решало свои проблемы, выдвигая вверх тех, кто мог организовать это чудовищное самоистребление, и уничтожая неспособных на это. Начиная с 30-х годов, постоянными стали призывы сверху к народу выявлять двурушников, троцкистов среди начальства. Они сочетались с призывами к большей демократизации в жизни партии, что и использовалось для замены тех, кто на местах занимался «самодеятельностью». Среди большого числа книг о Сталине нет книги «Сталин и народ», которая только и

¹³² Мигранян А. М. Механизм торможения в политической системе и пути его преодоления// Иного не дано. М., 1988. С. 105-106 (курсив мой.— А. А.).

¹³³ Баязин В. Н. Профессор Александр Чаянов. М., 1990. С. 209-210, 246.

может раскрыть, как беспримерное массовое поклонение вождю-тотему служило основой теории и практики сталинизма.

Психологическая атмосфера прошедших эпох является, возможно, самой загадочной страницей исторической науки, даже той истории, которую мы сами только что пережили. Всегда существует невольное стремление интерпретировать это состояние в свете последующего опыта. Сегодня трудно себе представить массовое, всеобщее одобрение борьбы с «врагами народа» и отсутствие даже в душе оппозиции этим фантастическим событиям. Тем не менее невозможно не пытаться вспомнить собственное настроение и настроение близких, соседей. Обрывки памяти ведут к трагическим дням убийства Кирова в 1934 году. Я помню себя в пятилетнем возрасте, сидящим на перекладке под большим столом у соседей по коммунальной квартире — семьи, состоявшей главным образом из работников Трехгорной мануфактуры, выходцев из деревни. В тот день они в крайне эмоциональной форме обсуждали гибель Кирова. Запомнился выкрик: «Какого хорошего человека убили!!!» Это был вполне типовой взрыв против «вредителей», которых искали в бывшем владельце краснопресненских бань, который имел две комнаты в одной из квартир нашего четырехэтажного дома. «Вредителями» были и мои родители, у которых иногда на общей кухне коптила керосинка. Они были слишком образованными, чтобы не быть «гнилой интеллигенцией» на языке того времени. Впрочем, соседи были людьми неплохими, между ними и родителями было все, вплоть до человеческой привязанности, свойственной людям, долго прожившим рядом. Само определение «вредители» не отличалось устойчивостью, подчинялось скрытым эмоциональным законам, что, впрочем, таило в себе грозную опасность непредсказуемого взрыва с катастрофическими последствиями.

Мои родители отвечали на террор, на пронизанную им жизнь молчанием, что не исключало стычек с соседями по бытовым проблемам. Это молчание было бесконечным и в некотором смысле загадочным, позволившим мне самому самоопределиться в этом мире. Впрочем, отец не мог удержаться от острот, подражая радио, когда оно рассказывало о появлении вождя народов на мавзолее. Сталин у него появлялся в окружении «своих сратников», т. е. исчезала всего одна буква. Слово «панно» при описании красот Красной площади производилось с неподражаемой смесью напыщенности и презрения. Во всем этом скрывалась зреющая в глубинах сознания сокрушительная инверсия, о которой в то время даже думать было невозможно.

Существование террора в то время не могло составлять тайны. По моим воспоминаниям, террор оценивался людьми как естественный элемент существующего порядка (как дождь, землетрясение), не имевшего альтернативы. В этой атмосфере проблема «вины» того или иного человека не возникала, так же как и проблема законности репрессий. Закон выступал как воплощение воли носителя высшей Правды-истины. Теперь очевидно, что эти представления были по своей сути возможны на основе синкретизма с невыделенной нравственностью и, тем более, правом. С годами этот парадокс порождал настороженное недоумение своими постоянными конфликтами со здравым смыслом на микроуровне. Например, я воспринимал как психологически неприемлемое постоянное возвеличивание Сталина, казавшееся мне симптомом того, что он лишь некоторое прикрытие для лиц, использующих его как символ для утверждения поклонения власти. Окружающая среда, изоляция от внешнего мира не стимулировала развитие представлений о возможных альтернативах. Мне помог отец, который хотя и крайне редко, но бросал замечания типа: «Советский человек думает, что ничего нет на свете лучше того дерьма, в котором он сидит». Он жил 12 лет в Германии и мог судить о качестве советских товаров или о поведении полиции, когда к ней обращаются за защитой от хулиганов и т. д. Об атмосфере того времени можно судить по такому, казалось бы, малозначительному факту. Мой школьный товарищ, который был старше меня и уже успел побывать на войне, на мои попытки собрать группу ровесников для обсуждения разных интересных проблем сказал, что делать этого ни в коем случае нельзя, так как такого рода собрания будут использованы в качестве прикрытия или для шантажа «иностранными разведками». Другой приятель, решивший проконсультироваться по этому поводу с соседом-милиционером, получил исчерпывающий ответ: «Недозволенные сборища запрещены». Хотя в народе постоянно шли какие-то неясные процессы, тем не менее элемент единства народа и власти, несмотря на террор, был преобладающим.

ТОТАЛИТАРИЗМ

Тоталитаризм является крайней формой авторитаризма, которая может возникнуть в условиях модернизации. Предпосылки тоталитаризма следует искать в стремлении высшей власти к некоторой абсолютной монополии на условия и средства производства. В этом смысле новая власть выступала как наследница старой, доводя ее действия до крайних форм. Не

следует забывать, что правительство до 1914 года «поддерживало монополии и видело в них естественный результат экономического развития и средство укрепления промышленности и повышения экономической мощи страны»¹³⁴. Тоталитаризм — доведение этой тенденции до предела, превращение государства в единственного монополиста, в единственного собственника, т. е. по сути уничтожение самого понятия собственности. Тоталитаризм одновременно выступает как крайняя попытка восстановить синкретическую государственность, доведенная до разрушения общины, до стремления поставить под контроль хозяйственную деятельность каждой личности, до отрицания собственности вне государства, запрета частной инициативы, до разрушения семьи. Тоталитаризм — форма антимедиации, попытка использовать для этого государственный аппарат. Тоталитаризм отличается от авторитаризма способностью к подавлению, разрушению первичной ячейки общества, первичного сообщества, общины, крестьянского двора.

Тоталитаризм оказался высшей точкой инверсии, идущей от соборного идеала второго глобального периода. Новое общество достигло вершины развития. Организация, основанная на атомизации, на уничтожении всех независимых от медиатора элементов общества, была доведена до высшего совершенства. Люди не могли даже шептаться друг с другом, не боясь незримого присутствия государства. Повседневность растворялась в сакральном. Казалось, что большинство верило, будто возникло общество, воплотившее, наконец, вековую мечту о вечной Правде. Было построено общество, не знающее враждебных классов (раскола), общество свободы (свободы от заблуждений, искажений Правды, от поисков другой правды), равенства (всеобщей уравнительности, гарантированной отеческой властью), братства, тождества верхов с низами (начальства с последним тружеником), общество соборности и счастья (возможности жить без зла, противостоять ему всем миром). Впервые и навсегда уничтожена была возможность эксплуатации человека человеком (исчезли трудовые отношения, независимые от воли главы общины-государства), была ликвидирована эксплуатация на производстве (поскольку собственность ограничивалась установленным властью пределом), ликвидирована была экономическая и всякая другая независимость личности от государства. Что же касается жертв, то «лес рубят — щепки летят». Любые жертвы оправданы: ведь если бы к власти пришли «кадеты» или «враги народа», уж они наверняка истреби-

¹³⁴ Гиндин И. Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. 1963. № 3. С. 56.

ли бы все живое или продали Россию международному капиталу (т. е. отечественному мироеду, выросшему до всемирных масштабов и надевшему американский цилиндр). Общество достигло идеального состояния, «история прекратила течение свое» (М. Салтыков-Щедрин). Новая система укрепилась окончательно и навсегда, так как, казалось, индустриализация создала базу для военного отпора любым силам зла, которые попытались бы «пожизниться за наш счет», внутренние же враги беспрерывно и в массовом масштабе с возрастающим успехом подавлялись и уничтожались. Общество оцепенело. Всё, включая развитие и прогресс, должно было осуществляться как результат высших предначертаний. Каждый должен был действовать в процессе партиципации к высшей Правде, воплощенной в вожде-тотеме, постоянно подгоняемый страхом отпадения, физической гибели.

ЛИЧНОСТЬ — СЛАБОЕ ЗВЕНО СИСТЕМЫ

Все было бы прекрасно — но слабость системы заключалась в том, что она постепенно все чаще сталкивалась с рядовой личностью, которая, казалось бы, и не помышляла о борьбе со сложившимся порядком. Советский человек как будто безропотно на все соглашался. Однако беда заключалась в том, что медиатор, следуя своей цели, начал предъявлять такие требования, с которыми личность при всем желании не могла справиться. Силы, ориентированные на сохранение некоторого статичного порядка, и силы, нацеленные на развитие и прогресс, постоянно разрушали друг друга. Миллионы людей постепенно все настойчивее пытались решать свои повседневные проблемы вне рамок сложившегося порядка. В борьбе с этой тенденцией власть институционализировала массовый страх и ненависть. Творчество во всех его формах неуклонно подавлялось, так как оно нарушало уравнительность, вносило дестабилизирующий элемент в общество. С неслыханной жестокостью ликвидировались сами предпосылки творчества, возможности любой инициативы, разрушались очаги прогресса. Были истреблены и рассеяны люди, склонные к хозяйственной инициативе, к созданию организаций, предприятий, обеспечивающих более высокую производительность, что подрывало и саму государственность. Это никак не компенсировалось «мудростью» верхов. Они принимали сложившуюся систему «за чистую монету», минимизируя критику исторического опыта, который в свое время привел к формированию этой системы. При всем своем возрастающем цинизме они верили в свою демагогию, в свою идеологию, что свидетельствовало об их совершеннейшем не-

понимании реальности. Тон здесь задавал сам корифей всех времен и народов, решая проблемы по манихейской схеме. Он считал, что уничтожение злых сил (например, «кулачества») автоматически или почти автоматически решит все проблемы (например, обеспечит экономический подъем). Он полагал, что в результате коллективизации, раскулачивания «наша страна через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире»¹³⁵. Это сказал человек, который возглавил борьбу носителей наиболее архаичных форм труда против носителей более развитых форм. Проблема эффективности производства синкретически слита у него с проблемой избиения оборотней.

Личность оказалась слабым местом тоталитарного порядка, в частности, в связи с нерешенностью *проблемы вины* и даже с отказом ее решать. Понятие вины — результат трудного пути социально-культурного развития. Для современного правового сознания определение вины — всегда проблема, предполагающая подчас сложную процедуру; вина человека не есть некий врожденный признак, вроде родинки, но предполагает выявление ее в процессе диалога, дискуссии, спора сторон о фактах и о праве. Философия террора не требовала выявления личной индивидуальной вины репрессируемого. А. Солженицын цитирует высказывание одного из руководителей ЧК М. Я. Лациса, относящееся к ноябрю 1918 года: «Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советов. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом — смысл и сущность красного террора»¹³⁶. Можно приводить бесчисленные факты, когда получали сроки заведомо невиновные. В большом терроре на разных этапах можно было обнаружить различные тенденции в выборе жертв, но в целом он был безличен, т. е. *в принципе было все равно, кого посадить. Важно было лишь, чтобы машина террора не простаивала, распространяя страх перед нарушением «порядка», людей друг перед другом.*

Например, имели место случаи, когда чекисты были неспособны выполнить план арестов в своей области, так как все «резервы» были исчерпаны. В этих случаях могли быть арестованы люди в поездах дальнего следования, которые проходили через данную область. Имели место случаи, когда арестованным самим предлагалось выбрать, шпионом какой страны они

¹³⁵ Сталин И. В. Сочинения. М., 1949. Т. 12. С. 132.

¹³⁶ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 1. Т. 1. С. 31.

хотели бы фигурировать в деле и т. д. Скорее достойно удивления именно то, что существовало подобие процедуры определения вины, что миллионам «клеили дело», что содержался гигантский аппарат, разыгрывавший перед каждым обвиняемым спектакль процедуры установления несуществующей вины с атрибутами судебного порядка. В чем смысл такой гигантской, дорогостоящей мистификации? Двусмысленность террора отражала сущность псевдосинкретизма как выражения архаичного сознания, представленного в наукообразных, юридических и других формах. Массовое, основанное на древних идеалах самоистребление, чтобы стать источником энергии медиатора, должно было превратиться из самосуда толпы в процесс, регулируемый, контролируемый государством, по крайней мере по форме.

Сам террор носил двойственный характер. Для одних это была борьба с оборотнями, а для других — источник жизненной энергии медиатора, средство борьбы с локальными идеалами, с независимыми центрами энергии. Для синкретизма избиение оборотней имело смысл как средство уменьшить сферу зла. С этих позиций имела значение не личная вина жертвы, но всеобщая причастность ко злу. Достаточно вспомнить, например, идею молодого П. Н. Ткачева об истреблении всех мужчин старше двадцати лет, так как все они заражены злом. Однако на почве утилитаризма в массовом сознании зрело иное представление об индивидуальной вине.

Здесь тоталитаризм столкнулся с неразрешимым противоречием. Сидя в лагере, может быть, и возможно было предполагать, что вокруг тебя сидят шпионы, изменники и диверсанты, но никак нельзя согласиться, что ты сам японский шпион. Атомизация общества могла не только стимулировать деградацию человека, но и усилить рост самосознания личности, включая и представление о личной вине. Заведомо ложное обвинение было пятном на светлом лице Правды. Каждый, против кого выдвигалось ложное обвинение, неизбежно видел это пятно. Постепенно количество людей, которые знали об этих пятнах, росло. Возникали и другие пятна, например, связанные с лозунгом «жить стало лучше, жить стало веселее», с тем, что повсеместно существует деловой и политический энтузиазм, и т. д. В сознании людей совершалась эрозия идеологии. Было невозможно сделать идеологию реальным содержанием повседневных действий личности. Все эти пятна постепенно становились предметом общения, обсуждения, диалога. В общении, которого так страшился тоталитаризм, они сливались, ослабляя влияние власти. Личность гибко приспосабливалась к условиям и продолжала искать организационные

формы жизни, которые воплотили бы ее ценности. Если личность не умеет, не может этого делать в общегосударственном масштабе, то, пока она жива, она будет это делать в масштабе, который кажется привычным, естественным. После каждого бедствия, гибели близких, разрушения привычных форм жизни люди вновь и вновь соединяются между собой, чтобы жить, не понимая подчас, что, собственно, от них хочет власть. Сложившаяся тысячелетиями локальная культура не могла в своей повседневной жизни идти за крайним авторитаризмом, где локальное было тождественно всему большому обществу.

Человек только потому и человек, что он входит в систему общения, в систему сообществ, в малые группы, в семью и т. д. Человек немислим, невозможен без этих связей. Эти связи формировались в борьбе за кусок хлеба, за возможность унести с поля неубранный картофель, за возможность обмена взаимными услугами (советский «блат»); нужно было как-то жить за фасадом официальной видимости. Отсюда столь распространенные «липа», «туфта», очковтирательство, приписки и т. д. Во имя Правды можно было отказаться от близких, сослуживцев, вождей, но совершенно невозможно не контактировать с новыми близкими, новыми сослуживцами, нельзя было не приветствовать новых руководителей. Этот предел нельзя было переступить, не обрекая личность на физическую гибель. Личность не могла не вступить в какие-то явные организационные связи. Она устанавливала личные микроотношения, личные связи, предусматривающие взаимные услуги утилитарного характера в любой сфере жизни. Террор подрывал влияние этих связей, но не мог ни уничтожить их, ни пресечь возможность их постоянного возникновения. Эти тайные, но дающие жизнь связи имели свой язык, свой фольклор, свою специфическую субкультуру. Их ярким выражением стал *тайный шепот анекдота*, за рассказывание и выслушивание которого можно было «схватить десятку», но который никогда не исчезал, демонстрируя силу неофициальной жизни. Бесчисленные атомы, объятые страхом, осмеливались лишь шептаться. Этот шепот, однако, был чем-то большим, чем слова. Это была опасная для крайнего авторитаризма форма общения, форма связи людей, возникающая не только независимо от власти, но и в связи с формированием негативного к ней отношения. *То обстоятельство, что в самые страшные времена террора этот шепот не умирал, говорило о том, что народное творчество непрерывно работало над альтернативой крайнему авторитаризму.* Где-то в глубинах жизни шли как духовные, так и организационные процессы, выбивающиеся

из-под власти крайнего авторитаризма. В самом движении авторитаризма скрывались саморазрушительные процессы. Официально анекдот рассматривался как антисоветская агитация, за которой следовал приговор. Это свидетельствовало о том, что крайний авторитаризм чувствовал таящуюся здесь смертельную опасность. Люди, не боящиеся вступить друг с другом в контакт в связи со своим негативным отношением к сложившимся порядкам, были для правящей элиты страшнее заговора или восстания. Здесь начиналось то, что сокрушило несокрушаемое. Пусть не покажется в этой связи дикой мысль водрузить когда-нибудь в Москве на площади против здания некогда всесильной тайной полиции памятник советскому анекдоту. Сила анекдотов, как и всякого духовного общения, заключалась в том, что они не только стимулировали развитие более сложных форм независимой духовной жизни, но и создавали основу для независимого общения.

НЕФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ КРАЙНЕГО АВТОРИТАРИЗМА

Крайний авторитаризм мог существовать, лишь постоянно нанося удары по сложившимся сообществам, чтобы они не могли быть самостоятельными, но и не закостеневали, не препятствовали абсолютной монополии высшей власти на ресурсы и собственность. Это было легко делать, так как массовое догосударственное сознание сочувствовало избиению начальства. Аналогичные процессы можно было наблюдать во времена культурной революции в Китае. Решение медиационной задачи пришло к неразрешимому противоречию. Прекращение террора означало бы отказ от крайнего авторитаризма, так как тогда ничто не препятствовало бы установлению связей в обществе, не зависимых от медиатора. Продолжение террора сохраняло бы постоянство угрозы всем организациям, сообществам, что уменьшало их эффективность и, следовательно, несло в себе угрозу обществу. Способность бесчисленных сообществ определенным образом защищать себя, противостоять натиску власти — очевидное свидетельство ослабления господства крайнего авторитаризма. Знаменитое «дело врачей», по которому «убийцы в белых халатах» обвинялись в убийствах членов высшего руководства, очевидно, было подготовкой к новой массовой волне террора. Он должен был быть направлен против рождавшихся на всех уровнях, вплоть до самых высших, бастионов локализма, которые своим существованием тормозили производ, безграничное использование в управле-

нии принципа шаха, перерастающего в мат, ограничивали государственное крепостничество.

Тоталитарная сталинская система могла развиваться в основном лишь экстенсивными методами, усиленной эксплуатацией сложившихся возможностей людей, природных ресурсов. Экономический рост достигался через постоянное разрушительное перекачивание ресурсов из одной отрасли в другие, за счет массового рабского труда миллионов заключенных, всеобщего крепостничества. Однако каждый шаг такого роста подрывал основы будущего, подготовлял катастрофический крах, так как формировал тупиковую форму социальной организации, усиливал социокультурное противоречие. Сложившаяся система псевдоэкономики страдала отсутствием механизмов, способных отличить эффективное решение от неэффективного, что открывало путь дезориентации в сфере выбора путей социального развития. Общество, лишившееся духовной элиты, пытающееся методами, пригодными в локальной общине, решать сложнейшие проблемы развития большого общества, представляло собой помпезное, но жалкое зрелище. Воистину колосс на глиняных ногах!

Вопреки общераспространенному убеждению, крайний авторитаризм даже во времена расцвета не мог обеспечить элементарного порядка. Нарком вооружений, а затем боеприпасов писал о положении в промышленности в предвоенные годы, что текучесть рабочей силы и массовые прогулы принимали «угрожающий характер»¹³⁷.

Подмена экономического развития чисто хозяйственным, ориентированным на получение определенного набора натуральных благ, выбор которых определялся подчас чисто идеологическими соображениями, требовала, наподобие древних ритуальных сооружений, гигантских усилий. Поэтому оценка развития по натуральным показателям имеет ограниченную ценность. Однако и она показывает весьма низкий уровень эффективности решений. Например, первый пятилетний план (1928-1932) по основным показателям — выплавке стали, чугуна, по прокату, по добыче угля, по производству электроэнергии был выполнен лишь в 1934 году, т. е. во второй год следующей пятилетки. Тем не менее объем промышленного производства в стране утроился, но сельское хозяйство сократило производство в полтора раза, что резко усилило несбалансированность отраслей, уменьшило возможность экономической смычки. В свою очередь, показатели второго пятилетнего плана (1933-1937), утвержденного в 1932 году, в 1934

¹³⁷ Ванников Б. Л. Записки наркома// Знамя. 1988. № 2. С. 148.

году, на втором году пятилетки, были снижены (план выплавки чугуна до 73%, по добыче угля — до 76%, производства электроэнергии — до 38% первоначального). Однако и в отредактированном виде план фактически не был выполнен; по официальным данным, лишь в 1938 году были достигнуты плановые показатели производства электроэнергии, в 1940 году выполнены показатели по добыче угля, в 1949 году — по выплавке чугуна. В первоначальном же его варианте плановых показателей страна сумела достичь лишь в послевоенные (1951-1952) годы. Что же касается третьей пятилетки (1938-1942), прерванной в 1941 году начавшейся войной, то итоги первых лет ее свидетельствуют о форменной катастрофе. План, утвержденный XVIII партсъездом в 1939 году, т. е. на втором году пятилетки, за три довоенных года был выполнен по выплавке чугуна на 52%, стали — на 5,9%, по прокату черных металлов — на 1,25%, по добыче угля — на 33%, нефти — на 12,3%, по производству электроэнергии — на 31,1%. В оставшиеся три года стране предстояло выполнить от 67 до 98,75% плана. Натурализация хозяйства при всем соответствии такой политики массовым идеалам ни к чему хорошему, естественно, привести не могла: ухудшилось экономическое положение, резко снизилось народное потребление, росли бюрократизм, дезорганизация, злоупотребления. Очевидной была явная катастрофическая неэффективность крайнего авторитаризма. Например, по некоторым подсчетам, доля национального дохода снизилась с 18% до 3-4 %¹³⁸. В 1946—1947 годах в результате засухи возник голод во многих областях, унесший тысячи жизней. Обескровленная войной страна не могла эффективно противостоять этому бедствию. Усилилось бегство из деревни¹³⁹. Индекс розничных государственных цен поднялся в 1947 году по сравнению с 1928 годом до 20,1.

Между тем Сталин до конца своих дней стойко защищал необходимость вытеснения из жизни общества товарно-денежных отношений, сохранения архаичных, доэкономических отношений¹⁴⁰. Чем больше росло производство, тем больше усиливалось странное, не предусмотренное наукой явление, получившее название дефицит. Он в возрастающих масштабах не только раскрывал бессилие авторитарного планирования, но и намекал на то, что новое царство Правды совсем не то, за что оно себя выдает, на существование некоторой тайны. Смысл ее общество было неспособно разгадать, но тем не менее было очевидно, что могущество тотема не беспредельно. Слабость

¹³⁸ Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра// Новый мир. 1987. № 2. С. 81.

¹³⁹ Волков Н. М. Засуха, голод 1946-1947 годов// История СССР. 1991. № 4.

¹⁴⁰ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма и СССР. М., 1952.

его усиливалась тем, что между вождем и народом вырастала плотная стена сообществ, которая перехватывала творческий поток, некогда вынесший безвестного грузина на вершину власти. Четвертая версия псевдосинкретизма оказалась в конечном итоге нефункциональной, как, впрочем, и все предшествующие. Подспудно росло осознание необходимости перемен.

Хозяйственный кризис начала 1932 года вынудил Политбюро весной принять решение о проведении крупной хозяйственной реформы. На XVII партконференции говорили о важности советского рынка. В мае были снижены заготовки и было разрешено торговать артелям и кустарям по рыночным ценам. Была сделана попытка уменьшить тяжесть инфляции, увеличив объем реализации продуктов питания и товаров народного потребления по твердым ценам, ограничив заработную плату. Однако реформа не дала позитивных результатов¹⁴¹. Политбюро повернуло к контрреформе, введя уголовную ответственность за сбор колосков, были введены паспорта, т. е. усиливалось общее закрепощение.

Колебания хозяйственного курса, хромающие решения еще требуют изучения. На XVIII конференции ВКП(б) в феврале 1941 года при обсуждении путей улучшения работы промышленности и транспорта делегаты полностью игнорировали тему вредительства, ставились вопросы о повышении самостоятельности предприятий, о прекращении наплевательского отношения к финансово-экономическим вопросам их работы. Это свидетельствовало о попытках поиска экономических решений, но их оборвала война.

«ВАШЕ СЛОВО, ТОВАРИЩ МАУЗЕР»

Четвертый в истории страны медиатор оказался более устойчивым, чем предшествующие. Он выстоял при переходе от одного господствующего идеала к другому, тогда как первые два перехода в первом модифицированном цикле привели к разрушению государственности. Однако жертвы, которыми общество заплатило за это, были чудовищно велики. В Смутное время на рубеже XVI-XVII веков, т. е. во время событий, связанных с крахом второй государственности, погибла, по-видимому, треть населения. Если попытаться оценить преимущества нового строя с точки зрения ценности человеческой жизни, то здесь явно трудно говорить о достижениях. Новое общество

¹⁴¹ Девис Р. У. Советская экономика в период кризиса 1930-1933 года// История СССР. 1991. № 4. С. 204-206.

обеспечило определенный порядок, но в нем не нашлось легального места для человека. Это был порядок, который требовал человеческих жертвоприношений, так как человек самим фактом своей повседневной жизни разрушал большое общество, государственность. Чем дальше человеческое сознание проникало в суть происшедшего, тем глубже раскрывалась метафизическая бездна, из которой веяло ужасом.

Печать чего-то невысказанного, невозможного превращала общество в подобие листа, оторвавшегося от дерева и постоянно гонимого ветром в неизвестность.

Со смертью Сталина закончился самый парадоксальный этап в истории страны, а возможно, и в истории человечества. Он мог возникнуть лишь в исключительных обстоятельствах. Массовое самоизбиение людей было лишь внешним симптомом глубокого внутреннего саморазрушения, которое назревало и шло уже давно и теперь дошло до критической точки.

Сталинизм можно понять как *террористический ответ общества на потоки новизны, обрушившиеся на него в XX веке*, как крайнее, дошедшее до абсурда стремление власти взять на себя то, на что само общество оказалось неспособным,— обеспечить всеобщий рост и развитие. Точка зрения российских реформаторов, заключавшаяся в том, что предлагаемые ими реформы были хороши, но не могли быть реализованы из-за невежества крестьян и злоупотреблений чиновников¹⁴², возможно, сама по себе безобидна, но от нее идет путь и к массовому террору для искоренения «невежества» и «злоупотреблений». Другой аспект сталинизма заключается в том, что если раньше делались попытки уничтожить раскол, истребляя правящий слой, духовную элиту, т. е., условно говоря, верхнюю часть расколотого общества, то теперь была совершена попытка истребить другую, противоположную часть. Эти утопические попытки были возможны лишь при условии неспособности общества искать меру в новой, более сложной ситуации, охлаждать срединной культурой свои массовые импульсы, останавливать их еще до того, как они достигнут стадии саморазрушения, сея вокруг смерть и дезорганизацию.

В терроре была своя логика. Его удары приходились на все группы общества без исключения, и здесь было полное «равенство». Но в каждой группе они наносились прежде всего по тем людям, которые были выше среднего уровня, обладали особым знанием и умением. Это чрезвычайно важное, до сих пор недооцененное обстоятельство. Оно касалось и правящей элиты, где террор неуклонно и однозначно оставлял наименее

¹⁴² Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2. С. 129.

компетентных. Селекцию террора наверху, как правило, могли пройти лишь по-своему «выдающиеся люди», способные, не задумываясь, вести страну в пропасть. Но это происходило и в каждой деревне, где избивались люди, склонные к торговле, к более сложным и производительным формам труда, в частности, те, которые искали пути перехода от доэкономических форм хозяйства к экономическим. Это происходило в городах, на каждом предприятии, так было и в науке, где Н. И. Вавилов был послан на смерть, а «народный академик» Т. Д. Лысенко, чей кругозор не шел дальше своего огорода, определял судьбу науки. Одновременно выявилась и другая, менее важная — «модернизаторская» функция террора. Он стимулировал те слои, культурный уровень которых был ниже потребностей общества осваивать определенный уровень инноваций, соответствовал некоторому уровню «серого творчества».

Все это было массовой реакцией на раскол в критической ситуации. Этот этап воплощал вариант выхода из раскола в простой однозначной формуле, опирающейся на признание очевидности добра и на непримиримость ко злу. Ее дал Маяковский, сказав: «Ваше слово, товарищ маузер», — т. е. проблемы автоматически решались уничтожением врага. Однако это было ложное решение, так как в действительности пули летели в стрелявшего.

Сталинский этап — аналог крайнего авторитаризма в прошлом глобальном периоде, переходящего в тоталитаризм с его разрушением первичных сообществ, как заметил еще П. Н. Милуков, с его принесением народа в жертву великодержавности¹⁴³, с тем, что позитивные ценности одной из расколотых частей общества приводили в действие негативные ценности другой. Создался, усилился дезорганизирующий механизм заколдованного круга, что доводило раскол до крайнего напряжения, создавало ситуацию инверсионного поворота всего глобального периода.

¹⁴³ См.: *Медушевский А. Н.* П. Н. Милуков: ученый и политик // История СССР. 1991. № 4. С. 39.

ГЛАВА V

ВНОВЬ ИДЕАЛ ВСЕОБЩЕГО СОГЛАСИЯ («Оттепель»)

ИСТОРИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ

Падение крайнего авторитаризма, нравственный упадок означали нечто большее, чем смена одного этапа другим в рамках глобального модифицированного инверсионного цикла. Одновременно *окончился первый полупериод второго глобального периода в истории страны*. Инверсия, идущая от господства соборного идеала, испытывая на своем пути определенные колебания, дошла наконец до своей крайней точки. Но тем самым *выявились утопизм идеала*, который был реализован этим процессом, *нефункциональность соответствующей социальной системы*, невозможность на ее основе решать медиационную задачу, соединить государственность, обеспечивающую интеграцию расколотого общества, с ценностями массового сознания. *Это вызвало рост массового дискомфортного состояния*, немыслимость для рядового человека сочетать свое повседневное существование с требованиями вездесущего авторитарного государства. Постепенно стала выявляться обратная инверсия, началось движение от крайнего авторитаризма к противоположной точке, т. е. вновь к господству соборного идеала; *начался второй полупериод второго глобального периода в истории страны*. Определяющей движущей силой первого полупериода было стремление массовых почвенных сил утвердить уравнительность в масштабе большого общества, формируя для этого синкретическую государственность в ее различных формах, вплоть до самых крайних. Она должна была «всех равнять», что и требовало всеобщей и массовой партиципации к тотему-отцу-вождю. Эта цель была достигнута, но одновременно выявилась ее недостижимость. Большое общество в тех государственных формах, через которые оно прошло в первом полупериоде, не смогло достигнуть целей, заложенных в массовой культуре, т. с. устойчивого со-

четания уравнительности и простого утилитаризма, большого общества и массового господства ценностей локального типа. Идея народной Правды, воплощенной в тотеме — первом лице большого общества, обанкротилась, что дало импульс выходу на первый план тотема — локального мира, т. е. стремлению к локализму на основе отказа от начальства, включая первое лицо, как силы зла.

Противоположность авторитарного соборному идеалу означала, что в первом случае тотем прежде всего интерпретировался как первое лицо, тогда как во втором случае тотем интерпретировался прежде всего как соответствующее локальное сообщество. Этот переход формировал новую нравственную ситуацию, новые условия для решения медиационной задачи, новую форму соединения государственности и массового сознания, следовательно, требовал изменения официальной идеологии. Этот процесс с первого момента приобрел сложный и противоречивый характер. Он, как и всякая массовая социальная инверсия, на разных уровнях общества проходил с разной скоростью, интенсивностью, отесняя господствующий идеал.

«РОССИЯ ПРОПАЛА...»

Отход от авторитаризма на уровне массового личного самосознания оказался крайне болезненным. На повседневном уровне он шел постоянно и выражался в стремлении воспроизводить утилитарно необходимые горизонтальные связи, в формировании соответствующих локальных сообществ. Массовая реакция на смерть Сталина является важным культурным феноменом. Для миллионов эта потеря была космической катастрофой, гибелью Правды. Вечность, едва начавшаяся, закончилась.

Многочисленные свидетельства раскрывают потрясающую картину страха и отчаяния, которые охватили всю страну. Зарубежный коммунист И. Бергер, сосланный в Сибирь, писал: «Когда в колхоз, где я работал, пришла весть о смерти Сталина, там началось такое, что я глазам своим не поверил и представить себе не мог. По всей стране происходило одно и то же: люди вели себя так, словно умер их родной отец, глава семьи и рода, защитник, укрывавший их от всех бедствий и невзгод. Старики, дети горевали так, что не могло быть и речи о каком-то притворстве. Горе их было искренним, неподдельным.

— Что с нами теперь будет? Придут немцы, чужеземцы, Россия пропала... Загубят Россию...

Предвещали междоусобную войну, хаос, голод... Особенно поражало горе детей... Плакали и взрослые, партийцы и беспартийные, плач стоял коллективный, всеобщий, неумолчный¹.

Известный диссидент В. Буковский рассказывал: «Учителя плакали навзрыд с распухшими глазами». О девушках-учительницах пишет также Солженицын. Они рыдали: «Как же мы теперь будем?»². Г. Подъяпольский вспоминал, что в момент объявления о новом правительстве его подруга сказала: «Что же теперь с нами будет со всеми?» Плакали мои соседи по коммунальной квартире, работницы Трехгорной мануфактуры. Е. Евтушенко писал об этом времени: «Вся Россия плакала, и я тоже. Это были искренние слезы горя и, может быть, слезы страха за будущее». Даже те, кто относился к существующему режиму скептически и не сожалел об ушедшем властителе, в страхе застыли в ожидании худшего. Никто не знал, не означала ли смерть вождя, что теперь его место займет оборотень, который превратит «дело врачей» в начало еще невиданного погрома. Все стояли перед пустотой неизвестности. Абсурдность реальности закончившегося этапа превратила и саму смерть диктатора в абсурд. Обезумевшие толпы людей, чей сакральный мир погиб, бросились, сметая охрану и заграждения, к останкам жалкого старика. До сих пор никто не знает, сколько из них было раздавлено, растоптано. Этими толпами двигала последняя надежда прикоснуться к вечности. И таким образом они еще раз подтвердили, что причины большого террора, массового самоизбиения лежали в массовом поведении, в стремлении зачеркнуть свое Я и отдаться Правде языческого Молоха.

С древнейших времен в обществе господствовало представление, что жизнь вождя синкретическим образом слита с судьбой страны, с ее благосостоянием и благополучием. В случае его заболевания или старения заболит и перестанет размножаться скот, урожай сгниет на полях, эпидемия унесет людские жизни. От жизни вождя зависит ход природных явлений. Вместе с тем абсолютность социальной роли вождя и ограниченность его человеческой природы неизбежно требовали разделения и даже противопоставления социальных функций и личности вождя. Например, в Византии личность императора отделялась от института власти. Личность государя должна быть «схематизирована» безличной «схемой». Государю должно быть внушено, что по своей личности он всего лишь греш-

¹ Бергер И. Крушение поколения. 1973.

² Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 3. М., 1990.

³ Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 1980. С. 196-197.

ный человек, но по своему сану репрезентирует трансцендентное величие бога (С. Аверинцев). Следовательно, смерть монарха не затрагивала институт, принцип власти императора. Когда в Европе умирал государь, провозглашалось: «Король умер. Да здравствует король!» Это означало, что эмоциональное отношение к личности умершего отделялось от понимания ценности института королевской власти как такового. Короли могли меняться, как и отношение к ним народа, но принцип, институт королевской власти не зависел от этих перемен. Однако в истории были примеры и несколько иного рода, были попытки превратить царя, например, Александра Македонского, в земного бога, что ослабляло подчинение вождя исторически сложившемуся ритуалу власти. Смерть такого человека могла связываться в сознании людей с возможными переменами в государственной жизни, в существующих институтах.

Крах царской власти в 1917 году был в глазах народа не гибелью особой формы государственности, которую народ хотел заменить другой, например, монархию республикой, а крахом государственности вообще, результатом стремления вечевых сил разметать всякое начальство и всякую власть, сбросить старый тотем. Советская власть могла восстановить государственность лишь стихийно, неосознанно, нащупав какое-то приемлемое сочетание тотемизма древних мифов с утилитаризмом и элементами либерализма, провозглашая лозунги, отрицающие государство. Новый строй мог укрепить государственность, лишь опираясь на синкретическое отождествление личности отца — носителя высшей Правды с властью. Сталин был отцом, которого никто заменить не мог. Он не был символом нового общества. Он был в глазах людей самим этим обществом, как некогда бог Посейдон был не символом моря, а самим морем. Государство опиралось на веру людей в справедливость установившегося порядка, т. е. в уравнительность, и в то, что этот порядок защищает их от кривды. Смерть праведников Ленина и Сталина подорвала основу этой веры, так как гарантия заключалась не в том или ином институте, за который люди несли ответственность, а в личности праведников, о смерти которых было невозможно даже подумывать.

Санкцию на новый порядок могла дать харизматическая личность, которая опиралась на древнюю веру в то, что мир стоит на праведных людях. Именно от их праведности зависит сохранение космического порядка. Сталин хорошо вписался в эту веру и одновременно в веру в патриархального вождя-отца, несущего на своих плечах всю тяжесть ответственности за общество, за каждого, за весь мир, за вселенную. Его ответ-

ственность в глазах народа вытекала не из государственного порядка. Она не опиралась на сакральный царский титул. Сталин был естественно найденным тотемом. Немногие задумывались, какую реальную должность он занимал. Достигнув высшей и абсолютной власти, он не занимал никакой государственной должности. Наоборот, занятие им каких-то должностей означало сакрализацию соответствующей бюрократической системы. То обстоятельство, что сословное общество именно при Сталине было легализовано, получило развитие, рассматривалось как некоторая временная аномалия и, во всяком случае, не ставилось в вину Сталину.

Первое лицо как высшее начало давало определенную нравственную санкцию власти, существованию многочисленного начальства, вышедшего из народа. Историческая ненависть к начальству, однако, никогда не исчезала, но она не распространялась на первое лицо, в частности, потому, что время от времени первое лицо и народ объединялись для избивания начальства. Это служило основой нравственного единства, но одновременно усиливало нравственную дифференциацию. Сталин был высшей абсолютной космической ценностью и, следовательно, бессмертным по определению. Тем не менее наступил миг, когда он исчез. В этом парадоксе можно видеть модель любого нарушения социокультурного закона. То, что кажется естественным, самоочевидным, не подлежащим обсуждению, может оказаться чистейшей утопией, ставящей общество перед пропастью, так как объективно далеко не все мыслимые отношения реально возможны, могут противостоять энтропии, обеспечивать воспроизводство общества.

Смерть Сталина означала крах сложившегося порядка, так как он был реальным ядром, космическим организационным центром, гарантом справедливости. Потрясение было тем более страшным, что оно означало *не только смерть самой Правды, но и смерть главы патриархальной семьи*, за которой следовала опасность краха на бытовом уровне, так как она могла стать поводом для распада, для выделения сыновей в отдельные хозяйства. Это могло быть началом упадка этих хозяйств.

Смерть Сталина вызвала ужас, так как она казалась сигналом злым силам восстановить сословное общество, неравенство, эксплуатацию и т. д. Казалось, алчное начальство разрушит двухэлементную простую модель общества, так как фактор, который гарантировал ее существование, исчез.

Власть царей, как и власть Сталина, опиралась на свою способность поддерживать в народе иллюзию уравнительного несословного общества, иллюзию того, что первое лицо как

воплощение Правды если и не спасает от фактических козней начальства, то во всяком случае их сдерживает, держит кривду под контролем.

Все это поставило людей, на которых свалилась вся тяжесть власти, в крайне трудную ситуацию. *Необходимо было дать новую господствующую интерпретацию массового нравственного идеала, дать новое решение медиационной задачи.*

Высшее руководство после смерти Сталина не помышляло о сохранении системы крайнего авторитаризма. Л. Берия, игравший в новом руководстве важнейшую роль, «решил возглавить движение за реформы». Он считал, что «надо воспользоваться редким в истории случаем, когда сам палач может возглавить движение народа против наследства величайшей из тираний»⁴. Невозможность сохранения крайнего авторитаризма была очевидна. Берия хотел осуществить «спуск на тормозах», пытался усилить влияние местных национальных сил в партаппарате республик. В частности, были ликвидированы посты вторых секретарей ЦК республик — непосредственных ставленников Москвы. Тенденция к ослаблению крайнего авторитаризма развивалась на всех этапах. Все это стимулировало появление нового способа решения медиационной задачи на основе легализации тех связей, которые уже сложились вопреки авторитаризму в результате ухода жизни из системы. *Возникла новая, пятая версия псевдосинкретизма.* Она прежде всего была направлена на ликвидацию опасного крена к укреплению организации медиатора при ослаблении внимания к спонтанным процессам в жизни народа. Было необходимо повернуться лицом к массовой системе ценностей. Это было нужно в связи с ростом раскованности людей, с необходимостью удовлетворить растущие утилитарные потребности населения и одновременно перестроить работу самих сообществ на основе этой раскованности, вдохнуть в них новые силы. Следовало оживить застывшую, казалось, лишённую жизненных сил страну.

СОСЛОВНОСТЬ

К власти пришло третье поколение правящей элиты. Эти люди чудом уцелели от террора и сами были его организаторами. Они, как и второе поколение, вышли из почвы, были исключительно трудоспособны и преклонялись перед организацией. Их утилитарная ориентация, как, впрочем, и всего населения, продолжала возрастать. Пройдя школу государственно-

⁴ Авторханов А. Г. Загадка смерти Сталина. Франкфурт-на-Майне, 1986. С. 252-253, 251.

сти, эти люди осознали ценность государственной дисциплины, соглашаясь на определенное жертвование местными интересами во имя сохранения целого.

Нельзя не учитывать медленного, но реального повышения образовательного уровня бюрократии. Правда, образование, которое она получила, было крайне ограничено и односторонне, в основном оставаясь техническим. Знания об обществе подменялись, как правило, изучением очередной господствующей версии идеологии. Тем не менее сам факт приобщения к систематической логике науки, абстрактный уровень мышления подрывали слепую веру в мифы, столь характерную для миропонимания второго поколения правящей элиты.

Новая правящая элита состояла, главным образом, из руководителей наиболее влиятельных ведомств, миров среднего уровня, входящих в медиатор. Это были секретари обкомов, руководители республик, министерств, армии, органов безопасности, лица, отвечающие за отношения с зарубежными странами, и т. п. Два органа, действительно способные выносить важнейшие решения, Политбюро (Президиум ЦК) и ЦК, стали реальными формами организации управления правящей элиты. Они — собрания глав основных ведомств, контролирующих жизненно важные процессы в стране. Отставка главы ведомства неизбежно связана с его выходом из ЦК и Политбюро. На протяжении всей истории страны высшие органы власти воспроизводили эту вечевую форму управления через собрание большаков, т. е. глав локальных миров. Например, в XVII веке, как и в удельные времена, Боярская дума «состояла преимущественно из управителей центральных ведомств»⁵. По древнегреческим стандартам власть перешла от тирании к олигархии. При этом выявилось важное обстоятельство. Общество, возникшее в 1917 году, смело сословный строй и было практически антисословным, что органически было связано не только с волной крайних форм уравнительности, но и с антигосударственностью, с мощной антимидационной волной. Сословная система представляет собой результат определенного разделения труда, необходимого для функционирования государства. Попытка создать негосударственное общество на первом этапе была органически связана со стремлением предотвратить возникновение привилегий. Однако постепенно раскол, бесконечные конфликты, хаос неизбежно заставили формировать государство, стимулировать сословность со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сословность в обществе, далеком, как небо от земли, от гражданского, от правового

---

⁵ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919. С. 256.

государства, была очевидно необходима как сторона формирования государственности на догосударственной культурной основе. На ее пути стала, однако, не только массовая антисловная первобытная догосударственная уравнительность, но и постоянная склонность людей, идущих на службу государственности, к локализму, автаркии, к превращению любого учреждения, региона в замкнутое образование, склонное культивировать монополию на дефицит. Это вызвало жесточайший, находивший массовую поддержку снизу террор против растущих вместе с новым государством сословий. *Сословность, вышедшая на поверхность после краха крайнего авторитаризма, оказалась слабой, неорганизованной, лишенной традиций, своих специфических сословных ценностей.* Страх перед расколом и силами уравнительности мешал консолидации сословий, осознанию ими своих реальных государственных функций, способствовал росту локализма, ведомственности и местничеству, ведущим к конфликтам и хаосу. Тем не менее сословие, управляющее страной, вышло вперед, пытаясь опереться на всеобщее согласие, на своего лидера, способного одновременно установить согласие с народом. Собрание глав семейств, старцев градских, глав вотчин — вновь открылось за упавшей стеной крайнего авторитаризма.

Мясорубка, через которую прошло общество и которая, как казалось многим — и врагам, и сторонникам, — в корне его изменила, в действительности была лишь инструментом перевода и удержания общества в рамках дуальной оппозиции «соборность — авторитаризм». Крайний авторитаризм, который был вне критики и только что казался единственно возможной формой жизни, с молниеносной быстротой повернул к своей противоположности. Сама эта молниеносность свидетельствовала, что новый порядок был амбивалентен авторитаризму, был его оборотной стороной. *Новый идеал возник как результат вялой инверсии, вялого отхода от авторитаризма.*

С точки зрения специфики государственности новая система представляла собой результат стремления сместить ответственность вниз в рамках исторически сложившейся государственности, *сместить ответственность с первого лица к мирам среднего уровня, т. е. к ведомствам, регионам, в тенденции к локальным мирам.* Это движение не достигло полного торжества соборного идеала, локализма, хотя и шло именно в этом направлении. Локалистское движение прежде всего усилило значимость относительно самостоятельных частей общества. Новая система в соответствии с древней традицией сместилась к собранию большаков, к реальным главам частей общества. *Власть собрания частей, т. е. веча, приоб-*

ретала форму коллективного руководства. Этот порядок был компромиссным между авторитарной властью первого лица и властью локальных миров, в тенденции превращавшей в излишнюю власть государства вообще. Этот компромисс опирался на идеал всеобщего согласия верха и низа, всех уровней общества и государственной власти, на представления о народной Правде, несущей в каждой точке всеобщее согласие людей.

ПОБЕДА НОВОЙ ВЕРСИИ ИДЕОЛОГИИ

Модель псевдосинкретизма отошла от абсолютизации ипостаси авторитаризма, доведенной до тоталитаризма, где основой был жесткий, утрированный традиционализм. Новая пятая господствующая версия была ориентирована на соединение трех этажей псевдосинкретизма на утилитарной основе. Утилитаризм здесь играл роль не только идеологического инструмента, соединяющего различия в единое целое, но и социального принципа, нацеливающего людей на обеспечение единства общества путем интенсификации всеобщей деятельности, преследующей утилитарные цели.

Атмосфера всеобщего согласия опиралась на убеждение в естественности единства интересов медиатора и широких масс. Это единство мыслилось прежде всего во всеобщей напряженной работе народа и власти, опиралось на общее стремление к удовлетворению потребностей в питании, жилье, ширпотребе. Недавнее прошлое рассматривалось как серия ошибок, отпадение от правильного по сути учения. Нужно вновь совершить партиципацию к высшей Правде. Новое первое лицо Н. С. Хрущев (1955-1964) со всей определенностью торжественно провозгласил: «Не только наши потомки, а мы с вами... наше поколение советских людей будет жить при коммунизме!»⁶ «Движение к коммунизму» должно было осуществляться на основе коллективизма, т. е. системы соборных миров, включенных, однако, в систему синкретической государственности, управляемой на основе коллективных норм жизни.

Тем самым реальная власть переместилась от первого лица к сложной системе бюрократии, освободившейся от тяжелого бремени сверхцентрализации, оградившей себя от разрушительных террористических атак тоталитарной власти. Испытывая мощное давление снизу, новая власть освободила миллионы заключенных и прекратила массовый террор, что, кроме всего прочего, означало качественное из-

⁶ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961. С. 231; см. также с. 428.

меченые отношения к личности, признание ее жизни ценностью, признание ее права на пищу, жилье, подачу жалоб и т. д. Высшая ценность переместилась вниз. Началась новая жизнь.

Новая власть, следуя инверсионной волне, стремилась перестроить медиатор снизу доверху таким образом, чтобы, с одной стороны, он мог ассимилировать творческую активность народа, а с другой — обеспечить единство общества на основе интеграционной функции высшей власти. Делалась попытка привлечь на сторону власти ушедшие в подполье скрытые творческие силы разных слоев населения. Все общество перестраивалось. Каждое звено управлялось на основе идей всеобщего согласия, на основе коллективного руководства. Раньше любое учреждение находилось под властью его руководителя, контролируемого явно партийными органами и негласно — органами безопасности. Теперь власть получило вече, т. е. несколько лиц, обычно члены «треугольника» — руководитель учреждения, секретарь партбюро, председатель месткома; им приходилось считаться с мнением рядовых работников, если они высказывались достаточно настойчиво. Изменился характер совещаний: однозначные требования сверху стали корректироваться точкой зрения исполнителей. Шел процесс своеобразного раскрепощения бюрократии, или, по остроумному замечанию писателя Юрия Айхенвальда, «демократизации бюрократической верхушки» (1956). Неуклонно возрастала сфера компетенции низших этажей.

Про вече-треугольник, как и про все иные соборные институты, трудно было сказать, то ли это представительство низов, защищающих свою систему ценностей перед верхами, то ли это назначаемые сверху помощники, агенты верхов, необходимые для проведения авторитарной политики. Здесь амбивалентность веча идеала создает основу для всеобщего спонтанного согласия, для попытки найти некоторый промежуточный идеал, пытаясь удержать обе крайности вместе.

Н. Хрущев вышел из самых низов народа. Он любил хвастать, что в детстве пас гусей. Эта колоритная фигура представляла собой контраст инверсионного типа по отношению к Сталину. Хрущев был идеальным воплощением новой инверсии, направленной на утверждение специфических ценностей ведомств, организаций, стремящихся жить в мире как с высшей властью, так и с народом. Он пытался сочетать интересы бюрократии с ценностями массового сознания, соединить бюрократию со стремлением к уравнительности, совместить

вражду к начальству и сословные привилегии, слить в единое целое разнородные силы.

В основе его действий лежал утилитаризм, выступавший в форме здравого смысла прижимистого мужичка, который блюдет свой интерес и которому в рот палец не кладут. Хрущев взлетел вверх, так как новая ситуация требовала лидера, который имел бы какую-то мало-мальски пригодную интерпретацию новой массовой инверсии.

Новая власть начала сводить счеты с системой крайнего авторитаризма. В 1956 году на знаменитом XX съезде КПСС Н. Хрущев в докладе, который был опубликован в СССР лишь в 1989 году, потряс страну, подняв руку на мертвого диктатора⁷. Самым главным в этой речи были не разоблачения, которые приоткрыли лишь мизерную часть злодеяний, но факт легального покушения на Сталина, *самокритика системы*, попытка покончить с крайним авторитаризмом. Критика не отличалась глубиной, но в эмоциональном смысле была крайне острой и действенной.

Приход к власти нового поколения правящей элиты, противопоставившего себя сталинизму, тоталитарной форме синкретической государственности, породил «оттепель», определенную возможность независимой критики. Возникшая атмосфера надежды и возрождения напоминала атмосферу позднего идеала всеобщего согласия прошлого инверсионного цикла, царствования Екатерины II, александровской весны.

УСКОРЕНИЕ

Романтическая эйфория, присущая новой правящей элите, опиралась на уверенность, что реальное воплощение принципов Правды на основе всеобщего согласия позволит быстро удовлетворить утилитарные потребности народа. Отсюда — требование ускорить экономическое развитие общества. *Идея ускорения постоянно присутствовала на всех этапах псевдосинкретизма, хотя и в разных формах и степенях. Она диктуется либеральной ипостасью псевдосинкретизма, хотя и в односторонней, искаженной форме. Идея ускорения постоянно стимулировалась растущим утилитаризмом, настоятельно требующим удовлетворения потребностей в благах. Доминирование утилитаризма посредством выдвигания на первый план материальной заинтересованности означало крутой поворот в псевдосинкретизме, что в конечном итоге было лишь одним из*

⁷ Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях: Доклад XX съезду КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128-170.

проявлений возрастающего массового утилитаризма. Традиционализм, по сути, противостоит утилитаризму. Тем не менее в определенных рамках они совместимы, и утилитаризм прорастает как бы изнутри традиционализма. Традиционализм в определенных пределах может быть вовлечен в процесс ускорения, когда последнее выступает как навязанное внешнее условие жизни, к которому можно и необходимо адаптироваться и которое можно рассматривать как средство воспроизводства традиционализма.

На этой нравственной смеси культивировались представления о необходимости за немногие годы пробежать тот путь, который США прошли за десятилетия. Потребность в этом определялась тем, что, например, сельское хозяйство давало продукции меньше, чем в прошлом глобальном периоде. Люди, которые сомневались в возможности догнать американцев раньше 1975 года, подвергались осмеянию. Н. Хрущев говорил: «Вы же видите, что многие колхозы буквально за два-три года увеличивают производство продуктов в несколько раз... Сила колхозного строя, патриотизм советского строя, советских людей, социалистическое соревнование позволят нам решить эту задачу в ближайшие годы». Писатель А. Стреляный, описывая одно из собраний, где обсуждалась эта проблема, замечает: «В этом смеющемся зале он (Хрущев) был самым трезвым человеком, не будем этого забывать, чтобы лучше понять, на какой почве он вырос»⁸. Если такой утопист, как Хрущев, был «самый трезвый», то каковы же были все остальные? Утопизм, вера в спасительность партиципации к Правде-истине, хотя и каждый раз различно трактуемой, сопровождали все этапы. В 1953 году выдвинута была задача за два-три года достичь уровня потребления продуктов питания, соответствующего научно обоснованным нормам. XX съезд партии сконцентрировал внимание на необходимости добиться «значительного повышения материального благосостояния и культурного уровня народа». Это вполне отвечало реальным стремлениям людей, которые, как говорилось в одном популярном анекдоте времен Сталина, были сходны с индейцами тем, что «были голые и с вождем». В ближайшие годы страна должна была догнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения. *Налицо было серьезный сдвиг: если раньше власть обращалась к народу главным образом на языке добра и зла, то теперь разговор шел в значительной степени на языке утилитаризма.* Однако этот утилитаризм произрастал на основе древней инверсионной логики, где результата предполагалось

⁸ Стреляный А. Год личной жизни. М., 1989. С. 118-119.

достигнуть не длительным трудом, а посредством чуда молниеносного перехода, где сам освобожденный от авторитаризма труд выступал как некоторое чудо. Тем не менее новый идеал знаменовал для людей начало новой жизни. Московский рабочий высказал следующую мысль: «Мы думали, что со смертью Сталина жизнь кончилась. Оказывается, она теперь только начинается».

Это стремление удовлетворить утилитарные потребности людей сливалось со стремлением сместить ответственность вниз. В марте 1956 года было принято прямо-таки революционное постановление об изменении практики планирования сельского хозяйства. В нем говорилось: «Для того, чтобы обеспечить государство всеми видами сельскохозяйственной продукции, совсем не требуется из центра доводить до колхозов и совхозов планы посева по всем культурам, планировать все виды скота и количество поголовья, не предоставляя возможность колхозам и совхозам проявить инициативу в более правильном и рациональном ведении хозяйства». Наносился мощный удар по самому принципу авторитарного управления. Сельскохозяйственные предприятия должны были учитывать необходимость обеспечить натуральные госпоставки продуктов полеводства и животноводства. В остальном они «по своему усмотрению определяют размер посевных площадей по культурам, а также продуктивность животноводства и скота по видам». Теперь планирование в сельском хозяйстве должно было начинаться непосредственно в колхозах совместно с МТС и в совхозах.

Практика «планирования снизу» вводилась не только в сельском хозяйстве. В промышленности должны были составляться предварительные планы на местах. Этими планами должны были руководствоваться планирующие организации при составлении общих планов. Идея таких новшеств заключалась в ограничении административного вмешательства в экономическую деятельность. В марте 1956 года было принято постановление, посвященное уставам колхозов. Оно было направлено против авторитаризма, против «нарушения колхозной демократии со стороны местных партийных, советских и сельскохозяйственных органов, когда колхозам навязываются общие, не отвечающие конкретным условиям производства и уровню развития хозяйства, организационные формы и хозяйственные нормативы». Колхозам разрешалось «самим дополнять и изменять отдельные положения принятого сельскохозяйственной артелью устава с учетом местных конкретных условий колхоза». Иными словами, допускались новшества да-

же в сфере организационного творчества, повышающего разнообразие колхозов, хотя и в узких рамках.

Расширились права местных советов. В 1956 году было принято постановление о повышении зарплаты низкооплачиваемым рабочим и служащим, принят закон о пенсиях, в 1957 году расширена программа жилищного строительства. В 1957 году были отменены обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов с личных хозяйств рабочих и служащих, принято постановление Пленума ЦК «О работе профессиональных союзов СССР», которое объявляло производственное совещание рабочих и служащих постоянно действующим органом. Тем самым ставилась задача вовлечь работающих в управление производством. В 1956 и 1959 годах были приняты постановления об улучшении общественного питания.

Государственному крепостничеству также был нанесен серьезный удар. 25 апреля 1956 года был принят указ «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений, за прогул без уважительных причин». Трудящиеся получили право уйти с работы, предупредив об этом администрацию за две недели. Положение это, однако, не касалось десятков миллионов колхозников, не имевших паспортов. Принципиально изменилась атмосфера в сообществах на всех уровнях. Раньше любой промах мог рассматриваться как вражеский выпад. Для новой версии характерна тенденция сглаживать острые углы, не усложнять обстановку; отсюда попытки помочь провинившемуся исправиться и включиться в общий ритм. Характерно нежелание акцентировать внимание на фактах реальных нарушений, подчас приобретающее комические или уродливые формы (например, коллективы обязывались брать на поруки подчас серьезных преступников). Такая позиция определялась традиционной верой в силы, присущие сообществу, локальному миру, связанному общими целями и системой личных отношений. *Новая версия псевдосинкретизма отходила от машинного идеала, увеличивая ценность личности, двигалась навстречу ее утилитарным потребностям.* Некоторые преграды перед инициативой исчезли, усилилась возможность прямо или косвенно получать выгоду от улучшения производительности на всех уровнях. Началась реализация эффекта, который можно было получить, опираясь на обыденное сознание, за счет ликвидации вопиющих, бросающихся в глаза фактов бесхозяйственности.

Важным фактором был рост активности в производстве, усиление ее стимулирования. Определенные успехи были и в сельском хозяйстве. Например, за первые пять лет пребывания

Хрущева у власти заготовки мяса выросли на 162%, молока — на 205%, зерна — на 189% и т. д.

СЛАБОСТЬ СРЕДИННОЙ КУЛЬТУРЫ

На фоне некоторых сдвигов очевидны также и явные слабости пятой версии псевдосинкретизма. Слабость всех промежуточных идеалов была результатом слабости срединной культуры, ее недостаточной способности сдерживать натиск манихейства, стремления миллионов отвечать на стрессовую ситуацию движением от одной крайности к другой. Теперь, однако, существовал фактор, способствовавший ее укреплению. Развитие сословий тормозило в определенных пределах опасность разгула манихейства. Рост утилитаризма в массовом сознании действовал в том же направлении. Сложилась противоречивая ситуация. Правящая элита, стремясь к коллективному управлению, опиралась на мощную антиавторитарную инверсионную волну, которая объективно подрывала централизованную организацию вообще. Отношения между этой инверсионной волной и правящей элитой носили двойственный характер. С одной стороны, эта волна несла социальную энергию, питающую борьбу против крайнего авторитаризма, открывалась возможность для компромиссов на основе получения социальной энергии из прогрессивных инноваций. Но, с другой стороны, эта волна могла разрушить всю организацию медиатора, лишит власть возможности нормально функционировать, перенося центры власти в локальные миры. Правящая элита боролась, с одной стороны, с крайним авторитаризмом, с попыткой его реставрации, с авторитарным вариантом синкретической государственности, с другой стороны, она противостояла «жидкому элементу», склонному оставить без поддержки организационные центры власти, в лучшем случае поддерживать соборный вариант синкретической государственности.

Новая власть мучительно пыталась наладить коммуникации с народом посредством утилитаризма и расширения прав низов. Но исконная враждебность к начальству создавала для этого противоречивые условия. Положение правящей элиты было крайне сложным. С одной стороны, она была заинтересована в децентрализации для стимулирования творческой энергии, для освобождения организаций от давящего централизма. С другой стороны, именно в этой политике таилась угроза медиатору. Поскольку децентрализация неизбежно угрожала ослаблением центральной власти, то наверху одновременно со стремлением к децентрализации возникло стремление к цент-

реализации. Этот абсурд получил выражение в усилении влияния низов и одновременно власти первого лица, что подрывало организационную основу общего согласия.

Сложившийся порядок подвергался нажиму с обеих сторон: с одной стороны, имели место попытки сместить ответственность вверх, т. е. в той или иной степени вернуться к авторитаризму, а с другой стороны, стремление сместить ответственность вниз, к локальным мирам, ослабить государственность. Кроме того, прекращение террора выдвинуло на сцену еще одну важную силу — либеральное движение, стремление к развитию демократии, к восстановлению товарно-денежных отношений. В этой сложной ситуации Н. Хрущев не занял ясной позиции. На попытку сил авторитаризма сместить его в 1957 году он ответил усилением своей личной власти, совместив в 1958 году посты руководителя и партии, и правительства и усилив авторитарные методы управления в частности, в сфере экономики.

ОТ ВЕДОМСТВЕННОСТИ К МЕСТНИЧЕСТВУ

В стране явно нарастало расползание сил, составляющих единство идеала всеобщего согласия, что было в конечном итоге характерно пока для всех без исключения этапов господства идеала всеобщего согласия в России. Как и в прошлом, силы, которые могли сознательно защищать единство, оказались слабы и неспособны закрепить достигнутый успех. Усилив свою власть, т. е. централизацию, Н. Хрущев амбивалентным образом использовал ее для дальнейшей децентрализации, т. е. в соответствии с инверсионной волной, идущей к увеличению значимости и ценностей локализма. Эти попытки примирить необходимость идти навстречу локализму и одновременно сохранять централизацию приобретали подчас комичный характер. Например, «приближение руководства к исполнителю» воплощалось в переводе министерства сельского хозяйства и других организаций на периферию. Попытка, как говорилось в анекдоте, посвященном Хрущеву, «соединить пол и потолок», объяснялась стремлением уменьшить слой между верхом и низом, унифицировать управляющие сословия, максимально приобщиться к двухэлементной модели общества — этой вечной утопической мечте.

Хрущев, следуя инверсии, использовал власть для давления на бюрократию. В подконтрольной печати, кино и других формах массовых коммуникаций были нередки выпады против руководящих работников. Огонь критики направлялся против образа обобщенного бюрократа. В одной из речей Хрущева

прозвучала явная угроза. Он предупреждал, что народ все видит и знает и что каждый работник должен бояться людей, которые могут написать на него жалобу. Он поощрял жалобы на начальство как средство борьбы со злоупотреблениями. Были поползновения ослабить бюрократию, урезая ее негласные доходы, а также передавая некоторые ее функции в ведение общественности. Наконец, было принято решение о периодической замене руководства партийных и профсоюзных органов, вплоть до высшего.

Очевидное ухудшение хозяйственного состояния обусловило принятие руководством страны в феврале — мае 1957 года решений «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством». Они были направлены против ведомственной централизованной системы управления экономикой и ставили задачу «приближения руководства к экономическим районам, расширения прав союзных и автономных республик, повышения роли местных партийных и советских организаций, а также профсоюзов». Хрущев и его сторонники пытались заменить ведомственный принцип управления, связанный с отвергнутым крайним авторитаризмом, на территориальный, который отвечал требованиям локальных ценностей. Была сделана попытка организовать управление промышленностью и строительством по территориальному принципу. Местная бюрократия получила власть над хозяйством. Тем самым был сделан важный шаг в воплощении ценностей локальных миров. Реформа 1957 года по своему направлению совпадает с административной реформой Екатерины II на соответствующем этапе первого глобального периода. Для нее была характерна не только децентрализация, стремление перенести из центра на периферию функции управления и контроля. Функции департаментов петровских центральных коллегий были тогда расчленены по губерниям. Общий дух идеала всеобщего согласия породил принципиальное сходство реформ в разных исторических эпохах.

Локализм, разрушая авторитаризм, фактически подрывал централизацию, которая обеспечивала единство хозяйственной системы. Замыкание связей на совнархозах, минуя министерства, создало бесчисленные новые проблемы. *Засилье ведомственности сменилось засильем местничества.* Раздробленная территориально промышленность утратила прежние малоэффективные бюрократические инструменты обеспечения прогресса производства, сломана была сложившаяся система воздействия бюрократического аппарата на предприятия в целях внедрения новой техники. Немедленно началось стремление совнархозов к автаркии. Хрущев пытался с этим бороться. Как

это всегда было свойственно псевдосинкретизму, он боролся с последствиями уже принятых решений. Он метался между двумя крайними, совершенно исключаящими друг друга принципами, т. е. следовал логике хромающих решений. Усилился административный нажим на местах. За нарушение плановых поставок была установлена уголовная ответственность.

Хрущев был весь во власти стремления соединить организацию с инициативой низов. Это привело к беспрецедентной реформе. В ноябре 1962 года было принято постановление о переходе к производственному принципу построения руководящих органов партии снизу доверху. Партия разделялась на две, одна из которых управляла промышленностью, другая — сельским хозяйством, что подрывало медиационную функцию партии. Хрущев в своем стремлении следовать антиавторитарной версии, в попытке удовлетворить утилитарные потребности общества пренебрег центральной идеей псевдосинкретизма, т. е. необходимостью подчинить всю жизнь общества решению медиационной задачи. Хрущев, как и его окружение, имел весьма слабое представление о действительной сути общества, которым они управляли. Их мнения формировались инверсионной волной, что толкало к ломке всей медиационной системы и к подчинению ее задачам материального производства, к решению хозяйственных утилитарных задач.

При Сталине решение медиационной проблемы было поставлено под угрозу в результате одностороннего укрепления медиатора, парализовавшего воспроизводственные процессы и оторвавшего власть от повседневных забот людей. При Хрущеве угроза решению медиационной проблемы шла с противоположной стороны, в результате усиления разрушительного для синкретической государственности локализма.

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ НЕ РОЖДАЕТ НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ»

Постепенно сложившийся порядок сталкивался со все более неразрешимыми проблемами. Система отвечала на его мероприятия подчас разрушительным образом. Предоставление возможности планирования снизу привело не к активизации масс, которые этим мало интересовались, что еще раз опровергало основное заблуждение интеллигенции, а к активизации местного начальства, которое вопреки логике и смыслу подчас принимало фантастические обязательства, пытались перешеголять друг друга. В этом был определенный риск. Но, видимо, не слишком большой. Опыт говорил, что кампании проходящи.

Кроме того, планы утверждались сверху, и можно было рассчитывать, что абсурдные цифры не пройдут.

Я наблюдал этот поразительный рост «творчества» низов, когда ничего не стоило запланировать по 600 яиц на курицу там, где по отчету не было и 100. Я работал в это время председателем плановой комиссии одного из сельскохозяйственных районов Тульской области. Непосредственные впечатления и наблюдения сильно подорвали мои народнические иллюзии, представления, что беды идут от «плохого начальства». Колхозников не интересовало, откуда идет планирование — «сверху» или «снизу». Они просто жили своей особой жизнью, которая постоянно «отпадала» как от бюрократического манипулирования, так и от стремлений навязать им какие-то новые обязанности по осуществлению собственных прав, которых эти люди не добивались. Отказ от типового устава сельскохозяйственной артели означал, что теперь колхозы могли сами формулировать и принимать уставы, не следуя официально установленному канону, лишь не нарушая существующего законодательства. Меня поражали вновь принятые уставы, которые в районе все приходили ко мне. Во всех без исключения переделанных уставах власть в колхозах четко и ясно смещалась вверх, т. е. от собрания колхозников к правлению и председателю колхоза. Никакого давления в этом направлении со стороны районного и другого начальства я не наблюдал. Следовательно, попытка открыть дорогу демократии фактически вполне спонтанно приводила к выявлению авторитарных тенденций в масштабе колхоза, к активизации вечевого идеала на низовом уровне. Эти процессы имели еще одно важное последствие. Принятие новых уставов было использовано для начала кампании против лиц, проживавших на территории колхозов, но работавших в райцентре, на железной дороге, в промысловых артелях и т. д. Этим «бездельникам» уменьшали приусадебные участки, вовсе лишали их, не давали лошадей для подвоза топлива и т. д., всячески вынуждая вернуться на работу в колхоз. Это была, по сути, форма очередного витка борьбы за уравнительность. Один из председателей колхоза на мое недоумение по поводу этой «второй коллективизации», как некоторые пытались назвать эти акции, объяснил свои действия хрестоматийно примитивно: «Я вкалываю на земле, а почему он (железнодорожник) должен получать зарплату и пенсию?» Председатели в это время получали и зарплату, и пенсию, но это мало что меняло. Это мнение председателя, по моим личным впечатлениям, вполне отражало общее настроение колхозников. Эти парадоксальные тенденции остались вне внимания советской науки. Они свидетельствовали о том, что

колхозники боролись не за демократию, а за уравнительность. Следует отметить, что притесняемые таким образом граждане не могли искать защиты у местных властей. Правовой статус приусадебных участков лиц, проживающих в колхозах, был таков, что закон не мог защитить этих людей от попыток колхоза обрезать эти земли «по самое крыльцо». Если бы наука могла обратить внимание на эти процессы, то стало бы достаточно ясно, что *колхозы функционировали не как искусственный результат государственного насилия. Колхозы функционировали как особый тип сообщества, вполне вписывающийся в историческую традицию крестьянской общины, включенной в медиатор общества.*

Раскрылась прискорбная картина, находящаяся в полном противоречии со старой верой в освобожденную народную Правду. Попытка высшего руководства освободить эту Правду, обратиться к ней вызвала к жизни активизацию начальства среднего и низшего звена, развитие авторитарных тенденций в низах, ущемление прав какой-то части населения другой частью. Росли конфликты внутри локальных миров, связанных с борьбой за ресурсы.

Следует отметить, что этот процесс децентрализации в условиях господства синкретической государственности не является уникальным историческим явлением. «Как показывает анализ исторического процесса (это особенно очевидно на примере Древнего Египта, чжоуского Китая, но прослеживается также и в Индии, Западной Азии), от политической децентрализации выигрывают лишь региональные правители, которые приобретают автономию, а то и независимость... Эта тенденция к феодально-удельному сепаратизму, однако, при всем своем дестабилизирующем воздействии на метаструктуру в целом не приносит в нее ничего принципиально нового... Сама структура и все свойственные ей отношения остаются неизменными, изменяются лишь масштабы... политическая децентрализация не рождает новых социальных тенденций...». Это обобщение мирового исторического опыта крайне важно для понимания локализма, к которому не без колебаний двигалось общество, разрушая господствовавшие до того нравственные идеалы.

В России этот процесс носил глубоко специфический характер, связанный с существованием раскола и одновременным стремлением общества к модернизации. На попытку обеспечить ускорение, заставить аппарат всеми методами организовать обгон Америки по производству продуктов сельского хо-

⁹ Васильев Л. С. Курс лекций по древнему Востоку (Средний и Дальний Восток). М., 1984. С. 96.

зьяства общество ответило «рязанской катастрофой» (выражение братьев Ж. и Р. Медведевых). Секретарь рязанского обкома, которого Хрущев сделал кумиром и «маяком» для всей страны, тип советского Ноздрева, дал обещание увеличить производство мяса в пять раз. Чудо, обещанное в 1917 году, как казалось, становилось наконец реальностью; миф материализовался. Для выполнения этого обязательства отправили на мясо почти весь скот области. Под предлогом эпидемии скот просто-напросто отбирался у колхозников. Колхозы вынуждены были для выполнения обязательств закупать мясо. Молоко разбавлялось водой. Вся эта история выплыла наружу. Не только в Рязанской, но и в других областях «хватали и гнали на бойню все, что могло передвигаться на четырех ногах: стельных коров и супоросных свиней, телят, поросят, которым бы еще расти и расти... Ожили времена феодального разбоя: одна область промышляла на территории другой»¹⁰.

Притиски в возрастающих масштабах стали для консервативного традиционного сознания средством разрешения противоречия между необходимостью каждого сообщества адаптироваться к сложившейся социальной среде, включая деятельность начальства, и невозможностью, неспособностью следовать курсом ускорения, т. е. совершать все те действия, которые предписывались начальством. Подобные действия исторически в стране рассматривались как воплощение «дурости», на которое крестьяне отвечали высказываниями типа «барин дурит». Волонтаристский нажим сверху встречался внизу либо разрушительной интерпретацией указаний, либо имитацией выполнения требований, которую традиционное сознание, тяготеющее к ритуализации диалога с начальством, могло и не отличать от реального выполнения этих требований. В конце концов, никогда не было известно, что требует начальство — реальный продукт или комфортный отчет о нем. Партийное руководство на местах буквально лезло из кожи, чтобы выполнить и перевыполнить план по сдаче тех или иных продуктов сельского хозяйства. Это стремление давало определенный эффект, например, повышение надоев. Но в конечном итоге оно носило разрушительный характер, так как подчиняло всю сложную систему хозяйства одной узкой частной задаче, например, достижению первого места по сдаче сегодня мяса, а завтра молока. Система кампаний, истерических попыток совершить переворот за счет сменяющих друг друга попыток организовать чудо, т. е. разведения кроликов, производства торфоперегнойных горшочков, механической дойки,

---

¹⁰ Стреляный А. Год личной жизни. С. 125.

кукурузы, ликвидации паров, освоения новых земель и всех иных витков хромающих решений, будучи формой проявления раскола, разрушала стабильность организационных связей, усиливала сопротивление власти и неуважение к ней. В этой системе приписки стали формой коммуникации между уровнями управления, формой защиты нижних уровней от разрушительного нажима верхов. Разумеется, приписки при этом разрушительно действовали на нравственное состояние общества, на реальные связи, превращаясь в мощный фактор общей дезорганизации. Кроме того, растущий утилитаризм позволял в возрастающих масштабах использовать приписки как элемент коррупции, условие хищений и разграбления общества.

Все попытки хрущевских реформ совершить чудо наталкивались на препятствия, которые были заложены в прошлом и не были известны реформаторам. Стремление поднять сельское хозяйство, обогнать США в этой области оказалось безрезультатным. Здесь Хрущев пошел по линии наименьшего сопротивления, действуя экстенсивными методами и тем самым оставляя страну в зависимости от стихийных факторов природы. Попытка решить проблему сельского хозяйства за счет значительного расширения посевных площадей означала, что ставка в конечном итоге делалась не на качественный подъем, не на повышение уровня культуры и организации. Освоение целинных и залежных земель подорвало исторически сложившееся животноводство на обширных территориях и было связано с громадными затратами.

Новая правящая элита была далека от понимания причин низкого уровня сельского хозяйства, его неспособности удовлетворить общество. Причины этого лежали в том, что страна унаследовала все то же «первобытное» сельское хозяйство, выросшее на экстенсивной основе и не склонное к инновациям, повышающим эффективность. Поэтому пути его подъема лежали прежде всего в развитии высших форм городской культуры, освоение которой на уровне личности — абсолютно необходимая предпосылка решающего подъема сельского хозяйства. Однако новый строй, хотя и шел под лозунгом ведущей роли городского рабочего класса, тем не менее привел к разрушению интеллектуальных сил общества. В стране происходила не столько урбанизация, сколько псевдоурбанизация, не столько интеллектуализация деревни, сколько «деревенизация» города.

Опыт Запада изучался, но весьма односторонне. Результаты поездки министра сельского хозяйства В. Мацкевича в

США, отчет о которой был опубликован в виде книги¹¹, произвели ошеломляющее впечатление. «Открыли Америку», как сказал М. Макаров, председатель райисполкома Заокского района Тульской области, ознакомившись с книгой. Однако в опыте Америки искали прежде всего технологические и технические аспекты. Совершенно игнорировалась организационная сторона, вся система ценностей, которая лежала в основе движущих сил развития сельского хозяйства США. Вывод, который сделал Хрущев из американского опыта, заключался в следующем: «Никакой особой американской мудрости нет. Удобрений много вносят...»¹². Эта точка зрения может служить классическим примером того, как даже жизненно важные проблемы одной культуры не могут быть поняты представителями другой, которая не столкнулась еще с соответствующими пластами реальности — с организационной революцией, с влиянием рынка на рост производства и т. д. Все богатство опыта в этом высказывании Хрущева сведено к технологическому элементу, что свидетельствовало прежде всего о культурном потолке, существующем на данном историческом этапе в данном обществе, о редуccionистском сведении высшего к низшему, что отрезало путь к высшему.

Всякая попытка поднять сельское хозяйство наталкивалась на исторически сложившиеся нарушения закона соотношения отраслей, на неэквивалентный обмен между отраслями. Ориентация высшей власти на низы неизбежно вызывала попытки изменить перераспределение ресурсов в значительной степени через изменение цен. В 1953-1955 годах закупочные и заготовительные цены на продукцию сельского хозяйства были повышены в три раза. Сельское хозяйство стало рентабельным. Тем самым была сделана попытка изменить поток перекачивания средств из сельского хозяйства на обратный.

Однако постепенно усилились тенденции к восстановлению старого порядка. В 1959 году цены на запасные части были повышены на 90%, начиная с 1958 года неоднократно снижались заготовительные цены. Принудительная продажа техники колхозам нанесла серьезный урон их экономике. В 1963 году очередная засуха выявила полную неспособность страны решить сельскохозяйственную проблему. Пришлось провести громадные закупки зерна за рубежом.

---

¹¹ Мацкевич В. В. Что мы видели в США и Канаде (Впечатления участников Советской сельскохозяйственной делегации 1955 г.). М., 1956.

¹² См.: Стреляный А. Год личной жизни. С. 166.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЛИБЕРАЛИЗМА

Попытка удержаться на основе идеала всеобщего согласия привела к ослаблению террора и идеологического пресса. Хрущев искренне верил, что только сумасшедшие могут выступать против разделяемых им идеалов. Тем не менее таких «сумасшедших» оказалось много. Важнейшим источником несогласия была постепенно возрождавшаяся после сталинских погромов интеллигенция, *выход на свет остатков духовной элиты*. Независимо от точек зрения на те или иные проблемы сама возможность легализации ее голоса несла опасность для официальной идеологии. Голоса духовной элиты всегда защищали некоторую последовательную систему нравственности, некоторую особую логику отношения к миру, к самим себе. Эта внутренняя последовательность по самой сути противостояла псевдосинкретизму, который постоянно формулировал свои решения, комбинируя, эклектически соединяя разные, разрушающие друг друга логики. Встреча этого принципа с любой последовательной точкой зрения приводила рано или поздно к неизбежному конфликту. *Отсюда столкновение правящей элиты с либеральной интеллигенцией.*

Важнейшим условием роста компетентности власти должен был служить поиск путей диалога с духовной элитой. Этому мешал раскол между элитами, который получил, в частности, форму культурного разрыва, мешающего установлению элементарного взаимопонимания. На ряде встреч руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией, проведенных в 1962 и 1963 годах, Хрущев со свойственным ему хамством не оставил сомнения в том, что никакое творчество, опирающееся на собственную основу, а не на костыли официальной идеологии, не будет допущено. Власть увидела в художественном творчестве силу, опасную для псевдосинкретизма. Было принято решение добить «Новый мир». Неудобный власти редактор неудобного журнала А. Твардовский был обречен. Журналу и ему лично был нанесен ряд сокрушительных ударов.

Разгром «Нового мира» означал, что либерализм был опять загнан в подполье. Диалог не получился, так как власть говорила на языке псевдосинкретического манипуляторства, тогда как силы, вступившие на путь нравственного, духовного развития, следовали своей внутренней логике. Либерализм объективно был направлен на выдвижение в обществе на первый план сил, способных выйти за рамки борьбы между разными формами синкретического государства. С либерализмом связана борьба иного типа, т. е. между синкретической государ-

ственностью во всех ее формах, с одной стороны, и силами демократии, гражданского общества и правового государства — с другой. Либерализм, однако, был слаб, малочислен, часто не осознавал своей специфики.

И все же значение этого слабого либерализма было исключительно велико. Появился слой, который объективно, даже независимо от своей оценки ситуации, вступил в конфликт с псевдосинкретизмом, отказался от логики конъюнктурной мотивации. Это открывало путь медиации, накоплению культурного богатства, формированию новых более глубоких альтернатив.

«БАРИН ДАЛ, БАРИН ВЗЯЛ»

Однако главной опасностью для государственности пятого этапа был не слабый и разрозненный либерализм, а неуклонное усиление раскола общества. Реформы сталкивались с непреодолимым препятствием: элементы расколотого общества отвечали не неудачи реформы различным, подчас противоречивым образом, увеличивая общую дезорганизацию, подрывая вообще согласие.

Развитие творческой активности шло какими-то своими путями. Все в меньшей степени его можно было использовать для роста производительности на государственных предприятиях, для медиатора. Оно шло преимущественно по пути активизации локальных ценностей. Широкие слои в основном игнорировали попытки власти вовлечь их в деятельность официальных органов управления, возвысить активность до уровня общесоциальных ценностей. Люди не имели ни опыта участия в управлении, ни опыта повседневной организационной работы, ни стимулов борьбы за прогресс производства. Постоянно действующее производственное совещание получило в народе название «постоянно бездействующего». Материальное стимулирование также не привело в достаточных масштабах к росту производства. Характерен ответ, который дал в то время мне крестьянин Тульской области на вопрос, почему же теперь колхозники плохо работают, хотя, не в пример прошлому, они стали лучше зарабатывать: «Барин дал, барин взял». Иначе говоря, действия власти случайны и импульсивны, подчиняются капризам, не поддаются прогнозам, верить ей нельзя. Никакой связи между очередной попыткой власти усилить материальное стимулирование и своей работой, результатом своего труда этот человек не видел. И то, и другое существует для него само по себе. Следовательно, увеличение оплаты не соединилось в сознании с необходимостью более эффективного

труда. Об аналогичных настроениях писал, например, веком раньше А. Энгельгардт. Крестьяне по поводу прощения недоимок и уменьшения выкупных платежей говорили: «Эти недоимки сложат — новых наделают»¹³. Все бури, прошедшие над страной, не вытеснили господства в массах локальных ценностей, отношения к власти как к внешней силе, за действия которой рядовой человек никакой ответственности не несет и которая оценивается негативно. Это не означает, что в народе не активизировалась инициатива. Усиливался умеренный утилитаризм в его индивидуалистической версии, что вело к уходу жизни, творческих сил из-под влияния сложившегося порядка. Власть вступила с этими процессами в ожесточенную борьбу. Стремление стимулировать инициативу непостижимым образом превратилось в политику ограничения инициативы, в систему хромающих решений. Началось наступление на приусадебные участки, на личное подсобное хозяйство колхозников, рабочих и служащих, т. е. на рост локализма власть отвечала авторитаризмом.

Стремление власти идти навстречу ценностям низов столкнулось с тем, что это фактически поощряло накопление социальной энергии в локальных мирах таким образом, что делало ее малодоступной для медиатора. Правящая элита вновь и вновь стремилась поставить личность в максимальную экономическую зависимость от государства, отсечь ее возможность накапливать и тратить свою энергию вне рамок медиатора. Однако тем самым истреблялись жизненно важные источники творческой энергии. Здесь вновь повторилась старая российская тенденция подавлять мелкое индивидуальное производство и вынуждать людей отдавать свой труд производству, слитому с монополией синкретического государства. Совершенно естественно, что эта политика вступила в конфликт не только с индивидуальной версией умеренного утилитаризма, но и с растущим слоем, склонным к развитому утилитаризму. Этот медленно оживающий слой хорошо откликнулся на стремление власти поставить зависимость оплаты от количества и качества труда. Однако именно эти люди оказались неудовлетворенными системой и уровнем оплаты. Они усиливали поиск путей удовлетворения своих утилитарных потребностей способом, независимым от государства. В сложившейся ситуации деятельность этого слоя принимала подчас уродливые формы хозяйственных преступлений, с которыми Хрущев боролся, не брезгуя даже смертной казнью.

---

¹³ Энгельгардт А. Н. Из деревни. М., 1987. С. 531.

АКТИВИЗАЦИЯ РАСКОЛА

Активизация народа приобрела формы, свидетельствующие о глубоком расколе в обществе. Массовое поведение подчас дезорганизовывало общество, что доходило до столкновений с властью. По стране, по отдельным районам подчас прокатывалась паника. Поводы, вызывавшие панику, установить трудно. Ими могли быть случайные обстоятельства (например, передача московского радио, в которой диктор Ю. Левитан навязчиво, с драматическим пафосом вещал об очередном агрессивном акте мирового империализма). Припоминаю, в районе, где я работал, случались паники, вызванные туманным по существу, но весьма эмоциональным сообщением, связанным с корейской войной. Главным образом паника выражалась в массовой закупке товаров — таких, как мыло, соль, спички и вообще всё, что попадалось на глаза. Подобные явления могли иметь место в специфических условиях, когда отсутствует доверие к власти, при сильном, постоянно подогреваемом страхе перед войной.

Недоверие к власти стимулировалось проведенной Хрущевым денежной реформой, замораживанием всех внутренних государственных займов. Слухи о новых реформах вызывали панику. Люди выстраивались в очереди у сберкасс и либо забирали свои вложения, либо наоборот — вкладывали деньги, полагая, что, оставляя их на руках, они имеют больше шансов их потерять. Все это свидетельствовало о том, что *народ и власть разделяла пропасть: отсутствие взаимопонимания, взаимный страх и ожидание каких-то совершенно неожиданных действий.*

Иногда дело доходило до открытых массовых выступлений. Солженицын писал, что события в Новочеркасске (1962) завязали «важный узел новой русской истории»¹⁴. События в Новочеркасске укладываются в традицию русского бунта с отсутствием конструктивной программы социальных изменений и обращением к справедливости власти. Основным лозунгом было, видимо, требование: «Пусть о нас проявят заботу». Люди говорили, что «ни хрена нет», т. е. ничего нет в магазинах, «начальство не думает», кругом «безобразия». События были вызваны повышением цен, ухудшением продовольственного снабжения, пересмотром тарифных ставок, т. е. речь шла не о защите прав, высоких идеалов, а о физическом существовании. После нескольких дней растерянности власти учинили жестокую расправу.

¹⁴ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2.

Действия определенных кругов населения представляются власти иррациональными, как некогда иррациональным было поведение крестьян в глазах царских чиновников. Однако новая власть еще меньше представляла себе, что это за люди, какова их численность и «география», в чем смысл их требований и что следует предпринять для установления контакта с ними.

УТИЛИТАРИЗМ И ВЛАСТЬ

Хрущев приобретал свой статус первого лица принципиально иным образом, чем это было в прошлом. Русские цари черпали свой престиж из исторически сложившегося социального института царской власти. Хрущев не был классическим харизматическим вождем, хотя элементы харизмы у него, несомненно, присутствовали. Харизматический вождь черпал свой престиж из оценки личности вождя как вновь найденного тотема. Харизматическим вождем мог стать тот, кто сумел каким-то образом вписаться в представления массового сознания о вожде-тотеме. Именно таким образом получали свое влияние первые вожди нового общества, так как старые институты себя дискредитировали и не могли обеспечить авторитет первого лица. Однако Хрущев не принадлежал ни к первой, ни ко второй группе. *Он пришел к власти на волне возрастающих утилитарных требований, явившихся реакцией на аскетизм прошлого.* Однако специфика господствующей культуры не позволяла власти надеяться на возможность решать медиационную задачу, опираясь на чисто утилитарные ценности, хотя элемент утилитаризма в системе ценностей общества постоянно возрастал. *Власть не могла быть чисто утилитарной, так как в стране преобладали уравнилельные ценности,* стремление получать, независимо от результатов, за то, что «вкалывал». Правление Хрущева раскрыло ранее скрытое серьезное противоречие общества. Оно по своей исторически сложившейся природе развивалось как соответствующее государственности синкретического типа. Нестабильность институтов медиатора, периодически возникающие кризисы стимулировали стремление найти харизматического вождя. Однако банкротство сталинской аскетической харизмы инверсионным образом вызвало к жизни первое лицо, склонное обеспечивать рост утилитарных благ. Это в конечном итоге выявило социокультурное противоречие между активизацией массовых утилитарных ценностей и системой синкретической государственности, системой социальных отношений, недостаточно стимулирующих прогресс производства в соответствии с ростом

потребностей. В принципе, вообще умеренный утилитаризм в силу своей ограниченности не может быть основной нравственной базой государственности, так как он склонен к локализму, не способен обеспечить сложную систему ответственности личности за функционирование государственности.

Личность Хрущева воплотила в себе это противоречие. С одной стороны, он пытался быть народным вождем, выступающим против бюрократии в защиту интересов широких масс. Но, с другой стороны, консервативный характер общества толкал его на использование государства для принудительной модернизации, что рассматривалось как средство для обеспечения роста материальных благ. Административное давление подорвало сами идеалы всеобщего согласия. Хрущев объективно претендовал на харизматическую власть, но ее утилитарное содержание не соответствовало исторически сложившимся формам власти первого лица в стране. Хрущев, стремясь быть своим для народа, тем самым объективно подрывал веру в то, что власть несет высшую Правду. Он был слишком похож на простака с улицы, с которым можно было «сообразить на троих», чтобы люди могли поверить в его способность олицетворять высшую Правду. «Слышал, чего наш Бобик натворил?» — так реагировал московский рабочий, узнав о срыве Хрущевым совещания в верхах в 1960 году. Казалось, что Хрущев сделал все, чтобы вызвать скептическую, издевательскую реакцию, что приводило к десакрализации его власти. Нашумевший эпизод на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, когда он стучал по столу снятым башмаком, вызвал почти всеобщий восторг. Но это было восхищение клоунадой, а не дань уважения вождю.

Отрицательные последствия реформ Хрущева были очевидны и служили поводом для бесчисленных убийственных анекдотов. Судя по ним, массы видели реальный факт невежества Хрущева. В одном из анекдотов его жена, разоблачая самозванную соученицу своего мужа, утверждает: «Он и в школе никогда не учился». Ирония стала элементом отношения к высшей власти, рассматриваемой как скопище дармоедов. О Хрущеве существовало мнение, что он хорошо устроился, т. е. достиг всего, к чему мог стремиться средний умеренно-утилитарно настроенный человек. Массовое представление о Хрущеве сливалось скорее с древним представлением о «начальстве», которое «дурит», а не с вождем-тотемом. Трагедия государственности заключалась в том, что власть не могла найти твердое основание ни в институтах, ни в харизме, ни в утилитаризме.

Вместе с тем рост утилитаризма открывал новые возможности для решения медиационной задачи. Рост утилитаризма был формой роста срединной культуры, роста способности решать и действовать, не прибегая к инверсионным поворотам. При всей слабости этого процесса по сравнению со сложными задачами, стоящими перед страной, стремление к материальным благам способствовало известной тенденции ослабления непримиримости к социальному неравенству, открывало отдушину в виде возможности перехода личности в более высокое сословие. Усиливалась концентрация творческой энергии личности на стремлении повысить свой престиж, не разрушая сословный строй, не поднимаясь вверх по сословной лестнице. Этому способствовало и усиление традиционных для России представлений о полезности власти как охранителя порядка, как источника материальных благ. Рост утилитаризма открывал возможности примирения с неправдой во имя пользы и, следовательно, мог ослабить ненависть правдолюбцев к тому, что в их собственных глазах было кривдой (например, начальство).

Рост утилитаризма был формой роста низших этажей срединной культуры. Однако этот процесс был еще слишком слаб, чтобы в решающей степени вытеснить синкретическое и манихейское отношение к власти. Подобный поворот означал бы победу прогрессивной формы изменений и отступление инверсионной.

Пятый этап второго глобального периода показал, что попытка возвести умеренный утилитаризм на уровень высшей ценности, отождествить его с высшей Правдой не создает достаточно эффективной жизнеспособной основы для функционирования государственности, для обеспечения модернизации, для решения медиационной задачи. По сути дела, аналогичный результат имел место в результате краха нэпа. Разница, однако, заключалась в том, что в первом случае ставка делалась скорее на индивидуалистический утилитаризм, тогда как во втором случае — на коллективный, общинный. Хрущев был последовательным сторонником коллективизма и противником всего частного и разделенного. В обоих случаях, однако, сложившийся порядок не оказался устойчивым.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ АЛЬТЕРНАТИВ

В стране усилилось представление о том, что общество отошло от уравнительности, что алчное начальство сочетает в себе страсть к закрытому снабжению, безделье и неспособность

принимать самоочевидные разумные решения. Древнее, догосударственное отношение к начальству вновь вышло на передний план. Первое лицо, однако, по мнению значительной части народа, не противостояло в достаточной степени отходу от уравнительности, не смогло предотвратить рост сословий.

Правящая элита оставалась во власти инверсионных иррациональных процессов. Она не владела социальным процессом, но лишь приспособлялась к непонятым для нее стихийным силам. Фактически обновленное, критически настроенное против прошлого начальство оказалось не в состоянии протянуть руку разуму, совести и вере. Реформаторские устремления власти приводили к дезорганизации, несмотря на искренние намерения наилучшим образом разрешить проблемы.

Период господства пятой версии ознаменовался возвратом на сцену людей, чье сознание было ориентировано на высшие формы утилитаризма, тех, кто свое благосостояние рассматривал как результат собственного труда и собственной предприимчивости. Однако эти люди могли проявить себя, реализовать свои ценности лишь вне рамок закона. Личность не испытывала достаточной потребности в создании институтов, которые соединяли бы народ и власть и опирались бы на представительство самого населения. Для этого не было соответствующих культурных предпосылок. Наоборот, господствовало представление, что от подобных действий толку не будет. Действия личности определялись стремлением оградить свой мир от внешних опасностей, среди которых важное место занимали дезорганизующие действия власти.

Еще одна попытка положить в основу государственности срединную культуру, выйти на качественно новые альтернативы, выходящие за рамки исторически сложившихся циклов, потерпела неудачу. Общество вновь осталось в рамках исторически сложившейся альтернативы. Идеал всеобщего согласия распался на части, общество не могло одновременно опираться на сословность власти и поддерживать уравнительный идеал двухэлементного общества. Это ссорило высшее руководство как с бюрократией, опасавшейся активизации сторонников этой модели, так и с широкими массами, которые возмущались существованием сословных привилегий. И эта пятая версия псевдосинкретизма, как и все предшествующие, не дала прочной базы для соединения общества с инициативой мест, статики с динамикой, локальных ценностей с большим обществом, ценностей власти с ценностями высшей культуры, массового сознания с государственностью, машинного и индивидуалистического утилитаризма, двух типов конструктивной напряженности.

Отсутствие духовной основы для диалога противоречивых сил, отсутствие организационных реформ, которые реально могли бы вырабатывать их единство, элементы хаоса и безответственности вызвали разочарование в господствующем идеале, в изменениях, которые приняли форму уродливых и непродуманных реорганизаций. Опасность роста дезорганизации на разных этапах стимулировала новую инверсию, направленную на восстановление порядка, что отождествлялось с возвратом к авторитаризму, с восстановлением власти, гарантирующей защиту от антиуравнительных сил.

Трагедия Хрущева заключалась в том, что, соединив в себе почвенные идеалы с государственной властью, он так и не осознал противоположности этих двух начал и действовал по логике двух взаимоисключающих принципов, переходя от одного к другому, т. е. не поднялся выше уровня хромающих решений. В результате ни одно из его мероприятий не могло быть доведено до конца. Опыт этого этапа показал, что патологичность общества осознавалась и объяснялась уже не ошибками и злодеяниями, а тем, что общество соглашалось на них, а возможно, и стимулировало. Это, однако, не помешало преемникам Хрущева оценить этап его деятельности как связанный с господством волюнтаризма, т. е. рассматривать его, как и сталинский этап, в качестве искажения исходных для нового общества идеалов.

Сам Хрущев в силу узости своего кругозора опирался на расхожие банальности, которые оказались возведенными в ранг «науки». Хрущев оказался не в состоянии сохранить свою власть в условиях наступления новой инверсионной волны. Он был устранен, как прозрачно намекнули в одном из спектаклей, «в связи с внезапно наступившей старостью».

Хрущев пополнил список лиц, чье руководство страной закончилось личным банкротством, чьи цели парадоксальным образом приводили к результатам, обратным ожидаемым.

Новый этап, сменивший сталинский, характеризовался тем, что общество попыталось ответить на раскол отказом от жестких авторитарных решений, поиском меры на основе всеобщего согласия, движением к ценностям низов при одновременном учете ценностей целого. Однако и эта попытка не увенчалась успехом. Возможность реального согласия лежала где-то значительно глубже старых альтернатив, которые всегда принимались за новые, а затем с ожесточением отвергались. Поиск качественно более глубоких альтернатив требовал значительных усилий и квалификации, которые были в дефиците. Вновь общество было вынуждено вернуться к поиску альтернатив.

ГЛАВА VI ВНОВЬ УМЕРЕННЫЙ АВТОРИТАРНЫЙ ИДЕАЛ («Этап застоя»)

САМЫЙ НЕРОМАНТИЧНЫЙ ЭТАП

Крах позднего идеала всеобщего согласия, его распад на составные элементы привел к обратной инверсии, к попытке построить идеал согласия где-то на пути между авторитаризмом и соборностью, вернуться к исходной точке этого движения, т. е. к авторитаризму, но в его ослабленном варианте. Это движение вновь проходило через вялую инверсию. Общее стремление к умеренному авторитаризму потребовало от правящей элиты *формирования новой, шестой версии псевдосинкретизма, где авторитарная ипостась вновь, как это было на втором этапе, выходит на первый план. Существенная разница, однако, заключалась в том, что в первом случае это было движение от соборности к крайнему авторитаризму, тогда как теперь это был этап противоположно направленного процесса, этап, на котором общество пыталось затормозить движение к локализму, к соборности.*

К власти пришло новое руководство во главе с Л. И. Брежневым (1964-1982), чье правление совпало с шестым этапом, получившим впоследствии название застойного. Любопытно, что аналогичное название в прошлом имел и соответствующий этап предыдущего периода. Новое руководство представляло собой коллективную олигархию, которая сформировалась как высший в обществе вечевой институт. Каждый его член был представителем некоторой могущественной части общества, одного из ведущих ведомств, регионов. По сути, в новом масштабе это было все то же собрание «золотых поясов», как в Древнем Новгороде, глав крестьянских дворов, общин и т. д., точнее — экстраполяция соответствующих ценностей на большее общество. Сохранение этой архаичной системы управле-

ния — свидетельство слабого развития неадминистративных форм интеграции.

По отношению к стране, ко всем мирам среднего и локального уровня это руководство обладало авторитарной властью, слабо связанной правовыми ограничениями. Оно в своих решениях руководствовалось принципом шаха, перерастающего в мат. Новое руководство, как и каждое из предшествующих, могло удержаться у власти, лишь формируя новую интерпретацию господствующего нравственного идеала, соответствующую сдвигам массового сознания. Эта интерпретация должна была создать основу для решения медиационной задачи, т. е. соединения деятельности медиатора с изменившимся реальным содержанием массового сознания. Официально общество стало рассматриваться как перешедшее на уровень развитого социализма, т. е. как достигшее относительно завершенного характера. Была сделана попытка сформировать власть и идеологию, максимально приспособленные к исторической инерции, лишённые романтизма прежних этапов. Господствующая идеология как бы говорила, что, наконец, именно теперь сформировалось разумное, сбалансированное, лишённое крайностей общество, воплощающее действительную суть социализма. Брежнев выразил эту мысль следующим образом: «Демократия социализма несовместима ни с казарменно-бюрократическими порядками, ни с анархическим своеволием в отношении к социалистическим принципам, нормам и законам»¹. Новая версия противопоставила себя как крайнему авторитаризму, так и стихии локализма. Многие западные советологи также прикнули к оценке этого этапа как определенного завершения внутреннего развития СССР после 1917 года.

Это был самый неромантический этап. Он характеризовался попыткой смещения господствующих ценностей от романтической мечты о завтрашнем дне к идеалу спокойной социальной удовлетворенности достигнутым. Воплощением этой идеи стала *новая конституция, которая носила открыто псевдосинкретический характер.* В ней содержались *взаимоисключающие идеи*, прежде всего идея народовластия и одновременно идея руководящей роли партии, записано бесконечное количество прав (например, право на жилище) без указания механизма защиты этих прав, т. е. фиксировалось фактическое отрицание этих прав, и т. д. Правящая элита, опираясь на механизм демона Максвелла, старалась нащупать некоторый уровень серого творчества, который, с одной сторо-

---

¹ Брежнев Л. И. Исторический рубеж на пути к коммунизму (1977) // Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1978. Т. 6. С. 636.

ны, обеспечивал бы государственность необходимой творческой энергией, а с другой — не разрушал бы медиатор.

Новый поворот не может быть объяснен закулисными интригами ограниченного круга лиц, так как сами эти интриги могли иметь шанс на успех, лишь опираясь на новые массовые тенденции. Новый порядок ознаменовался прежде всего ликвидацией последствий всех реформ, которые явно не соответствовали авторитаризму. Были уничтожены совнархозы — эти локальные фокусы управления, которые свидетельствовали об уходе власти из центра. Было восстановлено организационное единство партии, ликвидировано разделение на промышленные и сельские обкомы (крайкомы) партии. Система синкретической государственности вернулась к централизованному варианту, где власть миров среднего, а также нижнего уровня была уменьшена во имя централизации. Poleмика с прежним первым лицом носила скрытый характер, его имя вполне в стиле Оруэлла исчезло из всех публикаций. Ценности прежнего этапа фактически рассматривались как несуществовавшие. Разумеется, при этом возник вопрос о преемственности нового этапа. Эта проблема стала постоянным предметом борьбы. Новые лидеры не могли принять по этому поводу ясного и последовательного, нехромающего решения, так как продолжение критики сталинизма неизбежно превращалось в критику не только крайнего, но и умеренного авторитаризма, подрывало идеологические основы нового порядка. Но вместе с тем реабилитация Сталина, отказ от наследия XX съезда означали бы критику ограниченности авторитаризма, что прямой дорогой вело к террору, к обоснованию правомерности открытого произвола высшей власти, первого лица. Это вступило бы в конфликт со сложившимся уровнем локализма, со стремлением социальных слоев низшего и среднего уровня защитить себя, свои воспроизводственные функции от насилия и произвола. Система, как и на предшествующем этапе, старалась избежать крайностей. *В отличие от прошлого этапа, где первое лицо пыталось непосредственно опереться на локальные миры, на самоуправление на местах, причем сочетая это с попытками усилить свою личную власть, правящая элита теперь пошла по пути подавления соборного идеала авторитарным, т. е. авторитарная ипостась псевдосинкретизма опять вышла на первый план.*

УСИЛЕНИЕ АВТОРИТАРИЗМА

Новое руководство почувствовало в массовом авторитаризме ту основу, опираясь на которую, оно могло бы эффективно

управлять страной. Его объединяло с массовыми настроениями недовольство сложившимся порядком и *стремление к стабильности, стремление искать альтернативу существующему не в формировании нового веера альтернатив, а в некотором переборе уже накопленных в культурном богатстве вариантов действий.*

Аппарат власти, опираясь на эту новую, шестую версию псевдосинкретизма, предпринял повсеместную попытку ужесточить контроль над каждым сообществом, усилить централизацию в распределении дефицита, в принятии решений вообще, подчинить все жизненные процессы медиатору. Любопытно, что это стремление сопровождалось попыткой опереться на обычаи, сделать ставку на формирование советских ритуалов. После XXV партийного съезда орган ЦК КПСС газета «Правда» опубликовала статью «Советскому человеку — новые обряды»². Усилилось стремление применять принудительный труд. Если раньше речь шла лишь о сельскохозяйственных работах, что оправдывалось сезонными пиками, то затем людей стали отправлять на стройки, различные базы, в хранилища в целях помощи нерентабельным организациям, не справляющимся с планом. В письме, подписанном ста двадцатью работниками завода «Эталон» (Кишинев), написано, что горисполком вводит «принудиловку», т. е. систематически в течение трех лет использует принудительный труд для уборки улиц³. Подготовка к Олимпиаде 1980 года также послужила важным фактором усиления принудительного труда. Уже в то время просачивались сведения о насильственном переселении крестьян в Средней Азии с целью освоения новых земель. На местах изобретались всё новые, подчас причудливые формы принудительных мероприятий — от навязывания билетов на стадионы до сбора взносов в разного рода общества и принудительного донорства для студентов. Школьное начальство могло потребовать, чтобы каждый ученик принес в школу по кролику, очевидно, для выполнения плана района по мясопоставкам⁴.

Разумеется, масштабы государственного крепостничества были уже не те, что во времена Сталина. Если тогда можно было остановить поезд, проходящий через область, для того чтобы выполнить план по арестам «врагов народа», то теперь дело ограничивается почти безобидной остановкой рейсовых автобусов, с тем чтобы заставить пассажиров убрать участок хлопка. На местах процветало творчество в изобретении форм применения принудительного труда. На алма-атинском хлоп-

² Правда. 1976. 28 мая.

³ Там же. 1979. 26 июля.

Там же. 1978. 22 янв.

чатобумажном комбинате, имевшем свой жилой фонд, ордера жильцам не выдавались. Это значит, что люди юридически считались временными жильцами, лишались площади в случае увольнения, не имели права сменить квартиру, не могли, например, записаться в библиотеку, пользоваться кредитом и т. д.⁵ Формировался слой так называемых «лимитчиков», т. е. лиц, получающих в крупных городах временную прописку и не имеющих возможности сменить работу, одновременно оставаясь в городе. Существовала практика запретов выезда с места жительства в разгар сельскохозяйственных работ и т. д. Возможности манипуляций людьми порождали у власти иллюзии, что вместо конструктивных решений можно попросту затыкать дыры, перебрасывая дефицитную рабочую силу из одного места в другое.

Среди сфер, где авторитаризм утвердил себя с особенным «успехом», можно назвать науку. Существенно ужесточился контроль за научной работой, за процедурой защиты диссертаций, за самой возможностью публикаций, за встречами ученых. Наука ввиду своей способности получать непредсказуемые результаты по определению несовместима с авторитаризмом. Переход на его рельсы требовал определенной сакрализации и одновременно персонализации власти. Нужен был вождь, способный воплотить в себе представление о тотеме-батюшке. Однако новая власть не имела харизматического характера, не опиралась на массовую веру в вождя, несущего Правду. Сам Брежнев апеллировал к авторитету партии, которая исторически сложилась как институт власти, как источник престижа для ее руководства, подобно институтам старой власти, вне которых царь не существовал. Однако партия обладала важными недостатками. Она некогда утвердилась как антигосударственная сила, способная возглавить борьбу против начальства и государства. Это мало способствовало тому, чтобы государственность могла постоянно черпать в ней социальную энергию. Сама партия черпала свой авторитет у харизматических вождей недавнего прошлого и, следовательно, была весьма плохо приспособлена для решения противоположной задачи — придания авторитета вождю. Между тем новое руководство оказалось поразительно безликим, прошедшим через штамповочную бюрократическую машину и не могло претендовать на харизму. Это была самая непопулярная власть в стране с октября 1917 года. Попытка апологетики сложившегося порядка, попытка трактовать его как развитой социализм была, кроме всего прочего, и попыткой высшего руководства,

⁵ Правда. 1978. 4 февр.

первого лица получить дополнительный престиж, используя позитивно интерпретированный результат предшествующего развития, стать как бы результатом и элементом этого развития. Нельзя, однако, забывать, что партия была в глазах народа воплощением начальства и, следовательно, объектом ненависти, враждебности, — впрочем, как и всякое начальство в истории страны. Но в нравственной основе общества происходили и определенные позитивные сдвиги, выходявшие за рамки инверсионного поворота к авторитаризму. Власть могла опереться на растущий утилитаризм, на массовую веру в то, что она способна обеспечить растущий поток утилитарных благ. Если раньше народ требовал у тотема-батюшки земли, различного рода «милостей», «послаблений», то теперь люди рассчитывали на поток квартир, продуктов, на повышение доходов и т. д. Это был серьезный позитивный для власти элемент, значение которого неуклонно возрастало. Но эти утилитарные экспектации требовали постоянных экономических успехов, что было весьма проблематично, ставило высшую власть в прямую зависимость от количества ресурсов, которыми она могла располагать для удовлетворения возрастающих потребностей населения и производства.

МОНОПОЛИЯ НА ДЕФИЦИТ

На шестом этапе стал достаточно явным ранее скрытый феномен общественного развития страны, который можно назвать монополией на дефицит. Впрочем, о его скрытости можно говорить весьма условно. Народное сознание давно зафиксировало его существование в виде формулы «Блат выше совнаркома», фиксирующей *возможность разрешения проблем не через всеобщий порядок, но посредством системы личностных связей*. Научные исследования этого явления, его места и роли в стране существуют лишь в зачаточной степени, главным образом как разоблачение бюрократии, т. е. как некое частное явление. Между тем монополия на дефицит — всеобщее определение хозяйственного порядка России с определенного этапа ее развития.

Дефицит как таковой, т. е. более или менее устойчивая нехватка некоторых ресурсов (от сырья и товаров до новых идей и квалифицированных чиновников) может иметь место в любом обществе. Развитие рыночных отношений, демократии можно рассматривать как механизм преодоления дефицита в его разных видах. Для России прежде всего представляет интерес анализ рыночных форм дефицита, т. е. при отсутствии или недостаточном развитии механизма его преодоле-

ния. В России в результате раскола возникла общественная система, где дефицит стал постоянным определяющим фактором социокультурной жизни. Это произошло в результате разрыва между потребностями общества в росте количества и разнообразия ресурсов и существенным отставанием массовых потребностей в формировании форм воспроизводства, необходимых для обеспечения этой возможности. Напряженность этой ситуации привела к формированию естественных монополий на ресурсы.

Исторически такие монополии вырастают из собственности, из владения условиями, средствами труда, воспроизводства, из складывающихся на этой основе рентных отношений. Монополия на дефицит состоит в получении ренты не только за собственность на условия и средства, но и за результаты труда, за любой продукт, в котором окружающая социокультурная среда испытывает возрастающую потребность. Это напряжение, если оно не реализуется в соответствующем росте производства, неизбежно усиливает общее состояние дефицита на те или иные ресурсы, потребность в которых институционализируется монополией, т. е. каждое сообщество тяготеет к превращению в монополиста. Специфика подобного явления не в захвате различными монополиями рынка, а в нарастающей зависимости определенного круга потребителей от держателя дефицита, сложившегося на дорыночной основе. Эти потребители могут находиться на территории всей страны, если производитель один. Но они могут находиться и в ограниченном ареале, в одной деревне, если потребитель не может ввиду ограниченности своих возможностей обратиться к другому производителю. Мощным стимулом усиления монополии на дефицит является прогресс в разделении труда, сопровождающийся ростом разнообразия массовых потребностей. Если процесс разделения труда не коррелирует с соответствующим ростом производства, то институциональный рост монополии на дефицит на архаичной рентной основе неизбежен.

В условиях роста городов, потребностей в затратах на армию и т. д. каждый крестьянин мог превратиться в субъект монополии на дефицит. Однако существующие в обществе механизмы изъятия у крестьян продукции означали, что фактически этим монополистом становилось прежде всего государство. Его власть опиралась на возможность принудительного перераспределения дефицита. В свое время эта роль государства ослабла, начиная с 1907 года, т. е. с отмены выкупных платежей, что расширило возможность крестьян распоряжаться большей долей своей продукции. Центр монополии на хлеб переместился к крестьянам. В полной мере это выявилось пос-

ле начала первой мировой войны и последующей разрухи. Тогда монополия на хлеб стала синонимом возможности существования. Последовательные попытки царской власти, Временного правительства, большевиков частично или полностью вернуть высшему центру монополию на дефицит (прежде всего на хлеб) в конечном итоге привели не только к конфликту с основной частью населения, но и к подрыву стимулов производства. Вынужденный переход к нэпу был по сути попыткой предотвратить с помощью допущения и развития товарно-денежных отношений восстановление монополии крестьян на дефицитный хлеб. Рынок, по крайней мере в тенденции, должен был подорвать саму возможность монополии на дефицит. Однако в стране не было условий для быстрого и всестороннего роста рынка, для преодоления дорыночной монополии. Это привело к тому, что денежные отношения города и деревни, которые государство попыталось стимулировать, превратились в своего рода фикцию, т. е. не стали регуляторами потока ресурсов и тем более стимулом увеличения их производства. Крестьянство, продавая второстепенную продукцию своего труда, с легкостью платило денежный налог, т. е. тем самым оно отдавало государству денежную фикцию, оставляя хлеб себе. Таким образом, монополия на дефицит хлеба перешла к крестьянству. Государство потеряло эту монополию, которая была наследием предшествующей истории. Убедившись в этом, советское большевистское государство молниеносным разрушительным ударом вновь захватило монополию беспрецедентными методами и в беспрецедентных масштабах. Это событие в должной степени еще не осмыслено как важнейшая веха борьбы в обществе вокруг монополии на дефицит.

Система монополии на дефицит началась, видимо, с момента резкого возрастания потребностей в ресурсах при явном отставании их получения, при отсутствии соответствующего новому уровню потребностей развития рынка. Это можно отчетливо наблюдать в царствование Петра I и на последующих этапах. Однако эта система постоянно подвергалась критике, давлению со стороны пробивающихся рыночных отношений, которые потенциально создают основу для порядка, не знающего монополии на дефицит. Рынок переворачивает отношения «производитель — потребитель», устанавливает зависимость первого от второго. Однако эта альтернатива в конечном итоге не нашла должной массовой поддержки. Борьба в обществе переместилась в сферу борьбы между разными уровнями держателей монополии на дефицит.

Гибель крайнего авторитаризма во втором периоде была одновременно крахом господства государства как единствен-

ного держателя дефицита. На следующем этапе была сделана неудачная попытка разделить эту монополию между разными уровнями и тем самым достигнуть всеобщего согласия. Однако банкротство этого порядка толкнуло государство на путь возврата к своей монополии на дефицит. Специфика шестого, «застойного» этапа оказалась в том, что как никогда общая сложность хозяйственного порядка и относительная слабость государства обнажили со всей очевидностью то, что ранее было упрятано за разными идеологическими мифами: в основе нашего общества лежит то ослабляющаяся, то усиливающаяся до ожесточения борьба разных уровней держателей монополии на дефицит. Выявилось в полной мере, что в обществе каждое сообщество являлось держателем определенного дефицита. Социальный престиж сообщества, получение утилитарных благ определяются способностью сохранить и реализовать свою монополию. Конструктивная напряженность соответствующего сообщества нацелена на постоянное воссоздание этой монополии. Это достигается стремлением усилить зависимость общества, всех сообществ, отдельных лиц от монопольной функции данного сообщества, от его деятельности посредством превращения результатов последней в дефицит.

Монополия на дефицит, следовательно, есть форма социально-экономической связи сообществ с другими сообществами, с обществом в целом. Социальный и хозяйственный статус человека в условиях господства монополии на дефицит определяется дефицитом, которым он располагает. В той или иной степени дефицитом, хотя и далеко не равнозначным, распоряжаются все сообщества, ведомства, учреждения.

На первый взгляд, социальному престижу дефицита противостоит порядок, по которому сообщества при авторитаризме лишены права свободной реализации и вынуждены руководствоваться утвержденными ценами, нарядами, прямыми указаниями и т. п. Но все это говорит о попытках власти в максимальной степени централизовать распределение дефицита, подчинить своему авторитету, а отнюдь не ликвидировать сам принцип. Борьба вокруг разных версий псевдосинкретизма идет не за уничтожение дефицита, его основ, а вокруг его распределения. Даже самые жесткие формы авторитаризма не способны лишить нижние этажи какого-то ограниченного права распоряжаться дефицитом. Там, где эта возможность сводится к нулю, имеет место дезорганизация (например, в колхозах в период крайнего авторитаризма). Вместе с тем неразбериха планов, организационная неопределенность, сложная система инструкций и отсутствие реальной правовой

защиты интересов потребителя создавали широкие возможности использования дефицита в интересах сообщества — держателя дефицита.

Попытка воспроизводить в масштабе общества систему отношений древней семьи превращает народнохозяйственное планирование в деятельность в основном по распределению дефицита. Балансовый метод являлся основным в планировании. Его задача — найти соответствие между потребностями и дефицитными ресурсами главным образом чисто административными методами, т. е. прямым распределением дефицита. В сущности, большак в патриархальной семье делал то же самое. Воспроизведение древней схемы в масштабах общества привело к тому, что *функция распределения превратилась в тайну руководства.* Хотя сам процесс распределения легален, на деле все его бесчисленные тонкости, его живая плоть окружены непроницаемой тайной. Сделать этот процесс гласным значило бы подвести под него некий общезначимый, т. е. выходящий за рамки данного сообщества, нравственный принцип. Но какому принципу можно следовать, если на десять пар зарубежных дамских сапог, поступивших в магазин, имеется бесконечное количество желающих их приобрести? Можно было бы создать совет пенсионеров, который решил бы на основе справок, ходатайств и т. д., кому именно их следует продать. Но способен ли подобный совет справиться с гигантской толпой, которая, несомненно, пыталась бы попасть на заседание и, следовательно, создала бы новый дефицит, т. е. право представлять членам комиссии свои справки и соображения по поводу справедливости? Можно было бы поднять цены в соответствии со спросом. Но не говоря уже о том, что такая цена при избытке денег у части населения могла бы быть чудовищно высокой, сам подобный акт имел бы смысл лишь в том случае, если бы избыток прибыли шел на производство сапог. Но это требовало бы иной хозяйственной системы. Практически в любом случае в условиях монополии это распределение как раз и являлось для данного сообщества, для людей, выступающих от его имени, формой извлечения энергии и ресурсов из окружающего социального пространства, формой укрепления социального престижа, способом укрепления своей монополии. Это не результат эгоизма, алчности, злой воли, но следствие социокультурного противоречия между культурой и сложными социальными отношениями. Их конструктивная напряженность, как и в древности, требует воссоздания неизменных отношений, но в обществе уже созрело стремление к росту благ. Люди еще не научились рассматривать окружающее социальное пространство как сферу творческого приложе-

ния сил, сферу установления связей, способствующих повышению результативности собственного труда.

Продавец не может выбросить дефицитный товар на прилавок, не провоцируя столкновение между потребителями. Определить, кому товар более необходим, он тоже не может. Остается или воспользоваться дефицитом самому, или предложить своим знакомым, возможно, не потребовав даже вознаграждения. Если он даже и не возьмет лишних денег, хотя каждый готов заплатить, он выигрывает, получая доступ к дефициту, сосредоточенному в других руках. *Дефицит есть средство добывания другого дефицита* — путевки в санаторий, места в больнице, хорошего мяса, справки из ЖЭКа и прочих вещей, которые и составляли содержание жизни советского человека. Таким образом, строилась целая система отношений по поводу дефицита. В эту систему включались и те, кто стоит на нижних ступенях социальной лестницы. Уборщица овощного магазина, например, находилась в лучшем экономическом положении, чем уборщица строительного треста, — первая может приобретать более свежие и доброкачественные овощи. В эту систему отношений включен и директор магазина, который обменивается предметами дефицита с теми, от кого зависит снабжение магазина и другие услуги.

Все министерства и ведомства на шестом этапе вынуждены «выбивать» для своих предприятий дефицитное сырье, станки, валюту и т. д. В отношении дефицита вовлечено Политбюро, поскольку ему принадлежало последнее слово в решении кардинальных вопросов распределения дефицита, прежде всего капиталовложений. *Отношения дефицита всеобщие, охватывая всех — от вахтеров до первого лица в государстве.*

Дефицитными являются не только вещи и услуги, но и определенные пространственные и временные отрезки. Так, Москва, например, выступала как острый дефицит для желающих получить московскую прописку и работу. Право разрешения на прописку, а следовательно, на работу — монополия власти, ее прерогатива. Несмотря на то, что система крепостничества была значительно смягчена, сложность, которую представляла перемена места жительства, была чрезвычайно велика, поскольку жилым фондом в основном распоряжается государство.

Особо дефицитны на шестом этапе были разрешения на поездки за границу: граждане делились на «выездных», т. е. включенных в отношения по поводу этого вида дефицита, и «невыездных», находящихся вне их. *Дефицитным подчас становится время*: период заседаний XXV съезда КПСС, например, был дефицитным, что выражалось в улучшении снаб-

жения населения, в ужесточении режима в местах заключения, в активизации преследований инакомыслящих и т. д. Все снабжение товарами широкого потребления было подчинено принципам распределения дефицита: различные города и районы, больницы, звенья пенитенциарной системы и т. п. занимают свое место в системе отношений дефицита. Сама функция приема на работу на выгодные и престижные должности является одной из форм обмена дефицитом. В некоторых престижных учреждениях значительная часть сотрудников принималась на работу в результате стремления их руководства усилить обмен дефицитом, укрепить свою монополию.

О том, что дефицит не просто недостаток вещей, продуктов, а *особый тип социальных отношений*, свидетельствовал, например, дефицит бумаги, который, в отличие от других видов дефицита, афишировался. Ссылаясь на него, можно было бесконтрольно распоряжаться издательствами, сокращая тиражи одним изданиям, открывая зеленую улицу другим. Отношения дефицита характерны тем, что делают туманным, юридически неуловимым само понятие «злоупотребление». Отношения дефицита неразрывны с коррупцией. Создаются основы круговой поруки тех, кто получает от него различного рода выгоду, в том числе и систематическую ренту, часто в денежной форме. В повести В. Войновича «Иванькиада» крупный чиновник — держатель дефицита (от него зависит издательские планы) использует его для получения дефицита, которым располагает председатель жилищного кооператива писателей, сам писатель. Чиновник нуждается во второй квартире для расширения своей жилплощади в том же писательском кооперативе. По мнению Войновича, здесь имеет место взятка, но особого типа: «Обычно хотя бы дающий взятку несет при этом материальный урон, здесь же при взаимном обмене взятками все остается с прибылью. Потому что Иванько (чиновник.— А. А.) предлагает взятку из государственного кармана, а его контрагенты взамен дают ему квартиру, которая им не принадлежит... Они ни от кого не скрывают, что делают, для чего и какими средствами»⁶. В таких случаях трудно определить, где именно начинается нарушение закона: в конце концов, нигде не сказано, что воспрещено печатание книг председателя жилищного кооператива или улучшение условий жизни крупного чиновника. Возможно, получение семьей двух квартир есть нарушение, но и в этом нет уверенности, так как никто не знает, каковы нормы для того, кто курирует работу издательств страны. Это тайна.

⁶ Войнович В. Иванькиада, или Рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру. (Самиздат.) 1975.

Не случайно советское право не знает принятого в старом праве разделения взяточничества на лихоимство (получение подарка как вознаграждения чиновнику за нарушение) и мздоимство (вознаграждение за выполнение законных служебных обязанностей). Дефицит выступает в качестве валюты, системы коммуникаций, силы, формирующей социальные отношения. Дефицит имеет тенденцию превращать по крайней мере некоторые виды бесплатных услуг в платные: рабочие ЖЭКов, обязанные обслуживать жильцов бесплатно, берут за это деньги, ссылаясь на реальный или мнимый дефицит материалов; нелегально оплачивается медицинское обслуживание.

Дефицит определял образ жизни советского человека. Рядовой гражданин постоянно сосредоточивался на том, что необходимо что-то «достать», «поймать», «схватить». Он напоминал древнего охотника. Но для последнего охота была его работой, тогда как наш человек должен был еще и ходить на работу. Все постоянно разыскивали каких-то знакомых, которые помогут устроиться в больницу, достать путевку, поступить в институт и т. п. Все это было вполне естественно — ведь все блага двигались по каким-то скрытым каналам, и доступ к ним — главная проблема. Рядовой покупатель не имел даже представления о многих товарах, которые поступают в магазин, но не на прилавки.

Любая сложная задача решалась посредством проникновения в скрытые каналы дефицита. Каждое сообщество всеми средствами защищало право на свой дефицит, охраняло его тайну. Одним из способов защиты тайны дефицита от непрощенных претендентов являлась система нарядов, справок, отношений, с помощью которых выигрывается время и происходит отсев части претендентов, а вместе с тем нарождается новый дефицит — на справки. Система справок имеет собственную логику, собственную иерархию. Моя младшая дочь Оля говорила в то время, что существуют справки-дедушки, т. е. те, которые необходимы для получения по крайней мере двух последующих поколений справок.

Дефицит в чисто традиционном обществе может возникать в результате резких колебаний в природных условиях (например, дефицит пищи в результате засухи). Дефицит может носить характер некоторого нарушения, возникшего главным образом в силу внешних причин. В либеральном обществе дефицит, если он возникает, например, в результате энергетического кризиса, служит стимулом для развития производства, для поиска новых обходных путей его преодоления. В принципе дефицит — это стимул, активизирующий жизнь сообщества.

В советских условиях медиатор постоянно стремился компенсировать дефицитом неэффективность денежной оплаты рабочих и служащих. Это особенно ярко видно в сельском хозяйстве, где приусадебный участок дается колхозникам и работникам других сельскохозяйственных предприятий как условие их работы. Угроза отрезать приусадебный участок или лишить сенокоса весьма действенна. Само право пользования дефицитом, например, землей, обусловлено обязанностью работы на владельца этого дефицита, т. е. на государство. Надежда на получение такого дефицита, как квартира, возможность пользоваться ведомственными детскими учреждениями, дополнительным источником снабжения и т. д. — все это формы дефицита, дополняющие денежную оплату. *Дефицит является мощной силой, привязывающей личность к рабочему месту, задающей ей программу деятельности.*

Система дефицита способствовала тому, что сообщества старались удержать в руках запчасти, сырье, оборудование, лишних работников и т. п. — по древнему принципу «запас карман не тянет». Это приводило к накоплению, нерациональному использованию и потере натуральных продуктов, сплошь и рядом в весьма значительных объемах. Существование монополии на дефицит не опирается на ясный общепризнанный нравственный принцип и окружено тайной; оно постоянно питало недовольство. Монополия на дефицит противоречит синкретической нравственности традиционного общества. Она одновременно противоречит ценностям роста и, развития, поражая воображение повсеместной экономической неэффективностью.

Дефицит — средство, которым руководство сообщества, всей страны обеспечивало ее единство, связь ее частей. Все сообщества зависели от организаций более высокого ранга, так как там распределялся дефицит (капиталовложения, зарплата и т. д.). Все это — мощное средство, привязывающее часть к целому, личность — к организации, каждую организацию — к организации более высокого порядка.

Соотношение разных групп держателей дефицита — важнейшее условие решения медиационной задачи. Нравственность, версии псевдосинкретизма, тяготеющие к авторитаризму, сдвигают вверх центры распределения дефицита, что, однако, связано с ослаблением творчества, с опасным ростом дефицита. Версии нравственности, тяготеющие к почве, приводят к сдвигам вниз этих центров, что, однако, связано с опасным ростом неспособности общества мобилизовать дефицит и использовать его как средство интеграции. Оба варианта, следовательно, несли в конечном итоге одну и ту же

опасность потери правящей элитой ресурсов дефицита, необходимых для повседневного решения медиационной задачи, т. е. угрозу катастрофического развала всей организации общества.

Противоречивость формы руководства страной посредством распределения и перераспределения дефицита заключается в том, что исторически она возникла в результате преобладания в псевдосинкретизме синкретических перераспределительных ценностей в ущерб ценностям роста и развития производства. Этот метод еще имел относительное оправдание в период индустриализации, когда речь фактически шла о размножении готовых образцов. Однако он сохранился и тогда, когда потребность в качественном развитии стала вопросом существования производства. Сам метод разрешения всех острейших задач общества посредством оперирования дефицитом не создает условий для разрешения перспективных задач. *Он вынуждает начальство самого высокого ранга погружаться в решение задач оперативного управления и, следовательно, пренебрегать проблемами развития.* Над всей системой руководства витает жестокая потребность постоянного разрешения острейших повседневных проблем, *текучка пожирает все силы системы управления.* Любопытно, что именно эта способность правящей элиты бесконтрольно распоряжаться ресурсами страны рассматривалась в обыденном сознании и, в несколько завуалированной форме, в теории как главное преимущество социализма.

С дефицитом связано множество мифов. Массовое сознание видит в дефиците явление случайное, зависящее от временных неполадок, например, неурожая, или, наоборот, показатель фатального бессилия человека перед космическим злом, т. е. нечто извечно характерное для всего мира. Иногда дефицит рассматривается как результат расширения потребностей, роста городов и т. д. Все эти точки зрения — лишь модификация древнего статичного идеала жизни, через них совершенно невозможно осмыслить причины дефицита. Существование дефицита дает стимул широко распространенной концепции перерождения социалистической революции в России, термидорианского переворота. Она предполагает, что какие-то злые силы (агенты царской охранки или недорезанные буржуи) исподтишка захватили власть, вновь поработили народ и приняли его эксплуатировать. Главный довод сторонников этой точки зрения заключается в ссылке на систему распределения благ, в соответствии с которой блага растут при переходе к высшим этапам власти. Подобный подход, однако, ошибочен по крайней мере по двум причинам. Прежде всего, существо-

вавшая система распределения распространялась на шестом этапе на все общество без исключения, а не только на правящую элиту. Специфика распределения сложилась в результате банкротства уравнительности, идеала всеобщего равенства. Правящая элита использует ту же самую систему дефицита, что и уборщица овощного магазина, отбирающая для себя лучшие овощи за счет других покупателей. Разумеется, втайне присваивая дефицитные блага, правящая элита снижает уровень потребления остальных, но разве рабочий пользуется ведомственным домом отдыха и квартирой своего ведомства не за счет остального населения? Разве те, кто достает что-то «по благу», по знакомству, не лишают при этом кого-то другого этих благ?

В системе дефицита жили все, хотя и в разной степени пользуясь ее благами. Отчасти это отражает тенденцию формирования сословности. Дефицит — не результат узурпации власти, но результат согласия на него общества, результат системы ценностей, нацеленных прежде всего на адаптацию к сложившимся условиям, а не на предпринимательство. Та же уборщица могла оставлять гниль покупателям лишь потому, что те в массе своей были согласны на это, не стремились к самоорганизации в целях самозащиты, например, к созданию потребительских обществ, к собственной ответственности за обеспечение справедливого распределения, за производство и государственное управление. Каждый локальный мир во всеоружии традиционных ценностей стал на пути роста всеобщей экономической связи, строя бастионы натурализации, автаркии, унификации, незаинтересованности в том, что делается за пределами локального мира.

Деньги оказались оттесненными в узкую сферу и, следовательно, не приобрели характера реальной всеобщей связи. Всеобщая связь в условиях господства монополии на дефицит формируется через непосредственную связь парадоксальным образом как псевдовсеобщая. Она формируется через непосредственную связь каждой ячейки с рядом соседних. В этом случае отношения поддерживаются, как в глубокой древности — обменом натуральных благ, информацией, подарками. Эта связь представляет собой лишь примитивную незрелую имитацию всеобщности связи, так как она всего лишь результат суммирования бесчисленных локальных связей. Тень всеобщего незримо присутствует в бесконечном обмене натуральных товаров и услуг: стекло, картофель, книги, металл, сырье, водка и все, что угодно, используется как деньги, т. е. как то, на что можно купить, обменять все, что необходимо для воссоздания своей собственной организации, выполнения госу-

дарственного плана, достижения личных целей, установления любых связей: технических, экономических, культурных и т. д. Например, Харьковский завод подъемно-транспортного оборудования обменял сто тонн металлопроката на веретенное масло, кислород, углекислый газ и пиломатериалы⁷. Отсюда — неопределенность различия между взяткой и подарком, возникновение экономической базы для взяток «борзыми щенками» по образцу гоголевского судьи Ляпкина-Тяпкина⁸.

Даже отношения рабочих, определяемые технологией и организацией, реализовались, обрастая личными отношениями, включающими обмен услугами, поощрениями, дефицитом. Сам престиж личности определялся возможностями в предоставлении дефицита. Передача сырья, заготовок, инструмента, т. е. обеспечение возможности элементарно трудиться на рабочем месте, становилась важной услугой, подчиненной движению дефицита. Отношения на производстве зависели от отношений социальных престижей людей, которые определялись их связями, возможностью распоряжаться дефицитом, получать доступ к нему. Вся плановая деятельность реально существовала как обмен дефицитом. Например, директор завода приводит слова другого директора: «На меня навесили столько, сколько я сделать все равно не смогу, поэтому буду выдавать только тем предприятиям, которые пришлют мне прессовщиков и еще помогут точить детали, и еще, и еще». Далее рассказчик от себя добавляет: «Ну что? Шлем прессовщиков, делаем все, что делают заводы, которые имеют фонды, да плюс еще целый ряд работ. И только поэтому получаем, что нам нужно. За счет заводов, которые не получают, даже имея фонды»⁹.

Воспроизводство в каждой точке подчинялось необходимости достать, получить, вырвать некоторый набор необходимых вещей, пробить некоторый локальный мир для получения от него милости, услуги, подачки. В каждой точке целого сидит владелец дефицита, власть которого неуклонно растет, пока в обществе не получил влияние в достаточных масштабах иной порядок.

Официальная наука не осознавала значения дефицита для понимания сложившегося порядка вещей. Сторонники экономического материализма не заметили, что отношения, связанные с монополией на дефицит, давно уже стали определяющими в обществе. Слова «дефицит — великий двигатель общественных отношений» принадлежат не советскому социологу или экономисту, а великому трагику-комику А. Райкину.

⁷ Правда. 1982. 18 февр.

⁸ Гоголь Н. В. Ревизор // Собр. соч. в 8-ми т. М., 1984. Т. 4. С. 11.

⁹ Литературная газета. 1979. 27 мая.

В странах, которые находились в сфере влияния СССР, подобные процессы могли иметь свою специфику, смягчаться существованием в явном или скрытом виде развитых форм утилитаризма, зачатков либеральных социальных интеграторов, ограниченных форм личной инициативы, определенного рынка, осознанием ценности торговой деятельности, возможностью вкладывать ресурсы в производство независимыми инициативными людьми.

РАЗНОМЫСЛИЕ

Важнейшей проблемой, с которой столкнулось новое руководство, было существование разномыслия. Разумеется, люди, которые отказывались придерживаться господствующей идеологии, существовали всегда. Более того, *специфика гибридного характера псевдосинкретизма неизбежно означала, что каждый человек тяготеет к одной из ипостасей господствующей идеологии, неизбежно нес в себе, даже не зная этого, потенциальную возможность инакомыслия, что и проявлялось в периодической смене господствующего нравственного идеала.* Открытое выступление против господствующей власти в первом глобальном полупериоде, как и практически в условиях господства любого синкретического государства, подавлялось силой. При Сталине складывались ситуации, когда об открытом протесте даже подумать было невозможно. В условиях господства пятой версии псевдосинкретизма положение изменилось. Хрущев, так же как и некогда Ленин, был убежден, что естественность и разумность создаваемого порядка неизбежно делает всех единомышленниками, все, по его мнению, кроме сумасшедших, должны были думать, как он. Расползание разномыслия, видимо, вызывало у Хрущева недоумение и озлобление, что и проявлялось на знаменитых встречах с интеллигенцией. Кроме того, «оттепель», цензурные послабления, хотя и неустойчивые и временные, давали некоторую надежду на либерализацию.

Слабость разномыслия объяснялась опустошением, которое сталинский террор внес в духовную элиту, в культуру вообще, в ряды людей, способных иметь собственное суждение. Для атмосферы того времени характерно, что даже в 1968 году, когда в ответ на советскую интервенцию в Чехословакии несколько человек вышли с протестом на Красную площадь, среди интеллигенции циркулировала версия, что «этого не может быть, это очередная провокация КГБ».

Однако постепенно положение изменилось. Разномыслие в конечном итоге стало повседневностью. Оно стимулировалось

реальностью, про которую мой отец сказал, что «были времена похуже, но не было подлей». Сложившийся порядок отличался вышедшей на самую поверхность жизни двусмысленностью, постоянной необходимостью во имя сохранения порядка совершать бессмысленные действия. Это приводило к потере существующим порядком своего нравственного основания, к разрыву со здравым смыслом, что постепенно осознали многие. Возникло то движение, которое получило название диссидентства.

Если при Сталине люди не ощущали возможности альтернативы, то диссиденты, само их существование делали такую альтернативу зримой для каждого человека. Этот диссидентский вызов у весьма многих породил сильное раздражение и даже ненависть к возбудителям нравственного беспокорства. Подавляющее большинство разделяло основное заблуждение массового сознания, т. е. веру во всемогущество начальства, в его способность смолоть в порошок любое противостояние, относилось к открытому разномыслию негативно, рассматривая его как безумие, в лучшем случае как нечто совершенно бесполезное, так как «начальство делает что хочет», а в худшем случае как провокацию, как действие, которое объективно «играет на руку нашим врагам», как то, что, озлобляя начальство, тем самым мешает прогрессу демократии. Когда диссиденты стали собирать деньги для поддержки семей политзаключенных, я обнаружил, что среди моего окружения оказалась крайне мало людей, к которым можно было обратиться с подобной просьбой. Некоторые выражали беспокойство по поводу бесконтрольности движения этих денег, — не скрывается ли под благородным предлогом чистое мошенничество. По сути дела, это был все тот же страх перед оборотничеством, перед обманом, который некогда высказал мой школьный приятель Герман Г., — что любая неконтролируемая группа молодежи может стать объектом проникновения иностранных шпионов. Мы постоянно жили не в себе, в страхе, что мы окажемся жертвами собственного простодушия и чьих-то козней.

Правящая элита пыталась сформулировать свое отношение к диссидентскому движению. Теоретически оно заключалось в согласии с тем, что человек может иметь свое мнение по любым вопросам. Тем самым правящая элита косвенно признала, что господствующая идеология есть некоторый условный консенсус. Она согласилась с тем, что бессмысленно контролировать саму мысль в человеческой голове. Тем не менее запрещались передачи, обсуждение, проповедь этой мысли, обнаружение ее перед иными лицами, распространение, а также хранение соответствующих текстов. Тем самым правящая элита

вступила в ожесточенную борьбу с разномыслием, значение которого для общества, вопреки массовым представлениям, оказалось исключительно важным. Диссиденты далеко не всегда были связаны культурными нитями с подавленной в прошлом духовной элитой, но иногда получали импульсы от уцелевших носителей катакомбной культуры, которая чудом сохранилась в щелях разрушенного здания. Эта катакомбная культура несла в себе остатки какой-то иной культурной реальности, иных взглядов на мир. Новое нравственное движение содержало прежде всего стремление личности сохранить свое «Я», свои личностные представления, личностную культуру, что объективно, независимо от конкретного содержания этих представлений противостояло псевдосинкретизму как таковому, его гибридному характеру, попыткам превратить разнородные элементы культуры в средство решения медиационной задачи. Само появление этих людей, независимо от конкретных идей, которые они несли, означало, что в обществе раздались сигналы бедствия. Они, с одной стороны, касались конкретных людей, преследуемых за мысль, но, с другой стороны, постоянно, объективно, независимо от желания их носителей говорили, кричали о возможности иной мысли, иной нравственной позиции. Более того, эти люди постоянно говорили о том, что в обществе происходит нечто страшное, чудовищное, что в нем уничтожается человек во имя все менее понятных абстрактных сменяющих друг друга идей. Им навстречу шла литература, которая там или здесь пробивала цензурные рогадки, пыталась раскрыть бездну нравственного падения, в котором оказывалось общество, ослепшие, оглохшие люди. В обществе появилась мысль, что если при Сталине судили «ни за что», то теперь судят «за Правду», судят тех, на ком, по древнему представлению, «мир стоит». Разумеется, эти мысли не были господствующими, и ненависть к диссидентам даже среди образованных кругов была достаточно велика. Тем не менее крот продолжал копать, готовя новую инверсию. Непреодолимая сила этого нравственного движения заключалась вовсе не в возмущении людей вторжением в Афганистан или другими подобными акциями власти. Много ли можно насчитать людей, которые могли сказать, что они тогда, в те трагические дни были (хотя бы внутренне, перед лицом своей совести) против этого безумного акта? Локальное и одновременно авторитарное сознание советского человека в лучшем случае приходило к выводу, что все подобные действия лично от него не зависят и, следовательно, его не касаются, «им там виднее», т. е. они не являются для личности нравственными проблемами. В худшем же случае имперские

амбиции, вера в нашу вселенскую Правду толкали к искреннему массовому одобрению всех этих акций. Новое нравственное движение имело иной неиссякаемый источник: господство псевдосинкретизма означало не столько «плохую жизнь», сколько абсурдную, вступающую в противоречие как с архаичным синкретическим, так и с либеральным сознанием, а также с сознанием утилитарным. Например, мальчика Чика «удивляло и потрясало противоречие» между разрешением держать в городе корову и запретом ее пасти¹⁰. Вся жизнь состояла из таких парадоксов, постоянно возбуждавших людей. Подобные явления, которые пронизывали всю повседневную жизнь, постоянно стимулировали медленный, но неуклонный рост массового дискомфорта. Более того, тем самым подкрывалось древнее представление о Правде, формировалось представление, что жизнь идет не по Правде, что она вся погрязла во лжи. Значение этого явления в полном объеме раскрылось не сразу. Оно порождало в обществе серьезное нравственное беспокойство, тревогу за судьбу страны. Этому движению, однако, была присуща и определенная слабость — недостаточное внимание к интерпретации этих нравственных идей на языке социальных и экономических наук. Тем не менее нравственное движение стимулировало рост дискомфортного состояния, инверсию, подрывающую основы авторитаризма и шестую версию псевдосинкретизма.

Существенное значение имел получивший сильное влияние *антисемитизм*. отождествление зла с евреями как с антиготомом — старая традиция в России. Еще в Смутное время тем, кто пытался воспрепятствовать избиению польско-литовского войска, говорили: «Вы жида, как и Литва». Петра I в народе называли «жид проклятый». Тем самым культивировалась точка зрения, что власть находится в руках оборотней.

Язык антисемитизма был понятен разным слоям общества и служил важным средством коммуникации. На этом языке люди объясняли свои личные неудачи (например, отказ в приеме на работу может быть объяснен кознями евреев, продавец в магазине может обрушить свой гнев на недовольную очередь, выражая желание, чтобы еврей, возмутивший людей, отправился в Израиль). То обстоятельство, что в данном учреждении или очереди могло вообще не оказаться евреев, не имело значения, так как мифологическое сознание уверено как в способности оборотня скрываться, так и в своей способности разоблачать оборотней. Язык антисемитизма может быть распространен на чисто природные явления. Например, был отме-

¹⁰ *Искандер Ф.* Из рассказов о Чике. 1977.

чен случай, когда человек, застигнутый непогодой, воскликнул: «Жи́ды проклятые!»

На языке антисемитизма шел скрытый спор голосов России. Почва выражала свою антипатию власти, используя язык антисемитизма. Было широко распространено убеждение, что власть попустительствует, потакает евреям и, в сущности, объективно идет у них на поводу в результате то ли легкомыслия и безответственности, то ли прямого подкупа. Например, человек лет шестидесяти в московском автобусе высказал во всеуслышание неодобрение власти, которая якобы позволяет евреям вывозить в Израиль золото, чтобы потом использовать его «против нас, русских». Подобные настроения существовали и среди определенной части почвенной интеллигенции, которая была убеждена, что КГБ — гнилая организация и совершенно не в состоянии докопаться до хорошо законспирированной деятельности сионистов.

Власть, в свою очередь, отвечала также на языке антисемитизма, пытаясь снять всеми средствами всякие следы своей связи с евреями, во-первых, оттеснением евреев с руководящих постов и, во-вторых, своей активной борьбой с сионизмом в мировом масштабе.

«Евреи» являлись своеобразной этикеткой зла, которую можно наклеить куда угодно. И. Бунин отмечал, что «левые» все «эксцессы» революции вают на старый режим, черносотенцы — на евреев. А народ не виноват! Да и сам народ будет впоследствии валить на другого — на соседа и на еврея: «Что ж я? Что Илья, то и я. Это нас жи́ды на все это дело подбили...»

Налицо стремление описывать мироздание в дуальной позиции: «еврей — нееврей». Сама возможность антисемитизма опирается на господство в массовом сознании манихейской картины мира, в которой в разные периоды меняются ярлыки зла и добра. Возможность антисемитизма в интеллигентском сознании вполне подготовлена представлениями, что история движется различными злыми, корыстными тайными или явными субъектами: буржуями, масонами, партийной бюрократией, которые постоянно дезорганизуют мир своей слепой погоней за прибылью, закрытыми распределителями, кражей последнего куса хлеба у голодного и убогого. Эти силы делают что хотят, и народ ответственности за них не несет. Эта схема, которая ничего не знает о культуре как форме реальности, прямо просится быть выраженной на языке антисемитизма.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СИТУАЦИЯ

В стране продолжалось воспроизводство на технической основе индустриализации. Накапливались гигантские средства производства, что существенно усложняло систему управления хозяйством, сложность которого давно перешла предел возможности для дорыночного натурального хозяйства. Максимальные темпы хозяйственного роста конца 40-х — начала 50-х годов уже были абсолютно недостижимы. Вовлечение в оборот гигантских материальных ресурсов не сопровождалось адекватным развитием конструктивной напряженности, требующей неуклонного повышения эффективности — как социальной, так и чисто экономической — от каждого нового вовлеченного в оборот рубля капиталовложений. Попытка управлять потоками ресурсов без соответствующего механизма всеобщей связи неизбежно приводила к стремлению части и целого получать эффект за счет друг друга, что в конечном итоге приводило к истощению ресурсов, к общей социальной дистрофии. В результате показатели неуклонно ухудшались. Например, среднегодовые темпы роста национального дохода упали с 9% в 50-е годы до 4,4% в первой половине 60-х годов и продолжали падать и в 70-е годы. С конца 50-х годов темпы экономического роста постоянно падали и снизились к середине 80-х годов почти до нуля¹¹.

Хотя в 1974-1975 годах наблюдалось кризисное ухудшение экономических показателей, тем не менее десятилетие 1971-1979 годов можно при поверхностном взгляде рассматривать как сравнительно благоприятное. Однако в это время медленно, но неуклонно накапливались скрытые, по сути катастрофические процессы. В эти годы страна обогнала США по многим важным натуральным показателям, что примитивному хозяйственному мышлению, ориентированному на натуральные показатели, казалось победой. Между тем за этим скрывалось накопление разрушительной дезорганизации, снижение способности общества как субъекта воспроизводить это невиданное в истории хозяйственное чудовище. Только за две последних пятилетки шестого этапа сельское хозяйство поглотило около 600 млрд. руб. государственных инвестиций, дав нулевой прирост чистой продукции. Один этот факт сам по себе — приговор «социалистической» колхозно-совхозной системе, он свидетельствовал о внутренней неразрешимости проблем ее развития, о неспособности общества преодолеть груз унаследованных отсталых форм труда, выработать культурные

¹¹ Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., 1989. С. 58, 53, 91.

принципы, способные стать основой качественного прогресса воспроизводства.

Хозяйственное развитие на доэкономической основе непрерывно приводило к росту расточительных издержек производства, сдерживаемому чисто административными методами. Это требовало неуклонного перераспределения ресурсов в пользу расточительного производителя, который, пользуясь своей монополией на дефицит, постоянно стремился переложить издержки на потребителя. Общий уровень цен на товары и услуги в 1971-1983 годах вырос не менее чем на 43%, т. е. примерно на 3% в год.

С 1979 года начало падать производство стали, угля, чугуна. Неэффективное натуральное хозяйство требовало возрастающих вложений. Уменьшилось производство мяса, молока, масла. Непрерывно ухудшались и другие показатели: росла материалоемкость и энергоемкость продукции, непрерывно создавались рабочие места, не обеспеченные рабочими, и т. д. В верхах началась глухая борьба, связанная с необходимостью изменений в структуре хозяйства¹².

Дальнейшая деградация хозяйства была, однако, сильно заторможена хлынувшими в страну нефтедолларами. За вычетом этих доходов, а также доходов от продажи алкоголя общество не имело бы роста национального дохода, а в конце этапа имело бы место его сокращение.

Складывается впечатление, что хозяйственные показатели на этом этапе мало зависели от хозяйственной политики. Можно предположить, что мероприятия правительства в лучшем случае тормозили ухудшение хозяйственных показателей. Из этого следует, что в основе хозяйственного развития лежали механизмы, которые были неподвластны высшей власти и неизвестны советской науке.

ДЕЗОРГАНИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМА ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ

В 1965 году произошло важное событие, значение которого тогда было трудно осознать: появились первые бюджетные дотации государства на потребительские цены, которые составили 3,6 млрд. руб. Государство, опираясь на административную власть, на концентрацию в своих руках монополии на дефицит, сохраняло в зависимости от себя все общество. Этот порядок мог более или менее эффективно функционировать при отсутствии всякой иной значимой системы циркуляции

¹² См.: В. С. Павлов отвечает на вопросы «Известий»: Исповедь премьера// Известия. 1991. 15 июня.

ресурсов, которая могла бы ослабить монополию на дефицит государства и тем самым ослабила бы зависимость от него определенных элементов общества или даже общества в целом. Псевдосинкретическое государство предотвращало эту нежелательную для него опасность прежде всего тем, что поддерживало господство натуральных отношений, держало денежную систему, финансы в качестве второстепенного ограничителя растраниживания ресурсов. Установленный государством порядок позволял сбалансировать доходы граждан с получаемыми натуральными продуктами, используя различные способы нормирования отпуска потребительских товаров, в первую очередь продовольствия, начиная от системы карточек до ограничения отпуска продуктов в одни руки. Запрет на независимую торговлю, которая всегда рассматривалась как спекуляция, позволял худо-бедно поддерживать этот порядок. Потребитель в этой системе мог потреблять столько, сколько государство считало нужным и возможным ему выделить. При этом государство могло руководствоваться разными соображениями, поддерживая одни группы и обрекая на прозябание и вымирание другие. Основная суть системы от этого не менялась, поскольку затраты на рядового потребителя выступали только лишь как одна из форм издержек производства, которую было снижать легче, чем другие.

Но подобная система могла еще как-то функционировать в условиях первого полупериода, когда определяющая инверсионная волна, хотя и не без колебаний, шла от соборности к авторитаризму, к тоталитаризму, когда издержки на значительную часть населения можно было еще снижать, отправляя людей в лагеря или опираясь на державшийся еще энтузиазм сторонников уравнительности. Однако положение стало меняться, когда инверсионная волна, совершая определенные колебания, повернула назад. Усилились нажим снизу, давление потребителя, направленное на увеличение его доли среди других издержек производства. Это сопровождалось активизацией поисков иных, независимых от государства, источников потребления. В этом же направлении действовали распространявшиеся в обществе идеи развитого утилитаризма, которые позволяли рассматривать реальные и потенциально возможные доходы как функции от результатов труда. Следовательно, необходимо было установление зависимости дохода от личного или коллективного трудового вклада. Давление массового потребителя стало препятствием для попыток государства повышать цены на потребительские товары в соответствии с ростом издержек производства. Таким образом, государство, с одной стороны, не имея соответствующих рычагов для снижения из-

держек производства, вынуждено было устанавливать цены, их компенсирующие. Но, с другой стороны, оно вынуждено было устанавливать розничные цены, отвечающие в минимальной степени сложившимся доходам и определенному нажиму снизу. Эти два взаимоисключающих, взаимодействующих, взаиморазрушающих требования привели к попытке государства вполне в духе псевдосинкретизма попытаться удовлетворить и то, и другое, вводя дотацию из бюджета, покрывающую эту разницу.

Следует притом отметить, что в первом глобальном полупериоде советской системы сложился огромный разрыв между низкими закупочными ценами на продукцию сельского хозяйства и розничными ценами на нее. Первые составили от вторых 15—10% и менее. Разница поступала в распоряжение высшей власти. Однако во втором глобальном полупериоде нарастающие силы локализма все менее могли мириться с этим бесцеремонным ограблением, так как они не могли воспроизводить свою собственную жизнь¹³. Происходила мощная перекачка ресурсов из сельского хозяйства. «Так, за проданный государству центнер зерна в 1953 г. труженики села могли купить в 15—20 раз меньше промышленных изделий, чем в 1928 г.»¹⁴. Теперь инверсионный маятник качнулся в противоположную сторону. С 1953 года закупочные цены на зерно повышались 9 раз, на картофель и овощи — 11, скот и птицу — 12, молоко и молочную продукцию — 9 раз. Общий уровень закупочных цен с 1955 года повысился в 4,6 раза. Власть под давлением локальных сил повышала закупочные цены, т. е. шла навстречу производителю, и одновременно под давлением массового потребителя не повышала розничные цены.

В результате дотация стала важнейшей категорией, фиксирующей способность архаичной государственности концентрировать и распределять дефицитные ресурсы, используя ее как средство, обеспечивающее социальное равновесие расколотого общества и компенсирующее последствия нарушения закона соотношения отраслей. Дотация на дорыночной основе усиливала значение затратного механизма, поощряя рост индивидуальной себестоимости, во всяком случае — препятствуя ее снижению, создавая ситуацию для иждивенчества и расточительства производителей. Дотация — важнейший элемент псевдоэкономики, современная форма древней способности общества воспроизводить себя посредством

¹³ См.: Кожин Л. Н. Радикальная реформа цен — путь к антизатратной экономике. М., 1989. С. 88.

¹⁴ Буздалов И. Н. Прибыль и материальная заинтересованность работников сельского хозяйства. М., 1967. С. 12.

принудительной циркуляции ресурсов, приобретающая патологический характер в условиях сложных хозяйственных форм, связанных с ростом и развитием.

Господство патологических цен в условиях псевдосинкретизма объяснялось нарушением закона соотношения хозяйственных отраслей, развитием промышленности в рамках натурального хозяйства, отсутствием рынка во взаимодействии промышленности и сельского хозяйства как определяющего фактора их взаимопроникновения. Следовательно, циркуляция ресурсов, включая и ресурсы, идущие на инвестиции, основывалась не на потребностях и возможностях общества, выраженных в демократии рынка, в платежеспособном спросе миллионов, но на случайных, утопических представлениях тех или иных представителей правящей элиты. С их стороны это не было узурпацией. Миллионы людей, выше всего ценившие уравнительность, замыкавшиеся в своих локальных мирах, фактически предоставили право решений людям, которые могли имитировать свою общность с «Мы».

Механизм спроса и предложения теоретически предусматривает в случае возрастания спроса на тот или иной продукт соответствующее повышение цены, что, с одной стороны, отесняет с рынка часть наименее платежеспособных потребителей, а с другой стороны, открывает возможность для перелива капитала, получаемого за счет более высоких цен, для увеличения производства, что в конечном итоге позволит снизить цену. Для того чтобы этот механизм действовал, нужны вполне определенные условия, прежде всего свобода установления цен, конкуренция, возможность свободного перелива капитала. Должно быть еще одно важное условие, носящее социально-психологический характер — способность общества в случае резкого повышения цен согласиться с вытеснением соответствующих потребителей с рынка, в случае соответствующего снижения цен согласиться с закрытием нерентабельных производств (т. е. с их банкротством).

Нарушение закона соотношения хозяйственных отраслей в России привело к тому, что ни одно из указанных условий не выполнялось и не могло быть выполнено. В этом обществе не было ни свободных цен, ни конкуренции, ни возможности перелива капиталов. Это общество не могло решиться на лишение значительной части потребителей возможности получать определенный минимум ресурсов. Это общество также не могло позволить себе закрыть нерентабельные предприятия, так как опасалось социальных последствий, а также потому, что эти предприятия выпускают дефицитную, возможно, жизненно важную для определенных слоев общества продукцию. Су-

существует еще ряд препятствий для действия теоретически безукоризненного механизма, устанавливающего равновесие спроса и предложения. Его бездействие не позволяет формировать взаимоприемлемые цены в разных отраслях. Строго говоря, им неоткуда взяться, так как в расколоте обществе цены на разные товары имеют принципиально разные условия возникновения. Цены не формировались на общей экономической почве. Производители не стремятся друг к другу на основе общего поиска минимизации издержек, на основе уравнивания своих доходов и их общего повышения, на основе общего прогресса, приводящего к взаимопроникновению достижений, что в конечном итоге и создает общую основу для экономически обоснованной циркуляции ресурсов.

Российское общество не смогло преодолеть свою замкнутость перед лицом патологического процесса — дальнейшего наращивания гигантских ресурсов на натуральной основе, не проходившей рыночную апробацию на экономическую и, в конечном итоге, на социальную эффективность. Разумеется, это не специфика именно шестого этапа. Но именно здесь сложность патологического хозяйства приблизилась к критической точке, даже если взять чисто хозяйственный аспект.

УПАДОК ПОЗДНЕГО АВТОРИТАРИЗМА

Власть, опирающаяся на авторитаризм, была не в состоянии добиться эффекта при решении ни сравнительно мелких, ни крупных задач, доказывая свое банкротство на всех уровнях. Она не могла приостановить рост социальной дифференциации, наладить денежное обращение. Не решались и такие проблемы, как, например, восстановление прав крымских татар. Начальство предпочитало воздействовать на те сферы, в которых чувствовало себя уверенно, и не склонно было вторгаться в сферы, угрожающие стихийными, возможно, опасными последствиями.

Вместе с тем не решались и те вопросы, на которых, как кажется, концентрировались максимальные усилия. Освоение капиталовложений имело место обычно на 100—120%, но по вводу в действие производственных мощностей план обычно выполнялся не выше, чем на 50-60%. Смета как плановый документ имела весьма малую цену, фактически расходы превышали предусмотренные в 1,5-2 и даже в 4 раза. Проектировщики при существовавшем порядке были заинтересованы в дешевом строительстве, но не в высоком качестве проектов. Инвестиционный процесс затягивался на 8-12 лет, что является безумной расточительностью. Цикл строительства от

проектирования до ввода в эксплуатацию объекта занимал в среднем более десяти лет. Нормативы сроков строительства были примерно в два раза выше фактических сроков за рубежом. По данным за первые два года девятой пятилетки видно было, что сроки строительства растягивались вдвое, не говоря уже о длительном предпусковом и пусковом периоде, которые за рубежом в общей сложности составляют полгода.

Объем незавершенного строительства опережал рост капиталовложений. Если в 1965 году объем незавершенного строительства, исчисляемый от сумм капиталовложений, составлял 69%, то в 1974 году он достиг 77%, в 1977 — 85%. О необходимости решительных мер в области использования капиталовложений А. Косыгин и Л. Брежнев говорили на каждом партийном съезде, тем не менее не ощущалось каких-то признаков перемен. Страх перед усилением дезорганизации не только активизировал авторитаризм, но и еще в больших масштабах его парализовал, открывал путь хромающим решениям. Общество на шестом этапе, как и в прошлом, оказалось неспособным решать сложные задачи. Оно постепенно вновь пошло по пути инерции прошлого опыта, поворачиваясь к альтернативному нравственному идеалу.

Судьба господствующего идеала решалась в бесчисленных сообществах, где ощущалось неуклонное падение авторитета непосредственного начальства, что и означало неуклонный отход широких масс от шестой версии псевдосинкретизма. В частности, люди не приветствовали попытки поднять престиж Брежнева. Даже факт водружения его бюста на родине вызвал явное недовольство. Не существовало такой силы, которая могла бы обратить вспять этот процесс. В этой ситуации попытки усиления авторитаризма не только не опирались на массовую инверсию, но и вступали с ней в конфликт, что всегда губительно для господствующего идеала.

Поворот шестой версии псевдосинкретизма к упадку произошел между XXIV (1971) и XXV (1976) съездами КПСС. Последний съезд характеризовался отступлением высшего руководства перед натиском локальных сил. Это выразилось прежде всего в резком снижении планируемых показателей. Темпы роста капиталовложений в народное хозяйство составляли по плану 4,6%, тогда как на период 1966-1975 годов планировалось 7,4%. Для сравнения можно указать, что на 1929-1940 годы соответствующий показатель составил 17,9%. Запланированные темпы роста продукции составляли 6,5%, тогда как на 1966-1976 годы планировалось 7,9%, на 1929-1940 годы — 15,8%. Предусматривалось снижение темпов прироста сельскохозяйственной продукции по сравнению с пе-

риодом 1966-1975 годов. Эти цифры говорят о том, что в борьбе высшей власти и ведомств решающую победу одержали ведомства, заинтересованные не в росте количества продукции, а в укреплении своей монополии на дефицит. XXV съезд ознаменовал также уменьшение веры правящей элиты в свою способность обеспечить существенные позитивные изменения. Сравнение материалов XXIV и XXV партийных съездов говорит о том, что энтузиазм высшего руководства, связанный с перспективами научно-технического прогресса, заметно упал. Выдвинутый XXIV съездом тезис о зависимости производства от уровня благосостояния беспрецедентен для общества, в представлении которого производство вещей есть основа жизни. То же можно сказать и о тезисе соединения научно-технической революции с преимуществами социалистического строя. Первый из них остался незамеченным, не нашел отражения в советской социальной литературе. Что же касается второго, то он склонялся на все лады, но реально не был конкретизирован и разработан, был сведен к тривиальным идеям внедрения новой техники и развития науки. Советская общественная наука не смогла оказать практической помощи власти в ее попытках сохранить контроль над социальными процессами.

Постепенно выявились симптомы новой инверсии, подрывающие базу, на которую опирался авторитаризм. В сообществах происходили важные процессы. Возрастало значение личности. Это отчасти объясняется спецификой современного производства, усложнением техники и организации, что требует от человека роста инициативы и ответственности, а следовательно, и ослабления непосредственной зависимости от начальства. В этом направлении действовал утилитаризм.

Упадок авторитаризма проявлялся в неуклонном перераспределении монополии на дефицит: снижалось значение высшей власти и повышалось значение ведомств и отдельных регионов, предприятий. Постоянное усложнение экономики требовало смещения ответственности за дефицит вниз, что совпадало с общей тенденцией усиления локализма, начавшегося уже после краха крайнего авторитаризма и выражавшегося в возрастании ценности низов. «Значение горизонтальных обменов непрерывно росло... К концу брежневского периода на долю таких обменов в совокупности приходилось более $\frac{2}{3}$ всех распределявшихся в стране ресурсов... В результате резко расширились массовые экономические и политические права населения, руководителей и организаций». Вопреки мировой практике это привело к тому, что между исполнителем и начальником стали действовать отношения, «в которых никто

никому ничего не должен»¹⁵. Власть поддавалась этому массовому давлению снизу, что сказалось в попытке описать изменяющуюся реальность и свои намерения изменить ситуацию к лучшему на знакомом языке товарно-денежных отношений. Попытка реформы 1965 года известна не столько своими хозяйственными последствиями, сколько определенным идеологическим поворотом, переходом описания хозяйственной реальности с языка директивного планирования (фонды, нормативы и т. п.) на язык прибыли, хозрасчета и т. п. Это означало, что правящая элита склонна была отступить перед нарастающим нажимом низших уровней держателей монополии на дефицит, что выражалось на неадекватном языке товарно-денежных отношений. Этот идеологический поворот мог иметь далеко идущие последствия, что выявилось далеко не сразу; он был симптомом процесса, ведущего авторитаризм к краху, общество — к переходу на следующий этап.

Глубокой движущей силой новой инверсии было возрастающее стремление человека добиться независимости в сфере производства и потребления, ограничить свою зависимость от медиатора во всех сферах жизни, отойти от вялых инверсий, от не оправдавшего себя авторитаризма. Это стремление в свое время сокрушило сталинизм. Рост самостоятельности личности открывает творческие возможности, новые источники инициативы, без которой общество задыхается. Но этот процесс имеет и обратную сторону. Усиление независимости личности от власти и организации, если эта независимость не дополняется совершенствованием социальных интеграторов, если более свободная личность не включается в целое, неизбежно становится фактором разрушения целого. Одним из выражений этого процесса являлось повсеместное падение трудовой дисциплины, неспособность начальства полноценным образом интегрировать работника в трудовой процесс. Один читатель пишет, что «многие молодые люди в наше время впервые встречаются с необходимостью послушания, только будучи призваны в армию»¹⁶. На основе умеренного авторитаризма трудно было решать задачи укрепления дисциплины. Например, в одном письме из Харькова было высказано мнение, что «слово „дисциплина“ не согласуется с социализмом»¹⁷.

Личность самоутверждается тем, что во все большей степени использует свое учреждение, свое рабочее время, рабочее место для личных целей. Эти цели могут быть различными.

¹⁵ Найшуль В. Бюрократический рынок: Скрытые права и экономическая реформа // Независимая газета. 1991. 26 сент. С. 5.

¹⁶ Литературная газета. 1979. 21 февр.

¹⁷ Там же. 28 февр.

Наиболее простая — снижение интенсивности труда. Другая цель — использование своего положения для левых заработков любыми средствами, для использования государственного сырья, оборудования и т. д. Все это усиливало стремление сообществ к независимости от высшей власти. Известный диссидент Подъяпольский, вспоминая о положении дел в Институте физики Земли, где он несколько лет работал, говорил о том, что многочисленные подразделения института «жили в значительной степени своей собственной жизнью, имели собственный микроклимат и занимались собственными проблемами, зачастую определяемыми личными склонностями их руководителей. Неоднократные на моей памяти попытки дирекции института объединить деятельность всех отделов под флагом одной или нескольких крупных научных проблем не имели по этой причине реального успеха». В этом направлении двигалось все общество, все его этажи, включая самый высший.

В обществе шла постоянная борьба между правящей элитой и ведомствами. Например, общесоюзное законодательство парализовывалось так называемым «малым законодательством» в форме ведомственных инструкций, циркуляров и т. д. «Малое законодательство» — мощное оружие локальных интересов — может проигрывать сражения, но выигрывает войны. Руководителям предприятий еще в 1955 году было дано право использовать в течение года сэкономленный за предыдущие кварталы фонд зарплаты, что помогло бы освоению трудоемкой продукции. Всего через полтора месяца Госбанк принял контрнаступление — его инструктивное письмо фактически ликвидировало это право. В новом «Положении о предприятии» это право вновь подтверждалось. Госбанк не сдал позиций, об этом говорит, например, приказ от 8 января 1971 года. Фактически «малым законодательством» ведомств непосредственно была парализована хозяйственная реформа 1965 года.

Локализм в экономике неуклонно нарастал, подрывая авторитаризм. Об этом свидетельствуют обширные материалы в печати, касающиеся управления. «Правда» считала, что повышению эффективности управления и производства мешало то, что «каждое министерство решало проблему локально, исходя из своих собственных разумений, прав и возможностей. Поэтому изъяны ведомственного подхода дают о себе знать все острее»¹⁸. Бригадир из Брянска писал, что «интересы рабочего, бригады и участка еще не завязаны в тугую единый цеховой или заводской интерес. Поэтому нет единой ответственности.

¹⁸ Правда. 1979. 10 июня.

От рабочего что требуется? Дать деталь. От бригадира — узел, от цеха — комплект. Деталей мы сможем наштамповать сотни, тысячи, полного же комплекта может и не быть. „Биться“ за этот комплект никакого стимула нет. Потому что спрашивают и платят рабочему за детальку-штучку. Вот так и „рассыпается“ какая-нибудь машина по разным цехам на тысячи разных винтиков. К тому же одни винтики бывает выгодно делать, а другие — нет»¹⁹.

Транспортные организации были не заинтересованы в своевременной перевозке грузов и поэтому не вступали друг с другом в контакт для переброски грузов с одного вида транспорта на другой. Отсюда — «большие потери, связанные с тем, что лес и другая продукция народного хозяйства месяцами не вывозится»²⁰. Каждая транспортная организация руководствуется вовсе не общими интересами, которые неизвестно в чем заключаются, а своими интересами, которые неизвестно в чем заключаются, а своими локальными ценностями. «Представители разных видов транспорта устраивают на перегрузочных пунктах громоздкие переучеты, перепроверки, даже заставляют вручную разбирать пакеты груза, а потом опять собирать. Осложняет работу практика, при которой груз на своем пути успевает побывать на пяти и более складах, да еще и гостит в каждом из них неделями, а то и месяцами. Это ведет к порче многих продуктов, к нехватке подъемно-транспортных машин, вагонов, складов и рабочей силы»²¹.

Самостоятельность низов приобретала подчас острые формы. Можно было наблюдать, как директорами заводов фактически руководят начальники цехов, способные согласно собственным соображениям даже приостановить производство. В этой ситуации все больше трудностей возникало при попытках решения новых сложных задач. Вначале создавать новые сообщества было сравнительно легко. Они возникали подобно тому, как некогда дробились крестьянские хозяйства. Из старых выделялись новые ведомства, исследовательские и проектные организации и т. д. Медиатор создавал организации почкованием. Большие ресурсы рабочей силы позволяли создавать новые предприятия. Поскольку новые сообщества специально организовывались для решения конкретных задач, они подчас успешно функционировали. Достаточно указать на систему организаций, связанных с программой освоения космоса. Постепенно, однако, выяснилась невозможность бесконечного создания новых сообществ путем «деления» для решения лавины новых задач. Новые задачи дробились между многочисленны-

¹⁹ Правда. 1979. 22 июля.

²⁰ Там же. 27 июля.

²¹ Там же. 24 июня.

ми организациями, что приводило к возрастающим потерям. Сфера интересов старых сообществ лежала в области защиты своей монополии на дефицит, а вовсе не в решении новых задач, навязываемых начальством. Сообщества принимали эстафету старых локальных миров: «Там, где новизна, там и кризис».

Наглядный пример — процесс формирования Братско-Илимского территориально-производственного комплекса для строительства Братской ГЭС, где обнаружилось трудности в создании единого руководства строительством с единой стратегией освоения природных ресурсов. Ведомственная разобщенность оказалась источником огромных убытков. Несколько лет прошло, пока ведомства договаривались между собой о доле участия в строительстве железнодорожной магистрали. Постоянно возникали диспропорции в развитии экономики территории. Электростанции были построены значительно раньше предприятий — потребителей энергии. Отсюда серьезная проблема реализации электроэнергии. Сам город Братск стал как бы материализацией ведомственности: он состоит из нескольких изолированных друг от друга поселков, каждый из которых имел собственную канализацию, систему энергоснабжения, телефонную связь, систему снабжения топливом. Разве не поразительно, что общество с самым мощным в истории человечества централизованным аппаратом планирования не в состоянии строить города? Причина элементарно проста — у города не было своего ведомства. Серьезными конфликтами было отмечено распределение общих затрат, главным образом на производственную и гражданскую инфраструктуру города. Каждое ведомство преследовало цель уменьшения своей доли затрат.

Автаркия, свойственная ведомствам, влекла за собой полнейшую беспомощность при выработке общей точки зрения. Новые общие задачи ставили каждое ведомство в затруднительное положение, угрожая относительно устоявшимся формам деятельности, требуя напряжения и издержек, не оправданных его собственными интересами. Поскольку же в условиях господства монополии на дефицит ведомству не угрожала опасность остаться не у дел, наибольшую угрозу ему несли возможные убытки, которым оно всеми силами противилось, сваливая их на другие ведомства или пытаясь вообще выйти из игры. Рост замкнутости обострял борьбу за дефицит, за свои особые интересы. Шла борьба между отраслевыми и территориальными организациями. Выявился определенный симптом некоторого усиления последних.

Уменьшение престижа власти первого лица неизбежно подорвало усилия авторитаризма, направленные против перемещения центров воспроизводства вниз. Обострение социокультурного противоречия дошло до крайних форм. Оно развивалось как противоречие между ценностями автаркии и большим обществом, между ценностями авторитаризма и локализма внутри воспроизводственного процесса.

Сами локальные ценности в результате роста утилитаризма не остались неизменными. Миллионы людей все больше отдалялись от ценностей сельской общины и патриархальной семьи, что усиливало локализм на основе личностного утилитаризма в противовес коллективистскому, машинному. Эта форма утилитаризма развивалась главным образом вне легальных рамок, готовя новую инверсию. Одновременно усиливался локализм, направленный как против личностного, так и против общегосударственного утилитаризма, против общества-общины.

Складывалось впечатление, что дело и «недело» менялись местами. Истинное дело концентрировалось вокруг того, что официально считалось халтурой, спекуляцией, подпольным производством, шабашничеством и т. д. Жизнь уходила из сообществ, чтобы утвердиться в любом не занятом в обществе пространстве. Общество сохраняло жизнеспособность не потому, что люди следовали правилам и инструкциям, а благодаря тому, что их нарушали. «Комсомольская правда» за октябрь 1976 года приводит слова бригадира на строительстве совхозного склада: «Не украдешь — не построишь». Жизнь общества определялась не наличием государственного народнохозяйственного плана, а каким-то неизвестным скрытым законом. Наука, литература, идеология черпали творческие импульсы из нелегального: из самиздата, из западных теорий, которые официально громились, а втихомолку заимствовались, из нелегального рынка, где можно достать не только дубленку, книгу Пушкина, но и сырье для выполнения государственного плана и т. д. Живые силы общества стали немыслимы без полуправильной творческой деятельности.

Процесс ухода жизни из системы создавал новые источники творчества, но в конечном итоге подрывал существование медиатора, отсасывая из него энергию, укрепляя маленькие, но мощные противостоящие ему локальные миры. Усиление автаркии локальных миров приводило к обескровливанию всех центров общества, которые не могут существовать, не получая от них социальную энергию. Это приводило к дистрофии наиболее сложных, внутренне многообразных форм деятельности, высших центров распределения дефицита, т. е. высшей власти,

городов, промышленности, науки и т. д., которые вынуждены были бороться с аварией локальных миров, с их нежеланием и неспособностью снабжать эти центры своей энергией. Но это означало проедание основного капитала общества, дальнейшее сведение затрат на технологию к голодному минимуму, что в конечном итоге разрушало производство, необратимо снижало качество на всех уровнях, делало его поддержание возможным лишь в ограниченных анклавах ценой возрастающих усилий, которые сами приводили к дальнейшему усилению дистрофии.

Таким образом, система позднего умеренного авторитаризма содержала в себе не только обычные признаки кризиса, которые сопровождали окончание каждого этапа. В ней явно просвечивали черты кризиса, выходящего за рамки одного этапа. Хотя власть и пыталась проявлять бодрячество, шапкозакидательство, тем не менее было очевидно, что все параметры общества неуклонно страдали от нарастающей дезорганизации и никакие из используемых средств не могли остановить этот процесс.

Шестой этап, несмотря на существенные различия, поразительно похож на умеренный авторитаризм модифицированного инверсионного цикла прошлого глобального периода, совпавший с царствованием Николая I. Многие оценки того этапа можно отнести и ко времени правления Брежнева. Историк Н. К. Шильдер говорил о «бесцельной страсти к тайне». Граф П. А. Валуев писал о «повсеместном недостатке истины», о «недоверии правительства к своим собственным орудиям и пренебрежении ко всему другому». Он говорил, что административная деятельность «обеспечивает всеобщую официальную ложь... Отделите сущность от бумажной оболочки, то, что есть, от того, что кажется. И — редко, где окажется прочная плодотворная почва»²². Даже по словам официального апологета николаевского режима, система могла существовать лишь благодаря тому, что предписания высшего правительства на местах не исполнялись и действительная жизнь шла врозь с ними. Нельзя игнорировать оценку, данную маркизом де Кюстинем николаевской России. Он писал, что власть «скорее страшна на вид, чем прочна на самом деле». «Осадное положение сделалось нормальным состоянием общества»²³.

Правящую элиту шестых этапов двух глобальных периодов сближает военная сила, мощный полицейский аппарат, власть над ресурсами страны, а вместе с тем — недееспособ-

22 Дневник графа П.А.Валуева. 1847-1860 гг.// Русская старина. 1893. Кн. 9. С. 509.

23 См.: Лемке Мих. Николаевские жандармы и литература 1826-1855. СПб., 1908. С. 141.

способность, когда речь идет о сложных экономических и социальных проблемах, неумение предвидеть и предотвратить стихийные разрушительные процессы, неспособность обеспечить рост и развитие, слабость экономическая и техническая. И в прошлом, и в нынешнем веке целью власти не являлось абсолютное единомыслие. Власть опасалась лишь проникновения тех идей, которые, по мнению ее представителей, были бы способны породить неконтролируемые последствия. Этапы позднего умеренного авторитаризма сближает то, что страна не знала массового революционного движения, направленного против существующего строя, а духовная элита искала контактов с правящей в стремлении к реформам. Сходство заключалось и в том, что сама правящая элита скрыто шла по пути осознания необходимости перемен, но и там, и тут не хватало способности и сил провести реальные реформы. И в том, и в другом случаях наблюдалась политика ограничения крепостничества. При Брежневе она выразилась, например, в выдаче паспортов всем совершеннолетним гражданам без исключения. Глубокая общность заключалась и в страхе правящей элиты перед неконтролируемым движением масс, перед материализацией слухов.

Это сравнение шестого этапа псевдосинкретизма с царствованием Николая I — нечто большее, чем некоторая аналогия. Это два соответствующих, совпадающих этапа двух глобальных периодов. Ни на секунду нельзя забывать, что *застой, неспособность к конструктивным переменам, ориентация на застывшую силу николаевского режима стали отправной точкой движения России в пропасть, движения, завершившегося крушением медиатора.* При всей ограниченности подобного сопоставления его невозможно игнорировать. Люди в состоянии изменить ход истории, преодолеть ее инерцию, отклониться от сложившихся образцов. Однако немыслимо также и игнорировать устойчивую историческую инерцию.

ГЛАВА VII ВОЗВРАТ К СОБОРНО-ЛИБЕРАЛЬНОМУ ИДЕАЛУ («Перестройка»)

ПЕРЕЛОМ В МАСШТАБЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ?

Смерть Л. И. Брежнева, как и всякий уход первого лица, всякая смена персонификации синкретического государства, должна была стать стимулом новой интерпретации нравственных изменений в обществе, в данном случае — *далеко зашедшего локализма, превратившего авторитаризм в пародию.*

Пришедший к власти Ю. В. Андропов (ноябрь 1982 — февраль 1984 года), руководивший подавлением Будапештского восстания в Венгрии в 1956 году и с 1967 по 1982 год возглавлявший КГБ, искал теперь путь к предотвращению ухудшения ситуации в укреплении дисциплины на основе активизации авторитаризма. У него можно было проследить некоторые элементы концепции. Он вполне в духе синкретической государственности полагал, что в основе общества лежит общественная собственность на средства производства. Ею определяются нормы бережливости и инициативы, т. е. содержание человеческих действий. Поэтому Андропов очень заботился о соответствии поведения человека этому абстрактному представлению о собственности, приравнивал уклоняющихся от этих норм диссидентов к иностранным агентам, пытался укрепить дисциплину активной борьбой «с нетрудовыми доходами и с так называемыми летунами, прогульщиками, лодырями, бракоделами... нахлебниками общества»¹ и подобными массовыми акциями, заботился об укреплении идеологии и т. д. Он пытался сдержать усиление форм локализма, разрушавших основы сложившегося авторитарного порядка, сложившейся формы

¹ Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. М., 1983. С. 16.

собственности, определяющей, по мнению Андропова, весь сложившийся порядок. Он писал, что «нам глубоко чужда такая трактовка самоуправления, которая тянет к анархо-синдикализму, к раздроблению общества на не зависящие друг от друга, конкурирующие между собой корпорации...»². Уже одно это высказывание подтверждает, что в правящей элите созревало осознание опасностей локалистских тенденций, проявившихся в годы «застоя». Несомненно проявляя значительно больше проницательности, чем предшествующее руководство, Андропов считал национальные проблемы серьезной опасностью, о чем явно свидетельствует содержание его доклада о 60-летию СССР в декабре 1982 года³.

Ю. Андропов, видимо, острее других чувствовал нарастание дезорганизации в стране. *Был ослаблен официальный оптимизм. Это выразилось в признании, что общество находится лишь в начале развитого социализма. Это, казалось бы, малозначимое изменение в идеологии можно рассматривать как стремление слегка расширить масштабы критики исторического опыта.* Как откровение воспринимались его высказывания о возможности в социалистическом обществе «серьезных коллизий»⁴. И особенно оглушительно на фоне привычного дифирамбизма прозвучало его заявление, что «мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать... эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок»⁵. *Устами первого лица было признано, следовательно, что общество, которое пыталось положить в основу своего управления научные принципы, до сих пор могло принимать решения лишь вслепую.* Высшая власть почувствовала угрозу того, что под ногами бездна, но не знала, что делать.

Чем же можно объяснить, что Ю. В. Андропов и следующий за ним руководитель страны К. У. Черненко (февраль 1984 — март 1985 года) не сделали заметного шага в интерпретации новой нравственной ситуации в обществе? Переход к новому этапу был не совсем обычным. Опыт прошлого глобального периода свидетельствует, что переход к седьмому этапу был результатом не только дискомфорта состояния,

² Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса... С. 22.

³ Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР: Доклад на торжественном заседании 21 дек. 1982 г. // Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., 1983. С. 5-19.

⁴ Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса... С. 27, 30.

⁵ Пленум Центрального Комитета КПСС 14-15 июня 1983 года: Стенографический отчет. М., 1983. С. 124-125.

возникающего как реакция на дискредитацию умеренного авторитаризма, но также и остаточного дискомфорта состояния, накапливавшегося на протяжении всего глобального периода. Это несло угрозу отрицания не только предшествующего этапа, но и господствующего нравственного идеала всего глобального периода и, следовательно, псевдосинкретизма как основы для его интерпретации правящей элитой, угрозу отрицания ценностей всего глобального периода, как это уже имело место в конце прошлого периода. Рассмотрение положения в стране через призму исторического опыта создавало основу для общей тревожности, напряжения в обществе, увеличивало страх перед изменениями. Исторически сложившийся опыт интерпретируется разными социокультурными группами различно. Страшный опыт прошлого, зафиксированный в псевдосинкретизме, включал инстинктивный страх перед наступлением локализма с его войной всех против всех, подрывающей возможности решения медиационной задачи. Этот страх мешал правящей элите совершать шаги, которые могли рассматриваться как ослабление исторически сложившихся механизмов интеграции общества, прежде всего власти медиатора, как попустительство локальным силам.

Тем не менее перелом произошел. Приход к власти М. С. Горбачева (март 1985 года) ознаменовал начало седьмого этапа псевдосинкретизма, вступление страны в полосу реформ, аналогичных по своему духу и значению реформам седьмого этапа прошлого глобального периода, когда, кстати говоря, понятие «перестройка» также использовалось.

Переход к седьмому этапу означал нечто большее, чем результат массовой критики обанкротившегося умеренного позднего авторитаризма, доведшего до предела слепоту, неспособность оценить реальную ситуацию и подспудные разрушительные процессы при одновременном стремлении заткнуть рот разномыслию. *Переход к седьмому этапу означал, что обратная глобальная инверсия, идущая от крайнего авторитаризма, преодолев две вялых инверсии (господство идеала всеобщего согласия, а затем умеренного авторитаризма), вышла на финишную прямую. Начался решающий рыбок инверсии, идущей от крайнего авторитаризма к противоположному полюсу — к соборности, к торжеству локализма.* Локализм выступал прежде всего как результат слабости культурных интеграторов, ослабления на этом фоне административных интеграторов, как смещение субъектов монополии на дефицит вниз, т. е. шел процесс, обратный преобладавшему в первой половине глобального периода. Власть, монополия на дефицит смещалась от центра к ведомствам, регионам, респуб-

лика и т. д. и дальше вниз, т. е. к отдельным сообществам и даже к их частям. Но этот процесс шел и еще дальше, доходя до отдельного человека, что совпадало с отмечаемым социологами процессом приватизации интересов⁶.

Этот поворот, как и все предшествующие, нуждался в новой интерпретации правящей элитой, в разработке новой, седьмой версии псевдосинкретизма, приспособленной к коренным образом изменившимся условиям решения медиационной задачи. *На этот раз в модели псевдосинкретизма на первый план вышел либеральный идеал, который был положен в основу соединения всех иных идеалов. Был введен принцип плюрализма, гласности, взят курс на демократию. Все остальные идеалы, поскольку они могли вступить в диалог, рассматривались как голоса плюрализма. М. Горбачев провозгласил новое мышление, суть которого заключалась прежде всего в разрыве с манихейством, со всей предшествующей идеологией, жестко противопоставлявшей своих и чужих.*

Либеральная интерпретация фактически означала выход псевдосинкретизма за собственные рамки, его самоотрицание. Новая версия была, по сути, прямо противоположна сталинской, где псевдосинкретизм отрицался абсолютизацией тождества ипостасей, отказом от разномыслия вне концлагеря. Теперь признание разномыслия означало отказ от рассмотрения его как временного этапа на пути к единой и единственной Правде. Этот поворот доказал *возможность перехода псевдосинкретизма в либерализм. Он одновременно означал отказ — осознанный или нет, это другой вопрос — от нравственных оснований, на которых держалось общество с 1917 года. Это был поворот, который по своим масштабам и значению приобрел характер перехода к иному типу суперцивилизации, по крайней мере в сфере духа.*

«КОНЧИЛОСЬ ЦАРСТВО ХАМОВО»

Как и Александр II, *М. Горбачев получил страну в полном расстройстве. Хозяйство подошло к границе необратимых катастрофических изменений. Общество вело преступную, не отвечающую национальным интересам войну в Афганистане, резко усиливавшую международную изоляцию СССР. Вооружение производилось выше всяких разумных пределов с точки зрения как внутренних возможностей, так и требований внешней безопасности. Страна выступала для близких и далеких*

⁶ Ядов В. А. Становление личности: общественное и индивидуальное // Социологические исследования. 1985. № 3.

народов как носитель смертельной иррациональной опасности. Престиж высшей власти снижался. Она все более явно теряла контроль над хозяйственными процессами. Сложилась уродливая структура хозяйства. Накапливались техническое отставание от Запада, устаревшая техника, истощение и удорожание ресурсов. Росла общая дезорганизация. Сложилась значительная безработица, износ основных средств труда достиг уровня, беспрецедентного в мировом масштабе. Страна тонула в грязи нравственной и экологической. Ранее казавшиеся безграничными ресурсы рабочей силы истощились, что само по себе требовало перехода к интенсивным формам развития. Сельское хозяйство продолжало поглощать ресурсы, не давая должной отдачи. Рост поголовья скота мог иметь место лишь в результате громадных покупок фуражного зерна за рубежом. Падало плодородие земель. Эффективность использования ценнейших ресурсов оставалась одной из самых низких в мире.

Социологические исследования демонстрировали слабое стремление к новшествам, желание закрепить низкий уровень труда в сложных неадекватных условиях, т. е. тогда, когда реальное разрешение проблем требовало увеличения шага новизны, выхода за рамки исторически сложившихся возможностей. Неспособность к этому порождала негативные нравственные деструктивные процессы в труде, в воспроизводстве. Исследования показывают, что «недоверие к переменам глубоко проникло в плоть и кровь». Новшества рассматривались как внешние, как нечто преходящее: «Обойдется и на этот раз». Это представление о навязанности перестроечных инноваций сочеталось с существованием «низкого уровня трудовой мотивации у большинства работников, отсутствием заинтересованности напряженно и качественно трудиться», что, кстати, как отмечает автор, не является новым выводом. «Профессиональная деятельность в общественном производстве перестала быть в центре интересов личности, уступив место семейно-бытовым установкам. Все большее число своих потребностей работники пытаются реализовать вне сферы труда», что свидетельствовало о распаде производства, о натиске локализма. Не существовало достаточно четкой связи производителя и потребителя. «На периферию общественного сознания оказались вытесненными мотивы общественного диалога, общественной пользы, ориентации на потребителя. Значительная часть опрошенных (38%) высказала неуверенность в том, что выполняемая работа необходима людям». Большинство «не видит связи между конечным результатом и своими личными усилиями», без чего нет развитого утилитаризма. «Трудовая пассивность, низкий уровень претензий, поддерживаемый уравниловкой,

приводят к утрате профессиональных навыков и умений». Все это крайне затрудняло формирование имеющих шансы на успех проектов реформ, в частности потому, что «для работника со слабой трудовой мотивацией положительные стимулы практически бездействуют... Существующие типы работников значительно отличаются от тех, на кого рассчитан новый хозяйственный механизм... не обладают инициативностью, предприимчивостью, целеустремленностью»⁷. В этой ситуации всякие попытки двинуться вперед превращались в поворот назад.

Возможности науки резко отставали от катастрофического нарастания проблем. Общество выступало не как носитель разумного, соразмерного проблемам социального заказа, но прежде всего как носитель идеологических требований, опасющийся науки как фактора дестабилизации. Результативность фундаментальных исследований падала. Анализ показывает, что «период застоя оказался для второй волны НТР... значительно более сильным тормозом, чем сталинские репрессии и военные разрушения для первой волны НТР»⁸. Выявились, что многие гигантские дорогостоящие проекты были фактически истреблением ресурсов. Например, в регионах, где мелиорация получила наибольшее развитие, производство зерна снизилось. Усилилась зависимость важнейших отраслей промышленности от западной технологии. Дистрофия технологии, организации труда, воспроизводства в каждой точке нарастала. С октября 1983 года начала падать месячная производительность. В 1984 году впервые после войны упала добыча нефти, вывоз которой давал 60% твердой валюты⁹. Низкое качество товаров закрывало путь на мировые рынки. Между тем Япония приближалась к рубежу двукратного превышения национального дохода на душу населения по сравнению с СССР. Потуги «догнать и перегнать» выявили свою полнейшую утопичность. Главная проблема, однако, коренилась глубже этих внешних проявлений скрытого, по сути безысходного для данной системы кризиса общества. Для понимания этой ситуации ни советская наука, ни правящая элита не располагали соответствующим категориальным аппаратом.

В начале седьмого этапа, как и в начале соответствующего этапа прошлого глобального периода, возникла идея коренных реформ. Это не было случайным совпадением. Хотя

⁷ Беляева И. Ф. Материальное стимулирование в новом хозяйственном механизме// Социологические исследования. 1989. № 3. С. 7, 8, 3, 4, 6, 9.

⁸ Несветайлов Г. А. Большая наука в большом обществе// Там же. 1990. № 11. С. 44-45.

⁹ Голдман М. И. Горбачев как экономист// Вопросы истории. 1991. №5. С. 109.

идеи реформ могли возникнуть и раньше, тем не менее здесь они сделались особенно настоятельными. Именно на этом этапе ощущение банкротства исторически сложившегося порядка стало очевидным, угроза катастрофы ощущалась в возрастающих масштабах. Критическое отношение к установившемуся порядку неуклонно нарастало. Все это вынуждало наиболее дальновидную часть правящей элиты встать на путь реформ. Для этого были нужны громадные нравственные и интеллектуальные силы. Диссиденты были выпущены из лагерей и психушек, был возвращен из ссылки академик А. Сахаров.

Как на последнем этапе прошлого глобального периода, когда давление духовной элиты было тем фактором, который постоянно стимулировал правящую элиту, Николая I и Александра II встать на путь реформ, так и теперь нравственная и духовная элита, гонимая и рассеянная, постоянно предлагала обществу альтернативу. Горбачев пошел навстречу этому естественному союзу правящей и духовной элиты. «Кончилось царство хамово» (слова матушки Фроси из документального фильма «Сказы матушки Фроси о монастыре Дивеевском», 1989).

Предшествующие версии псевдосинкретизма, пронизанные манихейской идеологией, никогда не были внутренне последовательными, но всегда утилитарно конъюнктурными. Они опирались на представления, что любая логика может быть нарушена внешними и внутренними силами зла, вредителями, империалистами, алкоголем и т. д. Опыт прошлого, его негативные аспекты рассматривались в манихейском духе как результат ошибок, злонамеренности, непоследовательности, недостаточной радикальности и т. д. Этот своеобразный личностный фетишизм, т. е. попытки объяснить историю, сложные массовые события злой волей явных и скрытых носителей мирового зла, имеет глубокие корни в тотемическом мышлении. Еще Аввакум говорил о действиях своих мучителей: «Не их то дело, но сатаны лукавого». Теперь же нравственный идеал, отбросивший манихейство, должен был давать иное объяснение неудачам. Например, Горбачев говорил: «Мы еще не создали эффективного механизма реализации целей политики перестройки в центре»¹⁰. Здесь ответственность за все позитивное и негативное возлагается на «Я», на «Мы». В прошлом причина негативно оцениваемых явлений возлагалась на «Они», в лучшем случае на ту часть «Мы», которая еще не совершила партиципацию (например, на недостаточно созна-

¹⁰ Горбачев М. С. Вступительное слово на Всесоюзном совещании представителей рабочего класса, крестьянства, инженерно-технических работников// Правда. 1990. 19 янв.

тельных), или на находящуюся в состоянии отпадения, т. е. переходящую к «Они». Таким образом, выявился коренной разрыв со старым мышлением.

ПРАВСТВЕННЫЙ ПОВОРОТ

Седьмой этап возник как наиболее радикальный из всех предшествующих этапов второго глобального периода. Был открыт путь инакомыслию, разномыслию, многопартийности, свободному слову и мысли. Либеральный идеал впервые после 1917 года и во второй раз в истории страны занял господствующие позиции. Новый идеал основан на обобщении всех великих человеческих ценностей, на духовном наследии страны, на ликвидации далеко зашедшего отчуждения, на выдвижении гуманистических принципов на первый план.

Господство нового идеала можно рассматривать как попытку людей, достигших крайних форм отчуждения от своих собственных производственных, управленческих, духовных функций, вернуться к самим себе, к естественному здоровому смыслу, к повседневности, как отказ от ставших бесчеловечными социальных отношений, отказ от оценки человеческой мысли, творческого импульса как психической болезни. Общество, та его часть, которая пришла к власти, ужаснулись нравственному упадку, государственности, где методы уголовного мира применялись к гражданам, к мысли, к целым народам, где даже достижение гуманизма — медицина — превращалось в инструмент террора, орудие палача. Нравственное сознание независимо от его содержания не могло слишком долго нести на себе ответственность за этот мир. Жертвы диссидентов не были напрасны.

Чтобы новый идеал утвердился, нужен был глубочайший кризис всей системы, осознание угрозы национальной катастрофы. Выдвижение общечеловеческих ценностей на первый план вместо ранее господствовавшего манихейского классового принципа было идеологическим культурным поворотом не в масштабе этапа, но в масштабах глобального периода. Был отвергнут идеологический опыт предшествующих этапов. Новый антиманихейский идеал стал в центре теории и практики правящей элиты, в основе программы перестройки, что требовало привлечения антиманихейского опыта человечества.

Делая очередной шаг, М. Горбачев встречался с новыми проблемами и новыми потребностями общества и открыто шел им навстречу. Это была не столько последовательность политика, который внимательно оценивал свой шаг с точки зрения

общей расстановки политических сил, и не столько последовательность ученого, руководствовавшегося абстрактной логикой теории. Это была прежде всего нравственная последовательность человека, верящего в свой долг и ответственность, в необходимость спасения страны от нарастающей разрушительной дезорганизации. Нравственный поворот был необходим, но лишь как основа для дальнейшей конкретизации, для проработки на основе новой нравственности социальных, политических, экономических и других проблем общества. *Абстрактность идеалов перестройки проявила себя прежде всего в резком разрыве между ростом духовной активности и отсутствием соответствующих сдвигов в социальных отношениях.* Эта абстрактность была непосредственно унаследована не только от прежних правителей, но и от диссидентов, которые не были достаточно озабочены превращением своих нравственных представлений в глубокие системы социальных, экономических интерпретаций. *Идеи перестройки при всей своей радикальности опирались на уже давно накопленное русской интеллигенцией культурное богатство, прежде всего на основное заблуждение интеллигенции, на веру в народ-тотем, в то, что его освобождение от внешнего давления, от анти-тотема приведет к спонтанному восстановлению самореализации идеала народной жизни.* Эта радикальность оставалась в рамках уже сложившейся культуры большинства. Представление об идеале народной жизни меняется в разные периоды. На этом этапе идеал интерпретировался через идеи рынка и демократии как абсолютная, инверсионная противоположность господству дорыночного натурального хозяйства.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Отказ от цензуры, от однопартийного монолога означал возможность выхода наружу ранее скрытых голосов, которые даже не подозревали о существовании друг друга. Общая картина, однако, оказалась весьма специфической, не сводимой к формуле демократического плюрализма, господства либерализма. *Господствующий идеал фактически приобрел веховой-либеральный, точнее, соборно-либеральный характер.* Россия уже накопила определенный опыт господства этого идеала на последнем этапе прошлого глобального периода, который, однако, в последующей истории был плохо понят. Как и всякий гибридный идеал, основанный на отождествлении различных, возможно — противоположных, исключаящих друг друга систем нравственности, он нес в себе тайну своих внутренних различий. Массовое разоблачение тайны неизбежно означало

бы распад идеала. Ошибочная трактовка нового идеала заключалась в рассмотрении его через дуальную оппозицию «либерализм — антилиберализм» (или «демократия — реакция»), тогда как в России на первый план всегда выступала дуальная оппозиция, потенциально заложенная внутри вечевоего идеала, т. е. «соборность — авторитаризм». Интерпретация новой идеологии правящей элитой пошла по пути первого варианта. Либеральная интерпретация сдвига в массовом сознании была наиболее далекой от массового сознания.

Реформаторы воспринимали реальность в исторически сложившихся формах интеллигентского сознания, которое, как об этом свидетельствует исторический опыт, включало стремление слиться с массовыми ожиданиями народа, представляя, интерпретируя их через ценности интеграции целого, одновременно мучительно стремясь преодолеть противоречия между тем и другим. *Перестройка, следовательно, несла в себе весь груз противоречий прошлого, возрастающих трудностей решения медиационной задачи, противоречий между уравнительным массовым сознанием, ориентированным на статичные локальные ценности, и жизненно важными потребностями общества, которые стимулируются развитием утилитаризма, потребностями в росте и развитии.*

Либерализм в России внутренне пронизан древним вечаевым содержанием, и тем больше, чем больше он рассчитан на массовую поддержку. Однако на это принято закрывать глаза. «Любой человек всегда, во все времена готов к свободе. Даже тот, кто не вполне осознает, и тот, который якобы не хочет. Демократия — это то, до чего дозрели все и что делает человека человеком»¹¹. Подобная точка зрения является либеральной разновидностью основного заблуждения интеллигенции. Здесь демократия — предмет веры, некоторая абстрактная презумпция. Свобода — историческое понятие, и вся человеческая история включает в себя борьбу за свободу, т. е. за ее расширение и углубление. Дуальная оппозиция «свобода — несвобода» в конкретно исторических условиях имеет конкретную меру. Абсолютное противопоставление свободы и несвободы существует только в логике как некоторая абстрактная предпосылка любых основательных конкретных рассуждений о свободе и несвободе, о путях и способах постоянно устанавливать меру свободы, искать историческую последовательность переходов одних ее форм в другие.

Широко распространена точка зрения о необходимости перейти от концепции «централизованного ускорения сверху» к

¹¹ Попов Г. Х. Корень проблем. М., 1989. С. 70.

концепции «самодеятельного ускорения всех звеньев»¹². Здесь — букет представлений, идущих из седой древности, но переведенных на язык современной науки, приводящих к идее необходимости сокрушить, «сломать административную систему». Именно в этом случае чудесным (т. е. инверсионным) образом будут решены все проблемы или, во всяком случае, будет создана для этого основа. Однако эта вера никак не соответствует ни опыту мировой истории, ни историческому опыту России. Эти идеи опираются на древнюю веру, что все беды происходят не от собственной конкретно-исторической ограниченности, а от внешнего зла, носителем которого является начальство, отделяющее народ от возможности эмоционального взаимопроникновения смыслами с тотемом. Можно согласиться с тем, что централизованное управление не слишком подходит для осуществления модернизации (хотя и не безусловно, так как обычное противопоставление централизации и децентрализации следовало бы превратить в разговор о развитии конкретной их меры). Естественен вопрос, откуда в наших консервативных исторических условиях возьмется «самодеятельное ускорение всех звеньев»? Гораздо больше оснований полагать, что локальные миры будут стремиться укреплять свою монополию на дефицит (как теперь любят говорить — усилится «групповой эгоизм»), т. е. ответят на потрясения, связанные с общим кризисом системы, на попытки изменить сложившийся порядок дальнейшей активизацией своих исторически сложившихся ценностей.

Смысл соборно-либерального идеала заключается в том, что массовые движения рабочих, крестьян, жителей городов и деревень структурированы прежде всего локальными ценностями и, выходя на общегосударственный уровень, неизбежно прибегают к либеральной лексике, терминологии, лозунгам. Именно используя этот язык, можно выйти за рамки своего огорода и приобщиться к проблемам целого, что, впрочем, не мешает скрывать за новыми словами старое содержание. Без учета этой неадекватности языка массовых движений, неспособности локализма без идеологических одежд подняться до общегосударственных ценностей, невозможно понять суть происходящего на седьмом этапе.

Раскол как причина этой гибридности порождает не только отсутствие массового действительно либерального движения, но также и отсутствие реального консервативного движения, имеющего свою последовательную неутопическую программу, опирающуюся на устойчивые традиции, несущую в себе неко-

¹² *Попов Г. Х.* Второй съезд// Огонек. 1989. № 50. С. 5

торую реальную альтернативу. То, что принимается за консерватизм (например, так называемый учредительный съезд КП РСФСР), в действительности просто-напросто результат страха архаизированной бюрократии перед хаосом перемен, в которых они интуитивно видят опасность катастрофы. Подобные настроения — результат того консервативного базиса, которым они пытаются управлять. Однако в принципе эти люди, так же как либералы, находятся в состоянии раскола с носителями массовых локалистских ценностей, в той степени, в какой они реально втягиваются в управление.

Суть этапа перестройки можно понять, только учитывая, что буквально каждая клеточка общественной активности страны, каждая инновация пронизана скрытым расколом между соборным и либеральным нравственными идеалами. Этот раскол проявляется в бесконечном количестве форм, например, в ограниченном диапазоне возможностей ответственности людей за общество. Соборный идеал ориентирован на сохранение статичных традиционалистских структур и ценностей, стремится, насколько это возможно, замкнуться в ограниченных рамках локального мира. Хотя советская социология не различала эти типы нравственных идеалов, тем не менее она улавливала важные особенности соборного идеала. Они заключаются в том, что стремление управлять уменьшается при переходе от локальных групп к большому обществу. Например, А. В. Чаянов писал, что «крестьяне, привыкшие главенствовать в одной-двух семьях, не сумеют руководить десятками и сотнями семей, организованных городскими властями в кооперацию „по горизонтали“, т. е. в колхоз»¹³. Чаянов опирался и на значительный опыт прошлого, когда крестьяне не были заинтересованы даже в выборе своих представителей на уровень волости. Они говорили выборным: «Иди, батюшка, говори там, что хочешь, только нас не трогай». Аналогичную картину можно видеть среди рабочих. По некоторым исследованиям, доля участвующих в управлении рабочих на уровне предприятий в среднем в 8—10 раз меньше, чем в коллективе производственного участка. При этом на уровне предприятия участвуют в управлении от 1,6 до 6,9% рабочих, причем само это участие носит пассивный характер¹⁴. Эта тенденция подтверждена последующими исследованиями и носит устойчивый характер. Подобная ограниченность объяснялась тем, что субкультура предприятий унаследована от сельских локальных сообществ, от артелей городских работников. Поэтому поиск в них либеральных форм активности является неправо-

¹³ См.: Балязин В. Возвращение// Октябрь. 1988. № 1. С. 171.

¹⁴ Активность личности в социалистическом обществе. М., 1976. С. 172-177.

мерной экстраполяцией. Поиск этих форм должен опираться на исторические основания, на определенные накопления либерального культурного богатства, существование которых в каких-то значимых масштабах в среде рабочих также весьма проблематично.

РАБОЧИЕ

Перестройка возникла как возглавляемая правящей элитой, первым лицом мощная попытка кардинального поворота в истории, как всесторонняя критика предшествующего опыта, как решительное отрицание самой основы опыта второго глобального периода, т. е. как попытка нащупать новую альтернативу. От периодически возникавших критических всплесков каждого из советских этапов седьмой этап отличался тем, что критика исторического опыта здесь объективно приближалась к полному отрицанию всего опыта предшествовавшей советской истории, хотя сами вожди перестройки не дошли до логического конца в этом отрицании. Независимо от субъективных представлений этих людей страна подошла к рубежу новой попытки выйти за рамки инверсионных альтернатив, накопленного опыта двух предшествующих периодов. Иначе говоря, речь шла, независимо от степени понимания событий политиками, о переходе на новый уровень цивилизационного развития, о переходе от промежуточной цивилизации, отягощенной расколом, от состояния общества, «застрявшего» между традиционной и либеральной суперцивилизациями, к цивилизационному прорыву, о попытке действительного перехода наконец-то к либеральной суперцивилизации.

Каковы были возможности этого перехода, как они сложились на этапе перестройки?

Этот вопрос имеет целый ряд аспектов. Важнейший из них заключается в выявлении движущих сил этого процесса, в анализе развития достаточно мощного социокультурного слоя, который мог бы играть роль движущей силы. В этой связи важен социокультурный анализ рабочих, которым я не уделил должного внимания выше, но не только из-за ограниченности места, но и из-за недостаточной культурной самостоятельности этого слоя. В российских условиях рабочие крайне медленно рвут свои связи с традиционной крестьянской ментальностью не только ввиду слабости культурных основ урбанизации, но и по причине исторической связи развития промышленности с крепостной деревней, а не с передовым городом.

При исследовании рабочих в России наиболее ярко открывается важный аспект двойственности господствующего идеала

на этапе перестройки. Кадровые рабочие в конце XIX века существовали как отдельные группы в Москве, Петербурге, в городах Польши¹⁵. Экономист и публицист Н. Суханов (1882—1940) видел в русских рабочих переходный класс от потенциальных земледельцев. «Ушедшие в город элементы и составляющие основные массы современного пролетариата не имеют возможности порвать с деревней и хранят связь с ней как необходимое условие настоящей своей жизни и будущей», — писал он. В 1918 году в Петрограде, сосредоточившем цвет русского рабочего класса, более четверти рабочих оставалось неграмотными, лишь 37,2% имели законченное начальное образование¹⁶. Лишь 19,6% рабочих были горожане по происхождению, 79,1% были уроженцами деревни. Русские рабочие постоянно пополнялись за счет деревни. Культурно-психологический стереотип массового крестьянского сознания оставался преобладающим в их среде. Тем более, что удельный вес рабочего населения страны был невелик. По данным академика С. Струмилина (1877-1974), в 1897 году общее число рабочих и «прислуги» составляло 7,3% населения страны, в 1917 году — 10%¹⁷. Данные большинства советских исследователей, склонных, как правило, к преувеличению численности рабочих в России накануне революции, близки к приведенным. Ленин видел базу пролетарского самосознания в крупной промышленности. Однако в 1917 году в ней работало 3,4 млн. рабочих из общего числа 15 млн. Следовательно, указанные 10% следует снизить до 2,3%. Ленин впоследствии высказал мысль, что действительным рабочим может считаться человек, проработавший на предприятии не менее десяти лет. Если учесть эту точку зрения, то приведенную выше численность рабочих в 3,4 млн. нужно снизить примерно наполовину. При населении страны в 169,4 млн. (1913 год)¹⁸ вряд ли можно было всерьез рассматривать идеи о построении государства рабочих. Впрочем, Ленин был слишком реальным политиком, чтобы действительно на это рассчитывать. Те русские рабочие, которые имели постоянную работу, не были самым бедным слоем.

В период господства псевдосинкретизма рабочие были привязаны к системе псевдоэкономики возможностью получения на предприятиях определенных благ, дефицита, квартир, дополнительного снабжения, доступа к детсадам и яслям, ис-

¹⁵ Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. СПб., 1900.

¹⁶ Дробижев В. З., Соколов А. К., Устинов В. А. Рабочий класс советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1975. С. 89.

¹⁷ Струмилин С. Г. Два года диктатуры пролетариата. 1917-1919. М., 1919.

¹⁸ Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 432.

пользования своей легальной работы для иных целей и т. д. Они полагали, что установление другой системы может повысить требования к работнику и закрыть истощающие предприятия источники дохода рабочих (например, использование рабочего времени для «левой» работы). Они не хотели капитализма, так как опасались требовательного хозяина, не дающего поблажек, повышения интенсивности труда, опасались соревнования на рынке труда, так как считали, что кто-то хитрый их всегда обманет. Во время авралов они работали много и подчас с большим напряжением. Однако в целом ощущалось падение интереса к общественному труду.

Ценности этой современной почвы консервативны, так как они включают боязнь перемен. Но они не тождественны консерватизму старой крестьянской почвы. Городская организация ориентирована на значительно более свободную личность. Эта организация позволяет покидать предприятия. Возросшая независимость человека открывает путь дальнейшему развитию ценности личности.

Исследования показывают, что главная опасность, которая может исходить от организационно самостоятельного рабочего движения, заключается в том, что «его мощь может быть направлена против демократизации общества, обновления советской экономики, что оно может стать тормозом перестройки. Тормозом тем более страшным, что тогда рабочее движение легко соединится с консервативными силами»¹⁹. В целом сложившийся в условиях псевдосинкретизма слой рабочих воспроизводит своей повседневной деятельностью псевдоэкономику. Ее крах представляется для рабочих катастрофой. Они составляют мощный социальный слой, который существует в органическом единстве с системой господства дорыночного хозяйства, принудительной циркуляции ресурсов, включая соответствующую систему цен. Рабочие — действующее лицо системы монополии на дефицит. На рабочих сильное влияние оказывают правые популисты, для которых характерен «антибюрократизм, недоверчивое отношение к интеллигенции, критика власти в основном за коррумпированность (а не за неэффективность руководства)»²⁰. Последнее наблюдение крайне важно. Оно свидетельствует о преобладании традиционалистского сознания среди рабочих, которые предпочитают не достигательные ценности, ценности развития и прогресса, но озабочены в первую очередь борьбой с оборотнями зла. Это при-

¹⁹ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Рабочее движение: издержки и приобретения// Правда. 1990. 18 янв.

²⁰ Бызов Л., Гуревич Г. Перемены в политическом сознании// Аргументы и факты. 1990. № 7. 17-23 февр.

водит к акциям, производящим удручающее впечатление. Например, в г. Зеленограде 14 февраля 1990 года состоялся забастовочный митинг, в котором участвовало более 50 тыс. человек с 23 предприятий, в защиту следственной группы Т. Гдяна. Они потребовали отставки Прокуратуры СССР, которая выступила против незаконных арестов, длительного содержания под стражей членов семейств подследственных, против других злоупотреблений этой группы²¹. Очевидно, в системе ценностей забастовщиков ценности права, неприкосновенности личности не занимали значимого места, но преобладал страх перед оборотнями зла, о которых, как это обычно бывает в таких случаях, никаких конкретных изобличающих материалов у борцов с мировым злом не было. По сути дела, это явление того же порядка, что и массовые манифестации недавнего прошлого с требованием смертной казни «врагов народа».

Рабочие в своей массе не склонны поддерживать частную инициативу, рост личной ответственности, т. е. они не выходят за границы традиционализма, сдобренного утилитаризмом. В рамках сложившегося порядка они могут предстать мощной, даже решающей силой в борьбе против синкретической государственности за смещение фокуса власти вниз, к локальным сообществам.

Анализ социально-профессиональной структуры рабочего класса показывает, что научно-индустриальным трудом занято всего 13%, тогда как домашинным, доиндустриальным и раннеиндустриальным трудом — 35%. В обществе, следовательно, существует определенная часть работников, которые отражают «вчерашний день общественного труда»²². Некоторые авторы пишут о «люмпенизации трудящихся»²³, что связано с тем, что тяжелым ручным трудом занято около 50 млн. человек; в промышленности — 34,9%, в строительстве — 56,4%, в сельском хозяйстве — около 70%²⁴.

Эти цифры свидетельствуют о том, что общество практически не прошло индустриализацию, что существуют мощные пласты архаичных форм труда, которые в конфликте с современными формами, несомненно, окажутся сильнее, будучи массовой силой, определяющей культурную и нравственную атмосферу в обществе. Неблагоприятное влияние на

²¹ Аргументы и факты. 1990. № 7. 17-23 февр.

²² Гордон Л. А., Назимова А. К. Социально-профессиональная структура современного советского общества: характер и направление перемен // Рабочий класс и современный мир. 1983. С. 70.

²³ Стариков Е. Н. Маргиналы // В человеческом измерении. М., 1989. С. 191.

²⁴ Народное хозяйство СССР в 1986 г. М., 1987. С. 109.

развитие рабочих оказывал характер индустриализации, которая по сути всегда была устремлена на восстановление уже пройденного по мировым стандартам уровня производства. Сталинская индустриализация была нацелена на восстановление технологического уровня, сложившегося еще до первой мировой войны, связанного с первой промышленной революцией, с универсальной металлообработкой, низким качеством стали и т. д. После второй мировой войны восстанавливалась устаревшая довоенная промышленность. Все это стимулировалось не только уровнем квалификации творцов технологической политики, но и массовым уровнем исполнителей. Это, в свою очередь, давало недостаточный импульс для развития рабочих.

Не следует думать, что это — специфика советского периода. Отставание унаследовано от прошлого. В капитальном исследовании, анализирующем период еще до первой мировой войны, можно прочесть: «Низкий уровень общего развития русского рабочего, историческая его некультурность... представляли мало оценивавшееся до сих пор, но громадное препятствие развитию русской промышленности». Это касается и труда в сельском хозяйстве. Автор говорит о «примитивности его (населения) рабочих навыков в сельском хозяйстве»²⁵. Ошибка модернизаторов страны заключалась в том, что отсталость работника — не просто один из неблагоприятных технических факторов, который можно относительно просто устранить (одновременно избивая носителей высших уровней культуры и квалификации в каждой точке), но фундаментальная характеристика жизни общества, изменить которую труднее всего. Речь идет не только о квалификации, но о менталитете. Не следует забывать, что большая часть истории рабочих в России происходила в период крепостничества, и сами они представляли собой одну из форм крепостной зависимости. Первые крепостные мануфактуры — металлургические, текстильные, солеварные и другие — возникли в первой половине XVII века. Их работники не занимались торговлей. Они не стремились стать собственниками и взять свою личную судьбу в собственные руки, организовав свое дело. Рабочие в России не знали социального партнерства с теми, кто организовал производство и рисковал всем, предоставляя им возможность работать. Рабочие развивались не как полюс общества, на основе взаимопроникновения с другим полюсом (т. е. частным предпринимательством), но как элемент традиционного поряд-

²⁵ *Григинецкий В. И.* Послевоенные перспективы русской промышленности. 2-е изд. М., 1922. С. 155, 154.

ка. Они постоянно переходили от стремления слиться с государственностью к желанию ее разгромить и обратно.

Забастовки в России глубоко отличны от забастовок на Западе. В конце XIX — начале XX века в России они были более кровавыми. Если стачки в США были попыткой рабочих «отстоять и утвердить личную собственность и свободу», то русская же «стачка, с точки зрения социально-психологической, была восстановлением в новой форме не успешших еще позабыться норм и ориентаций общинно-коллективистского сознания. Она была протестом против частной собственности в ее наиболее чуждой русскому пролетарию форме — капиталистической собственности, полным неприятием буржуазного индивидуализма»²⁶. Иначе говоря, смысл этих забастовок носит прямо противоположный характер. В первом случае рабочие стремились приблизиться к либеральным целям, тогда как во втором — утвердить локалистские ценности на городской почве. Требования забастовщиков показывали, что они не являлись авангардом либерализации. Рабочие России, вышедшие из крестьянства, но не прошедшие через развитую городскую культуру, не прошедшие школу рынка, конкуренции, предпринимательства, ближе к вечевому идеалу, чем к либерализму.

Проблема забастовок имеет еще один важный аспект. Забастовки на Западе направлены прежде всего против отдельной фирмы, тогда как в России они были направлены в конечном итоге против единственного владельца собственности, т. е. центральной власти. В условиях нарастания локализма забастовки могут стать мощным тараном, способным сокрушить интеграцию общества.

Самоуправление рабочих шло от общинного управления крестьянского мира²⁷ и не могло иметь на протяжении своей истории либерального характера²⁸. Надежды на рабочее самоуправление как на демократический институт, который, кроме всего прочего, может сыграть важнейшую роль в экономической реформе, в организации рынка, иллюзорны.

Хотя удельный вес городского населения резко возрос, тем не менее специфическая городская культура, сопряженные с этим сдвиги в менталитете не соответствовали темпу роста городского населения. Этот процесс происходил одновременно

²⁶ Кантор К. М. Стачка — специфическая форма борьбы рабочего класса // Стачки: история и современность. М., 1978. С. 46.

²⁷ Рабочий класс России от зарождения до начала XX века. М., 1989. С. 132.

²⁸ См.: Ахизер А. С. Культурные предпосылки самоуправления рабочих // Производственно-экономические предпосылки становления рабочего самоуправления. М., 1988.

как один из аспектов антимедиаии, истребляющей высшую культуру, уничтожающей ее очаги. Фактически урбанизация в значительной степени была псевдоурбанизацией — процессом, связанным с быстрым переселением значительного количества сельского населения в город, что приводило к общему снижению уровня городской культуры, росту в ней влияния традиционализма. Новое общество возникло на волне антиурбанизма, враждебности к городу, городской культуре. Удельный вес активного меньшинства среди населения города и в производстве составляет всего от 1 до 10% и менее²⁹. Город в новом обществе превратился в некоторый побочный продукт и условие индустриализации, в результат псевдоэкономики.

А КАК ЖЕ С КРЕПОСТНИЧЕСТВОМ?

Специфика расколотого общества заключается в том, что различные пласты общества могут до поры до времени двигаться в противоположных направлениях, до тех пор пока это не вызовет взаимного разрушения. Поэтому рост влияния либерализма на этапе перестройки происходил при одновременной активизации прямо противоположных процессов. Одно из важнейших явлений, которое антагонистично либерализму и тем не менее фантастическим образом может с ним сочетаться, — это крепостничество.

«Правда» через пять лет после начала перестройки писала: «Найм перестал быть свободным делом каждого. Куда ни повернись человек труда — ограничения и запреты. И на прописку, и на квартиру, ежели нет прописки, а прописки не может быть, если нет квартиры. Замкнутый круг — и только! А тут еще плата... Значит, отныне рабочий, инженер, врач, ученый, журналист — в полной зависимости не от самого себя, своих знаний и талантов. И даже не от каких-то там профессиональных конкурсов. А лишь от того, сочтет кто-нибудь из промышленных и иных „меценатов" возможным заплатить за работника изрядную сумму. Причем аппетиты местных властей трудно поддаются какой-либо логике. В Люберцах „новая душа" стоит даже дороже, чем в Москве или в Киеве.

Если раньше закрепощали людей колхозами, не выпуская из сельской обители, то теперь — в города не впускают. Какая же разница? Лишь в приемах, а не в существе. Но и этого „не пущать" теперь показалось мало: кроме усиления административных, ввели еще экономические рогатки. Изначальная суть

²⁹ Глазычев В. Л. Развитие воспроизводственной сферы: программа «завод-город»// Рабочий класс и современный мир. 1986. № 3. С. 49.

— держать всех и вся в узде — почти не меняется. Наоборот, крепнет местничество, расцветает „региональный эгоизм“...

Замедлился приток свежих сил, затрудняется разумная мобильность кадров, снижается демографическая подвижность населения. И общество словно оказалось разделенным на водонепроницаемые отсеки...

Наверное, после знаменитых венских соглашений легче сменить теперь одну страну на другую, чем город на город, прописку на прописку в своем любимом Отечестве».

Далее говорит директор объединения «Конвейер»: «Прежде всего меня удивляет некая всеобщность этих правил, нигде и никем публично не обсуждаемых. Причем горисполкомы сами устанавливают лимиты и сами же назначают и взимают одинаковую плату и с тех заводов, которые построили свои добротные микрорайоны, как наше объединение, и с тех, которые, образно говоря, гвоздя не вбили».

И далее автор корреспонденции А. Никитин продолжает: «Вот ведь еще чем оборачивается „подушная подать“! Да и не очень она вяжется с правом свободного выбора места жительства, правом на труд. Наконец, с принципами регионального хозрасчета в том смысле, что любая подобная плата должна исчисляться и взиматься только с дохода, а не с... расхода. А как быть тому, за кого столь же механически „заплатили“? Каждый может упрекнуть его... Купили тебя на „наши“ деньги! Значит, попал в кабалу?»³⁰.

Налицо выход крепостничества из скрытых локальных структур. Самые храбрые и радикальные власти терпели здесь поражение, а другие власти, например, сталинская, черпали потенциал для восстановления крепостничества во всех его формах. В последующие после сталинского этапа годы крепостничество усиливалось или ослаблялось на верхних государственных уровнях, но что именно творилось в бесчисленных локальных мирах?

Сохранение крепостничества, соответствующих ему общинных форм собственности имеет мощную поддержку в обществе. Оно не идет по линии традиционно понятых правых и левых. То же было и в конце прошлого глобального периода, когда крайне левый Ленин защищал общинные идеалы. Такую же позицию защищали те, кого называли реакционерами. К ним примкнуло либеральное Временное правительство, которое отменило направленные против общины столыпинские реформы. То, что колхозные формы собственности защищались в годы перестройки не только деревенскими феодалами, но и са-

³⁰ Никитин А. Подушная подать. Почему она воскресла в наши дни?// Правда. 1990. 10 янв.

ими рядовыми колхозниками, которые даже не делали попыток использовать перестройку для отказа от них, неожиданным образом доказывает органичность колхозов для этих людей.

А. Стреляный пишет о своей матери из бедняцкой крестьянской семьи, что она, пережившая коллективизацию, «в дальнейшем отношении к колхозному строю все более смягчалась» и сегодня «смотрит на вещи примерно так же, как я смотрел в пионерские годы, в то время как мое отношение все ближе подходит к ее тогдашнему. Вы не поверите, когда умер Брежнев, в моей деревне старики плакали... Крестьяне почувствовали вкус беспечной и сравнительно при этом сытой (в смысле неголодной) жизни»³¹. В свете этого исторического опыта понятной становится мысль Б. Ф. Поршнева, которую воспроизвел академик В. П. Маслов: «Наполеону не удалось избавить русских крестьян от крепостного права, вызвав крестьянскую войну, а Гитлеру, играя на собственнических инстинктах, уничтожить колхозы. И в том, и в другом случае крестьяне не были к этому готовы»³². Утилитаризм усилил возможность приспособиться к новым условиям, колхозники использовали приусадебные участки, эксплуатировали разными средствами ресурсы колхоза и совхоза, возможности получения денежных средств разными путями и т. д. Все это означало, что *крестьянство по сравнению с временами коллективизации приобрело определенный опыт освоения утилитаризма. Но путь этот еще не довел крестьян до такого уровня утилитаризма, когда возникает стремление стать хозяином, регулярно работающим на рынок.*

Колхозы защищают силы, тяготеющие к архаичным формам жизни. Блок общественно-патриотического движения России заявлял в 1989 году, что «надо всерьез считаться с традиционным свободолобием российского крестьянства, с его приверженностью артельному началу»³³. Здесь под свободой понимается независимость крестьянских артелей (т. е. колхозов) от высших этажей власти. *Подобное понимание свободы противостоит государственной версии крепостничества, но весьма далеко от свободы личности. Более того, это лозунг несвободы, так как артельный, общинный идеал включает зависимость личности от локальной общности, которая и лежит в основе крепостничества. Это, кстати, еще один при-*

³¹ Стреляный А. В человеческом измерении. М., 1989. С. 133.

³² Маслов В. П. Экспертизы и эксперименты// Новый мир. 1991. №1. С. 245.

³³ Из предвыборной платформы блока общественно-патриотических движений России// Советская Россия. 1989. 30 дек.

мер, как либеральное понятие интерпретируется в вечевом духе. Особенно ярко аналогичную позицию выразил писатель В. Распутин, который поддержал колхозы как преемников русских общин³⁴. С этой точкой зрения спорят те, кто противопоставляет колхозам частную собственность. «Наши земледельцы остаются в фаланстерах крепостными»³⁵.

Перестройка, как и реформы Александра II, означала отказ от господствующих государственных версий крепостничества. Но высшая власть не могла изменить исторически сложившиеся ценности локальных сообществ. Поэтому спор по поводу крепостничества будет решаться в конечном итоге соотношением сил между соборно-общинными ценностями и стремлением их преодолеть, что возможно на основе утилитаризма и либерализма.

МОЖЕМ ЛИ МЫ ПРИНИМАТЬ ЭФФЕКТИВНЫЕ РЕШЕНИЯ?

Важнейший вопрос, перед которым в годы перестройки встала страна (независимо от того, осознано ли это общество или нет), заключался в том, какой глубины и масштабов решения общество может принимать, окажутся ли эти решения способными привести к сложнейшему переходу к либеральной цивилизации. Прецеденты, которые зафиксированы в историческом опыте, мало обнадеживали. Достаточно вспомнить, что аналогичная проблема во всей своей остроте уже стояла после февраля 1917 года. Тогда общество не сумело реализовать альтернативу, перейти из промежуточного состояния к либеральной цивилизации.

Прежде всего необходимо иметь в виду существенную смену организационной основы принятия решений на всех уровнях. Речь идет о нараставшем стремлении общества отказаться от принятия значимых решений через механизм партии нового типа, который приспособлен к хромающим решениям в силу ситуации, навязываемой расколом. На первый план вышли советы, освобожденные от опеки партии. Способствовал ли этот новый механизм поднятию эффективности значимых решений?

При оценке возможностей советов не следует забывать, что они зародились как соборные формы управления, по самой своей природе предназначенные для регулирования отношений

³⁴ *Распутин В. Г.* Осознавая себя россиянином// Советская Россия. 1990. 1 июля.

³⁵ *Можжаев Б. М.* Мужик// Правда. 1990. 2 ноября.

в рамках локального мира на основе эмоциональных механизмов. В тех случаях, когда советы организовывались на уровне большого общества, вплоть до Верховного Совета всей страны, они неизбежно приобретали иной характер, становились элементом медиатора, нуждались в подпорках административного управления. Кроме того, советы, лишённые возможности административной власти над ресурсами на подведомственной территории, не могли стать организационными центрами местного развития, так как они не опирались на частную инициативу. Не погруженные в среду частной инициативы, не располагая ресурсами, они не могли вообще принимать серьезных хозяйственных решений.

Эти обстоятельства оказались, однако, недоступными пониманию законодателей, так как они мыслили в усеченных либеральных категориях, исходя из моделей либерального общества.

Между тем наблюдения показывают, что хотя партия как инструмент принятия хромающих решений оказалась серьезно ослабленной, тем не менее практика принятия таких решений продолжалась. Иного и невозможно было предположить, пока существовал раскол. Это можно было наблюдать в деятельности высших законодательных органов власти, несших в себе взаимоотрицающие друг друга элементы вечевого идеала и правового государства. В этих органах депутаты группировались не по платформам, а по «делегациям». Каждая из них защищала определенный «местный интерес», что создавало предпосылки для «перераспределительных коалиций» дефицита на всех уровнях.

Реальный и авторитетный парламент может отвечать своему назначению, лишь будучи погруженным в среду, где преобладают значительные массы людей, способные видеть пути и средства воплощения своих локальных интересов через включение своего локального мира в общую воспроизводительную деятельность общества, путем воспроизводства целого через часть и одновременно части через целое. Если такая среда отсутствует или ее элементы слабы и не достигают некоторой критической массы, то в таких органах власти возможно проявление элементов земского собора. Одна из его функций заключалась в том, что сословия, низы доводили до сведения царя свои бесконечные локальные нужды. Вместе с тем эта власть — источник вечевого возмущения, способного смести всякую власть во имя торжества локализма, ликвидировать ее как центральную, ответственную власть. Такие органы, по сути дела, несут в себе неразрешимое противоречие, раскол между локализмом и стремлением формировать боль-

шое общество на основе права. При этом, кажется, мало задумываются над тем, в какой степени общество, где нет рынка, нет представления об абстрактном эквиваленте различных ресурсов, где стекло меняется на трубы, а право на работу — на квартиру и т. д., может жить по законам правового государства. В России само представление о законе оторвано от представления о праве и закон расценивается как насилие власти, как нечто, навязанное властью и не имеющее под собой нравственной основы. Но тем самым сам Бог позволяет постоянно обдуривать власть, т. е. ответить на ее решения видимостью согласия, а затем действовать в противоположном направлении, усиливая общую дезорганизацию.

Расколотость, двойственность высших органов власти связана с парадоксальным массовым стремлением общества использовать демократические формы в неадекватных условиях, т. е. в обществе, в котором преобладало воспроизводство традиционного типа. В этом типе общественного воспроизводства нет рефлексивной задачи поддержания, постоянного формирования интеграции общества при постоянном стремлении к развитию, что не способствует формированию демократии.

Иллюстрацией может быть попытка Горбачева рассматривать развитие машиностроения как ключ к решению всех проблем, что фактически было ставкой на сохранение воспроизводства псевдоэкономических форм. Продолжалась широкая практика принятия разрушительных дезорганизующих хромающих решений. Например, в октябре 1985 года была запрещена в Москве и Грузии торговля сельскохозяйственными продуктами лицам, которые не имеют отношения к их производству. Однако в мае 1987 года было разрешено индивидуальное, семейное и кооперативное предпринимательство. Но затем посреднические кооперативы были запрещены. По словам Л. Абалкина, заместителя председателя Совета Министров СССР в 1989-1990 годах (он говорил о политике правительства), «происходит как бы постоянная смена курса движения не по прямой линии, а зигзагом»³⁶. По сути дела история страны после вступления на путь модернизации всегда шла по пути хромающих решений. Сами переходы от одного этапа к другому были одной из форм хромающих решений. Перестройка, подавив организационные формы, приспособленные к этим решениям, однако, не отменила, да и не могла отменить этот странный способ принятия решений. Разумеется, можно людей, которые принимали такие решения, обвинять в неком-

³⁶ Абалкин Л. И. Неиспользованный шанс: Полтора года в правительстве. М., 1991. С. 113.

петентности, но где те смельчаки, которые осмелятся бросить камень в грешников? Кто безгрешен? Миллионы рабочих и крестьян, повседневно формировавших социокультурную среду общества, которая не слишком стимулировала развитие более интеллектуальных форм труда и, следовательно, культурную атмосферу для принятия эффективных решений на всех уровнях? Ученые в сфере общественных наук, которых общество заставило прежде всего воспроизводить «хромающую» идеологию? Тайные мыслители, которые с ужасом вспоминали, спустили ли они, уходя из дома, в унитаз свои записи, за которые неизвестно что полагается? *Нам винить некого.*

Преодоление практики хромающих решений возможно лишь как аспект преодоления раскола. Оно достижимо на основе развития сложных решений, учитывающих реальность раскола, раздвоенность любого решения. Для этого нужен переход на более высокий уровень массового понимания социокультурной реальности общества.

ИЛЛЮЗИИ ПЕРЕСТРОЙКИ

Правда заключается в том, что перестройка была основана, как, впрочем, и все предшествующие этапы, на некоторых иллюзорных представлениях, скрывающих существование раскола. На седьмом этапе, *в условиях отказа высшей власти от манихейства, в условиях утверждения ценностей плюрализма и гласности, общество оказалось безоружным перед тем, что плюрализм в действительности стал полем открытых столкновений сторон расколотого общества.* Они не сдерживались ослабевающей властью и постоянно стремились вцепиться друг в друга. Теперь власть не пыталась их направить против некоторого антитема, и они без стеснения ринулись в бой друг на друга. Эта полемика не доходила еще до крайних пределов, до погрома, до вооруженных столкновений, но и она носила черты взаимонепонимания и даже взаимного недоумения по поводу того, что можно придерживаться противоположных взглядов. Раскол, который до сих пор иллюзорно маскировался под борьбу с мировым империализмом, вдруг обнаружился в результате краха идеологии у себя дома. Общество оказалось неподготовленным к тому, что возможны цивилизованное сопоставление и борьба разных точек зрения.

Грозная опасность заключалась в постоянном усилении недовольства в обществе не только чисто экономической ситуацией, ростом удушающего дефицита, но прежде всего тем, что широкие слои почувствовали себя в значительной степени обманутыми. Те ценности, за которые они в той или иной степе-

ни боролись, которые придавали их жизни высший смысл, оказались ложными, и об этом сообщили не зарубежные враги, не отщепенцы и диссиденты, а жрецы самой системы. Либеральная интерпретация событий встретила значительное неприятие. «Всё не то. Всё не так», — писал читатель Л. Белов из Воронежа. «Перестройка пошла совсем не в том направлении, как ожидали люди». И никак нельзя утверждать, что подобные настроения единичны. Например, как показывала редакционная почта, и раздражения, и недовольства хватало. «По поводу чего раздражение? Да, если хотите, по любому поводу»³⁷.

Вновь выявилось традиционное недовольство Верховным Советом, как и всяким парламентским органом: «Опять разговоры, дискуссии, бесконечные полемике» (Л. Салова из Костромы). Старое отношение к парламенту как к говорильне продолжало иметь место. В ужас приводили требования отказа от конституционного закрепления руководящей роли КПСС. Возмущало прекращение гонений на религию. Сама попытка ввести демократию и гласность вызывала дискомфортное состояние: «Все разрешается — и митинги, и какие-то сомнительные издания, и всякие неформальные движения» (А. Гладков из Керчи). Многие считали, что выборы ничего не дадут, так как они по-прежнему верили во всемогущество начальства, которое и повернет выборы в свою пользу. По отношению к прессе особенно часто применялись слова «вовсю распустилась»³⁸.

В массовой атаке на кооперацию среднее звено власти пыталось объединиться с народом, с широкими слоями, настроенными против предпринимательства. В условиях альтернативных выборов это могло быть немаловажным фактором. Например, глава Моссовета В. Т. Сайкин принятое в январе 1990 года решение исполкома, которое поставило 50% кооперативов в Москве под угрозу закрытия, оправдывал тем, что это было сделано «в соответствии с требованиями трудящихся». Важно отмеченное Л. Савельевой «стремление на все сложные вопросы найти простые ответы». «Быть может, именно отсюда идет и упорное желание, переходящее в агрессивность, обвинить во всем перестройку, которая ничего, кроме смуты, людям не дала?» (К. Воропаева, Москва). Сомнение, нетерпение, раздражение, как пишет Л. Савельева, «содержатся в большинстве писем».

³⁷ Савельева Л. Читая почту. «Всё не так. Всё не то»// Известия. 1990. 25 янв.

³⁸ Комаровский В., Корняк В. Как настроен избиратель// Известия. 1990. 30

Возрастающее раздражение, агрессивность всегда имеют свой авангард, который угрожает обществу террором и гражданской войной. Например, начальник Псковского клуба ДОСААФ писал: «Я готов вступить добровольцем в вооруженные формирования для участия в гражданской войне против реставраторов частной собственности. Я готов умереть с голоду, но не унижаться материальной зависимостью от владельца частного капитала»³⁹.

Можно, конечно, поставить под сомнение репрезентативность этих писем. Однако следует обратить внимание на то, что «никто не выходит на митинг с требованием закрыть фабрику, выпускающую негодную обувь или непомерно дорогую мебель. Никому также не приходит в голову расхаживать с транспарантом, призывающим ликвидировать убыточное производство, хотя оно обирает народ не хуже, а „лучше“ кооперативов»⁴⁰. *Любовь к госсектору имеет вполне конкретный источник — тысячелетнее господство традиционализма, переросшего в синкретическую государственность, которая берет на себя человеческие заботы, растворяя личность в своей синкретической целостности.* История страны сложилась так, что лишь 15% заявляли о себе как о сторонниках частной собственности и рыночной экономики⁴¹; по другим данным, 20% считали себя сторонниками рынка и частного предпринимательства⁴².

В обществе происходили сложные процессы. «Явно снижается порог допустимых ожиданий, соответственно возрастают надежды на немедленный эффект, например потребительский»⁴³. Неуклонно росла тревожность, предчувствие чего-то ужасного, непредвидимого. Никто не знает, так как этого никто не изучал, какова реакция людей, которые *вдруг узнали*, в котором они жили и к которому как-то приспособивались, — дискомфортный мир ужаса, несовместимый с человеческим существованием, *что жизнь, труд миллионов людей ушли на создание псевдожизни.* Понятный монолог тотема сменился плюрализмом.

Разумеется, люди с различной личностной культурой расценивали эту ситуацию по-разному. *Сильнейший критический*

³⁹ *Воцанов П.* НесЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ// Комсомольская правда. 1989. 12 дек. (курсив мой. — А. А.).

⁴⁰ *Бергер М.* Расцвет на грани ликвидации// Известия. 1990. 19 янв.

⁴¹ *Попов Н.* Спросите у народа// Советская культура. 1990. 27 янв.

⁴² *Годов А., Гражданкин А., Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н., Левада Ю., Седов Л.* Наши надежды// Огонек. 1990. № 15. С. 3.

⁴³ *Левада Ю. А.* Какие ресурсы сегодня исчерпаны?// Постигение. М., 1989. С. 72.

импульс мог стать стимулом для творческого поиска пути, пусть длинного и сложного, к изменению ситуации. Но люди, придерживающиеся инверсионного типа мышления, могли реагировать и реагировали иначе. Вопреки официальному отказу от манихейства росло постоянное стремление описывать наши проблемы, движение перестройки в манихейских оппозициях: в процессе постоянных поисков врагов перестройки. *Те или иные негативные события объяснялись «антиперестроечными силами», кознями номенклатуры, бюрократии, коррумпированных элементов, мафии и т. д.* Более того, депутаты, собрания народных депутатов постоянно усматривали в доводах оппонентов мотивы, призванные якобы защищать корыстные интересы скрытых аморальных групп. Манихейские идеи подчас представлялись в наукообразной форме.

Правящая элита пыталась в конечном итоге найти выход на пути углубления либерального подхода к проблемам. Постепенно в этом движении страна практически перешла ту грань, которая в свое время на соответствующем этапе прошлого глобального периода ознаменовалась тем, что обычно называли февральской революцией 1917 года. Быструю и сравнительно безболезненную потерю партией монопольного права на единовластие, падение ее реального авторитета, полную неспособность высшей власти противостоять валу локализма невозможно объяснить с позиций общей убежденности в твердокаменной неспособности идеологии псевдосинкретизма к изменениям. Однако это находит простое объяснение в общей модели псевдосинкретизма, которая несет в себе возможность господства либеральной ипостаси, ее реализации. Насколько прочно и с какой полнотой эта ипостась реализует себя в рамках псевдосинкретизма на определенных этапах циклического глобального периода — это особый вопрос. На этом этапе про страну можно было сказать то, что сказал в апреле 1917 года приехавший в Россию из эмиграции Ленин: «Россия сейчас самая свободная страна в мире...»⁴⁴ Разумеется, эти слова следует понимать с некоторой оговоркой. *Свободной может быть лишь страна, где люди рассматривают свободу как высокую ценность, где сама свобода развивается как способность личности преодолевать ограниченность своих способностей и ответственности и обеспечивать соответствующее развитие свое и общества. Общество же на этапе перестройки характеризовалось ростом воли, т. е. освобождением от обязанностей, от внешних факторов, авторитетов.* Страна несомненно занимала первое место по стремлению превращать

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 114.

любое распоряжение власти в повод для неповиновения, дезорганизации, по проповеди в печати антисемитизма и т. д.

Опыт жизни после февраля 1917 года свидетельствует, что общество не сумело воспользоваться плюрализмом и гласностью для выхода на путь либерального развития, для поиска основ демократического общества, но это не закрывает путь поиску альтернатив.

ЛОКАЛИЗМ И ГОСУДАРСТВО

Локализм вышел на последнюю прямую, движимый стремлением уйти от тоталитаризма, авторитаризма, от высших центров власти, от государственности вообще. Процесс шел к атомизации общества, к бесконечному распаду на локальные миры, на сообщества, где все знают друг друга. Налицо инверсионная ловушка, господство представлений, что все беды прошлого исчезнут, установится идеальное общество, если как можно дальше уйти от дискомфортной ложной жизни. Идея локализма, получившая новое название «суверенизация», как пожар, охватила все общество.

Б. Ельцин, став во главе РСФСР, провозгласил лозунг суверенитета вплоть до местных советов. Локализм, следовательно, как определенное движение и одновременно как идеология проник на высший уровень власти России. Практически Ельцин, будучи в 1990-1991 годах председателем Верховного Совета РСФСР, столкнулся с локализмом как фактором, раздирающим Россию на части, с тем, что получило название войны суверенитетов, войны законов даже внутри России. Тогдашний председатель Комитета конституционного надзора СССР отмечал общераспространенность идей локализма: «Ни у кого не вызывает сомнения то обстоятельство, что если то или иное государственное образование или даже административно-территориальное подразделение страны объявило в отношении самого себя „полный суверенитет“, то оно с сего момента вправе делать все, что угодно, принимать любые решения, совершать любые акции»⁴⁵. Локализм пытался нащупать свою традицию. Например, в Луганске вдруг вспомнили, что в 1918 году существовала Донецко-Криворожская Советская республика, которая на правах федерации отошла от Украины к России. Сторонники этого движения на определенных условиях выступали за автономию в рамках Украины⁴⁶. Красноярский крайсовет летом 1991 года принял решение о

⁴⁵ Алексеев С. С. Ставка слишком велика!// Известия. 1991. 12 янв.

⁴⁶ Киселев С. Луганск отделяется// Литературная газета. 1990. 31 окт. С. 10.

создании Енисейской республики, включающей Русский, Таймырский и Эвенкийский автономные округа; появились проекты создания Сибирской республики со столицей в Новосибирске и Дальневосточной республики со столицей в Хабаровске. Тюменская область, «подавшись эпидемии суверенитетов, распалась, по сути, на три части. Два северных округа, где расположены все месторождения нефти и газа... требуют власти над недрами. Пока же, однако, пыл уходит на дележку продуктов и ширпотреба, завезенных по бартеру. А интересы хантов, манси, ненцев, чем оправдывались притязания на суверенитет, забыты»⁴⁷.

Локализм распространялся на все уровни общества, что неизбежно приводило к усилению борьбы между ними. *Руководство РСФСР, охваченное волной локализма, выступило в масштабе СССР как передовой отряд локализма, требующий республиканского суверенитета, что нанесло жесточайший удар общесоюзной государственности и воодушевило локалистские силы как на разных уровнях государства, так и в различных регионах и на территориях внутри РСФСР и в СССР в целом.* Это несло угрозу не только государственности СССР, но и Российскому государству в принципе. Борьба между Горбачевым и Ельциным, какими бы мотивами ни руководствовались лично эти лидеры, была высшей формой ожесточенного столкновения между исторически сложившейся формой интеграции общества в масштабах СССР и локалистскими силами. На стороне Ельцина было решающее преимущество, которое в России всегда приводило к победе — разогнавшаяся инверсионная волна. На стороне Горбачева была традиция российской государственности, которую, однако, постепенно покидали живые силы общества, прекращая воспроизводить целое, необходимые для этого ресурсы и отношения.

Против сохранения исторически сложившейся государственности действовала исключительная слабость существовавших культурных интеграторов — эта старая особенность Российской империи, которую советская идеология смогла преодолеть лишь на время. Второй, не менее важный фактор, действовавший в этом направлении, заключался в том, что исторически сложившаяся интеграция включала множество народов с разными уровнями развития и с разнообразным историческим опытом, причем территории части из них в свое время были захвачены военной силой, сами они подвергались в прошлом геноциду. Движение этих народов к независимости несло в себе опасность различного рода местных кон-

⁴⁷ Бинкин Б., Огнев И. От Троцкого к Адаму Смиты? // Известия. 1991. 15 июня.

фликтов. Ситуация осложнялась и тем, что в обществе плохо осознавались различия между государственной интеграцией, опиравшейся на представление о единстве русского народа, его культуры, и интеграцией разных народов. Защита этой смешанной интеграции в условиях роста национального самосознания, происходившего на фоне активизации локализма, была безнадежным делом. Однако сохранение интеграции на уровне России могло иметь шансы при условии спада инверсионной волны локализма. В борьбе российской государственности и государственности СССР проявился аспект, который можно было бы назвать курьезным, не будь ситуация столь трагична. Борьба руководства Российского государства была не борьбой империи с покоренным народом, как это пытались изобразить некоторые, но борьбой двух вариантов российской государственности, проявлением ее внутреннего кризиса, когда на волне локализма любые различия между уровнями интеграции управления имеют тенденцию превращаться в конфликт. Среди людей, боровшихся и голосовавших в парламенте за суверенитет России, т. е. практически за ликвидацию СССР, были и люди, настроенные имперски, которые одновременно или последовательно боролись за сохранение империи. Это логически бессмысленное сочетание может быть объяснено лишь господством логики хромающих решений.

В сложившейся ситуации М. Горбачев проникся *необходимостью экономических реформ*. Потребность в них вызывалась, с одной стороны, тем, что высшая власть более не располагала минимумом ресурсов, необходимых для сохранения своей роли как высшего держателя дефицита. Она оказалась неспособной обеспечить минимальный прирост производства. С другой стороны, усиливался нажим снизу, росла активизация локализма.

Идея реформы возникла как попытка легализовать, упорядочить, осмыслить неуклонно идущий процесс локализма, охватывавший производство, распределение и вообще все элементы жизни. Из-под контроля государства вырвались цены, зарплата; предприятия, регионы, республики стали сами распоряжаться своей продукцией. Это было победой нижних и средних уровней держателей дефицита над центральной властью. Было трудно осмыслить эти процессы, так как для этого не имелось соответствующего языка, соответствующей теории. Попытка этого осмысления была сделана на основе либерализма. Это был абстрактный либерализм, тощие выжимки которого культивировались у нас таким образом, что это позволяло описывать реальную битву разных уровней держателей монополии на дефицит в терминах либерализма, демократии и т. д.

Нарастание локализма описывалось как рост демократии. Появление иных идей, иная интерпретация локализма обществом не стимулировалась и не замечалась.

Общество, отступая под натиском локализма, нижних уровней держателей монополии на дефицит, пыталось осмыслить, упорядочить этот процесс, конструировало различные проекты реформ.

По мере того как ситуация все больше выходила из-под контроля, выдвигались все более радикальные проекты реформы и тем больше они приближались к идеалу полного разрушения сложившегося к началу перестройки порядка (административной системы, номенклатуры и т. д.). Еще в середине 1989 года экономическая ситуация находилась под контролем, на втором Съезде народных депутатов СССР в декабре было принято постановление, в котором сохранялась ориентация на пятилетку и о рынке упоминалось весьма глухо. Однако в начале 1990 года ситуация грозила стать уже неуправляемой. В марте 1990 года было принято постановление Совета Министров СССР, в котором говорилось об «ускорении перехода к рыночной экономике». В мае на третью сессию Верховного Совета СССР был вынесен доклад «Об экономическом положении страны и концепции перехода к регулируемой рыночной экономике». Политика высшей власти неуклонно развивалась в определенном направлении. Сдвиг, если пользоваться терминологией экономической науки, шел от кейнсианской модели к монетарной, сводящей к минимуму экономические функции государства. Политика смещалась в сторону «шоковых», «обвальных» вариантов реформы, угрожавших скачком цен, банкротствами, безработицей, спадом производства.

В первом квартале 1991 года произошло резкое ухудшение важнейших хозяйственных показателей. Власть под давлением держателей дефицита теряла способность контролировать цены. Складывалось впечатление, что сменяющие друг друга правительства в конечном итоге лишь приспосабливались к процессу повышения цен, препятствовать которому власть могла все в меньшей степени. Этот процесс начался еще после реформы 1965 года. В 1991 году он приобрел лавинообразный характер. Отсутствие эффективных механизмов снижения, сдерживания расточительных издержек производства, инфляции издержек ставило власть перед альтернативой: дотация из бюджета или повышение цен. Розничные цены и тарифы на товары народного потребления и платные услуги в мае 1991 года составили 192% по сравнению с маем 1990 года⁴⁸. Все

⁴⁸ Абалкин Л. И. Неиспользованный шанс: Полтора года в правительстве. С. 164.

труднее было административными методами сдерживать цены, и высшая власть скорее делала вид, что управляла этим процессом, чем реально его контролировала. В обществе, где господствовала монополия на дефицит, осознанное следование стремлению монополистов освободить цены от контроля означало, что реформаторы отступили под давлением этих монополий.

Цены росли под давлением вырвавшегося из-под контроля роста расточительных издержек производства. Правящая элита не имела концепции. Точнее говоря, в соответствии с практикой хромающих решений она придерживалась одновременно или попеременно по крайней мере двух взаимоисключающих концепций цен. С одной стороны, власть пыталась в духе традиционализма держать цены неизменными, даже снижать их, полагая, что тем самым обеспечивается стабильность общества и возможность определенного прогресса. Но, с другой стороны, власть эклектически следовала концепции развитого утилитаризма, которая открывала путь воздействию роста дохода на производительность, на рост и развитие, что открывало путь росту издержек производства, повышению цен. То, что эти два подхода разрушали друг друга, приводили к возрастающей дезорганизации хозяйства и общества, не принималось во внимание, во всяком случае, не занимало подобающего по значимости места в сознании реформаторов. Поэтому правительство чем дальше, тем больше отступало под натиском нарастающего издержки производителя в сторону повышения цен, что на определенном этапе перехлестнуло традиционный страх власти перед народным возмущением.

Политика эта не имела рациональной и продуманной основы. Она проводилась якобы для того, чтобы улучшить хозяйственную ситуацию, экономические показатели и в конечном итоге привести к развитию рынка. Очевиден явный обман зрения, когда под реальный процесс роста издержек и цен подводится некоторая удобная для данного случая уже известная экономическая концепция, которая и рассматривается как имеющая объяснительную силу и которую можно брать в качестве теоретической базы для проектов реформ. В действительности этот подход лишь отражает стремление общества, соответствующих групп психологически приспособиться к стихии, к вырвавшейся из-под контроля государства реальности. Здесь имеет место явная аналогия с выбором в прошлом в качестве основы для интерпретации российской реальности экономической теории Маркса, которая комфортно для определенных слоев общества «объясняла» российскую действительность как закономерно ведущую к «социализму». Этот

подход к реальности через готовые теории открывал путь для постепенного перехода к выбору все более либеральных концепций, т. е. таких, которыми можно было интерпретировать рост локализма как либеральный процесс, как процесс созревания демократии, рынка и т. д., таких, которые дают комфортную для либерально настроенной части общества интерпретацию событий.

Аналогичный курс проводило и правительство В. Павлова, который был «чистым» финансистом, проводил линию на дальнейшее ослабление вмешательства государства в хозяйство, перенося центр тяжести хозяйственной политики на сугубо бюджетные, финансовые процессы. Фактически эта политика была постепенной капитуляцией государства перед исключительной сложностью хозяйственной жизни. Тогда власть уже не имела другой возможности. Капитуляция инстинктивно прикрывалась верой, что отказ от вмешательства в хозяйство приведет к развитию экономики, к либеральной цивилизации, к рынку, рыночному социализму.

Капитуляция государства перед сложностью хозяйственных процессов фактически означала его банкротство как высшего держателя дефицита, как силы, определяющей принудительную циркуляцию ресурсов. Государство отступило перед держателями дефицита низшего и среднего уровня в результате неспособности воспроизводить ресурсы в масштабе исторически сложившихся потребностей.

НАСТУПЛЕНИЕ ЛОКАЛИЗМА

Представляется достаточно сложным определить, в какой степени нарастание локализма усиливалось сложившейся в годы перестройки политикой правительств, в возрастающей степени подпадавшей под влияние локалистской инверсии. Ясно, однако, что рост локализма пронизывал все общество. На предприятиях он проявлялся в стремлении прочнее овладеть потоками дефицита, которые связаны с деятельностью этого предприятия, получать за свой дефицит другой, более ценный дефицит. Предприятия в условиях, когда открылась возможность укрепить свою монополию на дефицит, склонны были сокращать ассортимент производимых товаров, который всегда поддерживался силой государственной власти. Теперь для укрепления своей монополии на дефицит предприятия смогли уменьшить реальный объем производства. Усиление монополии на дефицит проявлялось также в росте безудержного накопления сообществом дефицита всех видов, что усиливало об-

щую дистрофию, удушающее воздействие дефицита на общество.

Такого рода процессы могут охватывать целые отрасли, например, сельское хозяйство. Проявилась сильная тенденция накапливать продукты сельского хозяйства непосредственно у производителей даже в ситуации, когда другой части общества грозила гибель от голода. В Московском областном совете, в частности, собирались установить 50-процентный налог от выручки, «если продукция уйдет за пределы области»⁴⁹. Монопольное накопление дефицита неизбежно приводило к гибели его части не только в результате естественной порчи, небрежного хранения, использования не по назначению, на пятистепенные нужды и даже во вред обществу (например, хлеба на самогон), независимо от общей потребности в нем общества. Дефицит гибнет в результате прямого уничтожения излишних в данном сообществе ресурсов, занимающих склады, компрометирующих его держателя, грозящих издержками реализации, ослаблением монополии на дефицит и т. д.

Важнейшее проявление усиления монополии на дефицит у того или иного сообщества (например, предприятия) — расширение свободы в росте издержек, производственных и любых других, попросту говоря, расширение возможности транжирить без всякого для себя ущерба любые ресурсы. Все равно монополия на дефицит позволяет переложить любые издержки на потребителя. Например, ослабление давления государства на предприятия позволило на этапе перестройки возрасти расходам на управление на предприятиях по стране с 36 до 46 млрд. руб. Для сравнения следует отметить, что все расходы на центральные органы управления, которые в массовом сознании выступают часто как главный паразитический элемент, составляли всего 4 млрд. рублей⁵⁰. Следует отметить, что в этой ситуации некоторые кооперативы, удачно захватившие свой канал дефицита, получали высокие доходы при высочайших издержках и подчас крайне низких затратах труда.

Важной особенностью локальных миров, пошедших по пути локализма, было укрепление социальных связей на основе личных отношений ограниченной группы хорошо знающих, доверяющих друг другу лиц — держателей дефицита. Обратной стороной этого процесса стало отступление, подавление профессионализма, снижение способности, если она в той или иной степени была достигнута, подчинять отношения решению

⁴⁹ Панина Т. У разбитого корыта: Как душат и Московской области// Крестьянская Россия. 1991. 10 авг.

⁵⁰ Государственный бюджет — дело общее. (Телепередача.) М., 1991. 11 янв.

сложных проблем, т. е. подчинять структуру функциям. *Локализм всегда связан с подавлением жесткой структурой общества возможности изменять, совершенствовать функции деятельности.*

Локализм проявлялся в значительной степени в хозяйственной жизни, в разрушении хозяйственных связей, в таможенной войне, в попытках под разными предлогами и без предлогов отказаться от своих обязательств по поставкам дефицита (например, раздавались угрозы прекратить снабжение городов, прежде всего Москвы и Ленинграда). Подобные попытки «придушить» «мать городов русских» со стороны окружающих великорусских областей невольно вызывают вопрос — завершилось ли становление единого русского народа или общество продолжало еще жить в период господства племенных отношений?

Наступление локализма вызывало в обществе волны дезорганизации. Одна из форм борьбы локализма за свое утверждение — борьба за цены, которые в условиях господства монополии на дефицит имеют совершенно иной смысл, чем в условиях рыночного хозяйства. Всякое изменение цен — это прежде всего результат борьбы социальных сил, действующих подчас угрозами дезорганизации отраслей. Повышение цены может быть всего-навсего перекачкой средств от рядового потребителя к ведомству, которое выступает не только как мощная локальная сила, способная диктовать власти. Как ни парадоксально, но *в условиях господства монополии на дефицит фактором силы ведомства может быть его слабость, вызывающая страх общества, что крах отрасли лишит его жизненно важной, дефицитной продукции.* Тем самым эта отрасль может выкачивать бесконечные, неизвестно куда девающиеся средства. Ведомство может само следовать мощному нажиму своего персонала, требующего повышения зарплаты, что влечет за собой и повышение цен. При отсутствии рынка все это в лучшем случае игра с нулевой суммой, т. е. то, что дается одним, отнимается у других.

Правящая элита в условиях перестройки неуклонно отступала перед давлением локализма, силы, направленные на укрепление центральной власти, постоянно слабели. Это подрывало основы государственности, что проявлялось, в частности, в стремлении умножить собственность локальных миров, подчас путем прямого захвата государственной. Захватывались, например, государственные леса, территории заповедников, которые после этого подвергались хищнической эксплуатации. Перемещение собственности вниз означало слом запечатленной в ней исторически сложившейся воспроизвод-

ственной программы целого. Одновременно усиление монополии на дефицит в локальных мирах повышало зависимость личности от этих миров, ослабляя эффективность защиты ее государством от произвола местных властей. Именно здесь таится опасность активизации глубинных основ крепостничества, что не исключает и иных тенденций.

Локализм ярко проявлялся в сельском хозяйстве. При росте урожая хлеба сдача его государству снижалась. В 1989 году при валовом сборе зерна примерно 210 млн. тонн госпоставки составили лишь 58 млн. В прошлые годы при получении в среднем 195 млн. тонн госпоставки составили 73-74 млн.⁵¹ В 1990 году при урожае, близком к рекордному, госзакупки составили около 68 млн. тонн, на 20 млн. тонн ниже госзаказа. Доля сдачи зерна государству составила 29% от валового сбора. В 1991 году валовой сбор зерна составил не более 180 млн. тонн. При этом предполагалось, что «выжать» из совхозов и колхозов госпоставок удастся не более 42-43 млн. тонн, т. е. на 40% меньше, чем в 1990 году. Из них лишь половина могла быть использована на хлебопечение, производство макарон и круп. В среднем в обычные годы на продовольствие в СССР расходовалось 45-46 млн. тонн зерна. Дефицит продовольственного зерна, следовательно, существенно приблизился к 30 млн. тонн⁵². По России в 1991 году был намолочен 91 млн. тонн, а госзаказ составил лишь 22,5 млн. при потребности в 50 млн. тонн. Остальное должно было импортироваться, на что требовалось около миллиарда долларов в месяц⁵³. Министр продовольствия уже констатировал, что положение «критическое вследствие отказа населения продавать хлеб»⁵⁴. Но слова эти принадлежат министру продовольствия в правительстве А. Керенского А. В. Пешехонову. Очевидно, что описываемые проблемы могут быть поняты не изолированно в рамках того или иного этапа, но как важный аспект истории страны, не исчезающий в разных глобальных периодах.

Локализм активизировался на всех уровнях. Например, анализ выступлений на Всесоюзном совещании представителей рабочих, крестьян, инженерно-технических работников в январе 1990 года показывает, что «добрая половина ораторов отстаивает ведомственные интересы, налицо коллективный эго-

⁵¹ Милосердов В. Ох уж это сальдо// Литературная Россия. 1990. 3 авг.

⁵² Сизов А. Горы неоплаченных счетов вместо импортного зерна// Известия. 1991. 12 ноября.

⁵³ Хлеб — всему голова// Российские вести. 1992. № 4, 24 апр. С. 7.

⁵⁴ Бордюгов Г. А., Козлов В. А., Логинов В. Т. Куда идет суд?// Родина. 1989. №10. С. 75

изм, не учитывающий общего положения»⁵⁵. При этом любопытны были не только негативные хозяйственные последствия такого подхода, но и прежде всего удивительная инфантильность выступавших, которые боролись за ослабление власти высших уровней управления и одновременно против последствий этого ослабления.

Локализм приводил к снижению производства. Например, еще в 1958 году, имея большие надежды на целинный хлеб, Хрущев «освободил от обязанности поставлять зерно государству всю зону Нечерноземья. Думал: пусть ихнее зерно остается у них, будут кормить им скот. Черта с два! Они тут же свернули свое зерновое хозяйство, как будто оно не ихнее, это хозяйство, а чужое, его, хрущевское. Понадеялся на их сознательность, считал, что они чувствуют себя ответственными хозяевами. В Московской области, по сравнению с пятьдесят третьим годом, уменьшили посевы зерновых на 42 процента, изгнали гречиху. Что же у них вместо зерновых, вместо гречихи? Да то, что не требует труда и заботы, о чем все они, лодыри, мечтают, что спят и во сне видят — однолетние травы. Площадь под ними увеличилась в четыре раза, сена же берут 9 центнеров с гектара — стыдно смотреть на такую цифру»⁵⁶.

В самой этой реакции на ослабление административного нажима ничего удивительного нет, так как при отсутствии рынка потребительский интерес общества доходит до производителя главным образом через приказ чиновника. Удивительно другое: что богатая практика подобных негативных попыток оживления хозяйства как бы не существует для проектов реформ.

Локализм пронизал новую власть вплоть до самых ее верхов. Это выразилось, например, в изменении состава избранных депутатов. Раньше в Верховном Совете СССР «младший комсостав» был представлен лишь символически. Исключение составляли лишь колхозные руководители. В Верховном Совете СССР, избранном в 1989 году, их доля среди депутатов приблизилась к четверти⁵⁷. Поднятие вверх по капиллярам власти локалистских ценностей означало, что сама власть в большей или меньшей степени стала проводником массовых ценностей, среди которых существенное место занимает опережающее стремление к потреблению, к пользованию различного рода социальными программами и отставание потребности в производстве соответствующих ресурсов, стремление локаль-

⁵⁵ Известия. 1990. 20 янв.

⁵⁶ Стреляный А. Год личной жизни. С. 133.

⁵⁷ Назимова А. К., Шейнис В. Л. Выбор сделан// Известия. 1989. 6 мая

ного мира получить ресурсы из внешнего мира и минимизировать поставки своих собственных ресурсов. Этот разрыв, расширение которого раньше сдерживалось административной властью, в результате *прорыва локализма к высшим уровням власти* получил свое воплощение в катастрофических перекосах в бюджете, в инфляции, в попытках за счет чисто фиктивных манипуляций с доходами и расходами увеличить личные доходы. Возрастающее давление снизу стимулировало возникновение популистских правительств и парламентов, которые стремились прежде всего «удовлетворять потребности», а не создавать условия для умножения ресурсов. Ушедший в отставку министр финансов РСФСР писал про свое правительство: «Мы постоянно занимаемся раздачей денег и льгот, что ведет просто к банкротству России»⁵⁸. Под этим давлением общесоюзный бюджет в возрастающей степени превращался в бюджет социальной опеки. Более 100 млрд.— дотация к розничным ценам, 30 млрд.— жилищное строительство и дотация на содержание жилищного хозяйства. 67,5% расходов идет на социальные нужды. Принятые на 1991 год социальные программы требовали еще 47 млрд.⁵⁹ Все это происходило при отсутствии перспектив на рост соответствующих ресурсов.

ЧЕТВЕРТАЯ КАТАСТРОФА

События 19—21 августа 1991 года, получившие неадекватное название путча и приведшие к самоликвидации высшей власти в масштабе СССР и к последующему его исчезновению, *позволяют выдвинуть гипотезу: седьмой этап второго глобального периода, а вместе с ним и второй глобальный период в целом завершены*. Попытка переворота по сути дела была направлена на задержку этого процесса, на торможение нарастающего потока локализма. На 20 августа было назначено завершающее так называемый «ново-огаревский процесс» подписание нового союзного договора девятью республиками, которые еще соглашались на сохранение ослабленного варианта союза. Неудача переворота означала решающую победу локализма, крах общесоюзной государственности. Произошло событие, значение которого для судьбы страны и всего мира соизмеримо по масштабам с крахом общества первого глобального периода и переходом ко второму периоду в 1917 году.

Основная причина, которая привела общество к этому результату, заключается в том, что *события на протяжении*

⁵⁸ Федоров Б. Не хочу поддерживать иллюзии// Известия. 1990. 27 дек.

⁵⁹ Известия. 1990. 30 дек.

второго глобального периода, которые одним казались радикальной революцией, а другим — гибелью страны, не вывели общество за рамки исторической инерции сложившихся социальных альтернатив, за рамки экстраполяции накопленного исторического опыта на настоящее и будущее. Начавшаяся в результате банкротства крайнего авторитаризма волна локализма, испытав определенные колебательные движения, со второго удара привела общество к состоянию, близкому к противоположной крайности. Это означало катастрофическое нравственное и организационное ослабление воспроизводства, поддержки государства.

Окончание глобального периода определяется тем, что в рамках исторической инерции оказалась исчерпанной программа инверсионного цикла, круг возможных последовательных комбинаций господствующих нравственных идеалов. При всех поворотах, которые произошли в обществе за этот период, оно ни на одном этапе не поднялось до реализации принципиально новых социокультурных альтернатив, определяющих для общества в целом. Используя либеральные самооценки, общество, начиная с краха крайнего авторитаризма, шло по пути локализма, который в большом обществе нефункционален, утопичен, чреват непрерывными локальными и общими конфликтами. Его негативные последствия неизбежно вызывают массовое дискомфортное состояние, которое обрушивается прежде всего на «виновников» этого процесса, в качестве которых всегда выступают «начальство» и другие оборотни, т. е. группы, которые массовым сознанием рассматриваются как носители зла. В народе перестройка в конечном итоге вызвала дискомфортное состояние, росла ненависть к «начальству», которое «имеет дачи и думает только о себе». Первое лицо (М. С. Горбачев) потеряло свой сакральный характер и стало отождествляться с тем же начальством, что свидетельствовало о серьезной угрозе центральной власти, стабильности государства вообще.

Об окончании второго периода свидетельствовала потеря массового согласия на выполнение решений центральной власти, упразднение самого аппарата власти: президента, правительства, министерств и т. д. Власть не была разгромлена в результате заговора или восстания. Она испарилась. Общество лишило государство своей воспроизводственной социальной энергии, своих ресурсов. Горбачев, лавируя в этой отчаянной ситуации, оставлял одну ставшую безнадежной позицию за другой. Однако манихейский по своему характеру массовый отказ поддерживать центристскую политику сделал ее невозможной в буквальном смысле слова.

Либералы отказали Горбачеву в поддержке, требуя проведения реформ (хотя реальное их содержание продолжало оставаться некоторой абстракцией), а также ликвидации остатков старого аппарата власти (который обладал всем набором общеизвестных пороков, но при этом оставался единственной реальностью власти в масштабе целого). Этот конфликт между первым лицом и либералами усилил рост массовой враждебности к руководству. Отход либералов в оппозицию вывел их из-под непосредственного удара, направленного против центра. Эта ситуация, если ее сравнивать с шахматами, соблазняла своей возможностью начать атаку на незащищенного, лишенного фигур короля, овладеть центром бессильной власти и вдохнуть в нее жизнь, но на иной нравственной основе.

Правящая группа, окружавшая Горбачева, сделала попытку остановить поток локализма, нарастание всеобщего развала установлением жесткого авторитаризма. Она пыталась насильственно отстранить Горбачева, совершив тем самым государственное преступление. Самой любопытной подробностью этой попытки была, пожалуй, неспособность заговорщиков использовать свои многочисленные, бесспорно подавляющие вооруженные силы против людей, сплотившихся вокруг Президента РСФСР Б. Ельцина в Белом доме. Именно это обстоятельство, как никакое другое, бросает свет на суть исторических событий. Ими управляют какие-то совершенно иные силы, а не оружие и не авторитет центральной власти, начальства. Эти скрытые факторы оказались за пределами понимания заговорщиков, которые повторили неоднократно случавшуюся в истории России ошибку высшей власти или сил, на нее претендующих, — пытаться вести страну в противоположную ярко выраженному направлению массовой инверсии сторону. Иван Грозный пытался установить крайний авторитаризм тогда, когда в обществе господствовал умеренный. Александр I проектировал либеральные реформы, что не имело ни малейшей поддержки в обществе. Екатерина II также пыталась ввести либеральные изменения, но это не могло тогда встретить сочувствие.

Ставка заговорщиков на авторитаризм себя не оправдала, несмотря на то что в народе ощущалось усиление тенденций к сильной власти. Она, как полагали многие, сметет «болтунов-демократов», которые, как и всякое начальство, непременно воруют. В народе зрело стремление обрести власть, способную справедливо распределить имеющиеся ресурсы, подавляя спекулянтов, богачей, воров и т. д. И все же даже на фоне этих устремлений введения чрезвычайного положения потерявшей авторитет властью оказалось недостаточно для возврата авто-

ритаризма. Сами люди, которые пытались его утвердить, олицетворяли ненавистное начальство. Как сказала одна женщина в очереди: «Они уже все себе наворовали, а теперь просто борются за власть». Формула эта не очень точна, но достаточно ясно свидетельствует о массовых настроениях. Хотя в стране крепнет стремление к «порядку», что в России исторически всегда совпадало с авторитаризмом, однако ценности «порядка» не соединились с «начальством». Кроме того, очевидно, локализм еще не дошел до крайних форм дезорганизации, не изжил себя в массовом сознании.

В борьбе «начальства» против харизматического вождя первое всегда проигрывает. Б. Ельцин — харизматический вождь России — с безошибочным чутьем занял бескомпромиссную позицию и стал национальным героем. Провал заговора нанес последний удар обанкротившейся, подорванной локализмом центральной власти. Он повлек за собой крах всей сложившейся системы управления и прежде всего партии нового типа, старой государственности вообще.

Крах КПСС по своему значению несопоставим не только с поражением и уходом от власти какой-либо правящей партии на Западе, но даже со свержением однопартийного диктаторского режима в той или иной стране третьего мира. В России оказался разрушенным сам принцип, сами организационные основы власти, парадоксальным образом приспособленной к расколу, к необходимости принимать хромающие решения. Ликвидация власти партии — свидетельство не только банкротства власти, которая связывает часть и целое, части между собой, но и банкротства сложившегося на основе определенного нравственного идеала общества, распада его нравственных основ, идеологии, самоидентификации. Общество, как это было на последнем этапе прошлого периода, оказалось неспособным, во-первых, сдерживать дезорганизацию в приемлемых для существования общества рамках, обеспечивать необходимую интеграцию, во-вторых, обеспечивать необходимый минимум ресурсов.

Падение партии имело еще одно важное следствие. Советы, к которым теперь, казалось бы, должна была перейти власть, оказались нефункциональными. Падение власти партии нового типа означало фактически падение власти советов. В полной мере выявилась их неспособность реально управлять. Фактически, идея совета как некоторого соборного управляющего самодостаточного института не могла быть воплощена в большом обществе и неизбежно постоянно вырождалась, заменялась авторитарными формами (что и показала убедительно вся история СССР).

Раскол в правящей элите был тем толчком, который полностью дискредитировал уже до крайности ослабевшую под давлением локализма власть. Как и в прошлом, центральную власть некому было защищать, она распалась, растворилась в воздухе, оказалась как бы несуществующей. *Выявилось, что в минуту кризиса высшая власть великой империи, державшей в страхе весь мир, не имела реальных защитников, как не имели их царская власть и Временное правительство в 1917 году.* М. Горбачев — еще одна трагическая фигура в истории России. Его замыслы обернулись своей противоположностью. Его действия ускорили скрытую активизацию локализма, но не явились их причиной, как это многие наивно полагают. Его ошибки объяснялись неадекватным видением общества через абстрактный либерализм. При этом, однако, не следует забывать, что интеллектуальные силы общества мало сделали для создания адекватной духовной атмосферы, которая соответствовала бы сложности назревших задач. *Неадекватность решений, принимавшихся Горбачевым,— результат общего низкого уровня научного проникновения в реальность, господства мифов, превращения решения любой сложной проблемы в борьбу мифов.* Власть была перехвачена следующим уровнем, т. е. республиками. Вече трех славянских большаков, глав трех государств — России, Украины и Беларуси — политически возглавило процесс ликвидации СССР.

Очередная катастрофа государственности включала в себя по крайней мере два разнородных элемента. Она выглядела прежде всего как крушение империи, как распад на те государственные образования, которые и раньше признавались в качестве государств, хотя фактически не были таковыми. Распад империи, к которому никто не был подготовлен, означал, что в наследие будущему остается бесчисленное множество конфликтов, связанных не только со спорными территориями, но и с тем, что в сложной чересполосице народов стремление к независимости порождало *целую цепь дальнейших конфликтов между народами, населяющими республики.* В наследство остался также конфликт по поводу раздела собственности, армии, распределения ресурсов и их перевода на новые основы и т. д.

Распад империи означал упрощение системы, возможность решать накопленные проблемы в рамках менее сложных образований, опираясь на потенциалы, накопленные разными культурами в разных условиях. Однако запутанность, переплетение взаимных связей и неизбежный взрыв взаимных претензий, устрашающие перспективы борьбы за советское наследство требовали сохранения определенного консенсуса.

Крах империи неизбежно несет опасность катастрофических событий, не исключая возможности национальной катастрофы для тех или иных народов бывшего СССР. Сложность оставленных проблем превышает накопленный позитивный опыт их разрешения.

Все это относится и к собственно России. Ее специфика заключается в исключительной слабости культурных интеграторов даже для собственно русского народа. Это обстоятельство, осложняемое возможными конфликтами с другими народами, населяющими Россию, также несет в себе угрозу катастрофических последствий. Соответствующие процессы и должны стать предметом самого пристального изучения, но они лежат уже за рамками второго глобального периода.